

АМЕРИКАНСКАЯ

ГРЯЗЬ

После первых страниц
не дочитать до конца
просто невозможно
СТИВЕН КИНГ

ДЖЕНИН

КАММИНС

t.me/marketologmanager

Дженин Камминс

Американская грязь

Jeanine Cummins

AMERICAN DIRT

Copyright © 2019 by Jeanine Cummins

Published in the Russian language by arrangement with *Sterling Lord Literistic* and *The Van Lear Agency*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с английского Маши Степановой

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.
Издательство «Синдбад», 2020.

* * *

Посвящается Джо

Era la sed y el hambre, y túfuiste la fruta.
Era el duelo y lasruinas, y túfuiste el milagro.

Жажда была и голод, а ты, словно плод,
манила,
битва была и гибель, а ты спасеньем
была^[1].

Пабло Неруда. Песнь отчаяния

1

Первая пуля влетела в открытое окно туалета, где стоял Лука. Поначалу он даже не понял, что случилось, и пуля только чудом не угодила ему промеж глаз. Издав едва слышный гул, она вонзилась в кафельную стену за его спиной. Затем выстрелы обрушились громким потоком, забарабанили стремительно, словно вертолетный винт. Где-то всколыхнулись крики, но голоса быстро потонули в шуме перестрелки. Лука собирался застегнуть ширинку, опустить крышку унитаза, взобраться на нее и посмотреть в окно, найти источник этого ужасного грохота, но не успел: дверь распахнулась, и на пороге возникла Мами.

– *Mijo, ven*^[2], – очень тихо произнесла она.

Вцепившись в Луку, она толкнула его в душ. Мальчик споткнулся о кафельную ступеньку и повалился на четвереньки. Когда на него рухнула Мами, от удара он нечаянно прикусил нижнюю губу. Почувствовал вкус крови во рту. Одна темная капля упала на ярко-зеленую плитку и разбилась в крошечный красный круг. Мами пихнула Луку в угол. У душа не было ни занавески, ни двери, это был просто угол в бабушкиной ванной, отгороженный кафельной стенкой, – пять с половиной футов в высоту, три фута в длину. Если повезет, этого хватит, чтобы спрятать Луку и его мать от вражеских глаз. Мальчик притиснулся спиной к кафелю, прижался плечиками к стене, подтянул к подбородку колени, и Мами накрыла его, словно черепашьим панцирем.

Лука переживал, что дверь в ванную по-прежнему открыта, хоть и не видел ее из-за тела матери и стенки-баррикады. Мальчику хотелось извернуться и слегка толкнуть створку пальцем. Хотелось ее захлопнуть. Он не знал, что мать специально оставила ее открытой. Что закрытая дверь всегда привлекает внимание.

На улице гроыхала перестрелка; вскоре к шуму прибавился резкий запах угля и горелого мяса. Папи готовил на гриле *carne asada*^[3] и куриные ножки – любимое блюдо Луки. Ему нравилось, когда кожа самую малость подгорала и звонко хрустела во рту. Мами выгнула шею и заглянула ему в глаза. Потом попыталась закрыть его уши ладонями. Выстрелы постепенно стихали и раздавались лишь

короткими очередями после недолгого затишья. Луке казалось, что теперь они повторяют сбивчивый, бешеный ритм его сердцебиения. Между взрывами грохота по-прежнему слышались звуки радио. Женский голос объявил радиостанцию – «Ла мехор 100.1 FM Акапулько», – а потом группа *Banda MS* запела о том, как здорово быть влюбленным. Вдруг кто-то выключил приемник, и раздался смех. Мужские голоса. Двое или трое мужчин, определить точно Лука не мог. Тяжелые шаги в бабушкином дворе.

– Видишь его? – раздался голос прямо под окном.

– Вижу.

– А ребенок?

– Смотри, вон тут какой-то пацан. Не тот?

Двоюродный брат Луки, Адриан. На нем в тот день были бутсы и спортивная футболка с надписью «Эрнандес». Адриан чеканил свой *balón de fútbol*^[4] как настоящий футболист – на коленях мог набить сорок семь раз, не останавливаясь.

– Не знаю. По возрасту вроде подходит. Сфоткай его.

– Ого, да тут курица! – раздался еще один голос. – Блин, выглядит отлично. Кто будет?

Мами зажала голову Луки подбородком; в ее тугих объятьях он едва мог пошевелиться.

– Эй ты, *pendejo*^[5], не трогай курицу. Проверь-ка лучше дом.

Сидевшая на корточках Мами резко покачнулась и еще сильнее вдавила Луку в стену. Она вжималась в него всем телом, и они оба слышали, как скрипнула и с грохотом распахнулась задняя дверь. Шаги на кухне. По полу перекатывались пустые гильзы. Мами повернула голову и заметила каплю крови, упавшую с губ Луки на кафельный пол; в лучах света, прорывавшихся через окно, она горела ярко-красным. Мальчик почувствовал, как у матери перехватило дыхание. Теперь в доме было тихо: полы в коридоре, прилегавшем к ванной, были застелены ковром. Лука с ужасом наблюдал за Мами: та натянула край рукава на пальцы и отклонилась в сторону – туда, где на плитке предательски сверкала кровь. Кое-как смахнув пятно рукавом, она вновь прижалась к мальчику – как раз в тот момент, когда один из мужчин толкнул дверь прикладом своего калашникова.

Со двора доносились два голоса, а значит, всего мужчин было трое. Стоя по ту сторону невысокой кафельной стенки, третий расстегнул

ширинку и помочился в унитаз. Лука не дышал. Мами не дышала. Они сидели зажмурившись, совершенно неподвижно, и казалось, даже адреналин замер под действием их оцепеневшего отчаяния. Мужчина икнул, спустил воду, вымыл руки и вытер их о мягкое желтое полотенце, которое *abuela*^[6] берегла для гостей.

Потом он вышел, но Лука и Мами не шевельнулись. Они оставались неподвижными даже после того, как на кухне снова скрипнула и хлопнула дверь. Они сидели на полу, переплетаясь в тугий узел рук и ног, коленей и подбородков, стиснутых век и сжатых пальцев, даже после того, как мужчина с автоматом вернулся к своим напарникам и объявил, что в доме все чисто и теперь он будет есть курицу – потому что нельзя просто так бросать хорошую еду, ведь в Африке голодают дети. Мужчина стоял под окнами, и Лука слышал, как тот громко причмокивает языком, обсасывая куриные ножки. Мальчик следил за своим дыханием: вдох-выдох, абсолютно бесшумно. Он пытался убедить себя в том, что это просто сон, очень страшный, но часто повторяющийся сон. Он всегда просыпается – в холодном поту, с приятным чувством облегчения. *Это просто сон.* Таковы детские страшилки в современных мексиканских городах. Ведь даже если родители не говорят при детях о насилии, переключают радиостанцию, когда в новостях сообщают об очередной перестрелке, если они скрывают свои самые кошмарные страхи, они не могут помешать детям общаться с другими детьми. На детской площадке, на футбольном поле, в школьном туалете скапливаются и набухают подробностями жуткие истории. Каждый ребенок, – будь он из богатой семьи, или бедной, или среднего достатка, – видел на улице труп хотя бы однажды. Повседневность убийства. И от других детей они знают, что существует иерархия опасности и что некоторые семьи более беззащитны, чем другие. И хоть родители Луки никогда ни словом не упоминали о какой-либо угрозе и в присутствии сына вели себя с безупречной храбростью, мальчик знал, точно знал, что этот день настанет. Не то чтобы это знание хоть как-то смягчило удар. Прошло еще немало времени, прежде чем мать наконец убрала цепкую руку с его затылка и отстранилась настолько, что он смог заметить: лучи солнца, струящиеся через окно, теперь ложатся совсем под другим углом.

Когда кошмар отступил, но твердой уверенности еще не было, промелькнуло мгновение абсолютного блаженства. Наконец-то высвободившись, Лука испытал краткий прилив восторга – просто от того, что он жив. Сперва он наслаждался сбивчивым движением воздуха у себя в груди. Потом положил ладони на пол, чтобы почувствовать кожей холодок кафельных плит. С тяжелым вздохом Мами откинулась к стене и подвигала челюстью, отчего на левой щеке у нее обозначилась ямочка. Так странно было видеть здесь, в ванной, ее парадные туфли, которые она обычно надевала в церковь. Лука дотронулся до ранки на губе. Кровь уже успела подсохнуть, но мальчик прикусил ранку передними зубами, и та снова раскрылась. Он понял, что, будь это сон, он не почувствовал бы вкуса крови.

Наконец Мами поднялась на ноги и шепотом велела ему оставаться на месте.

– Сиди тут и не шевелись, пока я за тобой не вернусь. И ни звука, понял?

Лука схватил ее за руку:

– Мами, не уходи!

– *Mijo*, я сейчас вернусь, хорошо? Посиди здесь. – Мами расцепила его пальцы, а потом повторила: – Не шевелись. Молодец.

Вскоре Лука понял, что соблюдать мамины указания не так уж трудно, и не потому, что он такой послушный, а потому, что ему не хочется смотреть. Вся его семья осталась там, в бабушкином дворике. В тот день, седьмого апреля, в субботу, его двоюродная сестра Йенифер праздновала *quinceañera*, свой пятнадцатый день рождения. На ней было длинное белое платье. Там были ее родители, дядя Алекс и тетя Йеми, и младший брат Адриан. Ему уже исполнилось девять, поэтому он всем говорил, что на год старше Луки, хотя разница между ними была всего четыре месяца.

Перед тем как Лука пошел в туалет, он гонял во дворе мяч вместе с Адрианом и другими двоюродными братьями. Матери сидели за столом на террасе; перед ними на салфетках стояли запотевшие стаканы с коктейлем «Палома». В прошлый раз, когда вся семья собиралась в доме бабушки, Йенифер случайно увидела Луку, когда тот справлял нужду, и теперь ему было так стыдно, что он заставил Мами пойти с ним и караулить под дверью.

Abuela эту идею не одобрила. Она сказала, что Мама слишком нянчится с сыном, что в таком возрасте мальчики могут ходить в туалет самостоятельно. Но Лука был единственным ребенком в семье, поэтому ему многое сходило с рук.

В любом случае теперь Лука сидел в ванной совсем один и пытался отогнать навязчивую мысль: именно эти слова, сказанные с неприкрытым раздражением, стали последними – больше *abuela* и Мама ничего друг другу не скажут. Он помнил, как подбежал к столу и зашептал Мама на ухо; увидев это, *abuela* покачала головой, неодобрительно погрозила им пальцем и сделала замечание. Всякий раз, когда она кого-нибудь ругала, она как-то по-особенному улыбалась. Но Мама всегда принимала сторону Луки. Вот и тогда она закатила глаза и, несмотря на протесты бабушки, отодвинула стул и поднялась. Все это случилось... когда же? Десять минут назад? Или часа два? Временные границы, прежде незыблемые, словно перестали существовать.

За окном послышалась робкая поступь матери; под ее туфлями хрустели какие-то обломки. Она охнула, возможно, всхлипнула, только слишком шумно. Затем звуки участились: Мама решительно пересекла дворик и стала давить на кнопки мобильного телефона. Раздался высокий, сдавленный рык – таким голос матери Лука никогда прежде не слышал.

– Нужна помощь.

2

Когда Мами вернулась, чтобы увести Луку из душа, тот сидел, сжавшись в тугий комок, и легонько раскачивался из стороны в сторону. Она велела ему встать, но мальчик завертел головой и лишь сильнее обхватил себя руками, в ужасе сопротивляясь. Пока он сидел тут, пряча лицо в темных изгибах локтей, пока он не смотрел на Мами, он мог не знать того, что уже знал. Мог продлить это мгновение нелепой надежды – на то, что хоть какому-то лоскутку прежнего мира удалось уцелеть.

Может, правильнее было бы пойти и посмотреть, увидеть яркие цветные сполохи на белом платье Йенифер, застывший взгляд Адриана, устремленный в небо, копну седых волос бабушки, пропитанных веществом, которому положено аккуратно храниться в плотной коробке черепа. Может, Луке пошло бы на пользу увидеть еще теплые останки отца, металлическую лопатку, погнувшуюся под тяжестью его тела, кровь, растекавшуюся по бетонному покрытию дворика. Все равно картины, которые потом нарисует его разгоряченное воображение, окажутся не в пример страшнее реальности, даже самой жуткой.

Когда Лука наконец встал, Мами повела его на улицу через парадную дверь. Трудно сказать, насколько это была хорошая идея. Что бы они предпочли, если бы *sicarios*^[7] вдруг надумали вернуться, – стоять на улице у всех на виду или прятаться внутри дома, даже не подозревая об их возвращении? Неразрешимый вопрос. Лука с матерью прошли через ухоженный палисадник и открыли калитку. Усевшись на желтый бордюр, они вытянули ноги на проезжую часть. Противоположная сторона дороги пряталась в тени, но здесь припекало солнце – мальчик чувствовал жар головой. Спустя несколько коротких минут вдалеке завывали сирены. Мами, которую звали Лидия, заметила, что у нее стучат зубы. Ей не было холодно. Подмышки у нее намокли, руки покрылись гусиной кожей. Лука подался вперед, и его вырвало. На асфальт между его ног шлепнулся комок картофельного салата, слегка подкрашенный розовым фруктовым пуншем. Они с матерью не стали отсаживаться. Они

словно бы вообще ничего не заметили. Не замечали они и того, как задергиваются шторы и занавески в окнах соседних домов: соседи готовились отрицать, что видели хоть что-нибудь.

Лука замечал лишь стены, тянущиеся вдоль улицы, где жила его *abuela*. Он, конечно, видел их и прежде, много-много раз, но теперь обратил внимание на одну особенность: перед каждым домом располагался такой же палисадник, как у бабушки; и каждый двор был спрятан за стеной – такой же, как у бабушки; сверху по каждой стене бежала колючая лента или проволока – такие же, как у бабушки; а попасть внутрь можно было только через запертую калитку – как и у бабушки. Акапулько – опасный город. Жители тут всегда осторожничают, даже в таких приличных районах, как этот. Особенно в таких приличных районах. Но на что годятся все эти меры, когда приходят такие мужчины? Лука положил голову на плечо матери, и та обвила его одной рукой. Она не спрашивала сына, как он себя чувствует. Отныне и впредь этот вопрос будет встречать лишь непонимание и боль. Лидия изо всех сил пыталась не думать обо всех словах, которые никогда не произнесут ее губы, о чудовищной пустоте на месте слов, которые она никогда не скажет.

По прибытии полиция перегородила желтой лентой с надписью *escena del crimen* улицу с обоих концов – чтобы перенаправить движение и освободить место для зловещей вереницы специального транспорта. Появилось множество полицейских, проходивших мимо Луки и Лидии с выражением наигранного почтения. Когда рядом возник старший следователь и начал задавать вопросы, Лидия на мгновение замялась, пытаясь сообразить, куда отправить сына. Он слишком мал, чтобы слушать все, что ей нужно сказать. Требовалось передать его на чье-то попечение на несколько минут, чтобы она могла ответить честно на самые ужасные вопросы. Хорошо бы отослать его к отцу. К бабушке. К тете Йеми. Но все они лежали мертвые на заднем дворе – так близко друг к другу, словно фишки домино. Да и вообще – все бессмысленно. Полиция не будет никому помогать. Лидия заплакала. Тогда Лука поднялся с земли и положил холодную руку на затылок матери.

– Дайте ей минутку, – сказал мальчик совсем как взрослый.

Вскоре следователь вернулся вместе с женщиной-судмедэкспертом, которая сразу обратилась к Луке. Приобняв его за плечо, она

предложила ему посидеть в фургоне. Сбоку виднелась надпись: *SEMEFEO*^[8]; задние двери были распахнуты настежь. Мами кивнула, и Лука отправился вместе с женщиной к ее машине. Усевшись, он свесил ноги над задним бампером. Судмедэксперт предложила ему запотевшую банку газировки.

Мозг Лидии, до того временно приостановивший работу, теперь справился с потрясением и снова начал соображать – но ворочался медленно, словно ил на дне реки. Она по-прежнему сидела на тротуаре. Следователь стоял рядом, загородив собой машину, в которой сидел ее сын.

– Вы видели стрелявшего? – спросил мужчина.

– Стрелявших, множественное число. Думаю, их было трое.

Хорошо бы следователь чуть отошел в сторону, чтобы ей было видно Луку. Тот находился всего шагах в десяти от нее.

– Вы их видели?

– Нет, но мы их слышали. Мы прятались в душевой. Один из них пришел и помочился в наш туалет, пока мы были рядом. На кране должны быть отпечатки его пальцев. Он мыл там руки. Представляете? – Лидия громко хлопнула в ладоши, словно пытаясь отогнать это воспоминание. – Мы слышали еще как минимум два голоса снаружи.

– Они сказали или сделали что-либо, что могло бы помочь нам установить их личности?

Лидия покачала головой:

– Один ел нашу курицу.

Следователь записал в блокнот слово *pollo*^[9].

– А другой спросил: «Видишь его?» – продолжила Лидия.

– Конкретная цель? Они сказали, о ком речь? Назвали его по имени?

– Им не нужно было его называть, я и так знаю. Это мой муж.

Следователь оторвался от своего блокнота и в ожидании посмотрел на Лидию:

– А ваш муж?..

– Себастьян Перес Дельгадо.

– Репортер?

Лидия кивнула, и следователь громко присвистнул сквозь зубы.

– Он там?

Она снова кивнула:

– На террасе. С лопаткой. Со знаком.

– Сожалению, сеньора. Я так понимаю, вашему мужу часто угрожали?

– Да, но в последнее время было тихо.

– И в чем конкретно заключались эти угрозы?

– Они требовали, чтобы он прекратил писать про картели.

– Или?..

– Или они убьют всю его семью, – глухо отозвалась Лидия.

Следователь глубоко вздохнул и посмотрел на женщину с выражением, походившим на сочувствие.

– Когда ему угрожали в последний раз? – спросил он.

Лидия снова покачала головой:

– Не знаю. Давно. Этого не должно было случиться. Не должно было случиться.

Мужчина замолчал, сжав губы в тонкую линию.

– Они меня убьют, – выдохнула Лидия и, только когда прозвучали эти слова, осознала, что так, скорее всего, и будет.

Следователь не пытался ей возражать. В отличие от многих своих коллег – он точно не знал, кого именно, да это и неважно – он не работал на картели. Он никому не доверял. На месте преступления сейчас трудились около двадцати пяти полицейских и медработников – отмечали места, где упали гильзы, изучали следы, анализировали пятна крови, фотографировали, проверяли пульс, составляли схемы расположения тел, – и семеро из них регулярно получали деньги от местного картеля. Сумма незаконных платежей в три раза превышала государственную зарплату. И кстати, кто-то уже написал главарю – *хефе* – сообщение о том, что Лидия и Лука выжили. Остальные не делали ничего, потому что именно за это им и платили: за то, чтобы они носили форму и создавали иллюзию охраны порядка. Кого-то из них мучили угрызения совести, других – нет. Но ни у кого не было выбора, поэтому их чувства по большому счету не имели никакого значения. Количество нераскрытых преступлений в Мексике было гораздо выше девяноста процентов. Костюмированное представление под названием *la policia* создавало необходимое людям обманчивое впечатление, скрывая абсолютную неприкосновенность картелей. Лидия это знала. Все это знали. Она решила, что пока главное – поскорее отсюда убраться. Поднявшись с тротуара, она поразилась, что

ее еще держат ноги. Следователь отступил в сторону, чтобы освободить ей место.

– Когда он узнает, что я выжила, они вернуться.

На Лидию обрушилось недавнее воспоминание: один из голосов во дворе спрашивает: «А ребенок?» Суставы у нее стали текучими, словно вода.

– Он убьет моего сына.

– Он? – переспросил следователь. – А вы точно знаете, кто это сделал?

– Да вы что, смеетесь?

Только один человек в Акапулько был способен организовать кровавую бойню такого масштаба, и все знали, как его зовут. Хавьер Креспо Фуэнтес. Ее друг. Зачем ей произносить это имя вслух? Следователь либо прикидывался, либо хотел ее проверить. Теперь он снова стал писать в блокноте. «Ла-Лечуса?» Потом: «Лос-Хардинерос?» Затем показал записи Лидии.

– Я не могу сейчас этим заниматься, – отрезала женщина и, оттолкнув следователя, зашагала прочь.

– Пожалуйста, еще несколько вопросов.

– Нет. Больше никаких вопросов. Никаких.

На заднем дворе лежали шестнадцать мертвых тел – почти все близкие Лидии. И все же пока она только заглядывала в пропасть, еще не осознав случившееся. Она понимала, что таковы факты, потому что слышала, как эти люди умирали, видела их бездыханные тела. Она касалась еще теплой ладони матери, искала и не нашла пульс в запястье мужа. Но разум Лидии по-прежнему пытался перемотать случившееся назад, отменить его. Потому что этого не могло быть. Это было слишком чудовищно. Лидия ждала, что ее вот-вот охватит паника, но паники не было.

– Лука, пойдём.

Она протянула руку, и мальчик выпрыгнул из фургона судмедэксперта и пошел навстречу матери. На заднем бампере осталась нетронутая банка газировки. Лидия схватила сына за руку, и вместе они направились в конец улицы – туда, где Себастьян припарковал их машину. Следователь пошел за ними, по-прежнему пытаясь задавать ей вопросы. Он никак не мог смириться с тем, что разговор окончен. Хотя что тут непонятного? Вдруг Лидия

остановилась – настолько резко, что следователь едва не врезался ей в спину. Чтобы избежать столкновения, ему пришлось впиться мысками в землю. Она крутанулась на пол-оборота.

– Мне нужны ключи, – сказала Лидия.

– Какие ключи?

– Ключи моего мужа. От машины.

Следователь снова о чем-то заговорил, но Лидия вновь оттолкнула его в сторону и направилась обратно к дому, волоча за собой Луку. Толкнув калитку, Лидия велела сыну ждать в палисаднике, но потом решила, что лучше взять его с собой в дом. Она усадила Луку на золотистый вельветовый диван в гостиной и наказала не двигаться.

– Пожалуйста, побудьте с ним, хорошо?

Следователь молча кивнул.

Дойдя до задней двери, Лидия на мгновение замялась, но потом расправила плечи, потянула за ручку и решительно шагнула за порог. В тенистой прохладе дворика витали сладкие запахи лайма и соуса для барбекю. Вдохнув, Лидия поняла, что больше никогда не будет есть жареное мясо. Некоторых членов ее семьи уже накрыли простынями; повсюду торчали маленькие желтые таблички с черными буквами и номерами – с их помощью полицейские отмечали расположение улики, которые никогда не будут использованы против обвиняемых. Самое страшное – эти самые таблички. Если есть таблички, значит, все по-настоящему. Впервые в жизни Лидия ощутила в своей груди тяжесть легких, сырых и рыхлых. Она подошла ближе к Себастьяну. Тот лежал все в той же позе, неловко подогнув под себя руку; из-под его бедра торчала погнутая металлическая лопатка. Его распластанная фигура напомнила Лидии о том, как выглядело его тело, когда он в шутку боролся с Лукой в гостиной после ужина. Они визжали. Рычали. Сшибали на своем пути мебель. А Лидия набирала мыльную воду в кухонной раковине и неодобрительно закатывала глаза. Но теперь жизнь улетучилась. Под кожей Себастьяна стучала тишина. Лидии хотелось поговорить с ним прежде, чем поблекнет цвет. Хотелось рассказать обо всем, что случилось, – торопливо, безутешно. Какая-то маниакальная часть ее сознания верила, что, если рассказать все как следует, получится уговорить мужа не умирать. Получится убедить его в том, что он нужен ей и еще сильнее нужен Луке. Ее горло сжалось, словно охваченное параличом.

Кто-то уже убрал картонную табличку, которую преступники оставили на груди Себастьяна, придавив обыкновенным камнем. На ней зеленым маркером было написано: «*Toda mi familia está muerta por mi culpa*»^[10].

Лидия присела на корточки в ногах мужа, но не стала к нему прикасаться – не хотела почувствовать, как под пальцами остывает его мертвенно-бледная кожа. Доказательство. Она ухватила за мысок его ботинка и закрыла глаза. Себастьян остался цел, и за это Лидия была благодарна. Она знала, что картонную табличку могли бы приколоть к его груди лезвием мачете. И понимала, что относительную опрятность его убийства можно считать извращенным проявлением милосердия. Лидии доводилось видеть кошмарные картины: тела, которые уже не были телами, расчлененные, *mutilados*. Когда картель решает совершить убийство, он делает это для острастки живых – чтобы в театральной, гротескной манере показать, на что он способен. Как-то утром, когда Лидия шла на работу в магазин, ниже по улице она увидела знакомого мальчика. Тот стоял на коленях, пытаясь отпереть решетку отцовской обувной лавки ключом, висящим на шнурке у него на шее. Мальчику было шестнадцать лет. Когда рядом остановилась машина, он не сумел убежать, потому что ключ застрял в замочной скважине. *Sicarios* подняли решетку и вздернули парня за шею на его собственном шнурке, а потом избили до бесчувствия. В то утро Лидия поспешила спрятаться в магазине и заперла за собой дверь, поэтому не видела, как убийцы стянули с мальчика штаны и разукрасили его тело. Но позже до нее дошли слухи. Как и до всех остальных. И все владельцы магазинов в том районе знали, что отец мальчика отказался платить картелю дань.

Да, Лидия действительно была благодарна за то, что шестнадцать самых дорогих ей людей погибли под быстрыми, точными выстрелами. Полицейские старались не встречаться с ней глазами – она была благодарна и за это тоже. Фотограф-криминалист положил камеру на праздничный стол, рядом с бокалом Лидии, на краях которого по-прежнему виднелся след от ее матовой помады. Кубики льда внутри бокала уже растаяли, а на салфетке у его основания все еще виднелось влажное пятно. Невероятно, думала Лидия: для того чтобы полностью разрушить чью-то жизнь, требуется меньше времени, чем для испарения в атмосферу крошечного кольца воды.

Вдруг она заметила, что во дворе воцарилось почтительное молчание. Тогда Лидия, не вставая, начала подбираться к груди мужа. Она ползла по каменным плитам на четвереньках и вдруг остановилась, обратив внимание на вытянутую руку Себастьяна – на бугорки костяшек и полулуния ногтевых пластин. Его пальцы не шевелились. На одном из них тяжелело обручальное кольцо. Глаза были закрыты. В приступе абсурдного любопытства Лидия задумалась: может, Себастьян сделал это нарочно, чтобы в последний раз проявить нежность? Может, он закрыл глаза для того, чтобы ей не пришлось потом увидеть в них пустоту? Лидия резко зажала рукой рот, побоявшись, что оттуда вывалится жизненно важная часть ее естества. Сглотнув это чувство, она вложила руку в безразличную ладонь мужа и позволила себе легонько прильнуть к его груди. Он был уже холодный. Совсем холодный. От него осталась лишь любимая, такая любимая фигура. Бездыханная.

Лидия провела рукой по его челюсти и подбородку. Сжав губы, положила ладонь на его прохладный лоб. Когда она впервые увидела своего будущего мужа, он сидел за столом в библиотеке Мехико, с ручкой в руке, уткнувшись в блокнот на пружине. Изгиб его плеч, полнота его губ. На нем была фиолетовая футболка с изображением какой-то группы. Теперь Лидия понимала, что ее завораживала не его внешность, а его манера наполнять свое тело жизнью. Она шептала над ним молитвы, а каменные плитки впивались в ее колени. Время от времени из нее спазмами вырывался плач. Под покореженной лопаткой темнела лужица запекшейся крови, а на кромке виднелись разводы от сырого мяса. Сглотнув комок тошноты, Лидия засунула руку в карман мужа и достала ключи. Сколько раз на протяжении их совместной жизни она лазила в его карман? *Не думай об этом, не думай об этом, не думай.* Снять обручальное кольцо оказалось не так-то просто. Ободок цеплялся за кожу на его костяшках, поэтому Лидии пришлось одной рукой распрямить его палец, а другой выкручивать кольцо на себя. Наконец она сняла кольцо, то самое, которое надела на его палец в Катедраль де Нуэстра Сеньора де Соледад больше десяти лет назад. Лидия просунула в кольцо свой большой палец, уперлась обеими руками в грудную клетку Себастьяна, поднялась на ноги и бросилась прочь, боясь, что кто-нибудь попытается отобрать у нее мужнины вещи. Ей почти хотелось, чтобы кто-то подошел и сказал, что она не

имеет права трогать улики, или какую-нибудь подобную ерунду. Пусть на мгновение, но она бы испытала невероятное удовлетворение, если бы смогла выплеснуть на кого-то весь свой гнев. Но никто не осмелился к ней приблизиться.

Лидия остановилась и поникла плечами. Ее мать. Лидия направилась к ее телу, покрытому черным куском пластика, но полицейский неожиданно преградил ей дорогу.

– Сеньора, прошу вас, – сказал он.

В бешенстве Лидия вытаращила на него глаза:

– Мне нужно попрощаться с матерью.

В ответ полицейский лишь легонько мотнул головой.

– Поверьте мне, – мягко проговорил он, – это не ваша мать.

Стоя неподвижно, Лидия моргнула, сжимая в руке ключи от машины мужа. Полицейский прав. Конечно, она могла бы и дальше стоять посреди этой кровавой сцены, но зачем? Здесь никого больше нет. Вовсе не такими хотела их запомнить Лидия. Поэтому она развернулась и, оставив позади шестнадцать лежащих фигур, шумно ступая зашла через заднюю дверь обратно на кухню. Полицейские во дворе продолжили заниматься своими делами.

Лидия открыла шкаф в комнате матери и достала оттуда один-единственный предмет – маленький красный саквояж. Расстегнув молнию, она обнаружила внутри целую гору сумочек поменьше. Вывалив их все на кровать, Лидия занялась тумбочкой: достав оттуда четки и крошечный молитвенник, закинула их в саквояж вместе с ключами Себастьяна. Затем опустилась на колени и просунула руку под матрас. Пошарив ладонью из стороны в сторону, нащупала бумажный сверток. Внутри оказалось почти пятнадцать тысяч песо – их Лидия тоже взяла с собой. Побросав маленькие сумочки обратно в шкаф, она отнесла саквояж в ванную, раскрыла шкафчик и сгребла оттуда все, что попало под руку: расческу, зубную щетку, пасту, увлажняющий крем, бальзам для губ и шипчики. Все это тоже отправилось в саквояж. Лидия действовала на автомате, совершенно не думая о том, какая вещь пригодится, а какая нет. Она собиралась просто потому, что не знала, что еще делать. У них с матерью был одинаковый размер ноги – повезло. В шкафу нашлась только одна пара удобной обуви – золотистые стеганые кроссовки на молнии, в которых *abuela* обычно работала в саду. Потом Лидия совершила набег на

кухню и украдкой сунула в саквояж пачку печенья, банку арахиса и два пакета чипсов. На кухонной двери на крючке висела сумочка бабушки, а рядом – фартук и ее любимый свитер цвета морской волны. Сняв сумочку, Лидия заглянула внутрь. Ей показалось, будто она смотрит матери в рот. Слишком личное. Тогда женщина сложила мягкую сумочку из коричневой кожи вдвое, затолкала во внутренний карман саквояжа и застегнула молнию.

Когда она вернулась в гостиную, следователь сидел на диване рядом с Лукой, но никаких вопросов задавать не стал. Его ручка и блокнот покоились рядом, на журнальном столике.

– Нам нужно идти, – сказала Лидия.

Лука вскочил с места, не дожидаясь разрешения. За ним поднялся и следователь.

– Сеньора, должен вас предупредить: возвращаться домой вам сейчас не стоит. Там небезопасно. Если вы подождете здесь, возможно, кто-то из моих людей вас подвезет. Мы могли бы подыскать для вас с сыном надежное укрытие.

В ответ Лидия улыбнулась и на мгновение опешила – оказывается, ее лицо еще может принимать такие выражения. Короткий смешок.

– Наши шансы куда выше без вашей помощи.

Следователь нахмурился, но все же кивнул.

– У вас есть надежное укрытие? – спросил он.

– Пожалуйста, не пытайтесь заботиться о нашем благополучии. Займитесь лучше правосудием. Беспокойтесь об этом.

Она понимала, что слова вылетают у нее изо рта, словно крошечные, неядовитые дротики – такие же злобные, как и бессмысленные. Однако сдерживать себя женщина не хотела.

Насупившись, следователь убрал руки в карманы и посмотрел в пол.

– Я соболезную вашей утрате. Искренне соболезную. Я понимаю, как все это выглядит со стороны, все эти нераскрытые убийства. Но в полиции еще остались люди, которым не все равно. Люди, которых ужасает это бесконечное насилие. Знайте: я сделаю все, что в моих силах. – Как и Лидия, следователь понимал всю тщетность этих слов, но все равно не мог их не сказать. Пошарив в нагрудном кармане, он достал визитку с номером телефона. – Когда немного придете в себя, нам понадобятся официальные показания. Если требуется, можно повременить несколько дней.

Он протянул визитку Лидии, но та даже не пошевелилась. Тогда ее схватил Лука – извернулся и просунул руку между телом матери и красным саквояжем, висевшим на ремне у нее на плече.

На этот раз следователь за ними не пошел. Тени женщины и мальчика скользили по тротуару, похожие на зверя странных очертаний. Приблизившись к машине, заметному ярко-оранжевому «фольксвагену-жуку» 1974 года, Лидия заметила кусочек бумаги под дворником на лобовом стекле. Он был настолько крошечным, что даже не трепыхался под порывами горячего ветра, продувавшего улицу.

– *Carajo!*^[11] – выругалась женщина и машинально спрятала Луку за спину.

– Что такое, Мами?

– Стой здесь. Нет, лучше подожди меня там. – Лидия махнула рукой туда, откуда они пришли.

Лука не стал возражать и засеменял прочь. Когда он отошел примерно на десять шагов, его мать бросила красный саквояж на тротуар, отступила от машины и посмотрела по сторонам. Ее сердце, отяжелевшее в груди, не застучало быстрее.

На лобовом стекле пестрело разрешение на парковку; задний бампер слегка разъело ржавчиной. Лидия вышла на проезжую часть, склонилась ближе и попыталась прочитать содержимое бумажки, не дотрагиваясь до нее. В другом конце улицы, за желтой лентой стоял фургон новостного агентства, но репортеры занимались своими делами и, похоже, не успели заметить женщину с мальчиком. Тогда Лидия развернулась и вытащила бумажку из-под дворника. Единственное слово, написанное зеленым маркером: «Бойся!» Резкий вздох пронзил ее тело насквозь, словно нож. Лидия взглянула на Луку и, скомкав бумажку, затолкала ее в карман.

Им нужно исчезнуть. Уехать из Акапулько далеко-далеко – так далеко, чтобы Хавьер Креспо Фуэнтес никогда не смог их найти. Но брать машину им было нельзя.

3

Лидия дважды обошла машину: взгляделась в окна, проверила шины и бензобак, наклонившись, осмотрела ходовую часть, стараясь при этом ничего не трогать. Все вроде бы выглядело как обычно – правда, Лидия никогда не обращала особого внимания на такие вещи. Она поднялась и скрестила руки на груди. Садиться за руль слишком опасно, но открыть салон все-таки придется, чтобы забрать оттуда вещи. Нужда подгоняла ее, но сознание заиклилось на текущем моменте, в голове неотступно вертелись слова «сувениры на память».

Прильнув к окну, женщина заметила под пассажирским сиденьем рюкзак Себастьяна; на приборной панели блестели ее собственные темные очки; сзади валялась сине-желтая толстовка Луки. Возвращаться домой, туда, где они жили втроем, слишком опасно. Однако нужно как можно скорее увезти отсюда Луку. Лидия задумалась: если в салоне бомба, то, может, будет правильнее взять Луку с собой, подозвать его сюда, прежде чем открыть дверь; через мгновение материнский инстинкт отогнал эту жуткую мысль прочь.

Лидия подошла к машине со стороны водителя; свободной рукой она пыталась унять дрожь в той, что держала ключ. Когда она взглянула на Луку, тот одобрительно показал ей большой палец. «Никакой бомбы там нет, – повторяла про себя женщина. – После такой стрельбы бомба – это уже перебор». Она вставила ключ в замочную скважину. Глубоко вдохнула. И еще раз. Наконец повернула ключ. Раздался глухой щелчок – механизм сработал, и от этого звука Лидия едва не потеряла сознание. Но затем последовала тишина. Ни тиканья, ни гудков, никакого смертельного выхлопа. Она закрыла глаза, потом снова взглянула на Луку и тоже показала ему большой палец. Отворив скрипучую дверь, Лидия оглядела салон. Что же ей взять? На миг она замерла, словно парализованная. «Этого не может быть», – подумалось ей. Казалось, будто ее мозг скукожился и иссох. Она помнила, как после смерти ее собственного *папи* мать много недель бесцельно бродила кругами по кухне – от мойки до холодильника и обратно. Она клала руку на кран и так и оставалась

стоять, забыв его повернуть. Но Лидия не могла застрять в такой временной петле; им грозила опасность. Нужно было уходить.

Вот рюкзак Себастьяна. Она должна его поднять. Должна сосредоточиться на самых неотложных делах. Потом она найдет время, чтобы поразмыслить о том, как нечто подобное могло случиться, почему оно случилось. Лидия расстегнула молнию на рюкзаке мужа, достала хлюпающий термос, очки, офисные ключи, наушники, три блокнота, несколько дешевых ручек, диктофон и журналистское удостоверение; все это она сложила на пассажирское сиденье. Планшет с зарядкой Лидия решила взять с собой; полностью выключила его и положила на дно теперь уже пустого рюкзака. Она не очень понимала, как работает *GPS* в таких устройствах, но опасалась, что их можно будет отследить. Затем Лидия взяла с приборной панели свои темные очки и нацепила их на нос, едва не выколов себе дужкой глаз. Потом, отодвинув переднее сиденье, осмотрела заднюю часть салона. На полу лежали парадные ботинки Луки – он сам оставил их там, когда после церкви переобувался в кроссовки, чтобы погонять мяч с Адрианом. «О боже мой, Адриан», – подумала Лидия, и в ту же секунду ощутила, как незримая расщелина в груди стала шире, словно кто-то ударил ее топором. Она крепко зажмурила глаза и заставила себя дышать. Подняла с пола ботинки сына, убрала их в рюкзак. На заднем сиденье также обнаружилась красная бейсболка Себастьяна с надписью *New York Yankees*. Лидия ухватила бейсболку за козырек и, высунувшись из машины, вручила сыну, который тотчас надел ее. В багажнике обнаружился коричневый кардиган, который муж надевал по особым случаям; его Лидия тоже сунула в рюкзак. Еще там лежал бейсбольный мяч (его Лидия решила не трогать) и грязная футболка, которую она взяла с собой. Захлопнув крышку багажника, она вернулась к водительскому сиденью, чтобы забрать один из блокнотов мужа, не позволяя себе осознать, зачем она это делает: чтобы сохранить на память посмертное свидетельство его почерка. Выбрав один блокнот наугад, Лидия кинула его в рюкзак, после чего наконец вылезла из машины и захлопнула дверцу.

Тут к ней подошел Лука – сам, без приглашения. «Мой сын стал совершенно другим человеком», – подумала Лидия. Он наблюдал за ней молча и безошибочно угадывал ее желания.

– Куда мы пойдем, Маами?

Женщина бросила на сына косой взгляд. Ему всего восемь лет. Каким-то образом она должна оправиться после катастрофы и спасти то, что еще можно спасти. Она поцеловала Луку в макушку, и вместе они двинулись в путь – прочь от репортеров, прочь от ярко-оранжевой машины, от дома бабушки, от их разрушенной жизни.

– Не знаю, *mijo*, – ответила Лидия. – Мы что-нибудь придумаем. Нас ждет настоящее приключение.

– Как в кино?

– Да, *mijo*. Прямо как в кино.

Не сбавляя шага, женщина надела рюкзак на плечи и подтянула на нем лямки; затем подхватила саквояж. Они прошли несколько кварталов на север, свернули налево в сторону пляжа, а потом снова двинулись на юг – Лидия никак не могла определиться, какая стратегия лучше: затеряться в толпе среди туристов или вообще избегать чужих глаз. Она часто оглядывалась через плечо, внимательно изучала лица водителей в проезжавших мимо машинах, крепче стискивала руку сына. Возле чьей-то распахнутой калитки на них принялась с лаем наскакивать дворняжка. Из дома за калиткой вышла женщина в застиранном платье в цветочек, чтобы утихомирить собаку. Но прежде, чем она успела подойти, Лидия яростно пнула дворняжку ногой, не испытывая ни малейших угрызений совести. Женщина что-то закричала им вслед, но Лидия пошла дальше, крепко держа сына за руку.

Лука поправил козырек бейсболки, которая была ему велика. В ленту вокруг головы крепко впитался отцовский пот, и время от времени мальчик двигал кепку на голове, чтобы почувствовать запах Папи. Чуть погодя он вдруг испугался, что так весь запах улетучится, и перестал трогать ее вовсе. Через некоторое время они заметили автобус и решили поехать на нем.

Стояла середина субботнего дня, и народу было немного. Заняв свободное сиденье, Лука поначалу обрадовался, но быстро понял: постоянное движение ног, носивших по городу его маленькое тело, – единственное, что хоть как-то сдерживало ужас, который грозил вот-вот обрушиться на него. Стоило ему сесть рядом с Мами в голубое пластиковое кресло и свесить ноги, как он сразу начал думать. Начал дрожать. Заметив это, мать обвила его рукой и крепко прижала к себе.

– Нельзя здесь плакать, *mijito*^[12]. Подожди немного.

В ответ Лука молча кивнул и, как ни странно, сразу перестал дрожать; слезы тоже отступили. Прислонившись головой к теплomu стеклу, мальчик выглянул на улицу. Он пытался сосредоточиться на пестрых красках города: на зелени пальмовых листьев, стволах деревьев, выкрашенных в белый для защиты от жучков, на ярко мигающих вывесках отелей и магазинов. Проезжая мимо аквапарка «Эль-Ройо», Лука смотрел на детей и подростков, стоявших в очереди за билетами. На ногах у них были шлепанцы, на плечах висели полотенца. Позади них взлетали и опускались красно-желтые водные горки. Лука положил на стекло палец и по очереди раздавил каждого ребенка. Автобус со скрипом затормозил, и в салон вошли три подростка с мокрыми волосами. Они прошли мимо Луки и его матери, не обратив на них внимания, и расселись в последнем ряду. Уперев локти в колени, они начали тихонько переговариваться.

– Папи собирался меня отвезти. Как-нибудь летом, – сказал Лука.

– Что?

– В «Эль-Ройо». Он говорил, что можно съездить летом. Когда у меня начнутся каникулы, он бы отпросился с работы.

Лидия втянула щеки и закусилa нижнюю губу. Предательский рефлекс: она злилась на мужа. Тем временем водитель закрыл двери, и автобус снова влился в общий поток машин. Лидия наклонилась и раскрыла молнию на саквояже. Затем скинула туфли на каблуках и переобулась в стеганые золотистые кроссовки бабушки. Пока что Лидия не придумала, как поступить дальше, что вообще-то было для нее нехарактерно. Но составить какой-то план было непросто, потому что собственные мысли теперь казались ей чужими – лихорадочными и вязкими одновременно. Ее хватало только на то, чтобы помнить: каждые пятнадцать-двадцать минут следует пересаживаться на другой автобус. Так они и делали. Иногда они ехали в обратную сторону, иногда продолжали тот же маршрут. Когда один из автобусов остановился возле церкви, они ненадолго заглянули внутрь. Но та часть Лидии, которая раньше испытывала желание молиться, теперь схлопнулась. Подобное случалось с ней и раньше. Когда ей было семнадцать и ее отец умер от рака; когда на позднем сроке, спустя два года после рождения Луки, у нее случился выкидыш; когда врачи сказали, что она больше не сможет иметь детей. Так что теперь Лидия не восприняла свое бесчувствие как кризис веры. Напротив, подумала,

что это проявление Божественной благодати. Что-то вроде приостановки работы правительства: Господь на время закрыл все ее второстепенные ведомства. Пока они ждали очередной автобус, Луку снова вырвало на тротуар.

На шее у Лидии сверкала тонкая золотая подвеска с тремя сцепленными колечками. Неброское украшение, но кроме него и филигранного золотого кольца на безымянном пальце левой руки никаких других она не носила. Эту подвеску ей подарил Себастьян в первое Рождество после рождения Луки, и женщина полюбила ее с первого взгляда – за символизм. С тех пор Лидия надевала ее каждый день и так свыклась с этой цепочкой, что у нее появился целый набор связанных с ней жестов. Когда Лидии было скучно, она начинала прощупывать все звенья подушечкой большого пальца. Когда она волновалась, по очереди нанизывала все три колечка на мизинец и слушала, как при этом позвякивает металл. Но сейчас она решила их не трогать. Потянулась по привычке, но вовремя себя одернула. Нет, все старые привычки ей придется оставить в прошлом. Если она надеется выжить, то должна полностью преобразиться. Лидия расстегнула цепочку и повесила на нее обручальное кольцо Себастьяна, которое раньше надела себе на большой палец. Затем снова защелкнула замочек на шее и спрятала украшение под воротник блузки.

Очень важно не привлекать внимания водителей автобусов, поскольку те нередко подрабатывали *halcones* – осведомителями на службе картелей. Лидия знала, что их с Лукой вид способен послужить естественной маскировкой: умеренно привлекательная, но не ослепительно красивая женщина неопределенного возраста едет куда-то с ничем не примечательным мальчиком. Если постараться, они будут выглядеть так, будто просто едут за покупками или в гости к друзьям. В самом деле, они могли бы поменяться местами с любыми другими пассажирами автобуса, и никто бы не заметил разницы. Что за абсурд, думала Лидия, неужели окружающие и вправду не видят, какой невероятный кошмар им с сыном только что пришлось пережить? Лидии их инакость казалась настолько очевидной, словно на обоих светились неоновые таблички. Каждую секунду ей приходилось удерживать в себе вопль, который бился внутри, словно живое существо. Он кувыркался и пинал ее под дых, как когда-то делал еще

не родившийся Лука. Лишь невероятным усилием воли ей удавалось придушить его.

Когда в свирепом хаосе ее затуманенного сознания наконец-то зародился план, она долго не могла понять, насколько он хорош. Однако, за неимением лучшего, Лидия решила действовать. Без пятнадцати четыре, прямо перед закрытием пляжа Плайя-Калетилья, они с Лукой вышли из автобуса и направились в незнакомое отделение их банка. Пока они стояли в очереди, Лидия включила мобильник и проверила баланс, после чего снова отключила аппарат. Затем заполнила форму на выдачу почти всей суммы, хранившейся у них на счете: 219 803 песо, что приблизительно равнялось 12 500 долларам. Большая часть этих денег досталась семье в наследство от крестного отца Себастьяна, бездетного владельца компании по розливу напитков. Лидия попросила, чтобы всю сумму ей выдали крупными купюрами.

Несколько минут спустя они снова сели в автобус. Все их семейные сбережения теперь лежали на дне красного саквояжа бабушки в трех пузатых конвертах. Через час, сменив три автобуса, Лидия с Лукой вышли на остановке в Диаманте и отправились в местный «Уолмарт». Там они купили рюкзак для Луки, две упаковки нижнего белья, две пары джинсов, шесть белых футболок без рисунков, две толстовки с капюшоном, две теплые куртки, две зубные щетки, пачку одноразовых салфеток, пластыри, солнцезащитный крем, бальзам для губ, аптечку первой помощи, две фляги, два фонарика, батарейки и карту Мексики. В хозяйственном отделе Лидия долго выбирала подходящий мачете и в итоге остановилась на небольшой модели со складным лезвием и аккуратным крепким чехлом, который можно было пристегнуть к ноге. Конечно, это не пистолет, но все же лучше, чем ничего. Расплатившись наличными, мать с сыном покинули магазин. Пройдя под эстакадой, они свернули к пляжным отелям; на Луке по-прежнему была отцовская бейсболка, а Лидия по-прежнему старалась не трогать свою любимую золотую подвеску. Женщина внимательно вглядывалась в каждого встречного: других пешеходов, водителей в проезжавших мимо машинах и даже худеньких ребят на скейтбордах. Она знала: в этом городе *halcones* шныряли повсюду. Лидия с Лукой прибавили шагу. Выбор пал на гостиницу «Дукеса Империял» – в первую очередь из-за ее размера. Достаточно большая, эта гостиница могла обеспечить конфиденциальность постояльцев, но при этом была недостаточно

новой для того, чтобы привлечь любителей модных мест. На стойке регистрации Лидия попросила номер с видом на улицу и снова расплатилась наличными.

– Еще нам понадобится номер вашей кредитки на случай непредвиденных расходов, – объявил администратор, положив в бумажный конвертик две карточки-ключа.

Взглянув на ключи, Лидия прикинула: может, просто схватить их и рвануть к лифту? Но все же открыла саквояж и сделала вид, будто ищет кредитку.

– Ну и ну, – сказала она наконец. – Кажется, я оставила ее в машине. А какой у вас залог?

– Четыре тысячи песо. – Администратор одарил ее стерильной улыбкой. – Разумеется, потом мы полностью возместим вам эту сумму. Перечислим ее на ваш счет.

– Разумеется.

Поставив саквояж на колесо, Лидия нащупала деньги и, не доставая конверта, аккуратно отсчитала четыре тысячи песо.

– Ничего, если наличными? – спросила она.

– Э-э-э... – Администратор замялся и кинул тревожный взгляд на старшего управляющего, который в тот момент заселял другого клиента.

– Ничего, – отозвался управляющий, не поднимая глаз.

Администратор кивнул и забрал у Лидии четыре розовые купюры. Положив их в конверт, он запечатал края.

– Ваше имя, пожалуйста. – Его черная ручка зависла над конвертом.

На мгновение Лидия задумалась и назвала первое имя, которое пришло ей в голову:

– Фермина Даса.

Администратор протянул ей ключи от номера:

– Приятного отдыха, мисс Даса.

В лифте, едущем на десятый этаж, Лука провел самые долгие полторы минуты своей жизни. У него болели ноги, болела спина, и он до сих пор так и не поплакал. На четвертом этаже в кабину зашла семья, но, узнав, что лифт едет наверх, снова вышла. Родители держались за руки и смеялись, их двое детей о чем-то препирались. Когда за ними закрывалась дверь, один из детей, – мальчик – оглянулся и показал Луке язык. Внутренний голос и едва заметные сигналы,

которые ему подавала мать, подсказывали Луке, что нужно вести себя как ни в чем не бывало, и до сих пор он более или менее справлялся с этой непосильной задачей. Но теперь с ними в лифте ехала элегантная пожилая дама, и она восхищалась золотыми стегаными кроссовками Мами. Бабушкиными кроссовками. Лука часто-часто заморгал.

– Какая красивая у вас обувь – и такая необычная! – сказала дама, легонько похлопывая Мами по плечу. – Где вы ее купили?

Отвечая даме, Лидия смотрела не на собеседницу, а себе под ноги.

– Ой, даже и не помню, – сказала она. – Им уже много лет.

Затем она несколько раз яростно вдавила кнопку десятого этажа, что никак не отразилось на скорости лифта, но произвело нужный эффект: прекратило все дальнейшие попытки с ней заговорить. Когда на шестом этаже дама вышла, Мами торопливо нажала четырнадцатую, восемнадцатую и девятнадцатую кнопку. Они доехали до десятого этажа, а потом спустились по лестнице на седьмой.

Когда Мами наконец открыла дверь в их номер, хорошенько оглядела застеленный ковром коридор и затолкала сына внутрь, после того как она повернула замочную ручку, задвинула щеколду и, протащив по кафельной плитке рабочее кресло, подперла спинкой дверь, с Лукой случилось нечто удивительное. Вот что случилось: абсолютно ничего. Волна горя, все это время бурлившая где-то внутри, так и не выплеснулась наружу. Но и не спала. Она по-прежнему дыбилась на задворках его сознания, запертая в невидимых берегах, словно затаенное дыхание.

Мальчику казалось, что, поверни он голову, дотронься он до этого шарообразного ужаса лишь самым кончиком пальца, тотчас хлынет поток такой чудовищной мощи, что Луку навсегда унесет прочь. Он очень старался сидеть смирно. Потом скинул кроссовки и сел на край единственной кровати. В центре лежало полотенце, сложенное в виде лебедя; Лука потянул его за шею и бросил на пол. Схватившись за пульт, словно это был спасательный круг, мальчик включил телевизор.

Тем временем Мами перетащила из прихожей пакеты, рюкзаки и красный саквояж и вытряхнула содержимое на журнальный столик. Она принялась срывать ярлыки и раскладывать все по стопкам, но внезапно рухнула в кресло и сидела так, не двигаясь, по меньшей мере минут десять. Лука на нее не смотрел: он прилип к экрану. По детскому каналу показывали сериал «Опасный Генри», и он сделал

звук громче. Когда Мама наконец очнулась, она подошла к мальчику и с силой поцеловала его в лоб. Затем открыла дверь на балкон. Правда, она сомневалась, что во всем мире теперь найдется достаточно свежего воздуха, чтобы прочистить ей голову, но попытаться стоило. Оставив дверь открытой, Лидия шагнула наружу.

Теперь она понимала, что в чувстве ужаса все-таки было нечто хорошее: оно вытесняло скорбь. Она знала, что вскоре ей придется встретиться лицом к лицу с тем, что случилось. Но в настоящий момент мысль о том, что еще только может случиться, сводила на нет самую жуткую тоску. Выглянув с балкона, Лидия внимательно изучила улицу. Сказала себе, что там никого нет. Что они с сыном в безопасности.

В этот момент в вестибюле на первом этаже администратор отпросился со своего поста и направился в комнату отдыха для персонала. Зайдя в туалет, он закрылся во второй кабинке, достал из внутреннего кармана пиджака одноразовый мобильный и отправил сообщение: «В гостиницу “Дукеса Империял” только что заселились два особенных гостя».

4

С Хавьером Креспо Фуэнтесом Лидия познакомилась однажды ранним утром во вторник, когда ставила у входа в свой книжный магазин черную меловую доску. В ту неделю она отобрала десять романов из самых отдаленных уголков мира и написала на доске: «Книга дешевле, чем билет на самолет!» Подперев ногой входную дверь, Лидия подняла этот самодельный рекламный щит, как вдруг увидела мужчину, спешащего ей на помощь. Пока он держал для Лидии дверь, над ними многозначительно звенел колокольчик.

– Спасибо, – поблагодарила она.

Мужчина кивнул и сказал:

– Но намного опаснее.

Нахмурившись, Лидия поставила доску на тротуар.

– Простите, что?

– Ваше объявление. – Мужчина показал рукой. Она отступила, чтобы перечитать написанное. – Книжки, конечно, дешевле путешествий, но и намного опаснее.

Лидия улыбнулась:

– Полагаю, все зависит от того, куда ехать.

В магазине она предоставила мужчине разглядывать полки, а сама встала за прилавок. Через некоторое время мужчина подошел к ней со стопкой книг, и Лидию поразило его выбор.

Лидия уже почти десять лет владела магазином, и он был заполнен книгами, которые она любила, и книгами, от которых она была не в восторге, но знала, что они хорошо разойдутся. Кроме того, у нее имелись открытки, ручки, календари, игрушки, настольные игры, очки для чтения, магнитики и брелоки. Именно благодаря этой мелочи, а также бестселлерам магазин приносил кое-какую прибыль. Лидия уже давно находила тайное удовольствие в том, чтобы среди популярных товаров выставлять свои секретные сокровища, жемчужины, которые когда-то распахнули ее сознание и изменили ее жизнь. Некоторые из этих книг даже не были переведены на испанский, но Лидия все равно ставила их на полки – не потому, что надеялась когда-нибудь продать, а просто потому, что рядом с ними чувствовала себя счастливой. В

магазине было около дюжины таких книг, которые так ни разу и не покинули своих насиженных мест, наблюдая, как сменяют друг друга их соседи. Случалось, что Лидия находила книгу, которая задевала ее за живое, открывала неизведанные прежде горизонты и полностью меняла ее представление о мире, – и тогда секретная коллекция магазина пополнялась. Изредка Лидия пыталась предложить такую книгу какому-нибудь покупателю – но только хорошо знакомому, приятному человеку, который, по ее мнению, был способен по достоинству оценить предложенное сокровище. Но почти всегда ее ждало разочарование. За десять лет, что Лидия тут работала, лишь дважды ей посчастливилось наблюдать, как покупатель сам, по собственному желанию, принес на кассу книгу-сокровище. Лишь дважды за целое десятилетие между полками магазина замерцало чудо, а колокольчик над дверью, словно ветвь омелы, обещал нечто волшебное.

Незнакомец подошел к прилавку, где Лидия тем временем просматривала каталог. И когда она начала пробивать книги, то с изумлением обнаружила не одно, а целых два сокровища: «Сердце, ты мучитель, ты дрянь» Лии Хагер Коэн и «Местонахождение Энея Макналти» Себастьяна Барри.

– Боже мой, – выдохнула Лидия.

– Что-то не так?

Она подняла глаза и только в тот момент по-настоящему его увидела, хотя на входе они успели немного поболтать. Для утра вторника мужчина был одет чересчур элегантно: темно-синие брюки и белая рубашка; такой наряд скорее подходил для воскресной мессы, а не для работы в будний день. Его густые черные волосы были разделены аккуратным пробором и зачесаны набок в духе пятидесятых. На носу – очки в толстой оправе из черного пластика, тоже старомодные, такие винтажные, что уже смотрелись интересно. За толстыми линзами плескались огромные глаза; усы чуть подрагивали.

– Это мои любимые книги. – Объяснение получилось так себе, но ничего лучше Лидия не придумала.

– И мои. – Мужчина робко улыбнулся, отчего кончики его усов едва заметно поднялись.

– Вы их уже читали? – Лидия обеими руками сжимала «Сердце, ты мучитель, ты дрянь».

– Ну, на самом деле только эту.

Он показал на книгу, которую Лидия держала в руках. Взглянув на обложку, та спросила:

– *You read in English?*^[13]

– Пытаюсь, да. У меня хороший английский, почти свободный. Но тут такая запутанная история. Подозреваю, что, когда читал в первый раз, что-то все-таки упустил. Теперь хотелось бы наверстать.

– Понимаю. – Лидия улыбалась, чувствуя себя немного странно. Не обращая внимания на это ощущение, она беззаботно продолжила: – Приходите, когда дочитаете, обсудим!

– Правда? – Собеседник охотно закивал. – У вас тут есть книжный клуб?

Она слегка приоткрыла рот, а потом рассмеялась:

– Нет! Тут только я!

– Так даже лучше.

Мужчина улыбнулся, и Лидия внезапно помрачнела: ей совсем не хотелось, чтобы этот момент вышел за границы благопристойности. Он флиртует? Когда на этот счет возникают сомнения, ответ, скорее всего, «да». Лидия опустила книгу на прилавок, прикрывая обложку ладонью.

Мужчина уловил напряжение в этом жесте и сразу постарался исправить ситуацию:

– Я имел в виду, что лишние мнения могут лишь помешать самостоятельному восприятию текста. – Он взглянул на книгу под ладонью Лидии и добавил: – Замечательная вещь. Просто замечательная.

Лидия сдержанно улыбнулась, подняла с рычага сканер и направила его на книгу.

В следующий понедельник мужчина пришел снова и сразу направился к кассе, хотя в тот момент Лидия была занята с другим покупателем. Ее новый знакомый подождал, стоя рядом и положив руки на прилавок. Когда покупатель наконец ушел, они широко улыбнулись друг другу.

– Ну как? – спросила она.

– Невероятно! Даже лучше, чем в первый раз.

– Да! – Лидия хлопнула в ладоши.

Одна из главных героинь книги страдала от необычного расстройства: ей хотелось прыгать с высоты. Она не пыталась умереть, но из-за этого опасного пристрастия постоянно себя калечила.

– У меня такое же расстройство, – неожиданно признался Хавьер.

– Да вы что?! Не может быть!

Расстройство было фантазией автора.

И тем не менее Лидия тоже страдала от него. Если она слишком близко подходила к ограде своего балкона, ей приходилось крепче держаться за перила. Приходилось вдавливать пятки в пол. Она боялась, что однажды просто сиганет вниз – бесцельно, бездумно. Разобьется о тротуар под рев и свист машин, которые будут напрасно пытаться объехать ее тело. Скорая опоздает. Лука останется сиротой, и все ошибочно решат, что она покончила с собой. Чтобы избежать такой кончины, Лидия раз за разом прокручивала в голове этот сценарий. *Мне нельзя прыгать.*

– А я-то думал, я один такой, – признался Хавьер. – Я был уверен, что все это какое-то безумное порождение моего сознания. И вот оно, в точности то же самое, в этой книге.

Лидия даже не сразу заметила, что слушает с открытым ртом. Она тяжело опустилась на стул.

– А я думала, это я одна такая.

Хавьер поднял руки с прилавка и выпрямил спину.

– И вы тоже?

Лидия молча кивнула.

– *Well, my God!*^[14] – воскликнул Хавьер и рассмеялся. – Что ж, можно открывать группу поддержки.

И так они стояли и разговаривали – так долго, что в какой-то момент Лидия предложила гостю кофе, и тот ответил согласием. Она подтащила табуретку к дальнему концу прилавка, чтобы мужчине было удобнее пить. Он очень старался не запачкать усы кофейной пенкой. Они говорили про литературу и поэзию, про экономику и политику, про музыку, которую оба обожали. Хавьер провел в магазине два часа, и Лидия даже начала волноваться, как бы его не хватились на работе или где-то еще. В ответ мужчина лишь небрежно отмахнулся.

– Сейчас для меня нет ничего важнее нашего разговора, – сказал он.

Лидия всегда мечтала, что именно так когда-нибудь и будут проходить ее дни в книжном магазине. Что в перерывах между повседневной каторгой предпринимательства она будет развлекать любимых покупателей – таких же коммуникабельных и обаятельных, как и книги вокруг них.

– Мне осталось найти еще троих таких же покупателей, как вы, и можно считать, что жизнь удалась, – заметила Лидия, допивая кофе.

Хавьер положил руку на грудь и слегка поклонился.

– Постараюсь заменить их всех, – пообещал он, а потом добавил негромко и как бы невзначай: – Знаете, в другой жизни я бы попросил вас стать моей женой.

Лидия резко поднялась с табуретки и покачала головой.

– Извините, – сказал Хавьер. – Не хотел вас смущать.

Лидия молча собрала чашки. Проблема заключалась не в этом признании, а в предательском чувстве: в другой жизни она, возможно, сказала бы «да».

– Пора мне приниматься за работу, – сказала она наконец. – Сегодня мне еще нужно сделать один заказ. И упаковать кое-какие посылки.

В тот день Хавьер купил семь книг, три из них – по совету Лидии.

Утром пятницы, во время летнего ливня, под навесом на входе в магазин возникли двое крупных грозных мужчин. Вскоре показался Хавьер. Увидев его, Лидия испытала острый прилив счастья: ей так хотелось обсудить новые книги! Она пыталась вести себя как обычно, но при виде двух незнакомцев, по-прежнему стоявших под навесом, у нее в груди перехватывало дыхание.

– Они вас нервируют, – заметил Хавьер.

– Я просто не понимаю, что им нужно. – Лидия поднялась со своего обычного места и принялась расхаживать вдоль прилавка.

Как и все владельцы соседних магазинов, она уже заплатила картелю дань за этот месяц. Платить больше она просто не могла.

– Я их прогоню, – сказал Хавьер.

Схватив его за руку, Лидия стала возражать и говорила все громче, а ее собеседник, напротив, успокаивал ее приглушенным голосом. Она попыталась преградить ему дорогу, но Хавьер обогнул ее и прошел мимо.

– Они вас покалечат! – прошептала она яростно, но стараясь не привлекать внимания.

В ответ мужчина лишь улыбнулся, отчего кончики усов слегка дрогнули, и снова ее подбодрил:

– Не покалечат.

Лидия поспешно спряталась за прилавком, а ее новый друг открыл дверь и переступил через порог. Она с удивлением наблюдала, как он спокойно разговаривает с двумя накачанными бандитами под навесом магазина. Те указывали на дождь, но Хавьер вскинул руку, словно стрелял из пистолета, и мужчины послушно шагнули в пелену ливня.

Лидия долго отказывалась понимать, что к чему. Визиты Хавьера становились чаще и продолжительнее, темы бесед становились все более личными, и дважды она мельком замечала фигуры тех самых мужчин. Однако она заставила себя забыть о власти, которую продемонстрировал Хавьер тем дождливым утром. Когда он впервые заговорил о своей жене, которую любовно называл *la reina de mi corazón*, «владычица моего сердца», настороженность Лидии ослабла. Когда он рассказал ей о существовании молодой любовницы, которую называл *la reina de mis pantalones*, «владычица моих штанов», заслоны рухнули почти полностью.

– Отвратительно! – заключила она, но с удивлением обнаружила, что и сама смеется.

В том, что женатый мужчина завел роман на стороне, не было ничего необычного, но вот так вот запросто обсуждать это с другой женщиной – это было совершенно неслыханно. Именно поэтому признание Хавьера сослужило сразу две службы: с одной стороны, избавило Лидию от подозрений (хотя и лестных) на романтическую привязанность, а с другой – по мере того как мужчина раскрывал потаенные грани своей личности – связало их тесными узами дружбы. Они доверяли друг другу секреты, делились смешными историями, наблюдениями, разочарованиями. Порой они даже рассказывали друг другу о том, что раздражало их в супругах.

Как-то раз Лидия пожаловалась, что Себастьян оставляет на кухонном столе грязные носки.

– Если бы я был твоим мужем, я бы никогда так не поступил! – воскликнул Хавьер.

– Конечно нет. – Лидия рассмеялась. – Ты был бы идеальным мужем.

– Я бы каждый день стирал все грязные носки!

– А то!

– Я бы каждую неделю сжигал все старые носки и покупал бы новые!

– Ага.

– Я бы и вовсе отказался от носков, если бы это сделало тебя счастливой!

Вопреки себе Лидия опять рассмеялась. В ответ на подобные заявления она просто закатывала глаза, потому что легкий флирт был лишь мимолетной тучкой на небосклоне их дружбы. Между ними разражались и настоящие грозы. Например, оказалось, что их отцы умерли примерно в одно и то же время и при похожих обстоятельствах – от рака. Это знание сделало их еще ближе. У обоих когда-то были хорошие отцы, и оба потеряли их в юном возрасте.

– Словно вступил в самый дерьмовый клуб по интересам, да? – заметил как-то Хавьер.

Отец Лидии умер почти пятнадцать лет назад, и хотя теперь она горевала лишь временами, в эти моменты скорбь оставалась такой же острой, как и в день его смерти.

– Я знаю, каково это, – говорил Хавьер, хотя она не упоминала об этом напрямую.

Так что она терпела его настойчивые заигрывания, а он, в свою очередь, принимал – вероятно, не без удовольствия – ее твердые отказы. Лидия считала, что это придает ему особенное обаяние.

– Но, Лидия, – галантно говорил Хавьер, прижав руки к сердцу, – исключая других моих возлюбленных, ты и есть *la reina de mi alma*.

Владычица моей души.

– Что бы сказала на это твоя бедная жена?

– Моей замечательной жене хочется только одного: чтобы я был счастлив!

– Да она у тебя святая!

Он часто рассказывал о своем единственном ребенке, шестнадцатилетней девушке, которая училась в частной школе в Барселоне. Стоило Хавьеру заговорить о ней, как в нем все менялось: голос, лицо, жесты. Его любовь к дочери была так сильна, что даже в разговорах он упоминал о ней в самых деликатных выражениях. Ее имя было словно хрупкий хрустальный шар, который Хавьер боялся уронить.

– Я часто шучу про своих многочисленных возлюбленных, но на самом деле любовь у меня только одна, – с улыбкой сказал Хавьер. – Марта. *Es mi cielo, mi luna y todas mis estrellas*^[15].

– Я ведь и сама мать, – кивнула Лидия. – Я знаю эту любовь.

Ее друг сидел напротив на табурете, который она теперь считала его табуретом.

– Эта любовь настолько огромна, что иногда меня пугает, – продолжал Хавьер. – Я не надеюсь ее заслужить, поэтому мне страшно, что однажды она исчезнет, поглотит меня без остатка. И в то же самое время, кроме нее за всю свою жизнь я не сотворил ничего хорошего.

– Ой, Хавьер... это наверняка неправда.

Ее собеседник помрачнел. Покачав головой, потер глаза под стеклышками очков.

– Просто моя жизнь сложилась совсем не так, как я хотел, – сказал он. – Знаешь ведь, как оно бывает.

Но Лидия не знала. Они уже несколько недель как дружили и все лучше узнавали друг друга, но в этом вопросе не могли найти общий язык. Лидия не думала, что у нее будет только один ребенок, но в остальном ее жизнь сложилась именно так, как она хотела. Она давно оставила в прошлом надежду родить дочь, сумела смириться с этим разочарованием. Лидия была довольна выбранным путем, и даже более того. Она была счастлива. Но теперь Хавьер смотрел на нее через стекла своих очков, и в его глазах читалось отчаянное желание быть понятым. Сжав губы, она сказала:

– Расскажи мне все.

Хавьер снял очки, сложил их и, моргая, спрятал в нагрудный карман рубашки. Оставшись без привычной защиты, его глаза казались маленькими и уязвимыми.

– Я мечтал стать поэтом! – Он рассмеялся. – Нелепо, правда? В наше-то время! – Лидия накрыла ладонью его руку. – Я думал, что стану ученым. Буду вести спокойную жизнь. Меня бы вполне устроила бедность.

Лидия скривила рот и провела пальцем по циферблату элегантных часов на его запястье.

– Что-то я сомневаюсь, – сказала она.

Хавьер пожал плечами:

– Я и правда люблю хорошие ботинки.

– И стейки, – напомнила она.

– Да, но кто же не любит вкусный стейк? – со смехом ответил он.

– Ты бы разорился на одних только книгах.

– *Dios mío*^[16], Лидия, ты права! Из меня бы получился никудышный бедняк.

– Ужасный, – согласилась она и, немного помолчав, добавила: – Но если ты и правда несчастлив, еще ведь не поздно, правда? Ты ведь еще молодой.

– Мне пятьдесят один год!

Даже меньше, чем она думала.

– Да ты, считай, ребенок. Да и вообще, из-за чего ты так грустишь?

Хавьер опустил глаза на прилавок, и Лидия с удивлением увидела на его лице гримасу искреннего страдания. Склонившись к нему поближе, она негромко сказала:

– Ты можешь изменить свою жизнь, Хавьер. Точно можешь. Ты такой талантливый, такой способный человек. Что тебе мешает?

– Да ну. – Хавьер покачал головой и снова надел очки. Его лицо вновь приобретало привычные очертания. – Теперь это просто романтические мечты. Все кончено. Я сделал выбор давным-давно. И оказался, где оказался.

– Но ведь получилось не так уж и плохо? – спросила Лидия, покрепче сжав его руку. Так она могла бы говорить с Лукой, пытаясь настроить сына на более оптимистичный лад.

Хавьер медленно моргнул и слегка склонил голову набок. Этот жест было трудно истолковать.

– Сойдет и так, – ответил он наконец.

Тогда Лидия распрямилась и, глотнув из чашки почти остывший кофе, заметила:

– В результате теперь у тебя есть Марта.

– Да, Марта. – Глаза Хавьера заискрились. – И ты.

В следующий раз он пришел к ней с коробкой печенья кончас и уселся на свое обычное место. Лидия ходила между полками, помогая покупателям выбирать книги. Хавьер тем временем открыл свою коробку и выложил на салфетки два печенья в форме ракушек. Когда покупатели подходили на кассу, чтобы расплатиться, он здоровался с ними так, словно и сам работал в магазине. А потом предлагал им

угоститься. Когда они с Лидией наконец остались вдвоем, Хавьер выудил из внутреннего кармана пиджака небольшой блокнот и положил его на прилавок.

– Что это такое? – спросила Лидия.

Тревожно сглотнув, ее друг ответил:

– Мои стихи.

Глаза Лидии широко распахнулись от восторга.

– Я никому раньше их не показывал. Только Марте. Она изучает в школе поэзию. А еще французский и математику. Она, конечно, намного умнее своего старого папаши.

– Ах, Хавьер.

Мужчина беспокойно теребил краешек блокнота.

– Я всю жизнь пишу стихи. С самого детства. Я подумал, может, ты захочешь их послушать.

Лидия придвинула табурет поближе и опустила подбородок на переплетенные руки. Между ней и Хавьером на промасленной салфетке лежало печенье. Он открыл блокнот и принялся листать потрепанные страницы. Хавьер переворачивал их медленно и осторожно, пока наконец не добрался до нужного места. Затем он прокашлялся и стал читать.

До чего же скверными оказались его стихи! Мрачные и в то же время совершенно пустые, такие ужасные, что Лидия еще сильнее полюбила своего друга – за то, что он доверился ей и предстал перед ней таким беззащитным. Закончив, Хавьер выжидательно посмотрел на Лидию. Его лицо исказила тревога. Но она искренне сказала с сияющим, теплым взглядом:

– Прекрасно. Очень красиво.

Их дружба крепла и развивалась на удивление стремительно. Вскоре заигрывания почти полностью сошли на нет, а вместо них возникло чувство близости, которое Лидия прежде испытывала только в кругу семьи. Связь с Хавьером была чисто платонической, но привносила в ее жизнь новые краски.

Благодаря ему Лидия поняла, что в возрасте степенного материнства жизнь по-прежнему может быть увлекательной, что всегда есть шанс встретиться с чем-то, с кем-то новым. В день ее рождения – хотя, как Лидии помнилось, она не сообщала ему эту дату – Хавьер вручил ей

серебристый сверток размером с книгу. На ленточке было написано: «*Jacques Genin*».

– Это тебе от главного шоколатье Парижа, – объяснил он.

Поколебавшись, хотя и не очень убедительно, Лидия приняла подарок (шоколад она обожала). По чистой случайности она съела эти крошечные шедевры все до последнего прежде, чем за ней явились Себастьян и Лука, чтобы отвести ее на праздничный ужин.

Из-за участвовавших стычек между картелями семья Лидии – как в общем-то и большинство семей Акапулько – почти перестала ходить по ресторанам. Установленный порядок нарушила молодая группировка «Лос-Хардинерос». Поначалу это название не вызывало среди населения должного страха, впрочем, эта проблема быстро была решена. Очень скоро жители города узнали, что эти «Садовники» редко используют огнестрельное оружие, давая волю своей фантазии. Им импонировали более уютные орудия: лопаты, топоры, серпы, крюки и мачете. Простейшие инструменты ручного труда. С их помощью «Лос-Хардинерос» могли перевернуть землю; с их помощью они выкорчевывали и погребали своих соперников. Кое-кому из свергнутых правителей удавалось выжить; некоторые присоединялись к рядам захватчиков, но большинство бежали прочь. В результате кровопролитие почти прекратилось, и победитель набросил на плечи города покров тревожной тишины. На протяжении четырех месяцев на улицах Акапулько было относительно спокойно, и жители стали осторожно выходить на улицы, в рестораны и магазины. Они горели желанием восстановить разрушенную экономику. Они мечтали выпивать в барах. И поэтому Лидия с семьей отправилась в ресторан, выбранный скорее из-за соображений безопасности, а не качества обслуживания, в самом приличном районе, где деньги туристов накладывали на бандитов определенные ограничения. Там, в окружении сияющих лиц своих родных, она задула свечи на торте в свой тридцать второй день рождения.

Чуть позже тем же вечером, когда Лука отправился спать, а Себастьян открыл бутылку вина, они снова завели разговор о текущем положении дел в Акапулько. Лидия стояла за кухонной стойкой, отставив чуть в сторону винный бокал.

– Здорово, что мы сегодня выбрались, – сказала она.

– Словно снова все в порядке, правда? – Себастьян сидел на диване, закинув скрещенные ноги на журнальный столик.

– На улице было много людей.

В тот вечер они впервые за год побывали в ресторане вместе с Лукой.

– Теперь осталось только вернуть туристов, – сказал Себастьян.

Лидия тяжело вздохнула. Для Акапулько туристы всегда были главным источником жизненной силы, но почти всех их отпугнули бандитские разборки. Она не знала, как долго продержится ее магазин, если в скором времени они не вернуться. Хотелось верить, что недавнее затишье предвещает смену курса.

– Как думаешь, все действительно налаживается?

Себастьяну было известно о картелях буквально все – что одновременно и восхищало, и расстраивало Лидию. Ее муж знал множество подробностей. Большинство людей были как Лидия: они не хотели знать. Они пытались отгородиться от жуткой реальности наркомира, потому что не смогли бы жить с этим знанием. Напротив, Себастьян жадно поглощал информацию. Он часто говорил: свободная пресса – последняя линия обороны, единственное, что стоит между народом Мексики и полным уничтожением. Таково было его призвание, и по молодости Лидия восторгалась его идеализмом. Она была уверена, что любой ребенок Себастьяна выйдет из ее утробы с достоинством и полным набором непогрешимых моральных принципов. Этим детям даже не придется объяснять разницу между добром и злом. Но теперь картели каждый месяц убивали какого-нибудь журналиста, и принципиальность мужа ужасала Лидию. Такое поведение казалось лицемерным, эгоистичным. Лидии больше хотелось видеть его живым, чем верным своим убеждениям. Она мечтала, чтобы Себастьян сменил работу на что-то более спокойное, безобидное. Конечно, она пыталась его поддерживать, но порой начинала злиться от того, что муж подвергает себя такой опасности. Когда в Лидии вспыхивала эта злость, они с мужем с трудом обходили ее, словно огромный шкаф в тесной комнате.

– Ну, кое-что уже наладилось, – задумчиво ответил Себастьян, поднеся к губам бокал вина.

– Да, стало поспокойнее. Но действительно ли стало лучше?

– Наверное, зависит от того, как посмотреть. – Он поднял на нее глаза. – Если хочется ходить по ресторанам, то да, стало лучше.

Лидия нахмурилась. Да, ей действительно хотелось ходить по ресторанам. Неужели она была такой легкомысленной?

– Новый *хефе* не дурак, – продолжал Себастьян. – Он понимает, что главное – стабильность. Он хочет мира. Кто знает, может, под «Лос-Хардинерос» все будет лучше, чем раньше.

– В каком смысле лучше? Думаешь, он наладит экономику? Вернет туристов?

– Не знаю, может быть. – Себастьян пожал плечами. – Если он сумеет положить конец насилию. По крайней мере, сейчас оно распространяется только на других наркоторговцев. Никто не стреляет по невинным людям ради забавы.

– А как насчет того парня на пляже? На прошлой неделе?

– Случайность. Просто попал под руку.

Лидия поежилась и жадно глотнула вина. Ее муж вовсе не был таким уж циником. Она терпеть не могла, когда он так разговаривал. Заметив, как ее передернуло, Себастьян поднялся с дивана, протянул руку и крепко сжал ее ладонь.

– Знаю-знаю, это ужасно. Но тот парень на пляже – просто несчастный случай. Они охотились не за ним. – Он легонько потянул ее за руку. – Давай посидим?

Лидия обошла кухонную стойку и села рядом с ним на диван.

– Я знаю, что тебе не нравится такая точка зрения, но в конечном счете эти ребята – обыкновенные бизнесмены, и новый *хефе* – поумнее многих. – Себастьян обвил жену рукой. – Я бы не назвал его типичным наркоторговцем. В другой жизни из него бы получился Билл Гейтс. Или еще кто. Какой-нибудь предприниматель.

– Отлично. – Лидия провела рукой по груди мужа и положила голову ему на плечо. – Думаешь, ему стоит пойти в мэры?

– Нет, такому самое место в Торговой палате, – ответил Себастьян со смехом.

Но Лидия не могла последовать его примеру. На мгновение в комнате воцарилась тишина. А потом Себастьян сказал:

– Ла-Лечуса.

– Что?

– Так его называют. Сова.

Тут женщина не выдержала и расхохоталась.

– Ты что, серьезно?

Она подняла голову и заглянула мужу в глаза, пытаясь определить, не шутит ли он. Иногда он рассказывал ей всякие глупости, просто чтобы посмотреть, как далеко простирается ее доверчивость. Но сейчас он смотрел на нее невинным взглядом.

– Сова? Какое ужасное имя! – воскликнула Лидия. – Совы совсем не страшные.

– Да ты что? Жутко страшные.

– Ну нет.

– Уу-ху!

– Боже мой, прекрати.

Себастьян пробежал пальцами по ее волосам, и Лидия вновь прильнула к его груди. В его дыхании сквозил сладкий аромат красного вина.

– Я люблю тебя, Себастьян.

– Уу-ху!

Они рассмеялись. Начали целоваться. Вино осталось стоять на столике.

И только поздно ночью, когда муж уснул, подложив под голову локоть; когда его посапывание окутало комнату уютной пеленой; когда Лидия сидела, пытаясь читать в круге света, заливавшем только ее сторону кровати, – она ощутила в груди странный укол тревоги. В памяти всплыли слова Себастьяна: «В другой жизни из него бы получился Билл Гейтс». Захлопнув книгу, Лидия отложила ее на тумбочку.

В другой жизни. Слова отдавались у нее в голове неприятным эхом. Она откинула одеяло и свесила ноги с кровати. Себастьян вздрогнул, но не проснулся. В своей мешковатой футболке, которая едва прикрывала ей зад, Лидия направилась в коридор и ступила на холодную, залитую лунным светом плитку. На цыпочках она прокралась на кухню, к столу, за которым они часто ужинали втроем. Рядом стоял полурасстегнутый рюкзак мужа. Лидия вытащила оттуда ноутбук и зажгла свет над плитой. На дне рюкзака виднелись блокноты и несколько папок с фотографиями и документами.

Лидия очень хотела бы ошибиться и все же в глубине души уже знала ответ. Одна из самых последних фотографий во второй папке:

там, за столом на веранде, в окружении нескольких мужчин, сидел человек, который был ей так дорог. Широкие усы, характерные очки. Теперь стало очевидно, кто такой Ла-Лечуса. Даже после вина и праздничного торта у нее во рту по-прежнему сохранялся привкус его шоколадных конфет.

5

Дома в маленькой комнате Луки на прикроватной тумбе стоял ночник в форме Ноева ковчега. Не слишком яркий, он давал достаточно света, чтобы видеть, где босые ступни мальчика соприкасаются с плиткой, когда посреди ночи тот вдруг просыпался от кошмара, скидывал с себя одеяло и бежал к Папи. Поэтому теперь, проснувшись в гостинице «Дукеса Империял», он был в растерянности. Разглядеть что-либо в темноте не представлялось возможным. Усевшись в незнакомой постели, он свесил ноги на пол.

– Папи?

Сначала мальчик всегда звал Папи. Подходил к кровати родителей с его стороны, хлопал отца по плечу – и тот укладывал Луку рядом, обхватив его рукой, и никогда не отправлял обратно к себе. От отцовской подушки немного пахло янтарной жидкостью, которую Папи пил перед сном. С Мами было здорово в дневные часы; но Папи оказывался лучше, бесконечно лучше, когда приходилось терпеть ночные пробуждения Луки.

– Папи! – снова позвал Лука. Его голос странно разносился вокруг, не натываясь на стены.

Вцепившись пальцами в толстое одеяло, мальчик попробовал по-другому:

– Мами?

Где-то рядом слышалось дыхание, которое на миг прервалось, а затем прозвучало:

– Я здесь, мой милый. Иди ко мне.

Мами. Укутав ноги одеялом, мальчик прислонился спиной к подушкам в изголовье – и тут все вернулось одним махом. Воспоминания о случившемся. Осознание, где они находятся. Из его тельца вышел весь воздух, коленки подтянулись к подбородку. Лука спрятал лицо в ладонях и закричал, сам того не желая: звук вырвался невольно. Мами быстро вскочила на колени и дернула выключатель прикроватной лампы. Комната озарилась светом, но Лука ощущал его лишь сквозь опущенные ставни своих век. Мать притянула мальчика к себе и, затолкав под него свои ноги, заключила в объятия; очень долго

Лука просидел, сжавшись в комок на ее коленях. Мами не пыталась его утихомирить, она просто была рядом и держала его крепко-крепко. Казалось, они угодили в эпицентр бури. Спустя минут пятнадцать, когда худшее миновало, у Луки щипало глаза и он по-прежнему не мог расслабить мышцы, но, по крайней мере, снова дышал. Вдох-выдох, вдох-выдох. Его лицо опухло от слез.

Затем Лидия, одетая в одну из тех длинных футболок, что они купили в супермаркете, поднялась с постели. Лука скорчился от боли. Это мимолетное отчуждение вызвало в нем настоящие физические мучения. Лидия взяла со стола бутылку воды и вернулась к сыну.

– Я здесь, – сказала она. – Я никуда не уйду.

Лука лежал на боку, свернувшись клубком. Мами открутила крышку и глотнула, а потом протянула бутылку мальчику. Ее черные волосы ниспадали беспорядочной волной. Лука замотал головой, но мать настаивала:

– Садись. Попей немного.

Он заставил себя сесть. Лидия приложила к его губам горлышко бутылки и стала понемногу его поить – так же она делала, когда сын был еще совсем маленьким.

– Мне однажды сказали, что единственное, что можно посоветовать человеку в горе, – побольше пить. Все остальное – просто *chingaderas*^[17].

Мами снова выругалась! Уже второй раз со вчерашнего дня. Лука вытолкнул горлышко изо рта, сжав губы, и тогда Лидия вложила бутылку ему в руку.

– Попей еще, – велела она.

Кожа Мами покрылась пятнами, но была сухой; под глазами у нее лежали темные круги. Такого выражения на ее лице Лука никогда прежде не видел и теперь боялся, что оно останется там навсегда. Казалось, будто семь рыбаков поймали ее на свои крючки и теперь тянули в разные стороны. Один крючок был у нее во лбу, второй – в губе, третий – в носу, еще один – в щеке. Искаженное, перекошенное лицо. Она наклонилась к будильнику на прикроватной тумбочке, чтобы проверить время. В этот момент у нее из-под ворота вывалилось обручальное кольцо, и к нему по золотой цепочке скатились три других колечка. На фоне большого кольца Папи они теперь выглядели совсем крошечными. Мами спрятала цепочку обратно под футболку.

– Четыре сорок восемь, – сказала она. – Встаем, да?

Лука ничего не ответил. Он пил воду из бутылки. Лидия собрала свои растрепанные волосы в хвост и, снова поднявшись с постели, включила телевизор. Найдя канал с мультфильмом на английском языке, она сказала:

– Вот. Практикуйся.

На самом деле Луке не нужно было практиковаться. Он и так прекрасно знал английский.

Мами заказала в номер завтрак: яйца с тостами и фрукты. От одной мысли о еде у мальчика скрутило живот, поэтому он решил переключить внимание на что-нибудь другое. Он позволил своему взгляду зацепиться за телевизор, и его тело обмякло. Голова была как чугунная, нос заложило. Он начал тихонько дышать через рот, но, когда Мами зашла в ванную и включила душ, спрыгнул с постели и последовал за ней. Лидия сидела на унитазе, и мальчику пришлось ждать, прислонившись к краешку ванны. Потом настал его черед. Не потому, что ему хотелось, но потому, что он не мог находиться в комнате один. Лука сидел, спустив трусы к лодыжкам, пока не услышал, как выключился душ. Лука встал с места и спустил воду – как раз в тот момент, когда Мами отдернула шторку.

– Тебе тоже стоит помыться, – сказала она, заворачиваясь в полотенце. – Не факт, что в ближайшие пару дней представится такая возможность.

Лука взглянул на мамино отражение в зеркале и мотнул головой. Нет-нет, только не это. Он больше не может сидеть сжавшись в кафельных стенах, пока во дворике у бабушки гремит перестрелка. Мальчик снова помотал головой и зажмурил глаза, но это не помогло. Он опять переживал случившееся; его тело сжималось в судороге, дыхание сбилось. Из него вырывался не то плач, не то визг; он пытался перекричать грохот стрельбы в своей голове.

– Все хорошо, все хорошо, – зашептала Мами, обнимая его.

И хотя правды в этих словах было немного, Лука цеплялся за них из последних сил.

В конце концов Лидия решила помыть его в раковине мыльной водой и мочалкой, как мыла его совсем малышом. Шея, уши, подмышки, живот, спина, попа, пах, ноги и ступни. Она оттерла всю

грязь, засохшую кровь, липкие кусочки рвоты. А потом вытерла чистого ребенка насухо мягким, теплым полотенцем.

Хотя Лидия и Лука ждали официанта с завтраком, стук в дверь заставил их дернуться. Горе сделало их нервными; тишина усиливала каждый звук. Лука нехотя согласился посидеть взаперти в ванной, пока Мама будет принимать доставку. Оставшись в одиночестве, мальчик принялся мычать себе что-то под нос, но это не было похоже на напев. Мелодии не получалось. Лидия разрывалась между двумя запертыми дверями. За одной слышалось нестройное мурлыканье сына, за другой – мужской голос, повторявший что-то про доставку и завтрак. Босая, она дрожащими руками отодвинула от прохода стул. Потом потянулась к дверной ручке. Ей хотелось встать на цыпочки и посмотреть в глазок, но как она могла? Что, если по ту сторону она увидит темное дуло пистолета? Если ее и правда ждет такая судьба, то нет, она не будет открывать дверь и приглашать ее войти. Задержав дыхание, Лидия положила ладони по обе стороны глазка. За дверью ждал молодой человек с тележкой, заставленной серебряными подносами. Он был одет в униформу. На его лице темнели рытвины от угревой сыпи. На груди – бейджик с именем: «Иктан». С точки зрения безопасности, все эти факты ничего не значили. Лидия опустила пятки на пол, бесшумно прошла к комоду и достала из верхнего ящика мачете.

– Сейчас открою, минуточку! – крикнула она.

На ней был плотный халат, который она чуть раньше обнаружила в шкафу. Спрятав нож в один из мешковатых карманов, Лидия крепко схватилась за рукоять. «Ладно», – вслух сказала она самой себе и наконец открыла дверь.

При первом же взгляде на Иктана стало очевидно: он, конечно, не *sicario*. Он едва тянул даже на доставщика еды. Парень стоял, вжав голову в плечи и откашливаясь, и, судя по всему, ему было неловко находиться в гостиничном номере наедине с постоялицей в халате. Отведя глаза, он шагнул мимо нее и поставил поднос на стол с почти виноватым выражением лица. Затем вернулся к своей тележке и протянул Лидии чек на подпись. Она чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы на несколько секунд разжать мачете и расписаться. Поблагодарив молодого человека, Лидия уже почти захлопнула за ним дверь, как вдруг тот сказал:

– Подождите! Чуть не забыл!

В то же мгновение она снова ухватила за рукоятку ножа, но парень всего лишь протянул ей две пары столовых приборов, обернутых в льняные салфетки.

– А еще... вот это, – добавил он, выудив с нижнего яруса тележки пухлый бумажный конверт. – Внизу попросили, чтобы я принес это вам.

Лидия попятилась назад.

– Что это такое?

– Посылка. Доставили для вас вчера вечером.

Женщина покачала головой. «Никто не знает, что мы здесь. Никто не знает, что мы здесь», – с ужасом повторяла она про себя.

Молодой человек протянул ей пакет, но Лидия не шевельнулась. Она впиалась глазами в коричневую бумагу. Никаких отметок – даже ее имени.

– Хотите, я положу его рядом с подносом? – Молодой человек указал на стол, однако явно не собирался заходить без приглашения.

– Нет. – Лидия понимала, что ведет себя как сумасшедшая, но ей было все равно. – Мне это не нужно.

– Простите?

Она мотнула головой и повторила:

– Мне эта посылка не нужна. Просто выкиньте ее.

Иктан уверенно кивнул – в попытке скрыть озадаченную гримасу. Затем положил пакет обратно и, побрякивая тележкой, зашагал прочь. Когда он поравнялся с лифтами в конце коридора, Лидия вдруг передумала. Она открыла дверь и побежала за ним с криком:

– Стойте!

По возвращении в номер женщина увидела, что Лука выбрался из душа и теперь стоит над подносом с едой, поднимая крышки с блюд. Держа конверт на вытянутой руке, Лидия отнесла его к раковине, а потом аккуратно опустила в ванну на разложенное полотенце. Затем вышла обратно к сыну и закрыла за собой дверь. Взяла только кофе и одним глотком осушила целую чашку, после чего быстро натянула новые колючие джинсы прямо под гостиничный халат.

Лука ел стоя, в одних трусах. Он был страшно голоден, и это чувство казалось ему предательским. Как же так получалось, что его тело по-прежнему требовало пищи? Он запихнул в рот кусочек тоста. Почему масло казалось таким вкусным? Тщательно прожевав, мальчик

сглотнул. Краем глаза, не отрываясь от экрана телевизора, он наблюдал за Мами. Заметив, как она скривила губы, Лука решил, что теперь будет о ней заботиться. И больше не будет вести себя как маленький. Он принял это решение без особых раздумий, в одно мгновение, и точно знал, что так оно и будет.

– Мы должны поехать на север, – сказал Лука.

Он подозревал, что именно туда и собиралась отправиться Мами, и таким образом подтверждал, что да, план действительно хороший. Это был единственный способ оказаться на той планете, где никто не сможет их достать.

– Да, – согласилась Мами.

Она стояла в джинсах и банном халате, словно позабыв, что так до конца и не оделась. Казалось, будто Лидия одновременно и очень спешит, и не может пошевелиться.

– Мы поедем в Денвер, – добавила она.

В Денвере жил ее дядя. Продев голову в однотонную футболку, Лидия скинула халат и переступила через него. С нее будто содрали кожу, так что даже от мягкого прикосновения хлопка по ее телу забегали мурашки. Растерев плечи, она велела сыну заканчивать с едой и одеваться.

Затем Лидия снова подошла к ванне и внимательно изучила конверт, который по-прежнему лежал на дне. Она не знала, правильно ли поступила, забрав эту посылку. Может, это и неважно. Кто-то уже выяснил, что они здесь, поэтому нужно срочно уходить, – что бы там ни пряталось под коричневой бумагой. За посылным с тележкой Лидия побежала вовсе не из любопытства. Ей не было интересно, что там внутри, но она понимала: отныне безразличие стало роскошью, которую она не могла себе позволить. Если они с Лукой хотят выжить, с этого момента необходимо обращать внимание на любую, даже самую незначительную деталь. Она должна быть начеку, чтобы не упустить ни единой крупицы полезных сведений. С этими мыслями Лидия подняла конверт за уголок и внимательно изучила печать. Ничего необычного. Придется вскрывать. Прямо здесь, в ванной? Или, может, лучше отнести на балкон – на случай, если посылка рванет?

– *Carajo!* – выругалась Лидия.

– Мами? Это ты мне? – спросил Лука через дверь.

– Нет, *mijo*. Давай, одевайся!

Она приложила пакет к уху, но ничего не услышала. Ничего не пикало. Не тикало. Тогда Лидия принялась, но никакого особенного запаха не учуяла. Подцепив ногтем запечатанный край, Лидия зажмурилась и медленно вскрыла посылку указательным пальцем.

В ее голове барабанил ужас – настолько оглушительный, что она почти не слышала хруста надорванной бумаги. Наконец дело было сделано. Самый обыкновенный коричневый конверт. Из него не высыпался ядовитый порошок. Не вылетело смертоносное облако.

Внутри оказалась книга, перевязанная голубой ленточкой: «Любовь во время чумы» на английском языке. Они с Хавьером как-то раз обсуждали этот роман, один из множества их общих любимцев. Между страницами книги что-то топорщилось. Потянув за ленточку, Лидия развязала узелок, и та упала к ее босым ногам. Ее тело было словно выпущенная стрела, которая еще не вонзилась в цель. Она рассекала воздух, выписывала дугу, подчиняясь законам гравитации. Открыв книгу, Лидия вынула из разворота незапечатанный конверт. Конечно, она знала – еще с того момента, когда во дворе ее матери раздался первый выстрел, – что Хавьер виновен в смерти ее родных. Это казалось столь же невероятным, сколь и очевидным. Однако вплоть до настоящего момента Лидии удавалось не осознавать этот факт до конца. Она понимала: стоит ей принять неопровержимость случившегося, как придется признать и свою вину. Она знала этого человека. Знала. Однако не смогла понять, насколько он опасен; не сумела защитить свою семью. Но пока что думать обо всем этом она не могла – слишком рано. Необходимо было как-то отсрочить момент полного отчаяния. Единственное, что сейчас имело значение, – Лука. Ее Лука. Он по-прежнему находился в опасности.

– Одевайся! – снова крикнула Лидия, и ее голос взмыл вверх по незнакомой траектории.

Она полистала книгу; один отрывок был подчеркнут карандашом. Овдовевшая героиня, Фермина Даса, пытается смириться с утратой мужа и неожиданно встречает Флорентино Арису – человека, которого отвергла пятьюдесятью годами раньше.

«Фермина, – сказал он, – полстолетия я ждал этой возможности: еще раз повторить клятву в вечной моей к тебе любви и верности»^[18].

Лидия отшвырнула книгу прочь, и та кувырком улетела обратно в ванну. В руках у нее остался конверт, и на мгновение она задумалась: может, его тоже выбросить? Оставить в ванной вместе с книгой? Но нет, ей требовалось знать, что говорится в письме. Живот у нее крутило. Лидия вытащила открытку с изображением белых лилий и надписью: «*Mi mas sentido pésame*»^[19]. На другой стороне – знакомый почерк:

Lydia.

Hay sangre en tus manos también. Lo siento por tu dolor y el mío. Ahora estamos destinados a permanecer eternamente unidos por este pesar. Jamás imaginé este capítulo para nosotros. Pero no te preocupes, mi reina del alma – tu sufrimiento será breve.

Javier

Лидия.

Твои руки тоже в крови. Сожалею, что тебе и мне пришлось страдать. Теперь мы навечно связаны общим горем. Я никогда не думал, что нам уготована эта участь. Но не отчаивайся, владычица моей души, – твои мучения продлятся недолго.

Лидия выпустила открытку из рук. Та упала в унитаз и сразу потемнела. Лидия и сама не знала, на что надеялась, открывая этот конверт. Что бы ни написал Хавьер, теперь его слова уже ничего не изменят. Сколько ни трать чернил и бумаги, они не вернут ее мать и мужа. Никакие извинения и объяснения не оживят мозг Йенифер, не толкнут ее душу обратно в тело. От этой девочки пахло сладким грейпфрутом, а теперь ее нет. Лидия попыталась подавить рыдания с помощью английского ругательства, которое ей никогда не нравилось: «*Fuck!*» Это помогло, и женщина повторила слово еще раз, а потом еще и еще. Возможно, она надеялась, что письмо Хавьера что-то прояснит. Она перечитала открытку, плавающую в унитазе; чернила уже начали растекаться. Ей стало жутко от того, как хорошо знаком ей этот почерк. Женщина изо всех сил старалась осмыслить случившееся, и от напряжения у нее закружилась голова.

Совершенно ясно было только одно: Хавьер знает, где они находятся. Времени паниковать и обдумывать ситуацию у Лидии не

было. Требовалось увезти Луку как можно дальше отсюда. Прямо сейчас. Им нужно бежать. Распахнув дверь ударом ноги, Лидия еще раз шикнула на сына, чтобы тот поскорее одевался. Мальчик не ответил, и, подняв глаза, она обнаружила, что Лука уже почти готов: он сидел на стуле в своих новых джинсах и красной отцовской бейсболке и натягивал носки.

– *Ándale*^[20], – сказала Лидия. – Молодец.

Расправившись с одним носком, Лука потянулся к подносу за едой, и Лидия тут же рванула к нему. Она выбила из его руки кусок хлеба, и тот шлепнулся на пол.

– Мама! – оторопел Лука.

Лидия покачала головой:

– Не ешь это. Ничего здесь больше не ешь.

Мальчик молчал.

– Это небезопасно.

Она подумала: может, затащить Луку в ванную и засунуть два пальца ему в рот? Но времени уже не было. Все их вещи Лидия затолкала в красный саквояж и два рюкзака. Она даже не успела надеть лифчик. Некогда. Ее волосы не успели высохнуть, и на футболке образовался влажный полукруг. Всунув босые ноги в золотистые кроссовки матери, Лидия закинула на плечи рюкзак и взяла саквояж.

– Готов? – спросила она.

Лука молча кивнул и взял второй рюкзак – тот, что они купили в супермаркете.

– А теперь – очень тихо, – предупредила Лидия. – Ни звука!

Лука сжал губы.

У выхода Лидия остановилась, приложила ухо к двери и прислушалась. Наконец, прижав сына к стене, она открыла дверь одним резким ударом. В коридоре было пусто и тихо, только слышно было, как у постояльцев напротив работает телевизор. Лидия взяла Луку за руку и вытащила из номера. Закрывая дверь, подсунула в проем полотенце, чтобы не щелкать замком. Стараясь не шуметь, они побежали к служебной лестнице, как вдруг в дальнем конце коридора звякнул лифт. Лидия пихнула сына в двери, сама рванула за ним. Семью этажами ниже Лука наконец спрыгнул на последний лестничный пролет; она бежала за ним, перепрыгивая через две-три ступеньки.

6

Со служебной лестницы они попали на небольшую парковку позади кухни; мусорные баки у дверей дышали горячей вонью. Лидия сказала Луке, что все будет в порядке, нужно только сохранять спокойствие и действовать быстро. Нельзя терять голову. Невдалеке тянулась живая изгородь, скрывавшая от гостей подноготную туризма; пробравшись сквозь нее, они ступили на ухоженную дорожку, петлявшую среди сверкающих бассейнов до самого пляжа. Лидия держала ухо востро, опасаясь погони, но пока что было слышно только, как океан хриплым голосом приветствует берег. Палатка с полотенцами пока не работала, но к ней уже направлялся мужчина с тележкой. Когда Лука и Лидия поравнялись с ним, тот предложил им полотенце; улыбнувшись, женщина взяла одно и накинула себе на плечи.

– Спасибо, – сказала она и попросила второе полотенце для Луки.

Выйдя на песок, мать и сын скинули обувь и постарались изобразить из себя обычных отдыхающих. Через несколько минут они успешно добрались до территории соседнего отеля. Там они обулись, зашли в фойе через заднюю дверь и устремились к парадному входу, по дороге оставив свои полотенца на одном из шезлонгов. Проскочив горшки с пальмами, они оказались среди официантов, разносивших апельсиновый сок, и ароматов свежесваренного кофе; Лидия прихватила два маффина с бесхозного подноса. У парадных дверей ждал маршрутный автобус, и Лидия с Лукой забрались внутрь. Проезжая гостиницу «Дукеса Империял», Лидия выглянула в окно и увидела на парковке три черных джипа. Она сжала в руке обручальное кольцо Себастьяна, висевшее на золотой цепочке, и стала перебирать три сцепленных колечка.

Как Хавьер их нашел? И зачем? Возможно, он просто пытался до смерти ее напугать? Помножить горе на ужас? Обесценить ее страдание своим отвратительным, извращенным сочувствием? Понять, чем он руководствуется, было невозможно. Взять хотя бы тот абзац из книги – умерший муж, вульгарное объяснение в любви. Неужели Хавьер не помнил, что происходит дальше? У Фермины Дасы это

признание вызвало лишь отвращение, она вытолкала мужчину на улицу с проклятиями, пожеланиями скорейшей смерти и наказом больше никогда не возвращаться. Лидия ничего не понимала.

На мгновение – лишь на одно короткое мгновение – она задумалась, не попросить ли водителя остановиться. Она представила, как подойдет к одному из тех джипов и постучит в окно со стороны водителя. Как отыщет Хавьера, где бы тот ни находился, впервые увидится с ним за пределами своего магазина. Возможно, она его обнимет, отдастся на его милость, потребует объяснений. Возможно, будет молить поскорее покончить со всем этим. А может, будет колотить и пинать его, а потом выхватит мачете, исполосует его лицо, перережет глотку. Но затем Лидия взглянула на сына, и все эти мысли растворились без следа. Она ехала в душном автобусе; на ее сиденье было что-то липкое. Призрак леденца, оставленного каким-нибудь ребенком. Рядом сидел Лука, и Лидия собиралась защищать его любой ценой. Только это теперь имело значение. Впереди автобуса на перекрестке медленно катил черный джип.

– Вы не могли бы отвезти нас на автовокзал? – спросила Лидия у водителя.

– Мне запрещено отклоняться от маршрута, – ответил тот.

– Но ведь кроме нас тут никого нет, а автовокзал совсем близко. Никто не узнает.

– *GPS* узнает. – Водитель показал на экран, встроенный в приборную панель. – От отеля к вокзалу ходит другой автобус. Этот едет в торговый район. Вам нужно вернуться и сесть на другой автобус.

– Пожалуйста, – взмолилась Лидия. – Я вам заплачу.

Вместо ответа водитель ударил по тормозам и распахнул дверь. Метнув в него злобный взгляд, Лидия все же собрала вещи и, пропустив Луку вперед, вышла на улицу. Магазины еще не работали, и на улицах не было ни души. Автобус закрыл двери и медленно двинулся с места. Мать с сыном стояли на широком, пустынном бульваре. До автовокзала было всего полмили, они могли дойти пешком, но Лидии этот путь казался невозможным, словно им предстояло пересечь поле битвы без брони и оружия. Она умело прятала свой страх, но Лука все равно ощутил его в скользкой холодной ладони матери.

Дорога до автовокзала напоминала Луке какую-то безумную версию игры *Crossy Road*, где им с Мами приходилось не уворачиваться от такси и грузовиков, а прятаться от наркодилеров, которые сидели в джипах с тонированными стеклами. Непреходящая угроза обстрела снова грохотала в сознании Луки, словно неожиданно появившийся поезд.

– Не волнуйся, – сказал он Мами. – Если кто-то и вправду нас ищет, он поедет к главному автовокзалу, так? Откуда им знать, что мы тут, в Диаманте?

Лука не знал про посылку, но Лидия улыбнулась тому, как логично он рассуждает.

– Вот и я так думаю. Умница.

С этими словами она опустила козырек красной бейсболки сыну на лицо. Шагал он слишком быстро.

– Не торопись так, – сказала Лидия. – Мы должны идти как обычно.

– Но обычные люди тоже иногда опаздывают на автобус, – ответил Лука, подергиваясь.

– Автобусы ходят часто.

В семь минут седьмого Мами купила в кассе два билета до Мехико в один конец; до отправки автобуса оставалось тринадцать минут. Автовокзал был современным зданием, почти полностью из стекла; и хотя солнце еще не встало, небо уже посветлело и Лука сумел разглядеть очертания машин на парковке. Там стоял только один джип, на первый взгляд пустой. Но внутри мог кто-то находиться: может, он откинул сиденье и спит на работе. Пока Мами забирала у кассирши сдачу, Лука внимательно изучал джип. Сейчас, утром воскресенья, все автобусы до Мехико будут забиты семьями, спешащими домой после выходных на море. Лука с Мами вполне сойдут за такую семью. В зале отправления уже собралась кучка непоседливых детей, которые щебетали и нарезали круги подле сонных родителей со стаканчиками кофе в руках.

Мами отвела Луку в женский туалет и велела зайти в кабинку для инвалидов и встать ногами на унитаз. В обычных обстоятельствах она бы отругала его за такое поведение. Мальчик был почти уверен, что на вокзале их никто не заметил, – он внимательно смотрел на лица окружающих, – но если кто-то за ними наблюдал, если этот кто-то выследил их сначала до вокзала, потом до женского туалета и, наконец,

до кабинки для инвалидов, то стоять на унитазе, прислонившись спиной к стене, – идея как будто не самая удачная. Лука уперся ладонями в коленки и попытался унять дрожь. Мама сняла с плеч рюкзак и положила его в угол; красный саквояж она повесила на дверной крючок. В поисках носков она перерыла сумку почти до дна. Носки соединяла пластиковая петелька, которую Мама разорвала пальцами. Лука не знал, как она это делает. Ему всегда приходилось разрезать петельку ножницами. Мама не выглядела особенно крепкой, но мальчик знал, что она очень сильная, потому что она всегда рвала эти петельки как нечего делать. Потом она достала из саквояжа лифчик и кое-как натянула его под футболкой. Застегнув на ногах золотистые кроссовки, Мама повернулась к Луке спиной: чтобы ее мыски смотрели в правильную сторону, на случай если кто-то решит заглянуть под дверь кабинки. Кроме них, в туалете никого не было, но Лука все равно разговаривал шепотом – так они смогут услышать, если кто-то откроет дверь.

– Мы едем в Колорадо, да?

Лидия кивнула, и мальчик обвил ее шею руками.

Опустив подбородок ей на плечо, он сказал:

– Отличный план.

– Никому и в голову не придет искать нас там.

Уставившись на саквояж, висевший перед ней на дверном крючке, Лидия пыталась вспомнить, не упоминала ли Денвер в разговорах с Хавьером. С другой стороны, зачем? Она там никогда не бывала и не видела дядю много лет – с тех пор, как была еще ребенком.

– К тому же это далеко, – сказал Лука.

– Да, – ответила Мама. – Очень далеко.

На самом деле мальчик точно знал, как далеко от Акапулько находится Денвер (почти две тысячи миль, если ехать на машине). Знал он это потому, что был наделен абсолютным чувством местности – так же, как некоторые обладают абсолютным слухом. Он с рождения ощущал свое положение на планете, словно у него был встроенный *GPS*, который помогал Луке прокладывать путь через вселенную. Стоило ему однажды увидеть какое-то место на карте, как оно навсегда впечатывалось Луке в память.

– Я пропущу олимпиаду по географии, – вздохнул мальчик.

Он готовился к ней полгода. Школа заплатила шестьсот песо за его участие в международном конкурсе, потому что учитель Луки верил: тот привезет домой главный приз – десять тысяч долларов.

– Мне очень жаль, *mijo*, – ответила Лидия и поцеловала сына руку.

– Да какая теперь разница. – Мальчик пожал плечами.

Еще два дня назад эта олимпиада была важнейшим событием в жизни семьи; теперь же она казалась совершенным пустяком – как и все остальные дела, которые Лидия раньше записывала себе на листок. Заполнить церковную заявку для причастия Луки. Заплатить за воду. Отвезти мать к кардиологу. Купить подарок на день рождения Йенифер. Пустая трата времени. Лидия почувствовала раздражение, оттого что ее племянница не увидит подарок – музыкальную шкатулку. Она так дорого стоила! Это была дикая, отвратительная мысль, но Лидия не могла ее отогнать. И даже не стала себя упрекать; она милосердно простила свой поломавшийся мыслительный аппарат.

Лука зашептал Лидии на ухо:

– Население Денвера составляет почти семьсот тысяч человек. Город располагается к востоку от подножия Скалистых гор, в связи с чем получил прозвище Город на высоте мили. – Мальчик вспоминал текст из учебника по географии. – Столица штата Колорадо. Около четверти населения – выходцы из Мексики.

Лидия сжала плечо сына и провела рукой по его черным волосам. Два года назад, летом, его стойкий интерес к географическим картам стал превращаться в одержимость, и тогда Лидия нашла ему занятие в своем книжном, в отделе путеводителей и атласов. Удивительно, но еще совсем недавно жизнь в Акапулько была ключом: туристы, магазины, музыка, море... По пляжу скакали сизые голуби. Гигантские круизные лайнеры ссаживали на берег тысячи обутых в кроссовки туристов, чьи карманы были набиты деньгами, а кожа лоснилась от солнцезащитного крема. Их доллары оседали в местных барах и ресторанах. Заполняли кассовый аппарат книжного магазина. Туристы покупали путеводители и карты, серьезные книги и бульварные романы, брелоки и крошечные склянки с песком, которые Лидия держала рядом с кассой в огромном пузатом аквариуме. О, все они обожали Луку. Она сажала его на табуретку, как куклу, и тот на чистом английском рассказывал о тех местах, откуда приехали покупатели. Ему было шесть лет. Вундеркинд.

– Население Портленда составляет шестьсот сорок тысяч человек. Город расположен на пересечении двух рек: Колумбии и Уилламетта, – и является крупнейшим населенным пунктом и столицей штата Орегон. Основан в 1851 году, на шестьдесят пять лет позже своего восточного тезки в штате Мэн.

Генри из Портленда, штат Орегон, смотрел на Луку с открытым ртом.

– Марж, поди сюда! Ты должна это увидеть! Ну-ка, еще раз!

Когда к ним присоединилась жена Генри, Лука повторил свою речь.

– Невероятно! Пацан, да ты талант! Марж, дай ему денег.

– А ты не выдумал все это? – скептически спросила туристка, но все же полезла в кошелек за мелочью.

– Нет, он же сказал названия рек, – вступился за Луку мужчина. – Как такое выдумаешь?

– Все по-настоящему, – подтвердил Лука. – Просто у меня хорошая память. Особенно на карты и всякие места.

– Что ж, в таком случае Генри прав: это невероятно! – Женщина дала ему доллар. – А какой замечательный у тебя английский! Где ты научился так хорошо говорить?

– В Акапулько, – ответил Лука. – Ну и Ютьюб помог.

Лидия молча наблюдала за происходящим и чувствовала гордость – просто неприличную гордость. Настоящее самодовольство. Какой же идеальный был у нее ребенок: такой умный, образованный, веселый и красивый. Она учила его английскому почти столько же, сколько он говорил по-испански. Лидия знала: в туристическом городе мальчику всегда пригодится второй язык. Очень скоро Лука превзошел мать в познаниях, и тогда они стали учиться вместе – через компьютер и телефон. Сериалы, Ютьюб, «Розетта Стоун». Они часто болтали по-английски между собой, если рядом не было Себастьяна; иногда переходили на английский при нем, притворяясь, будто что-то от него скрывают. Друг на друге они испытывали новый сленг. Лидия звала сына *dude*^[21], а тот в ответ называл ее *shorty*^[22]. Марж и Генри остались под впечатлением от деловитого обаяния Луки и на следующий день привели в книжный своих друзей с круизного лайнера. Туристы давали мальчику доллар за рассказ о каждом новом городе. В тот день Лука заработал тридцать семь долларов и мог бы

заработать больше, если бы туристам не пришлось возвращаться на корабль.

Так что да, к олимпиаде по географии они с сыном шли почти два года. Но сейчас Лидия не могла думать о подобных тонкостях, о нарушенной логистике ее жизни. Ее мозг отказывался вмещать все эти подробности. Даже самые важные, основополагающие факты теперь оказалось невозможно постигнуть. Неожиданно в туалете открылась дверь. Она не скрипнула, и все же мать и сын сразу поняли, что кто-то вошел: на секунду вокзальный шум стал громче, а потом снова стих. Оба задержали дыхание. Лука по-прежнему висел у матери на шее, и та крепко сжала его руки. Мальчик вцепился в ее запястья – так сильно, что подушечки его пальцев пожелтели. Лидия не шевелилась. Лука зажмурил глаза. Через мгновение в соседней кабинке щелкнул замок. Какая-то пожилая женщина откашлялась. Лука почувствовал, что из груди матери выходит воздух, как из надувного шарика. Он прижался губами к ее щеке.

Покончив со своими делами, дама из кабинки сполоснула руки, а потом, глядя в зеркало, сделала сама себе комплимент. Настало время возвращаться в зал отправлений. Лука понимал, что сидеть в туалете вечно они не могут, и все же, когда Мама открывала дверь, его сердце колотилось как бешеное. Пора было садиться в автобус. Шагая по фойе, Лука наблюдал за лицами людей, которых они с матерью оставляли позади: безупречно одетая женщина с темной подводкой вокруг губ стояла за прилавком; мужчина в бумажной шапочке продавал кофе; пара с беспокойным младенцем ждала последнего момента, чтобы войти в автобус. На стене висел телевизор, и на экране Лука сначала увидел чопорного ведущего, а потом – маленький домик бабушки. На ветру трепетали, провисая, желтые полицейские ленты. Показали крупным планом распахнутую калитку, потом задний дворик и фигуры родственников Луки, завернутые в черный пластик; угрюмые полицейские сновали туда-сюда, склонялись к земле, стояли на месте, почесывали головы, дышали – словом, делали все то, что обычно делают люди, вынужденные находиться рядом с трупами. Мальчик сжал руку матери, но не для того, чтобы привлечь ее внимание, а чтобы случайно не закричать. Глядя вперед, Мама тащила его за собой по блестящей кафельной плитке, но теперь пол под ногами казался мальчику вязким, словно песчаный берег во время

прилива. Лука ждал, что в стену вокзала вот-вот с треском ударит пуля. Что разбитое стекло дождем рухнет вниз. Но вот его нога ступила на тротуар, окрашенный в лиловые тона рассвета. Его белые кроссовки казались теперь почти голубыми. В очереди перед ними стояли всего два человека. Один человек. Мама подтолкнула Луку вперед и поднялась вслед за ним, прижимаясь сзади к его рюкзаку; они пробрались вглубь салона через торчавшие на пути коленки и локти. Когда мальчик повалился на мягкое сиденье и Мама плюхнулась рядом с ним, он испытал невероятное облегчение и благодарность, каких никогда прежде не знал.

– Получилось, – прошептал он.

Мама разомкнула губы, не разжимая зубов. На ее лице не было ни тени облегчения.

– Да, *mijo*, – ответила она.

Уложив голову сына к себе на колени, Лидия принялась гладить его по волосам и гладила до тех пор, пока мальчик не уснул; постепенно набирая скорость, их автобус взял курс на север и покатил по виадуку Диаманте.

Выбраться живыми из Акапулько – уже победа, и Лидия это понимала. Да, им удалось прорваться сквозь первую преграду. Однако, зная, как далеко простирается влияние *хефе* и «Лос-Хардинерос», Лидия, в отличие от сына, не ощущала облегчения: ей по-прежнему было страшно. Опустив голову, она с опаской глядела в окно.

Только поженившись, они с Себастьяном часто ездили в Мехико на выходные, где сливались с толпой туристов. В Мехико оба закончили колледж, там же они и познакомились. И хотя им не хотелось жить в столице, им нравилось, что ездить туда довольно близко. В те времена штат Герреро казался безопасным, обособленным. Конечно, в Мексике и тогда водились наркоторговцы, но в то время они представлялись такими же далекими, как «Аль-Каида» или Голливуд. Вспышки насилия случались точно и лишь в отдаленных регионах: в Сьюдад-Хуаресе, в Синалоа, потом в Мичоакане. Акапулько, окаймленный морем и горами, долгое время жил без забот под надежным куполом туризма. Соленый воздух, раскатистые крики чаек, большие темные очки, порывы ветра на бульварах, трепавшие женские волосы вокруг загорелых лиц, – все это усиливало иллюзию неприкосновенности.

Путь из Акапулько в Мехико обычно занимал у них всего четыре часа с небольшим, потому что Себастьян гнал машину как сумасшедший – по нежным извивам серпантина, вверх и вниз по живописным холмам. И хоть его манера водить вызывала некоторые сомнения, все всегда заканчивалось благополучно. За окном мелькали пейзажи: далекие горные пики, обрамленные солнечными лучами, облачные навесы, набегающие на вздыбленную землю, крыши и шпили парящих деревень. Сидя рядом со своим молодым мужем, в их маленькой оранжевой машинке, Лидия чувствовала себя в безопасности. Обычно они останавливались в Чильпансинго, чтобы выпить кофе и перекусить. Иногда к ним присоединялись друзья – сосед Себастьяна по университетскому общежитию, его жена и ребенок, которому Себастьян приходился крестным отцом. Спустя два часа они добирались до Мехико и, побросав свои вещи в каком-нибудь дешевом отеле, часами гуляли по городу: музеи, концерты, рестораны,

танцы, витрины дорогих магазинов, парк Чапультепек. А иногда они оставались в номере, и Себастьян – потный, счастливый, запутавшийся в простынях – шептал в черные волосы жены, что можно было бы остаться дома – сэкономил бы деньги.

Теперь, сидя в автобусе, Лидия откинулась на спинку сиденья. Уму непостижимо, что этим воспоминаниям уже десять лет. Уму непостижимо, что Себастьяна действительно больше нет. Что-то с чудовищной силой рвануло у нее в груди. Лидия взглянула на спящего сына и провела подушечками пальцев по нежному изгибу его уха. В последние годы все стало стремительно ухудшаться. Акапулько всегда тяготел к сумасбродству, и грехопадение города было обставлено с вызовом. Картели рацветили улицы красным.

Автобус катил мимо сгорбленных деревьев и покрытых шрамами скал, и Лидия поняла, что они уже достигли Окотито. Она молилась, чтобы по пути в Мехико им не встретился блокпост, хотя прекрасно знала, что это невозможно. Еще до развала Акапулько блокпосты наводили ужас по всей стране, и Герреро не был исключением. Их ставили банды, или наркоторговцы, или полицейские (которые также могли быть наркоторговцами), или солдаты (тоже, вероятно, наркоторговцы), или – в последнее время – так называемые *Autodefensas* – вооруженные дружины, созданные жителями некоторых городов для защиты от картелей. *Autodefensas*, разумеется, также могли состоять из наркоторговцев.

Блокпосты встречались разные: от просто неудобных до по-настоящему опасных для жизни. Из-за последних Себастьян с Лидией перестали регулярно ездить в столицу вскоре после рождения сына; именно из-за этих блокпостов Лука бывал в Мехико всего один раз, совсем маленьким, так что ничего не помнил; из-за них Лидия не стала продлевать свое водительское удостоверение, истекшее двумя годами ранее. Из Акапулько они выбирались редко; к тому же Лидия, подобно любой другой жительнице неблагополучного штата, не ездила на машине одна. С недавних пор Лидию это стало раздражать, хоть и чисто умозрительно; это ущемляло ее женскую независимость. Однако теперь ей на шею словно бы накинули вполне реальную петлю. У них получилось сбежать из Акапулько, да, но они по-прежнему оставались заперты в Герреро; Лидия чувствовала, что блокпосты маячат на периферии ее сознания, все теснее сжимаясь в кольцо.

Стараясь не разбудить Луку, женщина развернула карту и прижала верхний край к сиденью перед собой. Глядя на разветвленные, как кровеносные сосуды, дороги, Лидия вдруг осознала всю тщетность своих усилий. Если бы только их тела могли перемещаться по дорогам так же легко и безопасно, как ее палец, следующий по маршруту на карте. Будь блокпосты отмечены на картах, их иконкой стала бы небольшая винтовка. Но их не отмечали, потому что они все время перемещались, сохраняя таким образом эффект неожиданности. Лидия знала, что на каждой дороге, ведущей отсюда и до Мехико, располагался как минимум один блокпост «Лос-Хардинерос». Она знала, что парни, дежурящие на блокпостах, будут искать именно ее и Луку. Кое-кто из них наверняка окажется достаточно жестоким и амбициозным и будет искать с усердием. Интересно, какая награда ждет того, кто доставит ее – целиком или по кусочкам – Хавьеру?

Лидия хотела свернуть карту вдоль уже размеченных сгибов, но ей не хватило терпения, так что она просто свернула ее и закинула в карман переднего сиденья. Она пыталась размышлять трезво, рассмотреть доступные варианты. Почти все, к кому она могла обратиться, были мертвы; да и вообще, просить друзей о помощи в подобной ситуации – все равно что явиться к ним на кухню в поясе смертника. Одним своим присутствием Лидия подвергала окружающих такому риску, что, казалось, даже думать об этом было слишком эгоистично. Не секрет, что Чильпансинго кишел подельниками «Лос-Хардинерос», но чтобы избежать засады, им придется сойти именно там. Только что, садясь на автобус, Лидия чувствовала себя победительницей, но теперь она боялась, что совершила ошибку. Возможно, они направлялись напрямиком в ловушку. Наблюдая за тем, как у спящего Луки поднимается и опускается грудная клетка, Лидия старалась дышать в унисон.

В детстве она обожала книги из серии «Выбери себе приключение». В конце каждой главы нужно было решить, что делать дальше. Хочешь поехать на велосипеде? Перейди на страницу двадцать три. Отправляешься вслед за незнакомцем? Перейди на страницу сорок два. Всякий раз, когда Лидию не устраивала развязка – а иногда даже если устраивала, – она возвращалась обратно и выбирала что-нибудь другое. Ей нравилось, что в ее силах пересмотреть собственные решения; нравилось, что все можно изменить, что всегда можно

вернуться в начало и попробовать еще раз. Однако порой все оказывалось бессмысленным, и книжный лабиринт всегда приводил ее к одному и тому же результату, какие бы решения она ни принимала. Сегодня они с Лукой решили сесть на автобус, отправлявшийся из Диаманте в шесть двадцать утра. Лидия закрыла глаза и стала молиться, чтобы этот выбор оказался правильным.

Когда автобус подъезжал к Чильпансинго, Лука проснулся. Со своего места в середине салона Лидия с трудом могла что-либо разглядеть, но все равно пыталась. Она отклонилась в проход, высматривая впереди блокпост. Прислонившись лбом к грязному стеклу, Лука выглянул наружу, а потом ткнул куда-то пальцем.

– Мами, смотри! Что это такое? – зевая, спросил он.

Над ними по горному хребту тянулись домики, объединенные в группы по разным цветам: красные, синие, зеленые, фиолетовые.

– Это просто дома, милый.

– Обыкновенные дома?

За окном занималось ясное утро. Они ехали уже почти два часа.

– А почему они такие разноцветные? – снова спросил Лука.

– Наверное, просто для красоты.

– Они похожи на лего.

Всякий раз, когда автобус дергался, поворачивал или сбрасывал скорость, у Лидии перехватывало дыхание, но пока что они продолжали ехать без остановок. Никакие люди с винтовками не возникали на шоссе перед ними. И вот уже по обеим сторонам узкой улицы появились дома. Они с Лукой добрались до Чильпансинго. Лидия перекрестилась, а потом начертила пальцем маленький крестик на лбу сына. Они свернули к знакомой постройке – миниатюрной версии автовокзала в Акапулько. Автобус остановился, послышалось икание тормозов. Водитель поднялся из-за руля и объявил сквозь густые усы: «Остановка пять минут».

Некоторые пассажиры встали со своих мест, чтобы немного размяться. Кое-кто впереди вышел на улицу покурить. Но только Лидия и Лука собирали вещи на выход. Все остальные ехали в столицу.

– Мы что, выходим, Мами? – спросил Лука.

– Да, *mi amor*.

Но, уже закинув на плечи рюкзак, она замерла в узком проходе возле своего сиденья, посмотрела на лохматую макушку сонного Луки и подумала: не стоит ли все-таки попробовать? Затаиться в этом автобусе, среди других пассажиров, и как-нибудь перетерпеть до Мехико? Может, у них и получится. Может, блокпост по дороге в столицу окажется безобидным. Короткая остановка, пачка купюр, ленивый взмах руки: «Проезжайте». Тук-тук, два удара по обшивке, и вот они уже снова в пути. У Лидии в груди всколыхнулась надежда. В этот момент их водитель вышел из автовокзала и поднялся обратно в кабину. В дверь стали заходить новые пассажиры, и мужчина по очереди проверял у них билеты.

– Мама?

– Пошли.

Когда тень автобуса скользнула по тротуару прочь, они оказались в слепящем дневном свете Чильпансинго. Лидия чувствовала одновременно облегчение и разочарование. Ей пришлось напомнить себе, что до сих пор она справлялась не так уж плохо: от эпицентра катастрофы их теперь отделяли девятнадцать часов и шестьдесят восемь миль. С каждой новой минутой, с каждой новой милей их шансы на выживание повышались. Нужно довольствоваться малым. Нельзя отчаиваться перед лицом предстоящей неразрешимой задачи. Необходимо сосредоточиться на насущных делах. Найти друга Себастьяна по колледжу.

Заметив, как болтается рюкзак ее сына, Лидия подтянула ремни на его плечах. Мальчик напоминал черепаху с панцирем не по размеру, однако же ему удавалось прятать самые уязвимые места. Кто знает, как подавление эмоций скажется на нем впоследствии.

– А что теперь? – спросил Лука безжизненным тоном, который теперь, кажется, стал для него привычным.

– Давай поищем интернет-кафе.

– Но у тебя ведь есть папин планшет?

Выключенный планшет лежал на дне ее рюкзака, но Лидия не собиралась его включать. Сим-карта ее собственного мобильного осталась в мусорном баке рядом с банком на Плайя-Калетилья. Когда Лидия выковыривала ее ногтем, ей казалось, что она теряет рассудок от паранойи; однако ей не хотелось превратиться в голубую точку на

чьем-то далеком вражеском экране. Опустив козырек бейсболки на лицо сына, она подумала, что, может, и ей стоит купить себе такую же.

– Пойдем, – сказала она.

В только что открывшемся кафе «Эль-Каскабелито» Лидия заплатила за кофе и пятнадцать минут изучения онлайн-карт. Луке она купила *platanitos* – банановые чипсы, но блестящая зеленая упаковка осталась нетронутой. Они сели за компьютер в дальнем углу; возле него стояли два стула, а небольшая ширма прятала мать и сына от глаз новых посетителей. Лука забрался на сиденье с ногами и опустил подбородок на колени; Лидия изучала что-то на экране, а мальчик рассеянно смотрел на чипсы. Оказалось, что добраться в Мехико из Чильпансинго можно только двумя путями, и на обоих почти наверняка стояли блокпосты. Лидия покусывала щеки, чувствуя, как ее колени нервно вздрагивают под столом. Дойти пешком у них тоже не получится. Она никогда не страдала клаустрофобией, но сейчас чувствовала себя запертой в ловушку. Это ощущение сквозило в теле, вызывая паническое желание вытянуть руки и ноги. У них с Лукой не было никакого выхода. *Но паника им не поможет.*

Лидия зашла на Фейсбук и отыскивала там друга Себастьяна. Тот работал юристом, и на его странице было указано название фирмы, но в воскресенье их офис, конечно, закрыт. Тогда Лидия залезла во вкладку «Информация» и стала просматривать его отметки «Нравится»: местная газета, несколько благотворительных организаций, альма-матер, кроссовки «Адидас», целая куча страниц о футболе. И наконец – вот оно, бинго: пятидесятническая церковь в Чильпансинго. Начало службы в девять утра. Лидия проверила адрес: церковь находилась примерно в двух милях от интернет-кафе. Доехать туда можно было на автобусе, на который Лука с Лидией и сели двадцать минут спустя.

Поначалу Лидия испугалась, что неправильно записала адрес: выйдя на остановке, по обеим сторонам улицы она увидела лишь длинные ряды магазинов, закрытых на выходной. Нужный им дом был стиснут между ювелирной лавкой и магазином электроники. Лидия как раз собиралась перепроверить адрес, записанный на бумажке, когда к дому подошел молодой человек с детской коляской и открыл дверь для своей беременной жены. Лидия успела заглянуть внутрь и увидела ряды раскладных стульев и большую сцену. И тут Лука дернул ее за

рукав и указал на знак в окне: *Iglesia Pentecostal Tabernáculo de la Victoria*^[23]. У здания не было ни шпиля, ни витражей, но это точно было оно.

Помещение оказалось неожиданно просторным, с низкими потолками и вентиляторами вдоль стен. На сцене стояли барабанная установка и усилитель; за кафедрой виднелись гигантские колонки. У входа не было ни распятия, ни кропильницы, но Лидия все равно по привычке перекрестилась, и Лука поступил так же. Она ожидала, что после этого к ней придет какое-то новое чувство – трепет от шепота легиона новорожденных ангелов или постыдный гнев на Бога. Но она ничего не ощутила; ее душа иссохла, словно пережарили на сковороде. *Un desierto del alma*^[24]. Лидия могла вместить в себе только страх.

Они сели в последнем ряду, возле стены, и Лидия затолкала их рюкзаки под стулья. Потом прикрыла лицо ладонями и велела сыну сделать то же самое – но не в знак смирения, а ради маскировки. Мало ли, вдруг местные «Лос-Хардинерос» исповедуют пятидесятничество: по понедельникам торгуют наркотиками, по четвергам режут людей, а по воскресеньям ходят в церковь замаливать грехи. После всего, что случилось, Лидию это не удивило бы.

Сквозь переплетенные пальцы она следила за квадратом солнечного света на плитках пола, который становился ярче всякий раз, когда кто-то заходил через стеклянную дверь внутрь. Некоторые прихожане, заметив Лидию и Луку, легонько кивали в знак приветствия, но большинство не глядя проходили мимо и рассаживались по своим обычным местам.

Когда в дверях возник Карлос – вслед за своими детьми и женой, – церковь уже была заполнена наполовину. Жена Карлоса обнимала и приветствовала знакомых. Она говорила не как мексиканка, а как американка: резкий голос пронзал почтительно-приглушенные беседы собравшихся. Лидия привстала и помахала Карлосу рукой, но тот ее не видел. Зато ее заметил их младший сын. Мальчик указал отцу на Лидию, и Карлос обернулся.

– Боже мой, Лидия, что ты тут делаешь? – Этот вопрос достиг Лидии еще прежде, чем мужчина оказался рядом. Вскоре Карлос пробрался к ним через длинные ряды стульев. Они обнялись.

– Как же я рад тебя видеть! Вот так сюрприз!

Лука молча наблюдал, как этот незнакомый мужчина поцеловал Мами в обе щеки и взял ее за руки.

– А это, наверное, Лука. – Он склонился к мальчику, сидевшему на стуле. – Как же ты похож на *papu!* – Карлос выпрямился. – Но где же Себастьян? Ты что, одна приехала?

– Так ты еще не знаешь. – Голос Мами звучал отрешенно.

Даже не глядя на Карлоса, Лука точно знал, что тот изменился в лице и побледнел до болезненной серости, что он уже начал выстраивать внутреннюю защиту, которая понадобится ему, чтобы совладать со всем ужасом грядущей новости.

– Пойдем со мной, – сказал Карлос. – Поговорим наверху.

Наверху они зашли в какой-то кабинет. Нельзя сказать, чтобы Лука проигнорировал разговор Мами и Карлоса, – он не пытался намеренно не вслушиваться. Нет, сознание мальчика просто воспарило над его головой, словно шарик с гелием, который держат на тонкой, туго натянутой веревочке. Его тело сидело за столом, рядом на полу лежал рюкзак; его ноги обхватывали ножки стула; его руки потянулись к баночке со скрепками и стали сплетать их в одну длинную цепочку. Но вся внутренняя работа полностью остановилась. Взрослые то и дело поглядывали на него – сквозь баррикаду пронзительных голосов и пепельно-серых лиц, – и тогда тело Луки отвечало на их вопросы пожатием плеч или кивком. Вскоре перед ним на столе возник пластиковый стаканчик с водой, и мальчик послушно отхлебнул. Внизу застучали барабаны. Заиграла электрогитара. Лука чувствовал ногами вибрацию басов. А потом они оказались в машине Карлоса и поехали сквозь город к нему домой. Мами сидела сзади, рядом с Лукой, и держала сына за руку. Почувствовав ее теплое прикосновение, тот наконец вернулся в реальность.

Когда машина выехала из *la zona centro*^[25], Лука увидел, что Чильпансинго мало чем отличается от Акапулько. Конечно, тут не было ни чаек, ни туристов, улицы были поуже. Зато повсюду виднелись разноцветные магазины и желтые такси, в солнечном свете проходили люди в нарядных воскресных костюмах. Женщины с сумочками через плечо, парни с неряшливыми татуировками. Множество пузырчатых пестрых граффити. Все дома были выкрашены в яркие цвета. Они сменяли друг друга, словно карты в колоде. По радио играла музыка, и три с половиной песни спустя

машина Карлоса свернула на улицу, которая оказалась немного шире остальных. Кроны деревьев обрамляли ее тенистой аркой, отчего создавалось впечатление, будто они въезжают в какое-то секретное место, потаенное убежище. В сердце квартала возвышалась красивая белая церковь с двумя неброскими колокольнями у входа. Такая же, как дома. *Católica*. Все остальные здания на тесной улице стояли на почтительном расстоянии от этой небольшой церквушки. Карлос свернул на парковку.

Его дом был бирюзовым, точно такого же оттенка, как средняя полоса океана в Акапулько; если в ясный день выйти на ступеньки Пласа Эспанья и посмотреть на море, то увидишь эту полосу между светло-песочной возле берега и темно-синей у самого горизонта. Дом выглядел большим и современным, хотя и был соединен по обе стороны с точно такими же домами: справа – с фиолетовым, слева – с персиковым. Карлос занес сумки внутрь.

Его жена, по имени Мередит, была белая, из *Estados Unidos*^[26]. О последнем Лука догадался сам, едва увидев женщину в церкви. Ее голос, ее одежда. Ее манера брать собеседника за плечи и слегка встряхивать. Пройдясь по пустому дому, мальчик внимательно изучил семейные фотографии: у всех троих сыновей Карлоса были веснушки отца и розовая кожа матери. Средний выглядел ровесником Луки. Вскоре Мередит вернулась домой (одна, без мальчиков: те решили задержаться в церкви), и тогда Лука впервые в жизни испытал негодование, сопряженное с чувством собственности.

Лука знал слово «собственнический», потому что он вообще знал много сложных слов, неведомых другим восьмилетним мальчикам: «наитие», «велеречивость», «тривиальный». Но раньше он не понимал значения слова «собственнический» по-настоящему. Ему не доводилось испытывать это чувство. А теперь оно с грохотом продавило Луке нутро, словно паровой каток. Что это за женщина, с какой стати она оплакивает Папи? Почему она стоит тут и рыдает с перекошенным лицом, с дрожащими руками, ждет утешения? Лука и сам удивился, оттого что так не по-доброму воспринял эти проявления искреннего горя. В конце концов, Мередит ведь когда-то дружила с Папи. Или, по крайней мере, была женой папиного друга. И она так хорошо относилась к Папи, что попросила его стать крестным ее старшего сына. Так почему же Мередит не может расстроиться, узнав

о внезапной и жестокой кончине старого знакомого? Почему не может плакать, показывать свои страдания? Лука совершенно не понимал, отчего горе этой женщины так его раздражает. Когда та попыталась его обнять, он увернулся, не в силах терпеть такое, и Мамаи не стала его принуждать. Перехватив мальчика, она отвела его в ванную и умыла, а когда они вернулись, Мередит уже взяла себя в руки. Она усадила Мамаи на диван, а сама отправилась заваривать чай. Чашки так и простояли нетронутыми, хотя разговор длился очень долго – и пролетел мимо Луки, почти его не задев.

Мередит познакомилась с Карлосом в студенческие годы во время своей миссионерской деятельности. Со своей церковью, стоящей среди кукурузных полей штата Индиана, она поддерживала связь до сих пор. Тем летом много лет назад она, впервые приехав в Мексику, сразу влюбилась в Карлоса, а заодно и в его страну. Ей нравилось, с какой непринужденностью мексиканцы относились к вопросам веры. Ей нравилось жить в стране, где откровенные разговоры о Боге не считались чем-то возмутительным или странным. В то время в Мексике молитва казалась обыденным, повсеместным делом. Но для Мередит эта культурная особенность была сродни чуду. Они с Карлосом поженились очень рано, и с тех пор все свободное время женщина посвящала обмену опытом и поддержанию культурных связей между Чильпансинго и приходом той далекой церкви в штате Индиана.

Совсем недавно к ним на каникулы приехали четырнадцать американских детей-миссионеров. В Чильпансинго их размещала та самая церковь, которую посещали друзья Лидии. Организацией ежегодных визитов в весеннее и летнее время занималась лично Мередит. Через Герреро шел постоянный поток светловолосых миссионеров из Индианы. Нынешняя группа улетала в США в ближайшую среду днем, поэтому церковь уже выделила для них три пассажирских фургона, которые должны были доставить гостей в Мехико. Фургоны отправлялись из Чильпансинго ранним утром в день вылета. С этого момента разговор взрослых приобрел куда более напряженный характер. Лука приподнялся на стуле и стал вертеть в руках мамину чашку.

– Так поезжайте с ними в фургоне. Отличная идея! – сказал Карлос.

Мередит не открывала рта, но по ее глазам было совершенно ясно: ничего хорошего она по этому поводу не думает.

Потом заговорила Мами:

– Если мы поедем на церковном транспорте, на блокпостах с нами ничего не случится.

– Да, никому и в голову не придет искать вас среди миссионеров, – поддержал ее Карлос.

– Они и смотреть не будут, – кивнула Мами.

И тут Мередит заговорила:

– Ничего не случится с кем? Может, с вами и не случится, но простите, конечно, подвергать ребят такой опасности я просто не могу.

Она покачала головой, и Лука увидел: то была совсем не та женщина, которая всего несколько минут назад оплакивала Папи. Цвет ее лица изменился, рыхлые черты затвердели.

Мами открыла было рот, но сумела промолчать. Она водила пальцем по золотым колечкам на груди.

Карлос уткнул указательный палец в стол. Все неотрывно смотрели на этот палец.

– Мередит, у них просто нет другого выбора. Я понимаю, что ты волнуешься, но по-другому им никак не выбраться из Герреро. Без нашей помощи они могут погибнуть.

– *Могут* – это мягко сказано, – заметила Мами.

Но Мередит скрестила руки на груди и снова мотнула головой. У нее были золотисто-каштановые волосы, удерживаемые надо лбом черным ободком. Красный нос, красные щеки, глаза – пронзительно-голубого цвета. Мами поднесла к губам чашку, а когда поставила ее обратно на стол, Лука увидел, что чая там осталось ровно столько же.

– Простите, но это слишком опасно, – сказала Мередит. – Мы не можем так поступать с детьми, с их родителями в Индиане – это просто нечестно. Всякий раз, когда кто-то отправляет к нам своих детей, они боятся именно такой ситуации. Вы хоть представляете себе, как трудно их переубедить? Мы даем им слово, что их дети будут в безопасности. Я лично даю им слово. Я обещаю, что ничего подобного с их детьми никогда не случится.

Мами откашлялась. Ее лицо было похоже на бомбу, которая вот-вот взорвется.

– Ничего *подобного*? – отдышавшись, произнесла она.

Мередит зажмурилась:

– Прости. Я не хотела. Я даже и не знаю, что тут еще скажешь.

– Себастьяна больше нет, Мередит, – вмешался Карлос. – Моего друга. Твоего друга. Он погиб. А вместе с ним еще пятнадцать человек. Ничего *подобного* просто так не случается. Даже тут. Ты знаешь хоть кого-то, кто в один день потерял шестнадцать родственников?

Мередит сверкнула глазами, но мужчина не отступил:

– Мы обязаны им помочь. Если страдание наших друзей ничего не значит, если этим детям нельзя видеть нас, видеть настоящую Мексику, то зачем им сюда приезжать? Они что, просто проезжие самаритяне?

– Карлос, не надо.

У Луки возникло ощущение, что супруги далеко не в первый раз говорят на эту тему.

– Неужели они приезжают сюда, только чтобы жарить оладьи и делать селфи с худыми смуглыми детишками?

Мередит хлопнула ладонью по столу, и в чашках зарыбил нетронутый чай. Но Маами предотвратила вспышку взаимного гнева. Она заговорила словно из пустоты, как будто куда-то исчезла, оставив после себя один только голос. Безжизненным тоном, нараспев она произносила:

– Себастьян. Йеми. Алекс. Йенифер. Адриан. Паула. Артуро. Эстефани. Нико. Хоакин. Диана. Висенте. Рафаэль. Люсия. Рафаэлито. Мама. Их больше нет. Никого больше нет.

С каждым новым именем, слетавшим с маминых губ, у Луки в горле все больше разрастался горький комок. Он взглянул на Мередит, но ее лицо было лишь непроницаемым красно-синим пятном. Маами ответил Карлос, положив ладони на стол.

– Мы вам поможем, – прошептал он. – Конечно, поможем.

Мередит поднялась и, скрестив на груди руки, принялась расхаживать из стороны в сторону.

– Лидия, я не буду притворяться, что знаю, каково тебе сейчас. Вообразить такое невозможно. Да, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы хоть как-то вам помочь. Но пойми, пожалуйста, и ты: на мне лежит серьезная моральная ответственность. Иногда простых ответов нет.

Мами обхватила руками лоб:

– Я не хочу, чтобы из-за нас у кого-то были проблемы. Я просто должна увезти Луку подальше отсюда. Должна.

Впервые после катастрофы Луке показалось, что Мами вот-вот по-настоящему сорвется. Он внимательно следил за выражением ее лица.

– Пожалуйста. Мы в отчаянном положении. – Голос Лидии дрогнул.

Карлос взглянул на жену:

– Послушай, дорогая. Я понимаю, почему ты сопротивляешься. Правда понимаю. Но иногда простые ответы все-таки есть. Подумай вот о чем: если мы им не поможем, если им придется самим ехать на автобусе, а потом их остановят на дороге и убьют – просто потому, что нам с тобой не хватило смелости им помочь, – сможешь ли ты потом с этим жить? Сможем ли мы с этим жить?

Мередит вздохнула и оперлась руками о спинку стула.

– Не знаю. Не знаю.

– Тогда помолись. Доверься Богу.

Женщина развернулась и нажала кнопку электрического чайника, хотя и к уже разлитому чаю никто пока что не притронулся. Стоя спиной к собравшимся, она наконец спросила:

– Ты уверена, что тебя ищут? – Она обернулась и прислонилась к кухонной стойке. – Разве с помощью Себастьяна они не продемонстрировали, что хотели? Может, теперь все кончено?

Лука перевел глаза на Мами, и та поймала его взгляд. Ответила она не сразу, словно прикидывая, что стоит и чего не стоит говорить в его присутствии. Вероятно, она вспомнила, что сейчас страх ему полезен. Пусть ему будет страшно.

– Нет, – сказала она негромко. – Он не остановится, пока не найдет нас.

8

В ту ночь, когда Лидия узнала, что Хавьер и Ла-Лечуса – один и тот же человек, она долго лежала в темноте с открытыми глазами. Лидия с Себастьяном всегда считали, что женатые люди имеют право на некоторую обособленность и не должны рассказывать друг другу все подряд. Она полюбила будущего мужа в том числе и за это: Себастьян не вытягивал из нее ответы на слишком личные вопросы, почти никогда не ревновал и не пытался разрушать или контролировать ее отношения с друзьями-мужчинами.

– Ты отдельная личность, ты взрослая женщина, – сказал он ей еще до помолвки. – А я – твой возлюбленный. Если мы поженимся, это будет значить, что ты выбрала меня. Надеюсь, каждый день ты будешь заново выбирать меня.

Лидию сместило старомодное слово «возлюбленный», но идея Себастьяна привела ее в восторг. До встречи с ним она была уверена, что брак непременно означает потерю личной свободы. И очень воодушевилась, узнав, что это не так. Оба они были людьми порядочными и считали себя современными. Они не скрывали друг от друга ничего серьезного, но Лидии нравилось иметь свой собственный, потаенный шкафчик, доступный лишь ей одной.

Так что не было ничего предосудительного в том, что она не рассказывала мужу о Хавьере, однако в тот момент, разумеется, все резко изменилось. Лидия так и не сомкнула глаз до самого утра, до того момента, когда Себастьян, как обычно, поцеловал ее в лоб и направился в ванную. Она села в постели, и от этого резкого движения у нее скрутило живот.

– Себастьян, – начала она.

Лидия было подумала: может, лучше ни о чем напрямую не рассказывать, а позадавать вопросы? Она понимала, что, как только во всем признается, их дружбе с Хавьером придет конец; в глубине души она уже начала оплакивать свою потерю. Ей очень хотелось, чтобы вся история оказалась неправдой, обыкновенным недоразумением.

Муж обернулся к ней в сером полумраке спальни.

– Что такое?

По одному лишь тону Лидии он сразу все понял. Подойдя к постели, Себастьян сел рядом с женой.

– Он мой друг, – призналась она.

В то утро Себастьян остался дома. Он позвонил своему редактору и сказал, что собирается проверить одну зацепку и в офис приедет только во второй половине дня. Вместе с женой они сидели на незаправленной постели и говорили в течение нескольких часов, пока свет за окном менял краски: с серого на розовый, с розового на солнечно-желтый. Когда пришло время собирать Луку в школу, оба ходили как в тумане.

– Давай сегодня я сам его отвезу, – настоял Себастьян. – А ты подожди меня дома.

Стоя под душем, Лидия плакала.

Когда муж наконец вернулся, они продолжили разговор за кухонным столом. Мокрые волосы Лидии дыбом торчали у нее на макушке, лицо припухло.

– Есть ли хоть какой-то шанс, что ты ошибаешься? – спросила она, скрестив на груди руки.

Лидия знала ответ, но все это казалось ей какой-то бессмыслицей. Голова у нее шла кругом.

Себастьян впился в нее глазами и твердо сказал:

– Нет.

Лидия кивнула:

– Материал про «Лос-Хардинерос», над которым ты работаешь... там что-то говорится про него самого?

– Да там почти все про него, про его приход к власти. Разоблачение в стиле «Всем привет, теперь я здесь главный авторитет».

Склонив голову набок, Лидия потерла рукой лоб.

– Я не знаю, что мне теперь делать, – прошептала она. – Вся эта история кажется совершенно невероятной.

– *Делать* ничего не надо.

– Просто в голове не укладывается. Ведь я *знаю* его.

– Да, Лидия, я понимаю. Он обаятельный мужчина, настоящий эрудит. Но еще он очень опасный человек.

Она вспомнила глаза Хавьера, какими беззащитными они казались всякий раз, когда тот снимал очки. «Опасный»? Это слово совсем к нему не подходило.

– Я знаю, как трудно в это поверить. И понимаю, как тебе сейчас тяжело. Мне очень жаль, правда. – Выдержав паузу, Себастьян продолжил чуть изменившимся тоном: – Но он убивал людей, Лидия. Множество раз. Этот мужик с ног до головы в крови.

Этот мужик. Лидия снова мотнула головой. Себастьян поднялся, обхватил пальцами спинку своего стула, придвинул его к столу.

– Он совсем не такой, каким тебе казался.

– Но ты ведь сам говорил вчера: «Лос-Хардинерос» не такие жестокие, как остальные картели.

Он ведь и правда так говорил, черт подери! Лидия открыла окно, и в кухню ворвался шум дороги.

– Дорогая, я тебя люблю. Я люблю твою преданность и порядочность. Но сейчас речь идет об убийце. С особой жестокостью или без, этот человек – успешный наркобарон. Когда убиваешь в таких количествах, убийство становится привычкой. Пусть на его совести чуть меньше мертвых детей, ну и что с того? Подобная умеренность – не следствие добродетели. Это его чертова бизнес-стратегия. Этот парень убьет *кого угодно*, если сочтет это выгодным.

– Не кого угодно, – едва слышно возразила Лидия. – У него есть дочь.

Опершись руками о спинку стула, Себастьян уронил голову и устался в пол.

– Себастьян, послушай. Я понимаю, звучит все это безумно. Но я ведь не наивная девочка, так? Я ведь не идиотка, правда?

– Ты самая умная женщина из всех, кого я знаю.

– Я... я просто пытаюсь все это переварить. Соотнести все то, что ты мне рассказываешь, с образом того Хавьера, которого знаю я.

– Да-да, понимаю.

– И это очень сложно.

– Я и представить себе не могу насколько.

– Ведь я и правда знаю его, Себастьян. Знаю. Как ты и говоришь, он действительно очень умный. В другой жизни он мог бы стать хорошим человеком...

– Но это не другая жизнь, Лидия. Он не стал хорошим человеком.

– Но, может, у него еще есть шанс. Вот что я пытаюсь до тебя донести. Люди – сложные создания. Пусть он именно такой, как ты говоришь. Но в нем есть и другая сторона. В нем живет измученная

душа поэта, полная скорби. Он остроумный. И добрый. Может, он еще сумеет измениться.

– Погоди. – Хавьер окинул жену внимательным взглядом. – Погоди-ка, Лидия. Ты что, в него влюблена?

– Что?

– Влюблена или нет?

– Себастьян, не говори глупостей. Сейчас не время для сцен ревности.

Мужчина покачал головой:

– Но есть ли у тебя к нему какие-то чувства?

– Ничего такого. Я его люблю, но...

– Ты его *любишь*?!

– Он мой друг! Настоящий друг. Человек, который очень много для меня значит. – Лидия уперлась ладонями в колени и взглянула на мужа снизу вверх. На окне зажурчала и выдохнула кофеварка. – Его отец тоже умер от рака.

Себастьян отодвинул стул и снова сел.

– Ох, Лидия.

С отцом своей жены Себастьян так и не успел познакомиться, но смерть этого человека оказала такое мощное влияние на жизнь Лидии и на их зарождавшийся роман, что к покойному тестю он испытывал по-настоящему родственные чувства. Себастьян знал о нем буквально все. Например, когда Лидии было двенадцать (уже не самый подходящий возраст для мишек), ее главный плюшевый любимец получил ранение в нос. Лидия была убита горем и одновременно стыдилась своих чувств. А мишка мучился и рассыпал внутренности по всему дому. Тогда ее отец, не говоря ни слова, сходил в аптеку и вернулся оттуда с пакетом. Пакет он положил на кухонный стол, под лампу на штативе, и велел дочери принести из комнаты мишку. Очень осторожно Лидия доставила любимца на кухню, которая к тому моменту превратилась в операционную. Стол был затянут целлофаном. Ее отец стоял в маске и резиновых перчатках. Под лампой мерцали хирургические инструменты: игла, нитки и лоскут кожи. Отец пришил медведю полностью новый кожаный нос.

А еще Себастьян знал, что покойный тесть никогда не ел зеленых овощей, кроме лимской фасоли, с детства имел на ноге длинный шрам из-за несчастного случая на лодке, а на концертах любил громко

подпевать артистам и, случилось, ужасно при этом фальшивил. Только раз в жизни Лидия видела, как отец плачет: когда Оскар Де Ла Хойя выиграл золото на Олимпиаде 1992 года в Барселоне. Себастьян испытывал такие нежные чувства к этому человеку, что порой ему приходила в голову мысль: возможно, будь тесть сейчас жив, Себастьян интересовался бы им куда меньше. На девятой неделе их романа они с Лидией смотрели футбольный матч на стадионе «Асуль» в Мехико, и в этот момент ей позвонили с ужасной новостью. Хотя рак развивался медленно, скончался отец Лидии внезапно и стремительно. Все случилось 24 октября 2003 года, за неделю до *Dia de los Muertos*^[27]. По словам врачей, его последние слова были: «Скоро праздник. Мне нужно подготовиться».

Лидия и Себастьян сразу же ушли с матча, и он повез ее сначала к себе домой, а потом обратно в Акапулько; ехали они всю ночь. Ее одежда лежала кучей на заднем сиденье. Она не понимала, что нужно взять, поэтому сгребла все в корзину для грязного белья. Сидя в темноте, Себастьян держал ее за руку; возле Куэрнаваки ему пришлось остановиться – Лидия испугалась, что ее вот-вот вырвет. В ту неделю он несколько раз ездил в Мехико и обратно: чтобы взять одежду, уведомить преподавателей о сложившейся ситуации, отвезти ее друзей на похороны, а потом, объединив усилия с ее матерью, уговорить Лидию не бросать колледж.

В каком-то смысле Себастьян всегда считал эту трагедию своего рода цементом, скрепившим их союз. Они уже догадывались, что влюбляются друг в друга, но именно личное горе стало для Лидии лакмусовой бумажкой, обнаружившей характер Себастьяна во всей полноте. В нем появилось непривычное постоянство. Он всеми силами пытался восполнить недостающие фрагменты ее жизни. Поэтому, когда она упомянула эту маленькую деталь, объединявшую ее с Хавьером, – смерть отца от рака, – Себастьян сразу понял, насколько важным был для Лидии этот общий опыт.

– Сколько лет ему было? – спросил он. – Когда умер его отец?

– Одиннадцать.

– Ужасно! – Себастьян поморщился.

Лидия вынула из шкафчика две кружки и налила в них кофе. Одну она поставила перед мужем, а другую взяла себе и снова села за стол. Подтянув к себе колени, обхватила их руками.

– Себастьян, мне кажется, он влюблен в меня.

Ее муж надул щеки и с шумом выпустил воздух.

– *Maldita sea*^[28], – выругался он. – Кто бы сомневался.

В краткосрочной перспективе изменилось немного: Себастьян стал чаще звонить и время от времени заходил в книжный, чтобы провести жену. Раз пять в день он слал ей эсэмэски, и даже если Лидия была занята, она сразу отвечала, чтобы муж не волновался. Все было в порядке. Неделю спустя, увидев в дверях Хавьера, она страшно запаниковала. Спрятав под прилавком телефон, Лидия написала Себастьяну: «Он здесь. Перезвоню».

В руках Хавьер держал какой-то сверток, и глаза его сияли ярче обычного. Всем своим видом он показывал, что очень ждет, когда покупатели разойдутся, но Лидия не спешила их отпускать, страшась оставаться с ним наедине. Когда последняя пара посетителей направилась к выходу, так ничего и не купив, Лидия крикнула им вслед: «Вам все понравилось?» Ответа она не услышала. Один из них, мужчина, просто кивнул, и, отворив дверь, оба удалились под тревожный звон колокольчика. Дрожащими руками Лидия помешала сахар в кофе Хавьера.

Сидя на своем табурете, мужчина широко улыбался.

– Кое-что для тебя. – С этими словами он положил бумажный сверток на прилавок и чуть придвинул его к Лидии.

Упаковка была неброской: простая коричневая бумага, никаких ленточек – однако от этого подарок, врученный в среду утром без всякого повода, не терял своей особой значимости. Как бы то ни было, Лидия распаковала его. Внутри оказалась деревянная матрешка, напоминая по форме арахисовую скорлупу, высотой примерно как рука Лидии от кисти до локтя, с едва заметным шовчиком посередине. Раскрашена она была по-праздничному: черные волосы, розовые щеки, желтый фартук, красные розы. Прощупав пальцами шовчик, Лидия открыла матрешку и увидела ее сестру-близняшку, только поменьше. Лидия раскрывала этих куколок снова и снова и всякий раз обнаруживала внутри уменьшенную копию предыдущей фигурки.

– Это русские матрешки, – сказала она.

– Да. – Хавьер наблюдал за ее реакцией. – Но на самом деле они – это я. Продолжай, ты не закончила.

Разняв очередную рассеченную фигурку – высотой с ее большой палец, – Лидия добралась до самой маленькой сестрицы. Ярко-бирюзовая и самая красивая, она была расписана наиболее искусно. Лидия зажала фигурку между пальцами и принялась разглядывать замысловатую серебряную филигрань.

– А это ты. – Хавьер ударил себя кулаком в грудь. – *Muy dentro de mi*^[29].

Лидия заморгала, пытаясь остановить слезы, но они все равно предательски заблестели в уголках ее глаз. Мужчина истолковал их по-своему и улыбнулся еще шире:

– Тебе нравится?

– Очень. Спасибо!

Она шмыгнула носом и под пристальным взглядом Хавьера начала поспешно собирать матрешек обратно. Тот заметил, что Лидия не пытается соединять половинки аккуратно, чтобы нижняя часть соответствовала верхней, – знак, что что-то по-настоящему пошло наперекосяк.

– Что случилось, *mi reina*^[30]?

Покончив с матрешками, Лидия снова завернула их в коричневую бумагу и положила под прилавок рядом со своим мобильным. Разговор намечался не из легких, поэтому она решила обо всем сказать прямо.

– На прошлой неделе я узнала кое-что плохое, – начала Лидия.

Хавьер нахмурился и подался вперед, слушая.

– Про тебя, – добавила она.

Он откинулся на спинку стула и еще сильнее сдвинул брови. В воздухе надолго повисла тишина, которая затем внезапно оборвалась от звона дверного колокольчика: в магазин вошла дама средних лет. Пробивая для нее три блокнота, три дорогие ручки и поздравительную открытку, Лидия так и не смогла улыбнуться. Беспокойство Хавьера, словно темное заклятье, расползлось вокруг, трепетало у нее в груди. Мужчина сидел ссутулившись, спрятав ладони между сомкнутых колен. Когда покупательница удалилась, Лидия подошла к двери. Щелкнув замком, она перевернула табличку: «*Cerrado*»^[31].

Они сидели по разные стороны прилавка и изучали друг друга. Лидия пристально смотрела Хавьеру в глаза, и оба не отводили взгляда.

Наконец мужчина заговорил.

– Я думал, ты знаешь. – Голос его звучал натужно, хрипло.

По-прежнему глядя ему в глаза, Лидия помотала головой:

– Откуда мне было знать? И как?

Глаза Хавьера за линзами очков казались даже больше обычного. Когда он вновь заговорил, его губы дрожали:

– Мне кажется, почти все знают. Вот я и надеялся, что... что для тебя все это просто неважно. Потому что ты знаешь, что я за человек. Видишь, какой я на самом деле.

– Да, вижу, даже сейчас. Но, Хавьер, другая часть твоей личности, которая мне не известна... Просто в голове не укладывается. Она ведь тоже настоящая, да?

Он наконец отвел глаза. Потом заморгал, снял очки и протер стекла полрой рубашки.

– Я люблю тебя, – сказал он.

– Я знаю.

– Нет, не знаешь.

Лидия сжала губы.

– Я влюблен в тебя. *Влюблен.*

Она лишь покачала головой.

– Лидия, ты мой единственный друг. Единственный человек, которому от меня не нужно ничего, кроме искренней радости общения.

– Неправда.

– Правда! Когда мы не вместе, я тоскую по тебе. Ты не представляешь, какое ты приносишь мне счастье. Только ты и Марта, больше у меня никого нет. Остальное – пыль. Я бы все это бросил, если бы мог.

– Так бросай! – Лидия хлопнула ладонью по прилавку. – Бросай!

Улыбнувшись, Хавьер печально взглянул на нее:

– Это не так устроено.

– Все устроено так, как ты велишь! Ты же *хефе!*

– Да. Но если я уйду, что будет дальше? Что случится с Акапулько, если я возьму и все брошу? Сколько невинных людей погибнет, пока они там будут бороться за мое место? – Он поставил локти на прилавки и в отчаянии ухватил себя за волосы. – Я ведь никогда не стремился к этой жизни. Все произошло само, по несчастному стечению обстоятельств.

Где-то на поверхности сознания Лидия чувствовала: так быть не может. Даже если это оказался лотерейный билет, Хавьер сам выбрал и купил его. Чтобы добиться такого положения, он наверняка совершил не одно злодеяние. Сколько их было? Какие? Какая-то смесь страха и печали помешала Лидии задать этот вопрос вслух. Она не решилась ставить под сомнение его оправдания.

– Так что вот. Я оказался тут. – Хавьер смотрел на нее с мольбой. – Бросить не получится, Лидия, увы. Но не это определяет меня как личность.

Лидия чувствовала, как возражения лихорадочно пульсируют у нее в голове. «Разумеется, именно это определяет тебя как личность», – не сказала она вслух. Сомкнув глаза, она почувствовала, как Хавьер взял ее за руку.

– Пожалуйста, попробуй меня понять, – сказал он.

Неделю назад, обнаружив фотографии Хавьера в папке у мужа, Лидия испытала мучительную боль. Так редко она ощущала с кем-либо настолько подлинную и глубокую связь. Одна только мысль об этой потере приносила Лидии чудовищное горе. Но вот теперь, в то время как Хавьер сидел перед ней, сжимая ее руки в своих, и все ее страхи подтвердились, стало ясно: перед ней – безжизненные останки былого чувства. Любовь, которую она испытывала к своему другу, уже начала улетучиваться. Она парила рядом, словно призрак, размытый и безжизненный, но уже не принадлежала Лидии. Ее привязанность погибла, вытекла, как вытекает кровь из трупа. Женщина сжала пальцы и почувствовала запах формалина. Хавьер с грустью пристально смотрел ей в глаза, и на стеклышках его очков она увидела брызги крови.

9

В доме Карлоса и Мередит Лидии пришлось снова встретиться со своими демонами. Горе подкарауливает в минуты бездействия. Лидия казалась себе треснувшим яйцом, но не могла понять, желток ли она, или белок, или скорлупа. Все в ней перемешалось. В последовавшие три дня они с Лукой часто оставались одни: сыновья Карлоса учились, сам он работал, а Мередит хлопотала, чтобы организовать для своих миссионеров путь домой. Семья не отказывалась от повседневных забот, как случается обычно, когда люди сталкиваются со смертью: любое изменение в привычном распорядке могло бы навлечь на них подозрение. Лидии с Лукой было необходимо сидеть тихо. А Карлос, Мередит и их сыновья продолжали жить обычной жизнью. *Gracias a Dios*^[32], в комнатах мальчиков имелась неплохая библиотека, и, пока семейство занималось своими делами, Лука читал по две-три книги в день. Лидия тоже пыталась читать, но ее разум не мог удержать в себе слова. В ее мозгу не оставалось свободного пространства. Поэтому она решила, что, по крайней мере, займет чем-то руки. Она готовила разные блюда, которые им с Лукой не хотелось есть. Мыла раковины, стирала одежду, пылесосила ковры – хотя все это и так было чистое. И смотрела, как Лука все больше замыкается в себе.

Минуты растягивались до бесконечности. Лука весь день проводил в одной позе, читая на диване. Поднимался он, когда требовалось взять с полки новую книгу. Каждый раз, когда он шел в туалет, Лидия пыталась уговорить его поесть. Остаток дня она сидела за стареньким компьютером в гостиной, листая заголовки новостей из Акапулько. В память о Себастьяне его коллеги написали много прочувствованных некрологов, но Лидия не могла читать все эти рассуждения. Слово *héroe* (герой) приводило ее в бешенство: можно подумать, ее муж сам отважно шел навстречу смерти. Господи, да он умер с кухонной лопаткой в руке. Лидия проглядывала новости в надежде выяснить какие-то подробности расследования, но, как и ожидалось, не находила ничего. В совокупности страх и коррупция – надежная защита от любого, кто мог бы собрать улики и добиться правосудия. Не будет ни доказательств, ни суда, ни обвинительного приговора. Лидия

проверяла криминальную сводку в надежде, что найдет там хоть какой-то намек на дальнейшие планы «Лос-Хардинерос». Накануне днем на пляже Плайя-Орнос возле зонтиков открыли стрельбу; в результате погиб турист. Сегодня утром рядом с жилым комплексом «Лома Ларга» был обнаружен сгоревший автомобиль; в салоне находились два тела – одно побольше, другое поменьше.

Лидия подвела курсор к очередной ссылке, но все-таки ей удалось закрыть новостной сайт. Допустим, Карлос поможет им добраться до Мехико, но дальше-то что? Надо было придумать какой-то план. Изучая маршруты автобусов, Лидия узнала, что в округе увеличилось число блокпостов, стали чаще пропадать люди. Гражданам настоятельно не рекомендовалось покидать черту города на личном транспорте. Власти призывали не ездить по автомагистралям в штатах Герреро, Колима и Мичоакан, за исключением самых крайних случаев. Лидия почувствовала, что на нее вот-вот обрушится новая волна отчаяния, но у нее не было времени паниковать. Ехать по дорогам – точно не вариант. Даже будь у нее действительные права, Лидия ни за что не повезла бы Луку на машине. Да и автобусы не лучше. Блокпосты – слишком серьезная угроза. Что же тогда оставалось? Лидия стала смотреть авиабилеты, хоть ей и не нравилось, что при покупке придется указывать имя. Теперь, когда все данные хранятся в цифровом виде, какой смысл бежать на другой конец земли, если твоя фамилия всплывет под красным флажком в какой-нибудь онлайн-базе? Без паспорта можно долететь максимум до Тихуаны, три часа сорок минут пути. Если Хавьер захочет отправить им навстречу *sicario*, времени ему вполне хватит. Лидия представила себе, как в зале получения багажа начинается бойня. Представила заголовки на следующий день. Междугородних пассажирских поездов в Мексике не было, но Лидия решила посмотреть хотя бы маршруты товарняка, на котором мигранты из Центральной Америки ездили в США. Они пересекали всю страну, от Чьяпаса до Чиуауа, лежа на крыше поезда, который прозвали «Ла-Бестия» (Зверь): он вез людей навстречу всем ужасам, какие только можно вообразить. Убийства и похищения на этом пути были обычным делом, кроме того, каждый день люди погибали или получали увечья, просто падая с крыши поезда. На такое путешествие отваживались только самые нищие и отчаянные. Содрогаясь, Лидия просмотрела множество видео, фотографий и

зловещих предостережений от людей с ампутированными конечностями. И решила начать сначала, еще раз подробно изучить все варианты. Автобусы, самолеты, поезда. Наверняка она что-то упустила. Наверняка есть какой-то выход. Следующие несколько часов Лидия вбивала запросы, щелкала мышкой и прокручивала текст; Лука тем временем листал страницы очередной книги.

За ужином к ним присоединилась вся семья: Карлос, Мередит и три их мальчика. Лука сидел в отцовской бейсболке, и Лидия не стала возражать, хотя Мередит сказала своему младшему: «За столом никаких головных уборов». Старший мальчик вытер с губ молочные усы и посмотрел сначала на Луку, а потом на его красную кепку.

– Тебе нравится бейсбол? – улыбнувшись, спросил он.

Лука лишь пожал плечами.

Он всегда был тихим ребенком. Даже года в два-три он никогда не лепетал, не бормотал себе под нос. Заговорил Лука только в четыре года, и к этому моменту Лидия уже всю била тревогу. Читать сыну вслух она начала задолго до того, как заподозрила какие-то проблемы, просто потому, что сама любила книги и совместное чтение. Ей нравилось думать, что Лука будет расти, слушая фразы, преисполненные красоты, – пусть даже поначалу он их не понимал, – что его язык будет формировать сокровищница лучшей поэзии и прозы. Так что Лидия начала с Маркеса, Толстого и сестер Бронте. Однако, по мере того как росла ее тревога, она сменила тон: теперь она читала вовсе не так, как обычные родители читают своим детям сказки, но с настойчивостью безумного человека, который надеется спасти ребенка от немоты. Когда ее страхи расцвели пышным цветом, а чтение с сыном вошло в привычку, Лидия прибегла к помощи Октавио Паса, Карлоса Фуэнтеса, Марка Твена и Росарио Кастельянос. Лидия свободно говорила по-английски (она учила его в колледже), поэтому иногда обращалась к Йейтсу, воздавая почести зеленым лугам Ирландии с мексиканским акцентом.

Когда Лука был еще младенцем, она приносила его на работу в слинге; в перерывах между обслуживанием покупателей, оформлением доставки, уборкой и расстановкой новых книг мать с сыном читали вместе. Иногда магазин подолгу пустовал, и тогда они с головой погружались в какую-нибудь историю. Когда Лука немного подрос, Лидия стала сажать его в детское кресло-качалку или на коврик,

расстеленный на полу за прилавком. Вскоре мальчик уже мог ковылять по магазину самостоятельно, но, когда наступало время чтения, сам охотно садился рядом, скрестив ноги и слегка склонив голову к плечу – словно бы выставляя специальный туннель для слов, которые передавала ему мать. Она пробовала самые разные книги: с картинками и без, разноцветные, тактильные, сборники стихов, альбомы с фотографиями и репродукциями картин. Детские, кулинарные, Библию. Лука осторожно проводил пальцами по глянцевым или тонким страницам, но по-прежнему молчал. Иногда Лидия читала до хрипоты, но порой одинокое эхо собственного голоса так ее угнетало, что ей хотелось все бросить. Однако в таких случаях Лука настойчиво заталкивал книгу обратно ей в руки. Раскрыв страницы, он клал книгу матери на колени.

Как-то раз, примерно за неделю до четвертого дня рождения Луки, они всей семьей ели похлебку *посоле* и Лидия в очередной раз сокрушалась о немоте сына. Тогда Себастьян положил свою ложку на край тарелки и стал внимательно изучать лицо мальчика. Тот внимательно изучал отца в ответ.

– Может, ты не говоришь по-испански? – спросил Себастьян.

Подражая ему, Лука тоже положил свою ложку на край тарелки.

– Так вот оно в чем дело, да? ¿*Cuál idioma hablas, mijo?*^[33] Может, на английском? Может, ты американец? А, нет, знаю! – Себастьян щелкнул пальцами. – Ты гаитянин! Или... араб? Нет, филиппинец!

Не сводя глаз с мужа, Лидия медленно моргнула, но Лука вдруг улыбнулся и тоже попытался щелкнуть пальцами. Себастьян стал его учить. Щелк-щелк-щелк. Лидия осталась наедине с собственным отчаянием. Она решила, что Себастьян тоже, должно быть, переживает, но не показывает этого в силу своего упрямого оптимизма. Доктора говорили, что с мальчиком все в порядке. Лидии хотелось кричать.

И все же она терпеливо продолжала свои занятия. Аьенде, Борхес, Сервантес. Она читала и надеялась, что с помощью этих драгоценных слов преодолет замкнутость сына. И вот однажды, когда Лидия дочитала одну скверную повесть молодого самовлюбленного писателя, Лука приподнялся и покачал головой. Потом потер руками колени. Захлопнув книгу, Лидия положила ее на столик рядом с креслом-

качалкой, где они сидели вместе с сыном. Мальчик взял книгу в руки, открыл первую страницу и сказал:

– Мама, прочитай, пожалуйста, снова, но только давай придумаем более подходящий конец.

Идеально. Вот так вот запросто, словно в продолжение разговора, который они вели всю его жизнь. Лидия была так ошарашена, что чуть не отшвырнула сына в другой конец комнаты. Спихнув его с колен, она поставила мальчика на ноги, развернула к себе и уставилась на него:

– Что?

Лука сжал губы.

– Что ты сказал? – И Лидия схватила его за плечи, пожалуй чересчур грубо – из страха, что она начинает терять рассудок. – Ты заговорил! Лука! Ты ведь заговорил?

После короткой, ледящей душу паузы мальчик кивнул.

– Что ты сказал? – прошептала Лидия.

– Я бы хотел прочитать эту книгу еще раз.

Лидия зажала его лицо в ладонях и рассмеялась сквозь слезы.

– Боже мой! Лука!

– Только чтобы конец был лучше.

Она прижала его к груди, стиснула изо всех сил, а потом подскочила на ноги и закружилась вместе с ним.

– Повтори еще раз! Скажи что-нибудь еще!

– Что же мне сказать?

– Да! Именно это! Милый! Ты говоришь!

Закрыв магазин пораньше, она отвела сына домой, чтобы тот во всей красе показался отцу. Этот эпизод запомнился Лидии в таких подробностях, что она боялась доверять собственной памяти: чем дальше удалялось от нее прошлое, тем больше оно походило на сказку. Как же так получилось, что он молчал все эти годы, а потом просто взял и заговорил? Как ведущий новостей или профессор, такими сложными, красивыми предложениями? Невероятно. Лингвистическое чудо.

В течение четырех лет Лука великолепно говорил на двух языках, но теперь в бирюзовом доме Карлоса голос мальчика начал пропадать; к нему возвращалось былое безмолвие. Лидия видела, как это происходит, но ни она, ни ее сын не могли ничего с этим поделать. Поначалу тишина опустилась легкой дымкой, но вскоре затвердела,

словно смола. К среде немоту Луки уже нельзя было не замечать. На прямые вопросы он отвечал лишь мимикой и жестами. Он вновь освоил технику отрешенного взгляда, и тогда Лидия почувствовала, как где-то внутри от нее откололся последний кусочек рассудка.

В эти дни, полные тягучего, оцепенелого молчания, в голове у Лидии по-прежнему стремительно вращалось колесо чудовищных мыслей, и никакими способами у нее не получалось его остановить. В присутствии сына ей удавалось держаться стойко, но порой приходилось убегать в ванную. Там Лидия открывала кран, чтобы шум воды скрывал ее приглушенный, скорбный крик. Ее выворачивало от горя, настолько первобытного, что Лидия ощущала себя диким животным, зверем, лишенным сородичей. По ночам, лежа с Лукой на узкой постели крестного сына Себастьяна, она властно направляла мысли в черноту – и ее разум повиновался. Раз за разом она повторяла: *не думай, не думай, не думай*, – и благодаря такому самообладанию вскоре проваливалась в милосердный сон. По сто раз на дню воспоминания о случившемся вбрасывали в ее кровь адреналин, поэтому вечером она, к счастью, валилась с ног от усталости. Ее веки опускались. Но в краткий переходный миг между прыжком с берега и тем моментом, когда ее подхватывал поток, она стремительно летела вниз. Конечности дергались, сердце колотилось, в мозгу всплывали все те же образы: грохот перестрелки, запах обугленного мяса и шестнадцать прекрасных лиц, навсегда застывших без движения, с пустыми глазами, устремленными в небо. Лидия вскакивала в постели и пыталась выровнять дыхание, не разбудив Луку. Каждую ночь на пути к забытию перед ней возникала эта преграда. Этот отрезок она не могла преодолеть. Да что же она за человек, если не сумела похоронить свою семью? Как могла она бросить родных, у которых застывала в жилах кровь, на голой земле, с открытым ртом, с распахнутыми глазами? Лидия видела вдов, которые прямо говорили обо всем, что выпало на их долю, вдов, которым горе придавало храбрости. Она видела, как они выступали перед камерами, не позволяя никому затыкать себе рот, и обвиняли виноватых, высмеивали насилие трусливых мужчин. Называли их по именам. Этих вдов расстреливали на похоронах. *Не думай, не думай, не думай*.

В среду Карлос отпросился с работы, чтобы лично сесть за руль одного из трех церковных фургонов, направлявшихся в Мехико.

Красный саквояж Лидия оставила на постели, где они с сыном провели последние три ночи. Внутри лежали ее туфли на каблуках и парадные ботинки Луки. Все остальное она затолкала в два рюкзака, и это был весь их багаж. Из Мехико они полетят на север, решила Лидия. Другого выхода не было. С этими рюкзаками им будет легче передвигаться и не придется стоять у багажной ленты, высматривая свои пожитки (в общем-то, ненужные). Лидия не знала, предупредили ли миссионеров о двух неожиданных попутчиках, но, когда мать с сыном зашли в фургон, никто их ни о чем не спросил. Девочки сверкали своими приторными улыбками и пытались заговорить с Лидией о Спасителе, но та притворялась, что не понимает английского. Усевшись на заднее сиденье, она обнимала сына одной рукой и изо всех сил пыталась вести себя как обычный человек. Вспомнить, каково это, оказалось непросто. У девочек были туристические сумки и дорогие рюкзаки, а волосы у каждой – кудрявые, прямые, жесткие, шелковистые – были заплетены в две французские косички. Лидия поняла, что так того требуют правила миссионеров, и потрогала свой конский хвост. Это заметила девочка, сидевшая рядом.

– Хотите, я вам тоже заплету? – спросила она с улыбкой. – Мы все плетем друг другу косички.

Лидия засомневалась: даже с самыми безупречными французскими косичками вряд ли кто-то примет ее за юную миссионерку из Индианы. И все же самая нелепая броня лучше никакой. Девочка решила, что ее собеседнице мешает языковой барьер, и показала пальцем на свои косички, потом на косички двух других девочек и, наконец, на волосы самой Лидии.

– Хотите? Французские косички?

Молча кивнув, Лидия стянула резинку со своих густых черных волос и повернулась к девочке спиной; та запустила пальчики в ее шевелюру и принялась что-то там накручивать. В салоне было жарко. Покончив с плетением, девочка попросила у своих подруг зеркало. Оказалось, что ни одна из пяти юных пассажирок не была настолько тщеславна, чтобы носить при себе ручное зеркальце. В конце концов одна из них открыла камеру на своем айфоне, перевела ее в режим селфи и отдала телефон Лидии.

– Вам так идет! – воскликнула девочка. – ¡*Me gusta!*^[34]

Лидия посмотрела в экран и покрутила головой из стороны в сторону, чтобы получше разглядеть свою новую прическу. Ей показалось, что теперь она выглядела немного моложе. Улыбнувшись, она отдала девочке телефон. Когда пассажиры фургона запели, ее окатила волна облегчения: голоса заполнили салон, не оставляя места для тревожных мыслей. Все, включая Карлоса, пели громко и задорно.

– Поспи немного, – прошептала Лидия на ухо сыну, когда они подъезжали к Аксаксакуалько. – Лука смотрел на нее не моргая. – Впереди пробка. Ложись на пол и немного вздремни. Тут удобно.

Лидия наклонилась и, расставив по разные стороны две туристические сумки, освободила немного места. Лука пролез между ними и свернулся калачиком. Его набитый рюкзак теперь служил подушкой. Мальчик закрыл глаза. Между тем движение на дороге начало стопориться – а вместе с ним и дыхание Лидии. Девочки громче запели песню «*Jesus, Take The Wheel*»^[35]. Карлос поймал взгляд Лидии в зеркале заднего вида. Он медленно моргнул, понимая, что иного утешения сейчас предложить не может. Черда машин впереди остановилась. Их фургон оказался зажат между двумя другими. За рулем того, что стоял впереди, сидела Мередит.

На дороге показались два молодых человека, скорее даже мальчика, с винтовками AR-15 наперевес. Возможно, оттого, что эта модель была не столь востребована и сексуальна, как вездесущий калашников, Лидии стало еще жутче. Глупость, конечно. Любой ствол тебя прикончит с равной легкостью. Но в гладком черном корпусе AR-15 было что-то глубоко утилитарное, словно ей даже не требовалось привлекать к себе внимание.

Время от времени дуло одной из винтовок заглядывало в открытое окно какой-нибудь ожидающей пропуска машины, но в основном они оставались в вертикальном положении. Мальчики держали оружие обеими руками. Как правило, водители не дергались. В основном они уступали раздутому самолюбию парней, подыгрывали их тщеславию. Никто не ожидал, что эти ребята и правда откроют огонь, но все знали: прежде чем стать по-настоящему лихим парнем, сначала надо таким притвориться. Никому не хотелось обнаружить, что именно сегодня мальчишки решили действовать всерьез. Один за другим водители тянулись к своим кошелькам, сумкам и бардачкам за приготовленными деньгами. Они передавали купюры безропотно, искренне повторяя:

«Благослови вас Господь», потому что эти парни могли приходиться им братьями, сыновьями, внуками. Кому-то из них наверняка и приходились.

Карлос газовал и давал по тормозам, снова газовал и снова давал по тормозам. Лука лежал с закрытыми глазами, а девочки-миссионерки пели. Лидия молилась, чтобы мальчики оказались некоррупцированными *autodefensas*, хотя надежды было мало.

Поющие девочки тоже храбрились изо всех сил. Поездка через блокпост казалась им увлекательной, а перед отправлением пастор успокоил их – мол, подобное в Мексике случается постоянно, и бояться тут нечего, это все равно что проехать пункт сбора дорожной пошлины, – и все же они понимали: операторы пунктов сбора дорожной пошлины в Индиане не носят при себе автоматическое оружие. Многие из этих девочек – загляни они поглубже в потаенные, грешные уголки своей души – с нетерпением ждали, что их автобус задержат: экзотическое приключение, выброс адреналина, а какие интересные истории они потом будут рассказывать в Индиане! Однако по пути из Мехико их никто не остановил. Они испытали разочарование с привкусом вины. Когда же долгожданный момент все-таки настал, когда они увидели на дороге мальчиков, почти своих ровесников, которые устрашающе размахивали оружием, когда в их неопытную миссионерскую нервную систему беспорядочно хлынули гормоны, каждая из девочек с косичками похолодела от ужаса. Кое-кто еще надеялся, что у них найдется достаточно смелости, чтобы взглянуть этим юношам в лицо, чтобы спасти их, напомнив им о Христе. Но большинство просто хотели как можно скорее попасть домой. Одна из девочек – та, у которой был айфон, – снова попыталась запеть, но к ней никто не присоединился, и через пару тактов песня оборвалась. Карлос опустил стекло.

Парни встали по обе стороны фургона перед ними. Лидия сумела разглядеть силуэт Мередит на водительском сиденье – та разговаривала с одним из парней. Очевидно, он был главным. Мередит указала пальцем на фургоны позади, и оба парня оглянулись. Лидия застыла на месте. Нет, никто бы не заметил ее на заднем сиденье через затемненные стекла. На главном, стоявшем со стороны водителя, была однотонная голубая кепка без символики. Он командовал своему напарнику осмотреть другие фургоны. Проскользнув между

бамперами заглушенных автомобилей, паренек подошел к открытому окну со стороны Карлоса; ствол его винтовки выписывал невидимую линию вдоль белой дорожной полосы. Лидия взглянула на Луку: тот лежал на полу с открытыми глазами, круглыми, как блюдца. Слегка поерзав на своем сиденье, она постаралась прикрыть сына ногами.

– Куда направляетесь? – спросил парень, желая сверить показания Мередит и ее мужа.

– В аэропорт Мехико. Наши гости сегодня улетают домой.

– *¿De dónde eres?*^[36] – обратился парень к миссионерке, сидевшей позади водителя.

– Они почти не говорят по-испански, – объяснил Карлос. – Они все из Индианы.

Заглянув в салон через открытое окно, мальчик внимательно изучил улыбающиеся лица молчаливых пассажирок. Если он был падок на девичьи феромоны, в этот момент на него обрушилась критическая доза. Когда его взгляд наконец упал на Лидию, он скривил рот.

– Что за женщина?

– Одна из наших наставниц.

– *¿Estadounidense también?*^[37] – На красивом лице мальчика загорелось сомнение.

– Нет, она отсюда. Наша.

– А почему она сидит сзади?

Лидия знала, что ей ни в коем случае нельзя смотреть на Луку, однако сын был единственным якорем, удерживающим ее в этом мире, и ее глаза отчаянно стремились к нему. Из последних сил Лидия вперила взгляд в подголовник водительского сиденья.

– Одну из наших девочек укачало, – ответил Карлос. – Наставница пересела назад, чтобы помочь.

Лидия подняла руку и по-матерински, совершенно не задумываясь, опустила ее между лопаток девочки, сидевшей впереди – той, что заплетала ей косички. Кругообразными движениями Лидия погладила ей спину, и девочка удивилась: как эта женщина догадалась, что ей страшно? Она была благодарна даже за такое скупое ободрение, и потому, взглянув на Лидию, кое-как улыбнулась. Парень обратился к Лидии:

– *¿Cómo se llama, Doña?*^[38]

– Марьяна, – соврала она.

– Ей лучше, Марьяна? – Он указал подбородком на девочку.

– Думаю, немного лучше, да, – ответила Лидия, по-прежнему растирая девочке спину. – Но еще подташнивает.

Ни о чем не подозревающая миссионерка, как по заказу, неожиданно побледнела, а потом слегка согнулась. Лидия подумала, что, возможно, девочку и правда вот-вот вырвет.

Парень все никак не уходил. Его винтовка нависала над окном, а глаза внимательно изучали наставницу Марьяну. Наконец он снова просунул голову в окно и спросил:

– Здесь только девочки? Мальчиков нет?

В ногах у Мамаи Лука сверкнул широко распахнутыми глазами и еще сильнее сжал губы. Он даже не дышал. Теперь он умел прятаться так, чтобы не шевелить ни одним мускулом.

– Все мальчики едут в следующем фургоне, – сказал Карлос.

Когда парень с автоматом хлопнул ладонью по дверной раме, Карлос передал ему несколько сложенных купюр и сказал на прощание:

– *Ten cuidado, y que Dios te bendiga*^[39].

Парень кивнул и, спрятав деньги в задний карман джинсов, зашагал к последнему фургону. Когда он проходил мимо окна Лидии, у него на шее, под левым ухом, она заметила небольшую простенькую татуировку в виде мачете. Так и есть: то были ребята Хавьера, «Лос-Хардинерос». Через мгновение все девочки в салоне разом выдохнули, но только не Лидия. Она позволила себе мельком взглянуть на обращенное кверху лицо сына. Его глаза теперь были закрыты, и женщина прикрыла свои тоже, ощутив сдержанное облегчение. В висках у нее стучало.

– *Everybody good?*^[40] – спросил Карлос, обернувшись, чтобы посмотреть каждой девочке в лицо.

Те захихикали, отвечая невпопад. Лидия лишь кивнула и уронила руку на колени. Казалось, прошло очень много времени, прежде чем парень с автоматом наконец покончил с расспросами у водительского окна последнего фургона. Проходя мимо, он взмахнул рукой, а потом присоединился к своему товарищу в начале очереди. Ребята наконец выпустили из рук автоматы и закинули их за спину, чтобы оттащить в сторону большое бревно, преграждавшее машинам дорогу. Они освободили ровно столько места, чтобы вереница церковных фургонов смогла проехать.

Полчаса спустя они въехали на Мескальский мост через реку Бальсас, и тогда все девочки разом ахнули и направили объективы фотокамер на роскошные зеленые каньоны за окном. Когда Лука выбрался из своего укрытия и угнездился под боком Лидии, та наконец-то снова обрела способность дышать.

10

Лука и Лидия продержались достаточно, чтобы увидеть залитые солнечным светом улицы и удушающую пестроту Мехико. Серьезное достижение. Теперь от верной гибели их отделяло четыре дня и 236 миль. Но Лидия знала: дело не только в расстоянии. В обезличенной столице перед ними открывался узенький проход в будущее. Отсюда можно было ощутить некоторую надежду; может, у них и правда получится исчезнуть. Лидия твердо решила, что наименее болезненный вариант – лететь на самолете. Нечто похожее на суеверие помешало ей выбрать пункт назначения, однако она изучила все города на северной границе Мексики и составила список возможных направлений. С запада на восток: Тихуана, Мехикали, Ногалес, Сьюдад-Хуарес, Нуэво-Ларедо. Подойдет любой из этих аэропортов – каждый может стать заветной дверью в убежище – незаметной, как вход с заднего крыльца, но надежной. В эти города ветер доносит с севера запах свежих пирогов, остывающих на подоконниках.

Карлос распахнул заднюю дверь фургона, и девочки с косичками и набитыми рюкзаками высыпали на яркий асфальт; Лидия с сыном вышли следом. Карлос схватил ее за руки и горячо прошептал ей на ухо: «Он все еще с вами. Я это чувствую. Он присмотрит за тобой и твоим сыном. Все будет хорошо».

Лидия завидовала его уверенности. Они обнялись без слез, что заставило шокированных девочек с косичками и их товарищей мальчиков поспешно отвернуться. Мередит стояла рядом с Лукой и неловко пыталась подтянуть лямки его рюкзака, но тот уворачивался. Наконец Карлос разомкнул объятия, и Мередит шагнула к Лидии, протягивая к ней руки. Однако теплые чувства, которые женщины питали друг к другу, – главным образом благодаря дружбе их мужей – теперь улетучились. Тем не менее Лидия испытывала искреннюю благодарность. Она заглянула Мередит в глаза.

– Я знаю, как непросто тебе пришлось, – сказала она. – Подвергать всех такому риску. Ради нас. – Мередит покачала головой, но особенно возражать не пыталась. – Я очень тебе благодарна, – продолжала Лидия. – Ты спасла нам жизнь. Спасибо.

– Идите с Богом, – ответила Мередит.

Сбившись в стайки, дети обменивались впечатлениями от блокпоста. Продолжать разговор на фоне их шумной болтовни не имело смысла, и женщины с облегчением разошлись. Автоматические двери аэропорта с грохотом разъехались, и первая группа подростков неспешно шагнула внутрь. Пока Карлос и Мередит прощались с пастором и его женой, Лидия и Лука, шагнув под тенистый навес, направились к остановке трамвая, который шел к терминалу внутренних рейсов.

Никогда прежде Лука не ездил на трамвае. Он пытался не проявлять излишнего интереса, но все это выглядело до того удивительно: обтекаемая стеклянная штука подплывала к платформе и выгружала людей на платформу. Стиснув руку Мами, он отступил от прохода; мимо них торопливо протискивались пассажиры, волоча за собой багаж. Когда Мами потащила его через узкий проем между неподвижной платформой и подвижным трамваем, Лука устался себе на ноги. Мами с легкостью подхватила его, и вот они уже стояли внутри, в первом вагоне. Ну как тут не прижаться лбом к выгнутому стеклу? Любый ребенок ощутил бы такой же восторг в груди, глядя, как из-под него стремительно уносятся трамвайные пути. Все равно что прокатиться на американских горках, бесшумно скользя мимо верениц машин и автобусов, такси и уличных фонарей, мимо взлетной полосы, усыпанной точками самолетиков, мимо грузовиков с чудными лестницами на кузовах. Перед трамваем спикировал огромный самолет, и мальчик ахнул и отпрянул от окна.

– Мами! – воскликнул он.

Это было первое слово, которое он вымолвил за целых три дня, и Лука тут же о нем пожалел: как недвусмысленно, с какой постыдной веселостью оно прозвучало! В ответ Мами улыбнулась, но то была не обычная улыбка. Лука ни за что бы не перепутал ее с выражением подлинной радости. Так почему он не страдает так же, как она? Что же с ним не так, если он ведет себя так обыденно? Мами взлохматила волосы на его макушке, и Лука снова прильнул к стеклу. Он наблюдал, как трамвай заглатывает рельсы, лежащие на земле.

В терминале работал кондиционер, и его механический гул словно бы подсвечивал все остальные звуки: маленькая девочка шла с мамой за руку и волочила за собой на поводке чемодан в форме собаки;

какой-то мужчина кричал в мобильный телефон на гортанном, незнакомом языке; молодая женщина цокала по плитке сердитыми каблучками. В воздухе стояли запахи цитруса и фреона. Лука проследовал за матерью к небольшой будочке с экраном и стал смотреть, как она вбивает что-то в поиск. Потом он решил, что ему, наверное, стоит смотреть не на Мами, а на людей вокруг – чтобы убедиться, что никто за ними не следил. Развернувшись, он окинул взглядом помещение; никто не обращал на них внимания, кроме той маленькой девочки с чемоданом в форме собаки. Она стояла с мамой в очереди – а точнее, сидела на спине своего чемодана. Всякий раз, когда ее мама продвигалась вперед, девочка, не вставая, отталкивалась ногами от пола и подъезжала следом. Хотелось бы Луке иметь такой же чемодан.

– Здесь у нас ничего не получится. – Мами прервала его размышления. – Эта машина не дает купить билеты на тот же день. Пойдем в очередь.

Подхватив с пола рюкзак, она устремилась к одному из окон, и Лука последовал за ней. Он обрадовался, что теперь сможет получше разглядеть собаку-чемодан, у которого, как теперь стало видно, были также уши и пушистый хвост.

Заметив восхищение Луки, девочка улыбнулась. Лет ей было примерно столько же, может, на год меньше.

– Погладь, если хочешь, – сказала она. – Он не кусается!

Лука попятился назад и спрятался за Мами. Через мгновение, однако, он все-таки протянул руку и потрогал пальцами кончик собачьего хвоста. Девочка рассмеялась, а ее мама сказала: «Пошли, Найя». Помахав Луке, девочка оттолкнулась от пола кроссовками и всю дорогу до стойки с билетами проехала на спине своего чемодана.

Подошла очередь Луки и Мами, и вот они уже стояли перед девушкой в синем костюме и красном шелковом платке. Ее круглое лицо повторялось на бейджике, висевшем у нее на шее. Девушка улыбнулась Луке:

– Ну здравствуй, маленький путешественник! В первый раз летишь?

Мальчик взглянул на Мами. Та кивнула, и тогда он тоже кивнул. Полет! Неужели они правда полетят? Лука сомневался, что ему хочется куда-то лететь, а может, на самом деле ему очень хотелось. Трудно было сказать наверняка.

– Мы внезапно решили съездить отдохнуть немного, – объяснила Мама кассирше.

– Хорошо. Куда? – та занесла руки над клавиатурой.

– Мы думали, в Нуэво-Ларедо.

Девушка принялась стучать по клавиатуре с космической скоростью. Не может быть, чтобы она правда так быстро печатала, подумал Лука. Наверняка притворяется. Тут девушка нахмурилась.

– До пятницы рейсов нет. Вы бы хотели улететь сегодня?

– Да. – Мама облокотилась на билетную стойку. – Как насчет Сьюдад-Хуареса?

Щелк-щелк-щелк.

– Да, это возможно. Есть рейс сегодня в три часа дня, с остановкой в Гвадалахаре. В Хуарес самолет прибывает вечером, в 19:04.

Мама закусила губу.

– А прямых рейсов нет?

Щелк-щелк.

– Есть прямой рейс завтра утром, в 11:10.

Мама покачала головой:

– Ладно, давайте попробуем Тихуану.

На этот раз щелканье клавиатуры почти не было слышно за щебетанием кассирши. Она даже не смотрела на экран или на кнопки. Ее руки двигались сами по себе, словно два животных. Повернув свое круглое лицо к Мама, девушка сказала:

– Милый городок. Вы там бывали?

Мама мотнула головой.

– Я раньше много летала. Работала стюардессой, пока не родила малышкой. У нас был рейс в Тихуану, и время от времени мы оставались там на ночь. – Подмигнув Луке, девушка добавила: – Надеюсь, тебе нравятся вечеринки!

Мальчик вонзил ногти себе в ладони, чтобы не думать о вечеринках, а кассирша снова обратила круглое лицо и круглые глаза в монитор.

– Есть прямой рейс в Тихуану, в 15:27. На месте вы будете в 17:13. У них там разница во времени, минус два часа.

– Отлично. – Мама кивнула. – Два места найдется?

– Конечно. А когда вы хотели бы вернуться?

Лидия опустила глаза на свои золотые кроссовки и мозаичный пол. Лука не понимал, почему она сомневается, а тем временем его мать

уже проигрывала в голове сценарий катастрофы. У них было ровно 226 243 песо – она знала это потому, что пересчитала свои сбережения, закрывшись в ванной дома у Карлоса. Они уже потратили больше восьми тысяч песо на отель, необходимые вещи и билеты на автобус. У Лидии также имелась банковская карточка матери, которую она боялась использовать. *Abuela* держала сберегательный счет, но те деньги им еще пригодятся. На границе им придется заплатить проводнику – койоту, и, если им повезет, после этого останется небольшая сумма, которая позволит им продержаться какое-то время. Они едва ли могли позволить себе разбрасываться деньгами на обратные билеты, которые не собираются использовать. Но, с другой стороны, рассказывать этой дружелюбной женщине, этой незнакомке и потенциальной *halcón*^[41], что они с сыном летят в один конец, – тоже непозволительная роскошь. Лука сжал руку матери.

– Вернуться мы хотели бы на следующей неделе, в тот же день, – сказала она.

– Очень хорошо! – жизнерадостно отозвалась женщина, однако Лука забеспокоился, потому что ее улыбка немного поблекла.

– Я смогу оформить для вас обратный билет на... давайте посмотрим... на 12:55 по местному времени. Сюда вы прилетите в 18:28, без пересадок.

– Да, очень хорошо. – Мами кивнула. – А сколько стоит?

Поправив свой красный платок, женщина прокрутила мышкой страницу. У нее были квадратные ногти, выкрашенные лаком цвета асфальта. Женщина коснулась ими экрана, и раздался легкий щелчок.

– Три тысячи шестьсот десять песо за каждый билет, – объявила она.

Мами снова кивнула и, скинув с плеча рюкзак, поставила его на колено. Пока женщина стучала по клавиатуре, Лидия достала из бокового кармана свой кошелек.

– Ничего, если наличными?

– Да, конечно. Но мне потребуется ваше удостоверение с фотографией.

Мами распределила деньги по разным местам и в кошельке держала порядка десяти тысяч песо. Лука наблюдал, как она отсчитывает купюры: семь розовых, две оранжевые и одну голубую. Она выложила пачку банкнот на стойку, и женщина принялась их пересчитывать. Пошарив в складке кошелька, Лидия достала удостоверение

избирателя и с легким щелчком опустила на стойку. Кассирша отложила деньги в сторону и принялась разглядывать карточку. Она держала ее в одной руке, а второй вбивала информацию в компьютер.

– Спасибо. – Она вернула карточку Мами, а потом с улыбкой взглянула на Луку: – А как насчет тебя? Ты захватил с собой удостоверение избирателя?

Мальчик замотал головой. Очевидно, что голосовать ему еще нельзя. Тогда женщина снова взглянула на Мами:

– Мне потребуется свидетельство о рождении или какой-то другой документ, подтверждающий вашу опеку.

– Над моим сыном?

– Да.

Мами покачала головой; кожа вокруг ее глаз неожиданно порозовела. Луке показалось, что она вот-вот расплачется.

– У меня ничего такого нет, – сказала она.

– Ох. – Женщина схлопнула руки и откинулась на стуле. – Боюсь, без этого он полететь не сможет.

– Но вы ведь сможете сделать для нас исключение? Вы же видите, что он мой сын.

Лука кивнул.

– Мне очень жаль, – ответила кассирша. – Но это не наше внутреннее правило, это закон. В любой другой авиакомпании вам скажут то же самое.

Она аккуратно сложила разноцветные купюры в стопку и протянула Мами, но та не стала их брать. Тогда женщина оставила деньги на стойке.

– Пожалуйста. – Мами понизила голос и наклонилась к кассирше. – Пожалуйста, мы в отчаянии. Нам нужно уехать из города. Это наш единственный выход. Пожалуйста.

– Мне очень жаль, сеньора. К сожалению, я ничем не могу вам помочь. Обратитесь в центральный ЗАГС и запросите копию свидетельства о рождении, иначе ваш сын не сможет лететь. Я тут просто бессильна. Даже если я продам вам билет, вас не пропустит служба безопасности.

Мами схватила деньги и засунула их в задний карман джинсов вместе со своим удостоверением. Ее лицо по-прежнему меняло цвета и теперь казалось совсем белым, обескровленным.

– Мне очень жаль, – снова повторила женщина, когда Мами уже развернулась, собираясь уходить.

Лука последовал за ней, не спрашивая, куда они идут; вскоре мать с сыном спустились в метро. Когда они вышли на станции «Исабель Ла Католика», мальчика охватили еще более противоречивые чувства. Поездка в Мехико – это настоящее приключение. Все в этом городе было не так, как в Акапулько, и Лука изо всех сил старался ничего не упустить: бьющиеся на ветру флаги, фруктовые лавочки, колониальные здания в стиле барокко, стоявшие плечом к плечу со своими современными угловатыми соседями. С железных кованых балконов струилась музыка, торговцы предлагали прохожим блестящие банки прохладительных напитков, и повсюду их окружало искусство. Стенные росписи, картины, скульптуры, граффити. На углу одной улицы стояла разноцветная статуя высокого Христа – так подумал про нее Лука, потому что она была мелковата для статуи, но очень высока по человеческим меркам, – одетого в ярко-зеленый хитон, один край которого беспечно свисал с его руки. Под этим наплывом сенсорных раздражителей Лука сумел на время подавить чувство вины. Он шагал за Мами с приоткрытым ртом, жадно втягивая в себя виды города.

В одном из уличных ларьков Мами купила *тамале* и пакетик нарезанных огурцов. Время близилось к двум часам дня, и Лука уже порядком проголодался, поэтому они присели под зонтом, чтобы спокойно перекусить. Как же это странно, думал Лука: некоторые вещи так и остались прежними. Огурцы, присыпанные солью, ничуть не изменили вкус с тех пор, как все умерли. Такими же остались костяшки у него на руках. И ногти. И ширина маминых плеч. Мальчик молча жевал. Покончив с обедом, Мами отвела его в бетонное здание-коробку со скульптурной группой у входа, изображающей обнаженных танцовщиц; внутри какой-то мужчина за приемной стойкой сообщил им, что получить копию свидетельства о рождении Луки можно только в том штате, где он родился.

– Он родился в Мехико?

– Нет.

– В штате Мехико?

– Нет, в Герреро.

– Тогда ничем не могу помочь. – Рядом на стойке лежал недоеденный сэндвич, и мужчина, похоже, очень хотел к нему вернуться.

Снова выйдя на тротуар, они решили где-нибудь сесть, чтобы Мама могла спокойно подумать. Мать с сыном устроились в тени бетонной коробки, прислонившись спиной к стене. Через несколько мгновений Лидия вскочила на ноги. «Ладно», – сказала она самой себе, и ее лицо снова приобрело нормальный оттенок, а руки решительно сжались в кулаки. «Ладно», – повторила она.

Пройдя несколько кварталов, они вышли к огромному зданию из камня, когда-то бывшего белым, но теперь потемневшего от времени, дождей и грязи. У него была громадная сводчатая деревянная дверь, утыканная массивными позолоченными шишечками. Лука смотрел на нее снизу вверх, почти напуганный этими масштабами – в десять раз больше его самого. Но Мама держала его за руку, и вместе они скользнули под яркие фиолетовые цветы жакаранды, прошли через дверцу поменьше, вырезанную в гигантской двери, и оказались внутри, в прохладной тишине.

То была Библиотека имени Мигеля Лердо де Техада. Хотя она специализировалась на экономической литературе, из-за невероятной красоты это здание стало у Лидии любимым местом для занятий, когда она училась на филфаке. Именно там они познакомились с Себастьяном, поначалу ошибочно приняв друг друга за студентов экономического факультета. Со временем у влюбленной пары появилась особая шутка: в тот день оба вышли на рынок отношений в поиске состоятельного партнера, но немного промахнулись.

Если не считать новых компьютеров на столиках в глубине, главный зал библиотеки выглядел ровно так же, как в воспоминаниях Лидии. Высокие, как в храме, потолки; просторное помещение, пропитанное лившимся сверху светом; сочные росписи Влади Кибальчича на стенах. Как-то раз Себастьян высказал опасение, что Лидия не сдаст экзамены, если продолжит здесь заниматься: большую часть времени она проводила, разглядывая стены. Она давно мечтала привести Луку в это потрясающее место, но и помыслить не могла, что это случится при таких обстоятельствах. Лидия представляла, как будет рассказывать ему истории из прошлого, но теперь, придавленная бременем катастрофы, ощутила, что не в силах воплотить

воспоминания в форме слов. Она не расскажет, как Себастьян втихаря приносил ей сладости, пока она готовилась к выпускным экзаменам. Как однажды он так сильно ее рассмешил, что библиотекарь прогнал обоих прочь. Как в другой раз он забился вон в ту кабинку, чтобы за один присест осилить «Лабиринт одиночества» Октавио Паса – только потому, что это была любимая книга ее отца и Себастьян хотел узнать его лучше через его любимые произведения.

Какой же необъятной была ее тоска, когда скончался отец! Теперь Лидии было страшно даже подумать, как сильно определила ее дальнейшую жизнь та единственная утрата. А теперь их стало на шестнадцать больше. Лидия казалась себе потрепанным лоскутом кружева: теперь для нее было важно не то, из чего она сделана, а то, чего ей не хватает. Она и представить себе не могла, как эта трагедия повлияет на сына. Как только они окажутся в безопасности, необходимо будет провести погребальную церемонию. Луке нужен какой-то ритуал, какой-то способ заключить горе в рамки, которые он сможет хоть немного контролировать. Вдруг горе сгустилось над ней, и Лидия принялась повторять про себя заклинание: «Не думай, не думай, не думай». Она наблюдала, как Лука силится впитать в себя величие этого места, как запрокидывает голову и скользит взглядом по каждой поверхности, как пытается прогнать с лица нечаянную улыбку.

– Все в порядке, *tijo*, иди осмотришь, – сказала она. Но Лука лишь крепче вцепился в ее руку. – Что же, тогда давай сядем. – Лидия подтолкнула сына к пустому месту за компьютером.

Эта мысль впервые явилась к ней в тени центрального ЗАГСа, и поначалу Лидия восприняла ее лишь как способ маскировки: что, если им притвориться мигрантами? Но теперь, сидя в тишине библиотеки, рядом с сыном и двумя набитыми рюкзаками, она с резкой ясностью осознала: это вовсе не маскировка. Они с Лукой и есть мигранты. Самые настоящие. Эта простая правда, наравне с другими суровыми фактами ее новой жизни, вытолкнула весь воздух из легких Лидии. Она всегда жалела этих несчастных людей. Жертвовала деньги. Порой, с отстраненностью привилегированного класса, задумывалась: какой же невыносимой была жизнь этих людей, если им приходилось идти на такое? Бросить свои дома, свою культуру, свою семью и даже родной язык, отважиться на опаснейшую авантюру, рискуя жизнью, –

и все это ради призрачной мечты о какой-то далекой стране, в которой они никому не нужны.

Откинувшись на спинку стула, Лидия взглянула на своего мальчика, который в тот момент пристально смотрел на ярко-розовую фигуру на стене высоко у него над головой. *Мигрант*. Это слово ему совсем не подходило. Но теперь это их реальность. Именно так все и случается. И они далеко не первые: Акапулько приходил в запустение. Взять хотя бы их соседей – сколько убежало за прошедший год? Сколько исчезло без следа? Все эти годы они смотрели, как то же самое происходит в других местах, сдержанно сочувствовали тем людям, качали головой, глядя, как где-то вдалеке с юга на север катится поток мигрантов. Только теперь Лидия поняла: Акапулько присоединился к этой процессии. Никто не может жить в таком беспощадном, залитом кровью месте.

Отведя взгляд от сына, женщина сосредоточилась на экране компьютера, стоявшего перед ней. Теперь к поискам ее побуждала не просто паническая тревога, но самое настоящее отчаяние. Другого выхода у них просто не оставалось. Открыв браузер, Лидия посмотрела, как пролегает маршрут поезда «Ла-Бестиа» возле Мехико. Затем взяла наушники и подключила их к компьютеру. Посмотрела сначала Ютьюб – и это оказалось ужасно. Намного ужаснее, чем она предполагала. Но лучше уж знать, лучше быть готовой. Она заставляла себя смотреть, впитывать все эти истории, не обращая внимания на сбивчивое дыхание и учабившийся пульс.

Пассажирам «Ла-Бестиа» предлагался целый ассортимент изуверских смертей. На повороте вас могло придавить между двумя вагонами. Заснув, вы могли скатиться с крыши, упасть под колеса и остаться без ног (в таком случае, если человек не погибал сразу, он обычно умирал от потери крови на каком-нибудь поле, прежде чем его успевали обнаружить). Ну и куда же без обыкновенного человеческого насилия: вас могли избить, пырнуть ножом, подстрелить. Грабеж? Само собой разумеется. Также нередко случались массовые похищения людей с целью выкупа. Обычно похитители прибегали к пыткам, чтобы оказать давление на семьи жертв. На этих поездах униформа редко олицетворяла то, ради чего создавалась. Добрая половина тех, кто притворялся мигрантами, койотами, железнодорожниками, полицейскими или сотрудниками

иммиграционной службы, на самом деле работали на картели. Все были подкуплены. Вот паренек из Гватемалы, двадцати двух лет, за три дня до интервью потерял обе ноги. Еще у него не хватало одного переднего зуба. Он рассказывал: «До того как я поехал на этом поезде, мне сказали, что, если упадешь и у тебя ногу или руку затянет под колеса, за долю секунды надо решить, хочешь ли ты просунуть туда и голову тоже. – Молодой человек моргнул. – Я принял неправильное решение».

Насмотревшись ужасов, Лидия опустила голову, чтобы убедиться, что она еще в своем уме. Потому что, несмотря на все, что она только что увидела, она понимала: как и все незаконные предприятия Мексики, «Ла-Бестиа» находилась под управлением картелей. А точнее, одного-единственного картеля, отца всех картелей, организации настолько жуткой, что люди боялись произносить ее название. И в тот момент это было самое важное. Потому что этот картель – не «Лос-Хардинерос». Из расследования Себастьяна Лидия знала, что влияние Хавьера не ограничивалось одним только Герреро, что он установил связи с другими картелями по всей Мексике. Он контролировал местечки даже в штате Коауила на границе с Техасом. Однако, если его власть и распространялась на «Ла-Бестиа», то лишь в небольшой степени. На поездах был другой *хефе*, не Хавьер. Поэтому вопрос стоял так: в попытке убежать от одного чудовища стоит ли прыгать в логово другого?

«Каждый год по этому пути успешно проезжают около полумиллиона человек», – говорила себе Лидия. Они смогут затеряться среди остальных. Никто не станет искать их на крыше «Ла-Бестиа». Хавьеру и в голову не придет, что она решится на такое; она и сама с трудом все это себе представляла. Возможно, у них с Лукой такие же шансы пережить встречу со Зверем, как и у всех остальных. Возможно, шансы у них даже выше: они могут как следует подготовиться, и к тому же у них уже есть неплохие навыки выживания. Получалось так: ее страх перед «Ла-Бестиа», насилие, похищения и смерти – пока что оставались умозрительными. Все это не шло ни в какое сравнение с леденящим душу ужасом, который вызывал в ней Хавьер, воспоминания о зеленой плитке в душе, о *sicario*, гулявшем между трупами ее родных с куриной ножкой в руке.

Лидия решила, что план был, конечно, дикий, но все-таки надежный. Заново открыв браузер, она принялась внимательно изучать маршрут. Судя по всему, в Мехико мигранты собирались возле станции «Лечерия» на северной окраине города. Оттуда они шли пешком сто миль на север, после чего расходились по трем разным направлениям. Недалеко от библиотеки, в Буэнависте, можно было сесть на электричку прямо до «Лечерии». В животе у Лидии резко похолодело.

– Безумие, – произнесла она вслух.

Лука метнул на мать удивленный взгляд, но ничего не сказал. Она повесила наушники на место, встала из-за стола и принялась собирать вещи.

– Нет.

Повесив на спину рюкзак, она жестом велела Луке сделать то же самое, а потом повторила:

– Нет. Нет. Нет.

Потому что в тот момент разумная Лидия, хозяйка книжного магазина, преданная жена и мать, какой она была неделю назад, сражалась с новой, чокнутой Лидией, которая считала, что затащить восьмилетнего сына на крышу товарного поезда – отличная идея. Но других идей ни одна из них предложить не могла.

– Нет, – сказала она в последний раз.

А потом они с Лукой оказались на улице, под бешеным солнцем, в безвыходной ситуации. Купив на рынке в Ла-Сьюдадела теплый плед и четыре холщовых ремня, они с сыном отправились искать электричку до «Лечерии».

Станция электропоездов располагалась в дальнем конце огромного торгового центра, где имелись магазин косметики «Сефора», закусочная «Панда Экспресс» и даже каток. Улица перед входом была забита красными автобусами и розовыми такси. Покупатели и продавцы были одеты куда наряднее, чем жители Акапулько. И все носили безупречно чистые кроссовки. У витрины книжного Лидия на мгновение остановилась, чтобы окинуть взглядом подборку пестрых глянцевого обложек: популярные новинки, многие из которых украшали и витрину ее собственного магазина. Она вспомнила своего курьера: как он останавливался возле входа, выходил из машины и, приставив ко лбу ладонь козырьком, заглядывал внутрь сквозь решетку и темное стекло. Вспомнила двух девушек, которые подрабатывали у нее на полставки: очкастенькая Кики – ей нельзя было доверять расстановку на полках, поскольку она принималась читать любую книгу, оказавшуюся у нее в руках; и Глория – за всю жизнь она не прочитала ни одной взрослой книги, зато имела безупречный вкус к детской литературе и всегда работала на совесть. Лидия думала: как же они справятся теперь, лишившись заработка, который поддерживал их семьи? А на складе будут пылиться книги, и посылки так никто и не отправит. Лидия отступила от витрины, оставив на стекле призрачный отпечаток своей ладони.

На третьем этаже они с Лукой встали в очередь к банкомату; рядом какая-то девушка с огромной холщовой сумкой продавала открытки с видами Мехико. Площадь Конституции в лучах заходящего солнца, Дворец изящных искусств, сияющий в ночи, словно рождественская елка... Лидия задумалась: а не купить ли ей открытку для Хавьера? Что бы она написала на обороте? Стала бы взывать к утраченной человечности? Поблагодарила бы за жутковатые соболезнования? Молила бы сохранить им жизнь? А может, тщетно попыталась бы выразить свою ненависть и боль? Нет, как бы она ни любила слова, порой их просто было недостаточно.

На дне рюкзака, в потаенном кармане, который Лидия не открывала с тех самых пор, как они бежали из Акапулько, хранилась сумочка ее

матери. В той сумочке, меж складок кошелька, лежала банковская карточка. Лидия знала ее ПИН-код, потому что именно она когда-то помогла матери открыть банковский счет и научила им пользоваться. Маленькая коричневая сумочка, с которой ее мама ходила, сколько Лидия себя помнила. Плотная кожа когда-то была жесткой, но с годами обмякла. Застежка давным-давно отлетела, и теперь лишь откидной клапан мешал содержимому вывалиться наружу. Лидия не стала предаваться воспоминаниям. Прислонив рюкзак к стеклянной стене, она открыла мамину сумочку. Лука не смотрел на нее. Он стоял рядом и ковырял уголок рекламного плаката, предлагавшего займы под низкий процент. Еще недавно Лидия сделала бы сыну замечание, объяснила бы, что какой-то человек заплатил за этот плакат, так что Луке нельзя его отдирать. Но не теперь. Лидия буравила взглядом сумочку матери. От нее исходил особый запах, точнее, целый букет запахов, которые тут же накрыли Лидию, хотя она стояла между «Макдоналдсом» и блинной забегаловкой. Знакомый аромат немедленно пробудил в ней воспоминания, но Лидия не стала им предаваться. Старая кожа, бумажные платочки (новые и уже использованные), жвачка с корицей, которую всегда покупала ее мать, ее любимые леденцы из черной лакрицы в белом бумажном пакетике, маленький тюбик крема с экстрактом абрикоса и очень свежий, словно детский, запах компактной пудры – все это сливалось в родной, такой знакомый образ детства. *Мама.*

Лука тоже его учуял. Не сводя глаз со стекла, он одними губами произнес: «*Abuela*» – и продолжил свои нападки на рекламный плакат.

Лидия задышала через рот. Подошла ее очередь, она шагнула к банкомату, и тут из рюкзака высыпались на пол жалкие останки ее былой жизни. Девушка, стоявшая у соседнего банкомата, очень старалась на них не смотреть. Видя ее настороженность, Лидия сгорала от стыда. Ей приходилось гнать из головы непрошенные воспоминания, и к тому же ей было очень страшно. Она боялась, что одна-единственная электронная транзакция, будто вспышка сигнального огня, обозначит их местоположение. Дрожащей рукой она запихнула карточку матери в отверстие и вбила ПИН-код. Громко пикнув, автомат выплюнул карточку обратно.

– ¡*Me lleva la chingada!*^[42] – выругалась Лидия.

Лука оглянулся на нее.

– Все в порядке, – соврала она.

Снова вставив карточку, она осторожно ввела ПИН-код, следя за движениями дрожащих пальцев. Она ведь его знала. Это день рождения Луки. Теперь должно получиться.

Получилось. *Gracias a Dios*^[43].

При таком укладе общества, где взрослым детям положено заботиться о своих стареющих родителях, пожилые люди, как правило, вовсе не имели сберегательных счетов. Действительно, мать Лидии, обладавшая банковской картой, разительно выделялась на фоне своего окружения, даже в таком экономически развитом городе как Акапулько, даже будучи представительницей крепкого и постоянно растущего мексиканского среднего класса. С другой стороны, мать Лидии всегда была необычной женщиной. Она всегда вела себя нетипично для своего поколения. Например, первым двум парням, позвавшим ее замуж, она просто отказала. И, к ужасу своей матери, соизволив наконец выйти замуж в двадцать четыре года, уже совсем не юной девочкой, продолжила работать бухгалтером в местной больнице, а потом снова пошла учиться. После трех лет в браке она получила диплом аудитора и устроилась на работу в городскую администрацию. Пусть ее родители и сверстники порой закатывали в недоумении глаза, но отцу Лидии нравилось быть женатым на бунтарке, даже после того, как у них родились две дочери и ему пришлось менять подгузники куда чаще, чем он планировал. Лидию растила мать, которая всегда подчеркивала, как важно быть независимой и откладывать деньги на будущее. Мать, которая затем одолжила ей денег на открытие собственного книжного магазина. И хотя Лидия всегда была ей благодарна, она и помыслить не могла, что однажды чудачества матери спасут ей жизнь.

На экране высветилась цифра, которая превзошла самые смелые ожидания Лидии: 212 871 песо, то есть больше десяти тысяч долларов. Она выдохнула, на миг ощутив невероятную легкость, словно укол счастья. Это очень много. Подруги бабушки по садоводческому клубу задохнулись бы от возмущения. Лидия забрала карту и почтительно вернула ее на место, в сумочку матери, так ничего и не сняв. Надежнее будет оставить всю сумму в банке до тех пор, пока она им не понадобится. Если бы только деньги могли решить все их проблемы, они с Лукой были бы спасены. Но, увы, они по-прежнему не могли

купить себе путь из Мехико. А теперь, после этой банковской операции, где-то на радарх Хавьера могла появиться новая точка. Лидия знала: только в громадном Мехико они могли проверить баланс карточки, не выдав в ту же секунду свое местонахождение, но теперь дело было сделано, и пришло время двигаться дальше. На фудкорте они купили тако навынос, и, когда Лука попросил дополнительную порцию сметаны, Лидия испытала невероятное облегчение. Они поужинали в электричке, отправлявшейся до станции Лечерия в 18:32.

Когда они добрались до адреса, который Лидия нашла в интернете, на улице еще не стемнело и на тротуарах лежали длинные тени. Однако двери «Каса дель Мигранте» оказались закрыты, и в окнах не было света. Приставив к голове ладони, как шоры, Лидия заглянула сквозь стекло внутрь. То же самое сделал и Лука, но ничего там не увидел. Мимо них по тротуару шла какая-то женщина, волоча за собой металлическую тележку с продуктами.

– *Está cerrado*^[44], – обронила она на ходу.

– Закрыто? – переспросила Мами, повернувшись на голос. – До завтра?

– Нет, они совсем закрылись. Пару месяцев назад. Соседи жаловались. Слишком много проблем для местных. Смотрите сюда. – Она отпустила свою тележку и, пошарив рукой в почтовом ящике рядом с дверью, выудила оттуда какую-то брошюру. – Вот, возьмите.

– «Друзья мигранты, – начала читать Лидия, – жители Лечерии предлагают вам продолжить путь до «Каса дель Мигранте», теперь расположенного в районе Уэуэтока». – Она фыркнула: – Какое гостеприимство.

Дама с тележкой всплеснула руками.

– Конечно, вы, мигранты, несчастные бедняжки, ни в чем не виноваты. Но куда бы вы ни пришли, следом за вами приходят проблемы. – Она снова взялась за тележку и, громыхнув колесиками, зашагала прочь.

– Погодите! – воскликнула Лидия. – А где находится Уэуэтока?

– На севере, – бросила дама на ходу и, не оглядываясь, махнула рукой куда-то в сторону.

Лидия посмотрела на Луку, но тот лишь пожал плечами. Он мог бы сказать ей, что Уэуэтока находится в семнадцати милях отсюда, – потому что видел ее на карте, когда Мами читала на компьютере про

Лечерию, – но его язык отказывался выводить слова: «Мами, сегодня мы не успеем туда дойти». Поэтому мальчик шагнул за мать в неправильную сторону, обратно к станции в лучах закатного солнца. Миновав три квартала, они увидели вдалеке группу молодых мужчин в бейсболках и с рюкзаками на спине. Лука знал, что тревога матери растет вместе с тенью, что протягивались от их ног. Совсем скоро наступит ночь. Поравнявшись с ними, мужчины взглянули на мать и сына и сразу же поприветствовали Мами:

– *Saludos, señora. ¿Cómo va?*^[45]

– Хорошо, спасибо. Не подскажете, где находится Уэуэтока? Мы только что прочитали объявление: оказалось, приют для мигрантов закрыли.

– Да, закрыли. А чтобы дойти до нового места, вам придется подняться в гору, сеньора, – сказал самый молодой из мужчин, дыша на Лидию чем-то кислым.

– А далеко?

– Прилично. Миль десять-пятнадцать.

– Ничего себе.

Все мужчины закивали. Один, с зубочисткой во рту, прислонился к стене.

– А автобусов нет? – спросила Лидия.

– Нет, но вы можете сесть на поезд и доехать до Кауатитлана, до конечной. Оттуда будет немного ближе, но вам все равно придется идти. Часа четыре, может, пять.

Говорил только самый молодой мужчина. Другие два следили за разговором, словно это был теннисный матч. Лука наблюдал, как они смотрят этот воображаемый теннис.

– Тогда сегодня мы уже не успеем, – сказала Мами.

– Вы можете заночевать с нами в лагере. – Мужчина ухмыльнулся. – Поедете завтра, сеньора.

Его тело извивалось, словно кусочек вареной лапши. Предложение прозвучало грубо и двусмысленно. Тогда Лука шагнул вперед и встал между мужчинами и матерью – не потому, что хотел пожертвовать собой, но потому, что давно подметил: иногда присутствие ребенка мешает людям вести себя дурно. Лука потянул Мами за руку, и они пошли прочь.

Вернувшись на станцию Лечерия, они сели в поезд, который ехал на север в Куаутитлан. По прибытии Мама решила потратиться на комнату в дешевом мотеле. И сказала Луке, что после этого они еще очень долго не смогут останавливаться в отелях.

Утром Лидия разбудила его с первыми лучами солнца, и вместе они отправились в Уэуэтоку – не для того, чтобы найти убежище мигрантов, но чтобы найти хоть каких-то мигрантов.

Куаутитлан был конечной остановкой на линии пригородного сообщения, хотя железнодорожные пути там не кончались. Между улицей и путями стоял новый дорожный забор: его построили в рамках *Programa Frontera Sur* – государственной программы, по большей части финансируемой США, которая имела целью очистить грузовые поезда от мигрантов. Из-за ограждения они больше не могли запрыгивать на поезда с платформы; спустя примерно милю забор неожиданно кончился, поэтому Лука и Лидия пошли вдоль него по небольшой травяной обочине.

Мальчик не понимал, почему им приходится идти пешком. Он знал, что у Мама достаточно денег на билет. Ему хотелось бы задать ей вопрос, но голос его намертво застрял где-то в груди. Лука прыгал со шпалы на шпалу, а Лидия время от времени оглядывалась, чтобы убедиться, что за ними нет поезда. Со вчерашнего дня у Луки в кармане остался билет на электричку от Лечерии до Куаутитлана. Несмотря на то что прикладывать его пришлось дважды, первый раз – когда они садились в поезд, и второй – когда сходили, – Мама доверила его сыну в самостоятельное пользование. Пошарив рукой в кармане, Лука достал карточку и потянул мать за рукав. Когда та посмотрела на него, мальчик помахал билетом. И Мама сразу поняла, чего он от нее хочет, просто потому, что она все и всегда понимала.

– На эти поезда не продают билетов, – объяснила она. – Мы вышли на конечной.

Лука нахмурился, и на его лбу проступила небольшая складочка. Склонив голову набок, он прищурился. Вот же она, железная дорога. Закинув руку в воздух, он провел пальцами вдоль линии поездов, которую видел на своей воображаемой карте.

– Эта дорога идет далеко-далеко, – подтвердила Мама. – До самого севера.

Лука широко распахнул глаза. Он почти чувствовал ногами железную дорогу, простиравшуюся под сводами дневных и ночных небес на многие, многие мили вперед, до самого Техаса. Так почему же они не могли просто купить билет?

– Отсюда на север ходят только товарные поезда. Не для людей, – объяснила Мама.

С огромным усилием Лука выдавил из себя одно-единственное слово:

– Почему?

– Не знаю, милый. – Лидия покачала головой.

Этот вопрос прозвучал так просто. *Почему?* Ведь было же время, когда из Мексики ходили пассажирские поезда. У нее осталось смутное воспоминание из детства, когда местные пейзажи пересекали не только товарные составы. Она помнила, как люди с чемоданами стояли на платформах и как радостно гудел паровой свисток. Но пассажиры перестали ездить на поездах целую вечность назад. Лидия перебирала скудные воспоминания, но без толку: она не знала почему, да и, в конце концов, какая разница.

Рядом с ней Лука по-прежнему шагал со шпалы на шпалу. Он наблюдал, как мыски его голубых кроссовок упираются в деревянные. И тогда Лидия поняла: иногда сын спрашивал *почему* просто из-за того, что так устроены все дети. Ему не так уж важно, даст ли она точный ответ, главное – ответить хоть что-то.

– Но некоторые люди все равно ездят на поездах. – Она покосилась на Луку. – Даже без билетов, даже без сидений.

Взглянув на мать, Лука внимательно изучил ее лицо. Он ничего не ответил, но глаза его округлились.

– Они забираются на крышу. Представляешь?

Мальчик не мог этого себе представить.

Думая о текущих успехах, Лидия немного приободрилась. Ей нравилось, что дистанция между ними и Хавьером все увеличивается, но все же перебираться из громадного Мехико в более скромные районы было страшно; она чувствовала, как постепенно рассеивается городской туман, скрывавший их от вражеских глаз. Трудно не привлекать к себе внимания, когда ты – чужак в маленьком городке. Поэтому Лидия старалась не высовываться и держать ухо востро. Шагали они быстро, но Лука не жаловался – даже когда, проходя мимо

крошечной веломастерской, он захотел потрогать руль велосипеда, стоявшего у входа. Велосипед был зеленый, с позолоченным звонком, и мальчику показалось, что по размеру тот как раз пришелся бы ему впору. Но они с матерью продолжали идти, и примерно через час у железной дороги им попала группа молодых мигрантов. Их было человек двадцать пять, все мужчины; стояли они на небольшой полянке за складским помещением – там, где городская застройка постепенно сходит на нет и отовсюду начинает вылезать дикая природа. Ключок между двумя мирами.

У большинства мужчин были угрюмые лица. За спиной у них висели рюкзаки. Они провели в дороге уже много недель, уехав за много миль от Тегусигальпы, Сан-Сальвадора, гватемальских гор. Раньше они жили в городах, в деревнях или в *лос кампос* – полевых поселениях. Некоторые из них говорили на индейских языках: киче, ишильском, мамском или науатль. Луке нравилось, как звучит иностранная речь, как подскакивают и перекатываются в воздухе непонятные слова. Ему нравилось, что во всех языках человеческие голоса звучат одинаково и, если настроить слух так, чтобы слушать не слова, а интонации, эти звуки можно наделить своим собственным смыслом. Многие из собравшихся знали и английский. Но здесь, в пригороде Мехико, ожидая поезда, который отвезет их на север, все мужчины говорили по-испански. Почти все они были католиками и вверили свою жизнь в руки Господа; к Богу они взывали горячо и часто. Они молили о благословении Его сына и всех святых. За два дня не появилось ни одного поезда, и мужчин вымотало ожидание.

Неподалеку какая-то женщина продавала еду. Перед ней на тележке стояли две огромные бадьи: из одной она брала тортильи, а потом наполняла их фасолью из другой. Обслуживая покупателей, она не улыбалась и ничего не говорила. Купив у нее завтрак, Лука и Лидия нашли пологое местечко в тени высокого дерева. Расстелив пестрый плед, который Мама купила в Ла-Сьюдадела, мать с сыном уселись на землю. По соседству с ними, устроившись головами на рюкзаках, лежали двое молодых ребят. Один из них приподнялся на локте и посмотрел на Лидию.

– *Buen día, hermana, y que Dios la bendiga en su camino*^[46], – поздоровался он.

– Спасибо, – отозвалась она. – Да благословит Господь и вас в вашем путешествии.

Парень снова откинулся на свой рюкзак, а Лидия с сыном принялись за еду. Вскоре незнакомец снова заговорил:

– Вы, похоже, совсем недавно в пути. Еще полны сил. А вот мы с братом уже четырнадцать дней в дороге.

– Откуда едете?

– Из Гондураса. Меня зовут Нандо.

– Очень приятно, Нандо, – отозвалась Лидия, но не представилась в ответ. Молодой человек не стал допытываться.

– Нандо, могу я задать вам один вопрос?

Юноша опять приподнялся на локте.

– Скажите, а где же все?

– В смысле?

– Где все остальные мигранты? Я думала, на эти поезда собирается куда больше народа.

– Ну, после того как в Лечерии закрыли пристанище и понаставили заборов... Думаю, большинство мигрантов тут теперь не задерживается. Так что теперь этот путь – только для молодых, сестра. Для спортсменов.

– ¡*Los olímpicos!*^[47] – вставил брат Нандо, не поднимая головы и не раскрывая глаз.

Второй юноша был довольно тощим, но с округлым брюшком, и Лука не видел в нем никакого сходства с олимпийцами. Чтобы не обгореть на солнце, он прятал лицо под шляпой.

– Вы серьезно? Дело в этом заборе? – Лидия с трудом верила, что подобное и вправду могло кого-то отпугнуть.

– Дело не только в этом заборе. А во всех заборах на всех станциях.

– Везде-везде?

– Почти везде. – Парень пожал плечами. – По крайней мере, на юге.

– И все эти дорогостоящие заборы ставят только для того, чтобы люди не ездили на поездах?

– Да, вроде как ради нашей же безопасности. Но вот ведь какое дело, ограждают только те участки дороги, где поезд делает остановку.

С этими словами Нандо указал на рельсы, в ту сторону, откуда чуть раньше пришли Лука и его мать. Лидия помнила то место, где металлическая сетка обрывалась, снова открывая доступ к путям. Там

же неподалеку стояли фургоны мигрантской службы, сотрудники которой следили за пешим шествием вдоль путей.

– На нашем участке поезд уже разгоняется, – продолжал Нандо. – Поэтому запрыгивать в него придется на ходу.

Лука ахнул, обратив на себя взгляды взрослых, и тут же сосредоточенно уставился на свою тортилью с фасолью.

– А вам не попадались объявления вдоль забора? Там говорится: «Безопасность прежде всего!» – Нандо рассмеялся. – А что же ты, сестра? Собираешься прыгать на поезд?

– Может, нет, – нахмурилась Лидия. – А может, и да.

Подогнув ноги, молодой человек скрестил их перед собой и обратился к Луке:

– А что насчет тебя, малец? Будешь прыгать на Зверя? Как на родео, когда ковбой прыгает на быка?

Лука никогда не видел родео и даже не был уверен, что ему когда-нибудь встречались ковбои. Он молча пожал плечами.

– Так что же, – продолжала Мамаи, – они понастроили заборов и теперь люди больше не ездят на север?

– Кто сказал, что не ездят? Из моей страны сейчас бежит больше людей, чем когда-либо. И их число постоянно растет.

– Но если не на поезде, то как же?

Нандо пожал плечами:

– Чаще всего с койотами, прямо от Гондураса. Из одного укрытия в другое и так далее. У них целая сеть, до самого севера. Но получается дорого, а койоты порой ничуть не лучше бандитов. Кто не может заплатить койотам или не доверяет им, те приходят к «Ла-Бестиа».

– А когда они упрутся в забор? Когда понимают, что на поезд им не попасть?

Сорвав с земли засохшую травинку, Нандо прикусил ее зубами.

– Ох, сестра, даже не знаю, как тебе сказать. Они идут пешком.

Лидия засомневалась:

– Идут пешком от Гондураса до Штатов?

Лука произвел в уме кое-какие расчеты. Даже если эти гондурасцы доходят только до самой южной точки на границе с США, они преодолевают порядка тысячи шестисот миль. Мальчик не был уверен, что человек вообще способен столько пройти пешком.

– Если только по пути им не встретится *la migra*^[48] – тогда их сразу отправят домой, – заметил Нандо. – Они немного отдохнут. Прокатятся обратно на автобусе с работающим кондиционером. Ну а потом начнут все сначала.

Лидия закинула в рот последний кусочек тортильи.

– А вы сами не боитесь *la migra*? – спросила она, смахнув с губ крошки.

– Не-а. – Нандо улыбнулся. – Мне совсем не обязательно гоняться с ними наперегонки. Достаточно бежать чуть-чуть быстрее брата. У меня все схвачено.

– Эй ты, толстяк, мечтать не вредно, – отозвался второй брат.

– А что же ты, сестра? И твой сын? Что будете делать, если за вами придет *la migra*?

Лидия тоже положила голову на рюкзак. В теории, *la migra* не имела права им мешать: они с сыном – мексиканские граждане и, в отличие от мигрантов вроде Нандо, передвигаются внутри своей страны. Депортировать их не могут. Однако Лидия понимала, что никакая теория их не спасет, если за ними придет *la migra*, которую купили «Лос-Хардинерос». Поежившись, Лидия ответила:

– Как-нибудь справимся.

Нандо кивнул и ободряюще улыбнулся Луке.

– Конечно, справитесь, – подтвердил он.

Спустя некоторое время мигранты, сидевшие на путях, стали подниматься и объявлять остальным: в рельсах ощущалась нарастающая дрожь. Приближался поезд. Лука подошел и дотронулся до рельса, но ничего особенного не почувствовал.

– Просто товарняк остановился где-то по пути, – объяснил Нандо. – Скоро он будет здесь.

Через несколько минут какой-то другой мужчина подозвал Луку к рельсам и сказал:

– Попробуй дотронуться еще раз.

Мальчик послушно приложил руку к горячему металлу.

И вдруг он почувствовал в стальной ленте всю мощь громяющего поезда. Лука инстинктивно отдернул руку и поспешил обратно к матери. Теперь мигранты заметно оживились: совсем скоро им предстояла посадка. Собрав свои пожитки, мужчины разбежались в разные стороны. Каждый выбрал себе по отдельному участку земли, в

достаточной удаленности друг от друга – так, чтобы всем хватило места, когда придется бежать за поездом. Они оглядывались по сторонам, чтобы не пропустить *la migra*, которые любили устраивать облаву в момент прибытия Зверя. Неожиданно отовсюду стали появляться новые мигранты: последние два дня они сидели, затаившись, по своим укрытиям, но теперь пришло время испытать судьбу на смертельно опасной взлетной полосе.

Лидия быстро свернула плед и подвесила его за спину. Затем она подошла к Луке и крепко-накрепко затянула лямки его рюкзака. Свободные концы теперь болтались у мальчика в ногах, но Маами завязала их в узел и заткнула ему за пояс. И стала нервно переминаться с ноги на ногу.

– Ну как, будем прыгать, *mijo*? – спросила она.

Лидия надеялась, что он ответит: «Нет». Надеялась, что он скажет: «Маами, это какое-то безумие. Мне страшно, я не хочу умирать!» Но тот просто смотрел на нее. И не проронил ни слова.

– Мы могли бы попробовать. – От страха у женщины скрутило живот. – Давай сначала просто посмотрим. А там будет видно.

Где-то вдалеке поезд вынырнул из-за поворота; теперь Лидия наконец могла наблюдать за приближением огромного носа, который двигался словно бы в замедленной съемке. «Мы сможем. Не такой уж он и быстрый», – успокаивала себя женщина.

Подъезжая к полянке, поезд загремел в полную силу; Лидия почувствовала его могучее пыхтение у себя в костях, в глотке. Кое-кто из мигрантов рванул со своих мест. Это было настоящее испытание, которое требовало от участников пристального внимания ко многим, одинаково важным деталям; Лидия с восхищением наблюдала за происходящим, стараясь освоить все необходимые приемы. Первым делом нужно на ходу подстроиться под скорость поезда. Затем необходимо разыскать наиболее подходящее для подъема место: выступ, лестницу – нечто, за что можно ухватиться и откуда потом будет легко вскарабкаться на крышу. Определившись с выбором, необходимо полностью сосредоточиться на выбранном кусочке состава. Необходимо защищать его от посягательств других мигрантов, которые находятся в не менее отчаянном положении, чем ты сам. Ни при каких обстоятельствах нельзя изменять раз выбранный маршрут. Но также нужно помнить о ветках деревьев и других

препятствиях, которые могут помешать тебе на пути. Необходимо внимательно смотреть на землю перед собой, чтобы не провалиться в какую-нибудь дыру, не споткнуться о камень, не угодить в мясорубку под колеса Зверя. Никогда, никогда нельзя забывать о страшной силе этих ревуших, громыхающих, стучащих, гремящих колес. Они пронзительно визжат в напоминание.

– *¡Qué Dios los bendiga!*^[49] – крикнул на прощание их новый друг и побежал за поездом.

Его брат пустился следом; оба бежали достаточно резво – быстрее, чем трусцой, но не так быстро, как спринтом. Нандо постоянно вертел головой, чтобы одновременно следить за дорогой и присматриваться к вагонам, чтобы подыскать хорошее местечко для подъема. Вскоре он заметил лестницу – в двух вагонах позади. Он сбавил скорость. Когда оставался только один вагон, молодой человек снова прибавил шагу, взглянул вперед, пригнулся и проскочил под веткой пышного кустарника. Затем бросился к лестнице и схватился за третью перекладину. Его ноги по-прежнему касались земли: два шага, три шага, четыре. Держась правой рукой за металлические ребра Зверя, парень подтянулся всем телом. Левая рука тоже устремилась вверх, поначалу в панике хватаясь за воздух, но потом нащупала перекладину и сомкнула вокруг нее пальцы. Теперь для Нандо не было дороги назад, он оказался подвешен в воздухе. Вот он. Вот тот самый момент наивысшего риска. Твои руки приросли к поезду, ты цепляешься за него, тянешься вверх. Тело болтается свободно, будто флаг на ветру, а ноги висят над самой землей, совсем близко от колес.

– Поднимайся! – крикнул Нандо его пузатый брат. – Поднимай ноги! Он бежал следом.

Инстинктивно тебе хочется опустить ноги, нащупать опору, за что-то зацепиться, чем-то подпереть свой вес. Но нет. Ты должен сжаться в комок. Подтянуть колени к животу. Выше. Еще выше! Наконец Нандо нашел ногами подножку лестницы. Обхватив руками следующую перекладину, он стал карабкаться вверх. Решительно. Со знанием дела. Еще каких-то пара секунд, и... хрум! – древесный сук расцарапал ему бок, так что он едва не разомкнул руки. Но через мгновение Нандо снова был в безопасности. Он перевалился через край и, лежа на крыше, свесил руку, чтобы помочь брату, который по-прежнему гнался за поездом.

Лидия наблюдала за происходящим с круглыми глазами; вскоре вагон, на котором ехали два брата, скрылся вдалеке. Полоса мигрантов начала редеть: кто по одному, кто по двое, остальные тоже прыгали на поезд. Сама того не замечая, Лидия сжимала руку сына мертвой хваткой, но тот не возражал. Они будто вросли в землю и стояли так, не двигаясь, пока в воздухе не улеглось последнее эхо Зверя.

Потом они зашагали прочь.

Теперь, услышав, как стучит по колее равнодушный пресс колес, увидев, как люди, словно насекомые на лобовом стекле, цепляются за железный панцирь, Лидия испытывала почтительный трепет.

Дома в Акапулько, на заднем сиденье папиного «фольксвагена», у Луки была своя собственная система безопасности. Голубая подушка с обезьянками, которую Папи каким-то непонятным образом расплющил и прикрепил к сиденью. Когда мальчик был еще совсем маленьким, ему нравились обезьянки и пухлые ремешки, которые сначала нужно было перекинуть через голову, а потом застегнуть на поясе. Очень уютно. Однако прошлым летом он стал упрашивать, чтобы родители убрали эту штуку. Он уверял, что такое подходит только для малышей, а он уже достаточно взрослый, чтобы пользоваться обычным ремнем.

Теперь Лука смотрел, как последнее ребро затихнувшего поезда скрывается за далеким поворотом дороги, и абсолютно ничего не понимал.

12

Даже знай они время прибытия следующего поезда, они не смогли бы вообразить, что правда заберутся на этого Зверя, – теперь, когда они увидели, как это делается. Лидия размышляла об этом во время их семимильного пешего пути к Уэуэтоке. Следует ли ей сначала посадить Луку на лестницу? Другого выхода не было: она не могла прыгнуть первой, оставив сына одного на земле. А если он повиснет у нее за спиной – обхватит ей шею руками, обовьет ее ногами, – то хватит ли ей сил, чтобы побежать и вскарабкаться на поезд? Нет, это невозможно. Всякий раз, когда Лидия проигрывала в воображении этот сценарий, заканчивался он одинаково: кровавой мясорубкой.

Чтобы не думать о том, как устали его ноги, Лука разглядывал незнакомые места. По пути они видели место, уставленное всевозможными статуями: медведями, львами, ковбоями, дельфинами, ангелами, крокодилами. Видели группу мужчин, которые возводили стену из кирпича. Видели женщину, которая пылесосила свое крыльцо, вместо того чтобы подметать его веником; Лука сжал руку Мами покрепче, чтобы та тоже посмотрела. Проходя мимо школы, мальчик увидел во дворе ребят, играющих в футбол, и неожиданно осознал: сегодня четверг, он должен быть в школе, а Папи должен забрать его, потому что четверг – это день Папи, и иногда он покупает Луке печенье, если тот обещает не рассказывать Мами, и они вместе съедают его по дороге домой. Больше Лука не глазел по сторонам. Он свесил голову и наблюдал за движением собственных ног, хотя солнце жарило ему затылок. Спустя три часа они наконец вернулись в Уэуэтоку.

Найти нужное место оказалось нетрудно: оно располагалось прямо возле железной дороги, за облупленным зеленым забором. «Каса дель Мигранте» представлял собой скопление палаток и простеньких строений на большом гладком участке земли среди пейзажа, который при других обстоятельствах можно было бы назвать даже красивым. Между приютом и железнодорожными путями раскинулась широкая проселочная дорога, кое-где посыпанная щебенкой. Лука осмотрел ее, насколько хватило глаз, и не заметил ни души. Вокруг на много миль

тянулась равнина, но если смотреть, куда уходят пути, с обеих сторон можно было увидеть: вдалеке, почти у самого горизонта, земля неожиданно взмывала вверх. С неба к ней спускались пушистые сверкающие облака. Куда ни посмотри, везде лежали голые поля, но Лука заметил, что земля на них ухоженная, вспаханная, с темными полосками жирной почвы, куда фермеры со временем засеют новый урожай. В ветре чувствовался крепкий запах удобрений.

Держась за руки, Лука и Лидия перешли иссохшую дорогу и оказались перед воротами глухого забора из сетки-рабицы и пластика. Сверху торчали три острые нити колючей проволоки, а под ними – два объявления. Одно из них было мутно-голубого цвета, с изображением Иисуса и Девы Марии, поэтому Лука ожидал увидеть слова благословения. На самом деле там говорилось следующее: «Братья мигранты! Мы охраняем вас и защитим от любого койота и проводника. Здесь вы можете спокойно разместиться, и вас примут с радушием. Всякий, кто нарушит установленные правила, будет передан властям. Храни вас Господь на вашем пути!»

Второе послание оказалось куда менее витиеватым. То был список правил, отпечатанный простым черным шрифтом, и настолько длинный, что нижняя его часть – украшенная ярко-красным знаменем с надписью: «Добро пожаловать, братья и сестры!» – касалась пыльной земли. Лука наугад прочитал несколько правил.

Лица, желающие остановиться в приюте, должны быть мигрантами. Из этой страны, или из других стран, или депортированные из Соединенных Штатов.

Запрещается держать при себе наркотики и алкоголь. Любому, заподозренному в употреблении этих веществ, во входе будет отказано.

Пожалуйста, помните: это место – убежище. Здесь вы можете отдохнуть, чтобы Господь восстановил ваши силы, необходимые для дальнейшего путешествия. Но время вашего пребывания ограничено и не может составлять более трех ночей.

Лука не успел дочитать список правил, потому что где-то за забором их окликнули двое мужчин. Над зеленым пластиковым забором видны были только их головы. Один был пожилой, с седыми волосами и в темных очках. Первым заговорил он:

– ¡Bienvenida, Hermana!^[50]

Когда он шагнул к забору, Лука сумел разглядеть сквозь колючую проволоку его плечи: на мужчине была темно-синяя кофта. Он улыбнулся и продолжил:

– Вам нужен ночлег?

Лука молча кивнул.

– Мигранты?

Лидия кивнула, нехотя соглашаясь с этим определением.

– Сюда, пожалуйста, – приветливо сказал мужчина и жестом скомандовал своему молодому коренастому напарнику отворить калитку. – Проходите.

За забором обнаружилось непокрашенное квадратное бетонное здание; в окнах вместо стекол чернели куски брезента. Это уродливое строение отбрасывало бледную тень, которая прокралась к Луке в душу и вытеснила оттуда всякое облегчение.

Пожилой мужчина скрестил руки на груди и мягко спросил:

– Вам угрожает непосредственная опасность?

Немного подумав, Лидия ответила:

– Не думаю. Сейчас, пожалуй, нет.

– Вам требуется неотложная медицинская помощь?

– Нет, мы здоровы.

– *Gracias a Dios.*

– И не говорите.

– Хотите пить? – С этими словами мужчина развернулся, приглашая их отправиться следом.

Обогнув серое уродливое здание, они внезапно вышли на открытое пространство. У Луки перехватило дыхание. Глухой забор, обступавший всю территорию, мешал обзору только в передней части. Отсюда же сквозь сетку-рабицу виднелись голые кукурузные поля и стоявший неподалеку городок Уэуэтока с его веселыми домиками на склоне холма. Вдоль забора кучковались высокие опунции, и их ярко-зеленые лопасти казались игрушечными в золотистых лучах послеполуденного солнца. Лагерь был гораздо просторнее, чем представлялся с дороги. В глубине Лука увидел белый фургон, небольшой домик, часовню, стоявшие в ряд туалетные кабинки и два огромных амбара.

– Добро пожаловать в «Каса дель Мигранте» под покровительством Сан-Марко-Д'Авиано. Меня зовут падре Рей, а это – Нестор, один из

моих помощников.

Не глядя на мать с сыном, Нестор вскинул руку в знак приветствия. Все это время он сверлил взглядом черные сандалии падре.

– Сейчас мы принесем вам что-нибудь попить, а потом у вас будет время, чтобы передохнуть.

Взволнованный Лука просунул большие пальцы под лямки своего рюкзака.

– Когда немного придете в себя, сестра Сесилия вас оформит.

– Спасибо, падре, – ответила Лидия. – Благослови вас Бог за вашу доброту.

Они перешагнули порог ближайшего из двух амбаров. Хотя внутри было достаточно светло, глаза Луки перестроились далеко не сразу. Весь день он провел под палящим солнцем. За столом сидели мальчик и девочка, оба чуть младше его, и что-то рисовали красками. Девочка вертела головой и так и сяк, любуясь своей работой. За другим столом сидели взрослые, мужчины и женщины: кое-кто перебирал бобы, другие чистили морковь. Рядом копились горками ярко-оранжевые очистки. В дальнем углу помещения несколько мужчин смотрели футбол. Лука и Лидия нашли свободный столик и сели на пластиковые стулья цвета лайма. Какая-то дама в красном фартуке принесла им холодный лимонад. Хотя он был странного коричневого цвета, Лука с удовольствием осушил свой стакан.

– Ужин будет в семь, – сказала дама виноватым голосом. – Такие правила у нас для всех, исключения мы делаем только для больных.

Времени было три с чем-то, и за весь день они съели только по тортилье. Но Лидия спокойно сказала:

– Не страшно, мы в порядке. Спасибо вам.

Когда дама в фартуке удалилась обратно на кухню, Лидию внезапно одолели сомнения. Пришлось запивать их лимонадом. Изучив лица людей за соседними столиками, она убедилась, что никто не обращает на них внимания. Вскоре появилась сестра Сесилия, невысокая опрятная женщина, и отвела их в свой маленький кабинет. Там повсюду висели детские рисунки, на столе стоял горшок с пластмассовым розовым цветком. Стулья были такими же, как в главном зале. Голос сестры Сесилии оказался самым утешительным звуком из всех, что Луке доводилось слышать: размеренный и совершенно безмятежный напев, обещавший защиту от всего дурного.

Что бы она ни говорила, мальчик слышал только одно: «Здесь вы в безопасности, ничего плохого с вами не случится, вы в безопасности». Покопавшись в ящике стола, сестра Сесилия достала цветные карандаши и небольшую стопку белоснежной бумаги.

– Порисуешь с нами? – пропела она, обращаясь к Луке. – Или пойдешь в главную комнату к другим ребятам?

Рука Луки взметнулась вверх и ухватилась за мамину.

– Все в порядке, – ответила сестра Сесилия. – Оставайся с мамой.

Лидия встала, чтобы помочь сыну снять рюкзак, а потом предложила ему пересесть за столик у двери.

– Там тебе будет удобнее рисовать, – сказала она. – Не придется класть бумагу на коленки.

Лука послушался, и тогда Лидия снова под села к столу монахини, на котором уже лежали какие-то документы и папка с файлами.

– Прежде чем мы начнем, пожалуйста, помните: вы не обязаны отвечать на вопросы, если вам этого не хочется. И все же я попрошу вас постараться. Ваши ответы очень пригодятся нам в будущем, при работе с новыми людьми. Вся информация собирается анонимно. Вы можете не раскрывать настоящих имен, если вам так удобнее.

Лидия кивнула в знак согласия. Тогда монахиня сняла с ручки колпачок и начала опрос:

– Имена и возраст?

Прежде чем ответить, Лидия немного размяла шею.

– Мне тридцать два, моему сыну восемь.

Сестра Сесилия записала: «Мария, 32 и Хосе, 8».

– Откуда вы приехали?

Засомневавшись, Лидия задала встречный вопрос:

– А у кого будет доступ к этим записям?

Монахиня сплела пальцы и чуть подалась вперед.

– Уверяю вас, сестра, кем бы ни были те люди, которых вы опасаетесь, они никогда не смогут прочитать эти записи. Единственная копия будет храниться в моей картотеке, под замком. Когда меня нет на месте, этот кабинет тоже закрывается на ключ. – У сестры Сесилии были голубые глаза, и они искрились, когда та улыбалась. – Но я всегда на месте.

Лидия кивнула:

– Мы приехали из Акапулько.

- И куда вы направляетесь?
- В Соединенные Штаты.
- Город?
- Денвер.
- Очень дружелюбный город. И красивый. Вы едете к вашему ближайшему родственнику?
- Нет.
- У вас есть родственники, которые в настоящий момент проживают в Соединенных Штатах?
- Да, там живет мой дядя и его дети.
- Этого дядю, младшего брата бабушки, Лидия в последний раз видела, когда была маленькой. Своих кузенов она не видела никогда.
- Они живут в Денвере?
- Да.
- Они вас ждут?
- Нет.
- Ваше решение переехать было запланированным или спонтанным?
- Спонтанным. – Сложив руки лодочкой, Лидия спрятала их между ног.
- Причина, побудившая вас к отъезду, носила финансовый характер?
- Нет.
- Медицинский?
- Нет.
- Этой причиной стало домашнее насилие?
- Нет.
- Уличное насилие или принуждение к таковому?
- Нет. – Лидия мотнула головой.
- Причиной, побудившей вас к отъезду, стала насильственная деятельность со стороны картелей или отдельных наркоторговцев?
- Откашлявшись, Лидия негромко ответила:
- Да.
- Она слышала, как Лука торопливо шуршал карандашом, оставляя на бумаге мягкие штрихи.
- В настоящий момент вашей жизни угрожает какой-либо человек или группа людей?
- Да.

– Вы получали от них непосредственные угрозы в адрес вашей безопасности?

– Да. – Лидия кивнула.

– Эти угрозы сопровождались насилием?

– Да.

– Не могли бы вы описать их подробнее?

Лидия придвинулась на стуле поближе и поставила локти на стол. Скрестив пальцы, она опустила голову и тихо сказала:

– Картель убил шестнадцать членов моей семьи. – Женщина сделала небольшую паузу, глядя, как выводит завитки ручка сестры Сесилии. Монахиня не отрывала глаз от бумаг. – Они ворвались во время семейного праздника и всех убили. Моего мужа, мою мать, сестру, ее детей. Всех. Но нам удалось бежать.

Ручка на мгновение остановилась. Несколько секунд ее кончик неподвижно висел над бумагой, прежде чем сестра Сесилия снова привела его в движение. Наскоро записав все ответы, она опять заговорила:

– Спонтанное решение об иммиграции устранило угрозу вашей безопасности и вашему благополучию?

Лидия засомневалась. Когда-то у нее было совсем иное мнение о том, как следует оберегать Луку, но теперь все изменилось. Ей не хотелось его пугать. Но он должен был очень сильно испугаться. В любом случае после всего, что с ними произошло разве могли какие-либо слова – слова, которые она произнесет или утаит при себе, – как-то на него повлиять? Покачив головой, Лидия решила сказать правду:

– Нет. Мы по-прежнему в опасности.

– Как вам кажется, эта угроза следует за вами?

– Да. – Лидия едва заметно кивнула. – Да. То есть он не знает, где именно мы сейчас находимся. Но это очень могущественный человек. Его влияние простирается до самого севера. И он не остановится, пока нас не найдет.

– Знаете ли вы, какие территории он контролирует и кто его союзники среди других организаций? Знаете какие-то безопасные маршруты, где вам точно не встретятся его подручные?

Лидия чувствовала дуновение благодати, словно в исповедалине.

– Нет, – прошептала она. – Не знаю. Я не знаю.

– Вы очень далеко от дома, – заметила сестра Сесилия. – Здесь он вас не найдет. С нами вы в безопасности.

За спиной у Лидии прекратилось шуршание карандаша. Монахиня убрала ручку в стаканчик возле телефона, спрятала свои записи в папку, а потом протянула через стол обе руки. Лидия взяла их в свои и слегка понурилась. Прикрыв глаза, она вдруг поняла, что дрожит. У сестры Сесилии были холодные пальцы.

– Отче наш, благослови детей Твоих любовью и милостью. Боже, защити их от зла и подари им утешение в минуты невыразимой скорби. Иисус, не покинь их в странствиях, исцели их разбитые сердца. Дева Мария защитница, проведи их к безопасности, куда продолжается их путь. Отче наш, перед тобою Твои верные слуги, и на их долю уже выпало больше, чем человек способен вынести. Прошу Тебя, Боже, избавь их от страданий, да исполнится воля Твоя. Во имя Сына Твоего, аминь.

– Аминь, – повторила Лидия.

За ее спиной, зажмурившись, сжимая в руке цветной карандаш, шевелил губами Лука.

Сестра Сесилия нагнулась через стол.

– Будьте осторожны и не разговаривайте с кем попало!

В ту ночь Лидию разбудили громкие голоса в коридоре. Она села и в полумраке общей комнаты увидела, как несколько других женщин тоже повскакивали со своих коек. Они бесшумно бросились проверять своих детей, которые спали, не обращая внимания на гвалт. Лука лежал на верхнем ярусе, поэтому Лидии сначала пришлось отцепить от своей ноги лямку рюкзака, которую она привязала перед сном. Наконец она встала босыми ногами на холодный пол и дотянулась до смятой постели сына. Луки там не было. Лидию охватила паника.

– Лука!

Даже не задумываясь, она сначала проверила свою собственную постель, а потом все соседние койки. Словно ее ребенок – это вещь, которую она случайно положила не туда. Как мобильник, как книгу. Или очки. Через квадратное окошко в двери в комнату из коридора струился свет. Не надев ни лифчик, ни кроссовки, Лидия кинулась к нему.

С тех пор как пару часов назад они легли спать, Лука уже в третий раз бегал в туалет. Мутный лимонад полез наружу. Эти частые

пробежки усложнялись тем, что спал он на верхнем ярусе; однако Мама так вымоталась, что передвижения сына ее не будили: даже когда, карабкаясь вниз, он едва не наступил ей на плечо, даже когда он стукнул ногами об пол всего в нескольких сантиметрах от ее головы, и даже когда он бегал – угловатым, неровным шагом человека в приступе диареи – от койки до ванной комнаты и обратно.

Помыв руки, он вернулся в коридор под свет флуоресцентной лампы и вдруг увидел Нестора и падре Рея: они стояли на пороге мужской спальни и разговаривали с каким-то молодым парнем. Лука его узнал: это был мигрант, который приехал в приют перед самым ужином. На нем были длинные красные шорты, белая футболка и носки; перед собой он держал расстегнутый рюкзак. Рядом с ним на полу стояли белые кроссовки, очень чистые и дорогие.

– Дайте хоть одеться сначала, – говорил он. – Блин, это какая-то хрень. Я думал, вы помогаете людям.

Нестор ступил в темную комнату и встал между спящими мигрантами и молодым человеком.

– Мы можем все обсудить, но не здесь. Вы мешаете людям спать, – спокойно ответил падре Рей. – Пожалуйста, пройдите с нами в главную комнату. Там мы сможем поговорить и никого не разбудим.

– Да что за хрень, падре? Эта шлюха все наврала! – Парень перешел на крик. – Наврала!

В мужской спальне несколько человек поднялись со своих коек и встали рядом с Нестором, преградив молодому человеку дорогу. Они скрестили руки на груди и широко расставили ноги. Лука замер возле двери в туалет. Ему бы стоило тихонько проскочить в комнату для женщин и детей, забраться к себе на второй ярус, минуя голову спящей Мама, улечься под простынями и дать своему телу немного отдыха – пока его снова не прихватит колика. Но мальчика словно парализовало, пригвоздило к месту. Он и сам не замечал, как бешено стучало его сердце, как легкие едва набирали воздух, а ногти вонзались в гладкие выемки между бетонными блоками окрашенной стены.

– ¡Chingue su madre!^[51] – вопил парень.

– Пойдем-пойдем, брат. Не усложняй ситуацию, – сказал Нестор.

Тут Лука неожиданно понял, что впервые слышит голос этого человека. Этот голос был таким же мощным, как и его тело.

Молодой человек нагнулся и подхватил с пола свои кроссовки. Нестор и другие мигранты наступали на него с тыла – не трогали, но при этом настойчиво вытесняли в коридор. Когда тот выпрямился и последовал за падре, Лука заметил, что из-под носка у него выглядывает татуировка: черный серп с тремя капельками красной крови на острие. Прямо на икроножной мышце. Мальчик не понимал ее значения, но от одного только вида этой татуировки его охватил страх. Подгоняемый образом кровавого серпа, он отлип от стены и помчался обратно в женскую спальню. Перескочив порог, он врезался в Мами.

– Лука! Боже мой, сынок, где ты был?

Лидия не стала ждать ответа. Она схватила сына за плечи и затолкала поглубже в комнату, а потом высунулась в коридор, чтобы разузнать, из-за чего поднялся шум. Но она увидела только, как Нестор и еще несколько мужчин идут за падре Реем в сторону главного зала. Вернувшись в спальню, Лидия защелкнула за собой дверь. Лука дрожал.

– Что случилось? – прошептала Мами.

Он помотал головой.

– Почему они кричали?

Мальчик снова мотнул головой, и лицо его исказилось в тревоге.

– Все в порядке, – сказала Мами. – Ты в порядке, ты со мной.

Она притянула сына к груди и крепко обняла. Через мгновение у нее на затылке сомкнулись маленькие ручки. Постояв так немного, Лидия подхватила Луку под мышки и взяла на руки. Он, конечно, был уже великоват, и под его тяжестью у матери едва не подломились колени. Но мальчик обхватил ее ногами, и Лидия отнесла его в постель. На этот раз она не стала отправлять его на верхнюю койку. Она уложила его с краю и накрыла собой, словно живым щитом. Удерживая маленькое тельце сына рукой и ногой, она старалась дышать размеренно, чтобы тот подстроил под нее свое дыхание и наконец уснул. А Лидия не сомкнула глаз до самого утра.

Когда на улицах Акапулько впервые появилась отрубленная голова, весь город был в ужасе. Та голова принадлежала двадцатидвухлетнему парню, и у нее были черные кудрявые волосы, выбритые над ушами и длинные на макушке. В правом ухе сверкало золотое колечко. Веки опухли, между губ торчал язык. Ее оставили на крыше телефонной будки у входа в «Пиццу Хат» возле фонтана Дианы Касадоры. В рот ей вставили свернутую, как сигарета, записку: «*Me gusta hablar*». Я люблю говорить.

Женщина, которая обнаружила эту голову, возвращалась домой с ночной смены в больнице «Дель-Пасифико»; она работала медсестрой и привыкла не пугаться при виде крови. Но в тот день, едва утреннее солнце подсветило тротуары Акапулько, голова отбросила причудливую, бестелесную тень к ногам медсестры, и та закричала, уронила сумочку, пробежала, не оглядываясь, три квартала и только потом достала из кармана мобильный и позвонила в полицию. Приехали полицейские; повсюду роились журналисты. Люди, чей путь на работу или учебу пролегал поблизости, приходили в ужас. У всех находилось время, чтобы встать на колени, перекреститься и вознести молитвы за неизвестную душу, которая когда-то обитала в этой голове. Тогда она была большой новостью.

А потом появилась вторая.

К тому моменту, как счет дошел до десяти, по городу начало расплзаться постыдное безразличие, порожденное инстинктом самосохранения. Всякий раз, когда поступал звонок о том, что на пляже, или на главной площади, или у девятой лунки на поле для гольфа нашли очередную голову, оператор порой даже позволял себе шутить:

– Берите короткую клюшку. Эта лунка – простейший пар-3.

Тогда Себастьян был первым, кто понял, что к чему: город стремительно падал в кровавую утробу нарковойны. Пока другие журналисты отказывались видеть, что мир вокруг рушится, Себастьян кричал в своих заголовках:

«Очередная волна насилия в нарковойне»

«Ужас и безнаказанность: убийства сходят картелям с рук»

И самый драматичный, сочиненный после особенно ужасных выходных, во время которых убили двух журналистов, городского депутата, трех владельцев магазинов, двух водителей автобусов, священника, бухгалтера и ребенка, чьи ноги были покрыты влажным океанским песком, а руки сжимали намащенный кукурузный початок; простая констатация факта большими буквами:

АКАПУЛЬКО ГИБНЕТ

В тот понедельник Лидия читала смелый репортаж мужа о последних убийствах, сидя за кассой в своем магазине, а тем временем у нее в чашке остывал нетронутый чай. Тем утром ей было особенно трудно расставаться с Лукой у ворот его школы. На подходе она неистово сжимала в своей руке его маленькую ручку и растирала большим пальцем его костяшки. Мальчик делал вид, будто ничего не замечает, но размахивал своим контейнером с едой чуть сильнее, чем обычно. Поцеловав сына у ворот, Лидия заметила на его нижней губе засохшую зубную пасту. Она послунявила себе большой палец и вытерла пятно, хотя Лука возмущался и говорил, это *asqueroso* – отвратительно. Может, он был прав. Но все же он поцеловал ее в ответ своими влажными, мягкими губами, и впервые в жизни Лидия не стала украдкой вытирать со щеки мокрый след. Впервые в жизни она не развернулась и не поспешила прочь, как только Лука промчался мимо директора во внутренний двор. Она провожала сына взглядом, прислонив ладонь к бетонной стене. И не отводила глаз, пока его зеленая с белым форма не потонула в море таких же бело-зеленых пятен.

Перемена произошла внезапно, рывком. В воскресенье Лидия ложилась спать в том же самом городе, где когда-то родилась и

выросла, где провела всю свою жизнь, если не считать нескольких лет учебы в Мехико. В ее снах с океана по-прежнему тянуло прохладным ветерком, повсюду переливались сочные яркие краски, в воздухе витали мелодии и запахи, знакомые с детства, а томные покачивания бедер все так же определяли ритм жизни этого города, который Лидия изучила вдоль и поперек. Конечно, теперь было больше насилия, и к горлу подкатывала незнакомая прежде тревога. Конечно, город переживал вспышку криминальной активности. Но пока не наступило то утро, правда казалась надежно скрытой под обманчивой пеленой неприкосновенности, которой был всегда окутан Акапулько. Но заголовок Себастьяна содрал защитную шкурку прочь. Неожиданно всем горожанам пришлось взглянуть правде в глаза. Они не могли больше притворяться. «Акапулько гибнет». Несколько минут Лидия ненавидела мужа за этот заголовок. Ненавидела его редактора.

– Звучит чересчур мелодраматично, не находишь? – с вызовом сказала она, когда муж зашел за ней в книжный магазин, чтобы отвести на ланч.

Она перевернула табличку стороной «Закррито», вышла с Себастьяном на улицу и заперла за собой дверь. Тот нахмурился:

– А мне кажется, звучит недостаточно мелодраматично. Мне кажется, в мире не существует слов, которые могли бы адекватно отразить весь ужас происходящего.

Он запустил руки в карманы и, шагая рядом, внимательно посмотрел на жену. Потом осторожно заговорил, предпринимая немало усилий, чтобы смягчить обвинительный тон. Но он никуда не исчезал.

– Ты не согласна? Что вся эта ситуация бесчеловечна до неопишуемости? – В его голосе слышалось легкое, завуалированное чувство собственного превосходства.

– Конечно, я согласна, Себастьян. Это какое-то безумие. – Лидия бросила в сумку ключи, стараясь не встречаться с ним взглядом. – Но «Акапулько гибнет»? Как «Рим в огне»? Правда? Ну, посмотри вокруг. Обычный день, отличная погода. Вон и туристы гуляют.

Лидия кивнула в сторону кафе: на веранде в тени навеса сидела группа шумных *estadounidenses*^[52]. На столе перед ними стояло несколько пустых графинов из-под вина.

– Давай тоже такой закажем, – сказал Себастьян.

И хотя еще даже не наступил полдень, Лидия согласилась, так что ланч они в основном не ели, а пили. Сидя напротив, она сверлила мужа глазами, но так и не сказала того, что хотела сказать: что надо быть идиотом, чтобы писать такое, что он превращает себя в ходячую мишень, что она не хочет иметь ничего общего с его крестовым походом во имя правды и надеется, что он доволен своим разоблачением и что оно того стоило. Она не сказала: «Ты же отец» или «Ты же муж». Но Себастьян и так все видел в ее взгляде. И он не стал в ответ упрекать ее в недостатке храбрости. Не стал сердиться на ее негодование и сыпать соль на раны. Он знал, что эта бдительность – не изъян ее натуры. Он молча взял Лидию за руку и принялся изучать меню.

– Я, наверное, возьму суп, – сказал он.

Все это случилось за полтора года до того, как она познакомилась с Хавьером. Но теперь, лежа рядом со спящим Лукой на койке в женской спальне «Каса дель Мигранте» в Уэуэтоке, Лидия задумалась: имел ли Хавьер какое-то отношение к тем первым головам? Может, он их видел или сам отдал приказ? Может, он взмахнул лезвием, которое отделило одну из голов от тела? «Ну, разумеется, да, – сказала она себе. – Разумеется, он имел к ним самое прямое отношение». То, что когда-то казалось непостижимым, теперь было до боли очевидным. *Por Dios*^[53], насколько иначе повернулась бы ее жизнь, если бы только она сумела принять эту правду раньше?

Как-то раз, примерно год назад, к Лидии в магазин пришел покупатель: у него были взъерошенные волосы, а щеки покраснелись от ветра. Плечи его то и дело нервно подрагивали. Он был взволнован и заговорил с Лидией скороговоркой. В нескольких кварталах от ее магазина открыли огонь. Какие-то мужчины подъехали на мотоцикле и двенадцать раз выстрелили в голову местному журналисту. Мертвое тело по-прежнему лежало на улице.

– Кто он? Кто это был?

– Не знаю. Какой-то репортер.

Лидия сорвалась с места. На ходу она схватила свой мобильник и выбежала из магазина, оставив покупателя одного, так и не пробив его покупки. На бегу она набрала номер Себастьяна. Автоответчик. Запаниковав, Лидия закричала. В пустоту. Добравшись до угла, она вдруг поняла, что не знает, в какую сторону бежать. Где стреляли? Она

принялась наворачивать круги. Щелкнула на кнопку «Перезвонить». Снова автоответчик. В дверях других магазинов стояли продавцы.

– Где это было? – спросила она у владельца обувного и в третий раз нажала кнопку «Перезвонить».

Автоответчик. Владелец обувного указал ей путь, и Лидия опять побежала. Она завернула, потом еще раз и все это время жала на кнопку. На ходу она спрашивала дорогу, люди показывали пальцами, и она продолжала свой путь, и снова жала «Перезвонить», и бежала, бежала, бежала, а потом остановилась на улице, где одна за другой парковались полицейские машины и толпа зевак стояла, скучившись, вокруг мертвого тела. Лидия остановилась, потому что не хотела подходить ближе. Не хотела видеть своего мужа, испустившего последний вздох. Холодным пальцем она нажала кнопку «Перезвонить» еще три раза. Автоответчик. Приближаясь, она заплакала, ветер забрасывал пряди волос на лицо, и они мокли от слез. Вцепившись обеими руками в мобильный телефон, она выставила его впереди себя. На ватных ногах Лидия ступила на двойную сплошную линию – так, словно это был трап корабля.

И оказалось, что это не он. На асфальте было столько крови, что поначалу трудно было определить, но через несколько мгновений картина стала совершенно ясной: нет, это не его ботинки. И волосы другой длины, и ноги не такие полные. Боже, какое облегчение. Это не он. Теперь Лидия плакала навзрыд. Это был не он. Какая-то незнакомка забрала ее в свои большие, рыхлые объятия и прижала к груди. От нее пахло тальком; Лидия не сопротивлялась этому порыву сочувствия и не пыталась объяснить женщине, что к убитому она не имеет никакого отношения. В конце концов, это было не совсем правдой. Поэтому Лидия давала себя успокаивать, слушала слова утешения и приняла бумажный платок, который незнакомка достала из кармана. А потом все кончилось. Для Лидии. В тот день подошла очередь другой вдовы. Освободившись наконец из объятий незнакомки, она побрела прочь; всю дорогу до книжного магазина ее колотило и трясло от неожиданного выплеска адреналина. По возвращении Лидия обнаружила, что покупатель оставил возле кассы деньги за свою покупку плюс еще немного сверху.

Она продолжала бояться, что когда-нибудь настанет черед Себастьяна. Она боялась этого так долго, что не успела перестроиться:

черед Себастьяна уже настал, и вместе с ним ушла и вся ее семья. Это действительно случилось, и многолетняя тревога не смогла этого предотвратить. Погиб не только ее муж, но и мама, и Йеми, и ее прекрасные дети. Никто из них не соглашался выйти замуж за Себастьяна и не принимал риски, связанные с его работой. Свое согласие дала только Лидия, но расплачиваться за этот выбор пришлось всей ее семье. Страхи прошлого и ужасы настоящего настолько перемешались в ее голове, что теперь напоминали кусочки из разных головоломок, вовсе не подходящих друг другу.

Может, она просто еще не готова. Лидия знала о стадиях принятия горя и в тот момент переживала отрицание. Не в силах смириться, она пыталась оживить в памяти лицо Себастьяна, тот ланч в кафе за маленьким столиком, мальчишескую осанку, появившуюся после первого бокала вина. Они смеялись, и Себастьян многозначительно поглядывал на ее грудь, поглаживал под столом ее бедро, спрашивал, не хочет ли она пораньше вернуться в магазин, чтобы вместе «провести инвентаризацию». Но в жарком, влажном воспоминании, которое следовало затем, Лидия не смогла вызвать лицо Себастьяна. Необратимое отсутствие мужа ощущалось как темный, всепоглощающий ужас.

Открыв глаза, Лидия удивилась тому, как высоко стоит солнце, и несколько мгновений не могла понять, где находится. Лука уже не спал и смотрел на нее ясным взглядом своих черных глаз, обрамленных липкими от сна ресницами. Чувствовался запах горячей еды, в отдалении слышалось бряцанье вилок о посуду.

– Пойдем перекусим, – сказала Лидия.

Она села, но потом склонилась и дотронулась губами до теплой щеки сына. Это давало такое утешение, что несколько мгновений она просто лежала, чувствуя под пальцами его нежную кожу.

Неожиданно Лука подскочил и ощупал голову, чтобы убедиться в том, что он и так уже знал: папиной бейсболки там не было. Теперь мальчик не снимал ее даже на ночь, а когда приходилось принимать душ, отдавал кепку Мами. Ей запрещалось выпускать ее из рук. И надевать тоже – потому что ткань должна была сохранять точно такой же запах: смешанный запах Луки и Папи, который, к удовольствию мальчика, со временем не улетучивался, а становился только острее. Может, от них с Папи пахло одинаково, так что Лука мог еще больше

укрепить этот запах. Крайне важно было не подмешать ненароком новых составляющих, чтобы не нарушить чистоту аромата. Должно быть, бейсболка упала у него с головы прошлым вечером, когда он спал или бегал туда-сюда в туалет.

– Не волнуйся, *mijo*, – сказала Лидия, садясь в постели следом за сыном.

Она сразу догадалась, что именно ищет Лука. В ту же секунду мальчик выскочил из теплого гнездышка на нижней койке и взобрался на верхнюю, чтобы хорошенько там все обыскать. Пока он рылся под простынями, каркас кровати натужно скрипел. Наконец сверху раздался вздох облегчения, и в победном жесте Лука свесил на вытянутой руке красную бейсболку.

В лагере было очень много *jóvenes* – подростков, но всего несколько детей помладше, и за завтраком все они сидели вместе, за круглым столом в центре главного зала. Увидев на пороге Луку, одна маленькая девочка подбежала к нему и увела за локоть к свободному месту. Лидия собрала завтрак – одну тарелку для сына, одну для себя – и села за соседний столик, рядом с двумя другими женщинами. Их звали Нели и Хулия – обе чуть старше двадцати, обе из Гватемалы. Нели была коренастая и полненькая, с кудрявыми волосами, Хулия – стройная, темнокожая, с миндалевидными глазами. Когда они представились, Лидия кивнула и вежливо улыбнулась, но не стала поддерживать разговор, страшась собственного голоса, страшась выдать себя каким-нибудь непредвиденным образом: акцентом, оборотом речи, машинальным жестом. Она не прикасалась к золотым колечкам на груди. Нели и Хулия заметили ее осторожность и сразу все поняли. И не стали на нее давить. Опустив взгляд в тарелку, Лидия прикрыла на мгновение глаза и перекрестилась. Женщины продолжали свою беседу.

– Она что же, даже не собиралась никому рассказывать? – спросила Нели. – Дай Бог ей здоровья.

– Она сказала, что не хотела поднимать шум. Повезло, конечно, что в тот момент я как раз оказалась в коридоре, – ответила Хулия. – Я видела все своими глазами! Видела, что он с ней делал. Я его прогнала и сразу побежала к падре.

– А он что?

Нели хотелось знать все подробности. Ела она неторопливо: осторожно рвала свою тортилью на маленькие кусочки, которые затем по одному отправляла в рот.

– Ой, падре – молодец, он тут же погнал этого бандита с койки. Отправил его с вещами на выход.

– Ну и ну, а я все проспала! – Судя по всему, Нели расстроилась. – Я слышала, он едва не устроил драку.

В дальнем углу зала, уставив глаза в тарелку, сидела главная участница скандала: шестнадцатилетняя девочка из Сан-Сальвадора. Ее плечи опустились так низко, что казалось, будто тело пытается само себя проглотить. Лидия тщательно пережевывала еду, хотя мягкий омлет того не требовал. Но ей хотелось чем-то занять свой рот. К их столику подошла еще одна девушка и указала на свободное место рядом с Лидией. Нели махнула рукой, давая понять, что место не занято; девушка поставила свою тарелку и отодвинула стул. На ней была розовая юбка и шлепанцы, а в волосах, заплетенных в две косички, пестрела разноцветная лента. Уже по ее одежде было многое понятно, но тяжелый акцент не оставлял никаких сомнений: девушка была туземкой. Пока она усаживалась на свое место, Нели и Хулия украдкой переглядывались. Улыбнувшись, девушка представилась – звали ее Ишчель, – но ее соседки не прервали своего разговора и едва заметно отстранились от нее. В прошлой жизни Лидия непременно попыталась бы компенсировать подобную грубость улыбкой и добрым словом. Может, даже сделала бы провинившимся замечание. Лидия видела: эти гватемалки выказали пренебрежение под влиянием предрассудков, потому что девушка была *индиа* – представительница коренного народа. Но хоть Лидия вполне справедливо возмутилась, излишняя любезность могла бы поставить ее под удар. Поэтому она продолжала смотреть в тарелку, молча набивая свою тортилью омлетом.

– Вчера вечером после ужина я видела их вместе, – сказала Хулия. – Я заметила, как он на нее смотрел, и решила, что они, наверное, пара. Но после того, что случилось позже, стало очевидно, что заинтересован только он.

– А она пыталась от него отбиться? – спросила Нели, отправив в рот кусочек белой тортильи.

– Хуже того, она попыталась, но потом, похоже, сдалась. – Хулия печально покачала головой, но в ее голосе звучала злоба. – Словно знала, что если уж он решил, то она ничего поделать с этим не сможет. *Qué chingadera*^[54].

– Их надо кастрировать, всех и каждого, – подытожила Нели, потряхнув черными кудрями.

Хулия бросила взгляд на юную девушку, сидевшую в другом конце зала.

– И ведь такая красивая, – заметила она. – Поездка у нее будет не из легких.

Нели кивнула:

– Да уж. Придется часто использовать *куэрпоматико*.

– Что использовать? – спросила Ишчель.

– *Куэрпоматико*, – повторила Нели.

Ишчель покачала головой. Конечно, она говорила с акцентом, но знала испанский прекрасно и все же этого слова никогда прежде не слышала. Может, это сленг? Или гватемалки его придумали? Лидия такого слова тоже не знала.

– Ты не знаешь, что это такое? – спросила Хулия.

Ишчель снова покачала головой. Лидия слушала разговор, глядя на Луку, сидевшего за соседним столиком.

– А я думала, все гватемалки знают, – сказала Нели, бросив на тарелку последний кусочек размякшей тортильи.

– И сальвадорки, и гондураски. – Хулия отодвинула в сторону свою тарелку и, опершись на локти, прильнула к центру стола. – Это значит, что твое тело как банкомат.

Лидия попыталась сглотнуть, но пережеванные омлет и тортилья превратились у нее во рту в плотный комок. На ее вилке лежал рис, на одном из зубчиков торчал хрустящий кружок жареного банана. Вилка зависла над столом.

– Так расплачиваются, чтобы добраться до севера, – сказала Нели.

Прошло несколько мучительных секунд, но потом Ишчель вновь обрела голос и подобрала знакомое испанское слово. *La violación*.

– Изнасилование? Это плата?

Обе женщины взглянули на нее с непониманием. Они не могли поверить, что для кого-то это еще было новостью. Она что, все это время прожила в глухом лесу?

– Мамочки, да как же ты сюда угодила? – спросила Нели, а потом снова сосредоточила внимание на еде.

Ишчель ничего не ответила. Тогда Хулия наклонилась к ней и тихо произнесла:

– Я уже заплатила дважды.

Это признание, обращенное к девушке, от которой Хулия только что воротила нос, прозвучало настолько неожиданно, что Лидия, сама того не желая, издала какой-то гортанный звук. Звук страдания. Все три женщины обратили взгляды на Лидию; отпив из стакана фруктового пунша, та положила по-прежнему полную вилку на край тарелки.

– А что насчет тебя? – Хулия вновь повернулась к Нели. – Ты уже платила?

– Пока нет, – угрюмо ответила та.

– А ты?

Все выжидательно смотрели на Лидию.

Та покачала головой.

К столику, за которым сидел Лука с другими детьми, подошла улыбающаяся девушка.

– Кто хочет посмотреть кукольное представление? – спросила она.

Маленькая девочка рядом с Лукой подскочила со стула, вскинув руки.

– Я! Я! – закричала она.

– Замечательно! Нам нужно много помощников!

– Говорят, он был *sicario*.

Услышав это, Лидия вновь обратилась к собственному столу.

– Что? – неожиданно для себя самой спросила она.

– Так говорят. – Хулия пожала плечами. – В следующий раз им стоит подумать головой, прежде чем пускать сюда наркодилера.

– Но он сказал падре, что завязал, – вступилась Нели. – Сказал, что в картель его завербовали, когда он был еще ребенком, и что у него не было выбора. Знаешь ведь, как это бывает. Он этим был сыт по горло, и решил поехать на север.

– А какой картель? – спросила Ишчель, потому что, как и многие другие, в силу личных обстоятельств боялась одного определенного картеля больше, чем остальных.

– Да какая разница? – ответила Нели. – Все они одинаковые. Животные, *animales*.

– Неправда, – настаивала Хулия. – Некоторые намного хуже других. Нели состроила недоверчивую гримасу, но спорить не стала.

– Вот, например, «Лос-Хардинерос», – продолжала Хулия. – Я слышала, они пожертвовали деньги, чтобы построить в Акапулько новую больницу для раковых больных.

Лидия резко втянула носом воздух, а Нели лишь пренебрежительно отмахнулась.

– Так они подкупают людей, – отрезала она. – Обыкновенная пропаганда.

– Возможно, в данном случае их мотивы не так уж и важны, – заметила Хулия. Она подалась вперед, замкнув собой плотное кольцо из четырех женщин, и перешла на шепот, назвав картель, который нельзя называть: – В «Лос-Сетас» скармливают людям их собственные части тела. «Лос-Сетас» подвешивает младенцев на мостах.

Лидия прикрыла рот рукой. Ее пальцы похолодели и одеревенели; сидевшая рядом Ишчель перекрестилась. Теперь Лидия должна задать вопрос, но беспечным, безразличным тоном.

– Так тот парень, которого выгнали прошлой ночью, – из какого картеля он был?

Хулия пожала плечами:

– Не знаю. Но если он действительно хочет покончить со старым, ему надо бежать. Далеко и побыстрее, да? Таких ребят так просто не отпускают.

Лидия отставила тарелку в сторону. «Далеко и побыстрее», – повторила про себя она. Некоторые вещи предельно просты.

Когда от верной гибели их отделяли шесть дней и 282 мили, Лидия с сыном покинули Уэуэтоку и вновь отправились на север по следу Зверя. Размышляя о том, как им удалось выжить в последнюю неделю и убежать так далеко от Акапулько, Лидия чувствовала, что ее мозг зажимает в тиски. Потому что она понимала: за эти шесть дней она принимала как хорошие, так и плохие решения, и в конце концов лишь благодаря милости Божьей ее неудачные решения не привели к катастрофе. Эта мысль лишала ее сил. Лидия не могла придумать, как им взобраться на поезд, но именно это им требовалось сделать. Им требовалось уехать на этом поезде. Но пока они шли, еще можно было немного подумать. Перед отправлением из приюта они наполнили водой фляжки, но все же по пути зашли в небольшой придорожный магазин, где Лидия до отказа набила свой рюкзак разными закусками. В этом магазине привыкли к мигрантам, поэтому в продаже имелось все, что можно было легко унести с собой и съесть в дороге: орешки, яблоки, сладости, батончики мюсли, чипсы, вяленое мясо. Лидия набрала столько, сколько влезло в рюкзак. Еще она купила там шляпу – розовую, с белыми цветами на широких полях, – чтобы защитит от солнца шею. Ей подумалось об уродливой штуке, которой мама прикрывала голову, работая в саду: когда Лидия с Йеми видели мать в этой шляпе, они хихикали и дразнились.

– Вот вы смеетесь, – упрекала их та, – но именно благодаря этой шляпе у меня до сих пор такая кожа! Как у двадцатичетырехлетней девчонки!

На улице их снова ждала железнодорожная колея, растянувшаяся через мексиканский пейзаж, словно гигантский бобовый стебель, по которому мигранты карабкались вверх, а Лука и Лидия продвигались медленно: шаг за шагом, шпала за шпалой, листик за листиком. В небе ярко светило солнце, но было еще не слишком жарко. Мать с сыном держались за руки, потом потели и разъединялись, а затем повторяли все снова. Они выбрали самый западный маршрут: как уверяла встроенная карта Луки, хоть этот путь и длиннее остальных, но преодолеть его будет проще, если они пойдут пешком. Луку

радовало, что Мама не требовала у него объяснений и просто положила руку на его чутье, ведомая вперед лишь легким сжатием его ладони.

Лидия понимала, что решение отправиться в Денвер нецелесообразно, поскольку найти дядю Густаво может оказаться не так уж и просто. *Abuela* жаловалась, что, проведя столько лет на севере, ее младший брат превратился в гринго и никогда не вспоминал о прежней жизни. Наверняка Лидия знала вот что: ее дядя женился на белой женщине, стал зваться Гасом и открыл собственный бизнес в области строительства. То ли водопроводные трубы, то ли электричество. А что, если он сменил и фамилию тоже? Лидия никогда не видела его детей-янки – своих кузенов. Она даже не знала, как их зовут. Если она думала обо всем этом слишком долго, ее охватывала паника, поэтому она мысленно возвращалась к пошаговым, выполнимым действиям. *Двигаться на север. Добраться до границы. Найти койота. Перейти на ту сторону. Сесть на автобус до Денвера.* Там будут церкви. Там будут библиотеки, доступ в интернет, сообщества иммигрантов. Люди, которые захотят помочь. А сейчас надо было просто идти на север, на север. Туда, где Лука будет в безопасности.

Прошагав пару часов в северо-западном направлении, мать с сыном встретили двух сестер-подростков с одинаковыми радужными браслетами на тонких руках. Они сидели на мосту через железную дорогу и болтали ногами. Обе были очень красивы – та, что постарше, даже чересчур. Она безуспешно пыталась спрятать эту опасную красоту за мешковатой одеждой и сердитой гримасой. Та, что помладше, полулежала, опершись на свой пухлый рюкзак. Заметив Луку, девочки сели прямо. Строгое выражение исчезло с их лиц. Они хором охнули от умиления, какое юные девушки часто испытывают при виде детей.

– *¡Mira, qué guapo!*^[55] – пропела младшая сестра, обнаружив в речи какой-то незнакомый акцент.

– Такой милашка, – поддержала старшая.

У обеих была густая копна черных волос, твердо очерченные, выразительные брови, темные пронизательные глаза, идеально ровные зубы, пухлые губы и щеки-яблочки. Но старшая сестра обладала чем-то неуловимым, поистине завораживающим. Раз взглянув на нее, Лука

уже не мог оторвать глаз. То же произошло с Мами. Девочка была так прекрасна, что почти излучала свет, куда более яркий, чем краски окружающего ее мира. Тускло-серый бетонный мост, коричневатые тона шпал и земли, потерто-голубые мешковатые джинсы, огромная грязно-белая футболка и бесцветный небосвод – рядом с ней все это меркло. Она сверкала, затмевая все вокруг. Биологическая случайность. Чудо великолепия. Серьезная проблема.

– *Oye, ¿dónde van, amigos?*^[56] – крикнула менее красивая девушка, когда Лука и Лидия проходили у нее под ногами.

– Туда же, куда и все, – ответила Лидия, взглянув на девочек из-под ладони. – На север.

Она сняла уродливую розовую шляпу и стала обмахиваться ею, как веером. У нее взмокла голова, потные волосы липли ко лбу.

– Мы тоже! – ответила девочка, болтая ногами. – У вас такой милый сын!

Лидия посмотрела на Луку: улыбаясь, тот разглядывал сестер. Такой искренней улыбки она не видела у него с того самого дня, когда они праздновали день рождения Йенифер.

– Меня зовут Ребека, а это моя сестра Соледад. – Девочка обратилась к Луке: – *¿Cómo te llamas, chiquito?*^[57]

Лидия, уже привыкшая отвечать за безмолвного сына, открыла было рот, как вдруг...

– Лука! – ответил тот.

Его голос прозвенел чисто, как колокольчик, он ничуть не заржавел за столько дней бездействия. Лидия в изумлении захлопнула рот.

– Сколько тебе лет, Лука? – спросила Ребека.

– Мне восемь лет.

Сестры оживленно переглянулись, после чего та, что помладше, хлопнула в ладоши и сказала:

– Я так и знала! Столько же, сколько нашему двоюродному брату. Его зовут Хуанито. Он похож на тебя! Соле, правда они с Хуанито похожи?

Соледад Прекрасная не смогла сдержать улыбки.

– Правда, – подтвердила она. – Похожи, как близнецы.

– Хотите посмотреть на его фотографию? – спросила Ребека.

Лука взглянул на Мами, которая теперь с большой осторожностью заговаривала с незнакомыми людьми. Но эти девочки вернули ее сыну

голос. Она кивнула.

– Поднимайтесь! – крикнула Ребека.

Из переднего кармашка на рюкзаке сестры она достала пачку фотографий, завернутую в тонкий пластиковый пакет, и стала их перебирать. Под присмотром матери Лука залез к девочкам на мост. Лидия попыталась оценить их местоположение, но увидеть что-либо с клочка земли, пересеченного железной дорогой, было не так-то просто, поэтому вслед за сыном она тоже полезла наверх по крутому песчаному холму. Оказалось, что сестры сидят не на самом мосту, а на металлической решетке, выпиравшей из его бетонного основания, как смертельно опасный подиум. Прежде чем ступить на решетку, Лидия тронула ее мыском ноги. Лука между тем устроился на обочине, опершись локтями на низкий поручень. Ребека прислонилась к тому же поручню спиной, и вместе они принялись разглядывать фотографии.

– Видишь? – сказала она Луке. – *Guapo como tú*^[58].

Мальчик снова расплылся в улыбке и кивнул.

– Смотри, Мами, он и правда на меня похож. Только зубов нет.

Ребека повернула фотографию так, чтобы Лидия тоже могла посмотреть.

– У него выпало два зуба в один день. Он потом ходил, как вампир, – объяснила девочка. – А ты, Лука? У тебя уже выпадали зубы?

Яркое непрошеное воспоминание: Папи выдирает ему первый зуб – посередине снизу. Он шатался несколько недель, и как-то раз за ужином, откусив мяса из своей *тампикеньи*, Лука почувствовал в десне пронзительную боль. Он уронил вилку, протолкнул еще непрожеванную толком еду поближе к горлу, кое-как сглотнул и стал оценивать нанесенный ущерб. Оказалось, зуб перекосило набок. Он клонился вниз, словно древнее надгробье в рыхлой земле. Легонько потрогав зуб пальцем, Лука пришел в ужас от того, какой он неустойчивый. Мами и Папи отложили вилки и молча наблюдали за ним. Но мальчик так боялся боли, что был неспособен что-либо предпринять. Следующие минут двадцать Мами уговаривала его хоть немного приоткрыть рот, чтобы самой взглянуть. Но Лука сидел безмолвно и неподвижно, с поджатыми губами. Наконец Мами сдалась, и тогда к нему осторожно подсел Папи. Он строил рожицы, чтобы наглядно продемонстрировать, что бывает с детьми, которые

отказываются вовремя выдирать расшатанные зубы. Несмотря на свой страх, Лука хохотал и в перерыве между приступами смеха все же дал согласие на осмотр. Под пристальным маминым взглядом Папи осторожно ухватил зуб пальцами – да так, что Лука совсем ничего не почувствовал. Однако мальчик отчетливо помнил, как Папи одной рукой придерживал его за подбородок, пока вторая находилась у Луки во рту. Помнил соленый привкус отцовских пальцев и его победную улыбку, когда эти пальцы наконец извлекли главный приз – крошечный зубик. Увидев его, Лука вытаращил глаза и громко ахнул. Он не мог поверить, что все прошло так безболезненно и почти совсем незаметно. Папи просто взял эту маленькую штуковину и вынул ее из десны. А потом все они принялись смеяться и визжать, и Лука подскочил с места, не веря своему счастью, а родители обнимали и целовали его. Когда он доедал свою *тампикенью*, оказалось, что в свежую дырочку забиваются кусочки еды, которые ему приходилось вымывать молоком. Перед сном родители положили зуб мальчику под подушку, и ночью его забрал Мышонок Перес, оставив Луке в подарок стихотворение и новую зубную щетку.

Поднеся ко рту кулак, Лука лизнул свою костяшку, но вкус оказался совсем другим, и ему пришлось гнать это воспоминание, как назойливую муху. Как комара. Исчезнувший вкус отцовских рук. Заметив волнение сына, Мама дотронулась до мыска его кроссовки, легонько сжала пальцы его ног, возвращая Луку в настоящее, на пыльный мост. Он набрал полную грудь воздуха.

– Не смогли попасть на поезд, да?

Помимо прочего, у Соледад был редкий талант менять тему разговора в самый подходящий момент. Она держалась осторожнее, чем сестра, но рядом с Лукой трудно было сохранять безучастность – ведь какие у него пушистые ресницы, какие застенчивые ямочки на щеках!

Освободившись из-под рюкзака, Лидия достала флягу с водой и ответила:

– Пока нет.

– Теперь, конечно, стало намного труднее. *Безопасность прежде всего!* – Ребека шумно выпустила изо рта воздух, что в иной ситуации могло бы сойти за смех.

– Да уж. – Мама покачала головой. – Безопасность.

– А вы уже ездили на поезде? – спросил Лука.

Повернув голову, Соледад коснулась подбородком плеча и сказала:

– Да, мы едем почти от самой Тапачулы.

Лука вспомнил мужчин, бежавших за поездом неподалеку от Лечерии: как один за другим они взмывали в воздух и исчезали, пока они с Мами наблюдали со стороны, не в силах пошевелиться. Вспомнил оглушительный рев и грохот, с которыми Зверь катился по дороге, нагоняя на случайных свидетелей – таких, как он и Мами, – парализующий страх. Теперь, глядя на этих могучих духом сестер, он испытал глубокое восхищение.

– Но как? – удивился мальчик.

Соледад пожала плечами:

– Мы усвоили парочку приемов.

Мами передала сыну фляжку, и тот выпил немного воды.

– Каких, например? – спросила она. – Парочка приемов нам бы не помешала.

Соледад перестала болтать ногами, села по-турецки и потянула спину, расправив плечи. И даже по этому краткому движению Лидия поняла, что девочку ни на минуту не отпускает ощущение опасности. Эти сестры тоже ни с кем не подружились с тех пор, как покинули родной дом, и тоже очень старались не привлекать к себе внимания. Но до этого момента им на пути еще не встречались такие маленькие дети, как Лука. Не встречались и такие бдительные матери, как Лидия. Было так приятно хотя бы на минуту почувствовать себя обычным человеком и окунуться в теплую дружескую беседу. Не будет вреда, если они поделятся опытом со своими товарищами по несчастью.

– Ну вот например. – Соледад указала на железную дорогу, бежавшую у них под ногами. – Мы заметили, что, хоть они не поскупились на заборы рядом со станциями, никто пока что не обносит мосты.

Лука наблюдал, как меняется лицо Мами, которая оценивала их позицию с учетом сказанного. Слегка наклонившись вперед, она прикинула расстояние от моста до земли. Не так уж и высоко. Но потом она добавила к расчетам грохот и тяжесть несущегося вперед «Ла-Бестиа».

– Вы прыгаете прямо отсюда? – недоверчиво спросила она.

Соледад ее поправила:

– Нет. Если прыгать отсюда, разобьете голову. Не успеете приземлиться правильно, и вас собьет мостом. С этой стороны мы ждем поезда. А прыгаем с другой. – Девочка показала пальцем.

Проследив глазами за направлением ее руки, у ограды через дорогу Лука увидел выцветший белый крест с пожухлым букетом оранжевых цветов в центре. Очевидно, он был установлен в память о ком-то, кто попытался перебраться с моста на поезд, но потерпел неудачу. Мальчик закусил губу.

– То есть вы просто прыгаете на крышу?

– Ну, не всегда, конечно, – ответила Соледад. – Но в целом да, если подходящие условия, мы просто прыгаем на крышу.

– А как понять, что условия подходящие? – спросила Лидия. – Или неподходящие?

– Ну, во-первых, нужно тщательно выбирать место для прыжка. Это место хорошее, потому что... смотрите сюда. – Девочка поднялась на ноги и показала на пути: – Видите, как изгибается дорога? Чуть вдалеке?

Лидия тоже встала, чтобы получше рассмотреть место, куда показывала Соледад. Та продолжала:

– Поезд всегда притормаживает перед тем, как уйти в поворот. И чем круче поворот, тем меньше скорость. Поэтому мы знаем наверняка, что тут под мостом он будет ехать медленно. Ну а во-вторых, нужно убедиться, что впереди нет опасных преград. Вот почему мы выбрали этот мост, а не предыдущий.

Лидия взглянула на юг, туда, откуда они пришли. На первый мост она вообще не обратила внимания. Проходя под ним, она лишь порадовалась, что оказалась в тени и хоть ненадолго спасется от солнца.

– Потому что, если вы прыгнете оттуда, с первого моста, – подхватила за старшей сестрой Ребека, – вы даже не успеете правильно сгруппироваться, а вам уже нужно будет ложиться, чтобы проехать под следующим. Тут все хитро.

Моргнув, Лидия покачала головой. Она и представить себе не могла, как это все происходит.

– Вот мы и сидим тут, – продолжала Соледад. – Смотрим. Ждем поезда. И если он нам нравится, мы перебегаем дорогу, оцениваем скорость, решаем, да или нет, и прыгаем.

– Как с водного трамплина? – спросил Лука, подумав про аквапарк «Эль-Ройо».

– Не совсем, – ответила старшая сестра. – Сначала нужно опустить рюкзак, потому что с ним верхняя часть туловища слишком тяжелая, и ты будешь сильно шататься. Сперва ты кидаешь рюкзак. А потом садишься на корточки, очень-очень низко. Нельзя прыгать с вытянутыми ногами, а то они поедут вместе с поездом и твой верх за ними не поспеет. Тебя растянет, как рогатку. Так что ты сворачиваешься клубочком и скачешь вперед, как лягушка. Низко и устойчиво. Главное – сразу за что-нибудь ухватиться.

От одной только мысли о прыжке у Луки бешено заколотилось сердце. Он едва не позабыл, как дышать. Посмотрев на Мами, он попытался переварить услышанное и прикинуть шансы на успех. Вдруг он ощутил какой-то маниакальный прилив сил, настолько мощный, что ему пришлось вскочить с места и пробежаться, потряхивая ногами, чтобы выпустить энергию наружу.

– Если очень повезет, поезд может даже остановиться, – сказала Ребека. – И тогда ты просто спускаешься на руках. Проще простого.

– Но часто бывает и так, что мы вообще его пропускаем и ждем следующего, – заметила Соледад.

– Да, если поезд едет слишком быстро, мы даже не пытаемся. По дороге нам уже встретилось два человека, которые попробовали так прыгнуть, и у них ничего не вышло.

Лидия мельком взглянула на сына, чтобы посмотреть, как он воспримет эту информацию, но он оставался внешне невозмутимым.

– А те люди прыгали так же, как и вы? Сверху?

– Нет! – В голосе Ребеки послышалась гордость. – Так прыгаем только мы. Ни разу не видела, чтобы кто-то другой так делал.

Лидия задумчиво скривила рот. Эти девочки либо гении, либо чокнутые.

– И сколько раз вы так делали? – спросила она.

Сестры переглянулись, и в итоге ответила Соледад:

– Раз пять? Или шесть?

Лидия глубоко выдохнула, а затем кивнула:

– Понятно.

– Хотите, попробуем вместе? – предложила Ребека.

Только когда слова слетели с ее губ, девочка сообразила взглянуть на сестру, вспомнив, что они договаривались всегда принимать решения вместе. Соледад украдкой коснулась головы Ребеки, на их особом сестринском языке давая понять, что все в порядке.

– Может быть, – произнесла Лидия, стараясь не обращать внимания на то, что ее дыхание на мгновение остановилось.

В ожидании поезда они немного поболтали, и Лидия узнала, что Соледад и Ребеке было пятнадцать и четырнадцать лет соответственно, что они уже проехали тысячу миль, что они ужасно скучают по своим родным и никогда раньше так надолго не оставались одни. Они не рассказали, почему уехали из дома, а Лидия не стала спрашивать. Обе они напоминали ей Йенифер, но, вероятно, только в силу возраста. Сестры были выше и стройнее, с более смуглой кожей, и у обеих был открытый и задорный нрав. А Йенифер всегда оставалась серьезной и задумчивой. Даже в раннем детстве все отмечали за ней некую степенность.

После смерти их отца, в тот же год, у Йеми родилась Йенифер, и она попросила свою младшую сестру Лидию, которой тогда было всего семнадцать, стать крестной матерью. Лидия помнила, как держала малышку над купелью и плакала. В тот день она специально не стала красить глаза, чтобы не запачкать тушью платье для крещения. Она знала, что будет плакать, но не от радости, и не от чести стать крестной, и не от величия момента, но потому что отец так и не смог увидеть внучку. Вместе со святой водой на детский лобик капали слезы, однако сквозь туманную пелену, застилавшую взор, Лидия с удивлением увидела, что ребенок не плачет. Йенифер моргала своими широко открытыми глазами. У нее был идеальный розовый рот бантиком. Лидия обожала эту девочку и не могла поверить, что когда-нибудь еще сильнее полюбит и собственного ребенка. Когда на свет появился Лука, она, конечно, узнала, что материнская любовь не сравнится ни с чем. Но Йенифер навсегда осталась в ее сердце – эта грустная, сияющая девочка, которая смягчила ее горе после потери второго ребенка. Мудрая маленькая Йенифер в возрасте девяти лет плакала вместе с Лидией, гладила ей лоб и утешала: «Но у тебя ведь есть дочь, *Tía*^[59]. У тебя есть я».

Чудовищная потеря, которую Лидия не сумела до конца осознать. В ней соединилось так много страданий, что она уже не отличала одно от

другого. Не чувствовала их. Рядом сестры беззаботно болтали с Лукой, и тот отвечал им вновь ожившими словами. Между ними вспыхнула какая-то невероятная искра. Голос Луки разливался в воздухе, словно целебный эликсир.

Теперь, когда они сидели на месте, солнце пекло еще жарче; Лидия заметила, что ее руки загорели, как в детстве. Лука тоже стал куда смуглее обыкновенного, и вдоль линии волос на его затылке сверкали капельки пота. И все же это ожидание под иссушающими лучами солнца показалось Лидии слишком недолгим. Она еще не успела до конца себя уговорить. Не прошло и двух часов, как в воздухе загредел приближающийся поезд, и все четверо без слов поднялись и принялись готовиться. На самом деле, Лидия до сих пор сомневалась, будут ли они прыгать. Но надеялась, что будут, так как им очень нужно было попасть на этот поезд. И так же надеялась, что не будут, так как умирать она не хотела. И не хотела, чтобы умер Лука. Слушая, как приближается поезд, перетаскивая рюкзак на другую сторону моста, подталкивая Луку, Лидия словно бы отделилась от своего тела. Она положила флягу в передний карман рюкзака и застегнула молнию. Даже будь она уверена, что запрыгнет на поезд сама, как она могла просить об этом безумии Луку? Ее плечи были словно ватные, ноги мотало из стороны в сторону. По дрожащему телу разливался адреналин.

Лука держался рядом, вышагивая вдоль глубокой трещины в асфальте. Он старался занять глаза и мысли какими-нибудь мелочами, а Мама предоставил думать о том, что широко раскинулось перед ними: пожухлая трава и высохшие деревья вдоль ограды, голубой небосвод над головой, мост и железная дорога, соединившиеся крест-накрест. Ветер трепал Луке волосы, шум поезда становился все ближе, в воздухе загромыхало эхо исполинских колес, катившихся по металлической колее; казалось, этот громкий звук служил предупреждением, которое сперва влетало в уши, а потом оседало в грудной клетке: *отступись, отступись, отступись, не глупи, не глупи, не глупи, не глупи*. Лука стоял, ухватившись обеими руками за ручку рюкзака. В школе с ним училась одна девочка – настоящая сорвиголова. Звали ее Пилар, и она всегда вытворяла сумасшедшие трюки. Могла прыгнуть с самого верха гимнастического каната. Могла раскачаться на качелях и сигануть вниз. Однажды она залезла на

дерево возле школьных ворот, повисла на руках, вскарабкалась на одну из веток повыше, а оттуда – на крышу школы. Там она ходила колесом, пока директор не позвонил ее бабушке и та не уговорила внучку спуститься. Но даже Пилар никогда бы не решилась спрыгнуть с моста на идущий поезд, думал Лука. И она бы ни за что в жизни не поверила, что такой мальчик, как он, спокойный и послушный, может совершить подобное безумие. На глазах у Луки Зверь появился и скрылся за южной окраиной дороги. Мальчик повернулся и увидел паровоз у себя под ногами. В тот самый момент, когда поезд вновь показался из-под моста, Мама выглянула на пути через ограду.

– Все хорошо, – с улыбкой объявила Ребека. – То, что нужно.

– Готова? – спросила Соледад.

Младшая сестра кивнула. Лидия с мрачным видом наблюдала за девочками.

Лука окинул взглядом поезд во всю его длину и заметил несколько групп людей, занимавших последние пять или шесть вагонов. Один из мигрантов стоял, отбрасывая тень в форме буквы «Х», и махал им рукой. Лука помахал в ответ.

– Давай, – сказала Соледад.

Встав рядом, четко по центру железной дороги, сестры присели, свесили с моста рюкзаки и стали высматривать подходящий вагон – с крышей в виде плоской решетки – тогда там можно будет ходить и сидеть и будет за что ухватиться. Первая половина поезда состояла сплошь из цистерн, поэтому девочки ждали. Наконец Соледад неторопливо скинула свой рюкзак и последовала за ним. Одним рывком – грациозным, стремительным, самоубийственным – она переместилась с неподвижного моста на движущийся поезд. Лидия попыталась определить высоту – метра два? Может, три? Трудно было сказать. Приземлившись, девочка тут же начала стремительно удаляться; уезжая вместе с поездом, она становилась все меньше и меньше.

– Давай! – крикнула она сестре. – Быстро!

Ребека тоже спрыгнула, и Лидия поняла, что все должно произойти очень быстро, что времени взвесить все за и против у них не будет, что придется действовать по наитию. Раньше она боялась, что, подобно той девушке из ее любимой книги, она тоже случайно бросится с обрыва, или с балкона, или с моста, но теперь это предчувствие

казалось ей ошибочным. Теперь Лидия знала наверняка: она никогда не прыгнет – этот страх был всего лишь хитрой уловкой ее воображения. Ее подошвы словно приросли к дороге. Неделю назад она бы крикнула Луке отойти в сторону. Велела бы ему держаться подальше от края. Она бы схватила его за руку, чтобы убедиться, что он в безопасности, что он не наделает глупостей. Но теперь она должна была отправить своего ребенка на идущий снизу поезд. Группа мигрантов на последних вагонах приближалась. Все они пригнулись, проезжая под мостом, а потом снова показались с другого конца дороги. Они смотрели на Лидию, раскрыв объятия, и жестами призывали скинуть рюкзаки. Лидия так и сделала, а потом взяла Луку за плечи и встала позади него.

– Перебирайся, – велела она.

Не сказав ни слова, без малейшего колебания мальчик перелез через ограду. Его пятки стояли на мосту. Его мыски в маленьких голубых кроссовках нависали над бегущим поездом. Лука напевал себе под нос, чтобы заглушить этот страшный грохот.

– Садись на корточки, – сказала Лидия. – Как девочки.

Лука присел. Если он сейчас прыгнет и погибнет, то случится это потому, что он с точностью выполнил распоряжение своей матери. Лидии казалось, будто она попала в кошмарный сон и вот-вот совершит чудовищный поступок, пугавший ее до смерти. Поступок, на который, слава богу, она никогда бы не пошла в реальной жизни. Она уже собиралась притянуть Луку к себе, с силой прижать его маленькую головку к груди, заключить его в объятия и расплакаться от счастья, зная, что проснулась в самый нужный момент. Но в ее ушах зазвучал убежденный голос Себастьяна, прорывавшийся сквозь внутренний и внешний шум.

И тогда она открыла рот и крикнула голосом, который едва походил на ее собственный: «Давай, сынок! Прыгай!»

Мальчик прыгнул. И каждая частичка ее тела прыгнула вместе с ним. Лидия видела его, крошечный тугой комочек, такой маленький, такой безрассудно храбрый, его мышцы и косточки, кожу и волосы, его мысли, слова, идеи, всю его огромную душу – она видела его целиком, в тот момент, когда его тело оторвалось от безопасного моста и взлетело вверх от нечеловеческого усилия. Но потом его подхватила гравитация, и Лука спикировал на крышу «Ла-Бестиа». Лидия

смотрела, как он падает, и глаза ее настолько округлились от страха, что почти вылезли из орбит. Приземлился он, как кошка, на четвереньки, но скорость его прыжка столкнулась со скоростью движения поезда, отчего мальчик повалился на бок и покатился; одна его нога свесилась с края поезда и потянула его вниз. Лидия попыталась выкрикнуть его имя, но голос ее застрял в груди. И тут один из мигрантов подхватил Луку и подтянул к себе. Одной большой косматой рукой он держал его за предплечье, а другой – за пояс джинсов. И Лука, в безопасных сильных руках этого незнакомца, поднял личико, чтобы взглянуть на мать. Их глаза встретились, и он прокричал:

– У меня получилось, Мама! Прыгай, Мама!

Думая лишь о сыне, Лидия прыгнула вниз.

За год до убийства Себастьяна Мексика уже считалась одной из самых опасных стран для журналистов – ничуть не лучше зоны военных действий. Не лучше Ирака или Сирии. Журналистов убивали по всей стране, в каждом крупном городе. Тихуана, Сьюдад-Хуарес, Чиуауа. И все же, поскольку «Лос-Хардинерос», в отличие от многих других картелей, не охотился специально на журналистов, Себастьяну не угрожали смертью почти два года. Не то чтобы Себастьян с Лидией питали иллюзии по поводу своей безопасности: в Акапулько никто не чувствовал себя спокойно. Свободная пресса уже тогда относилась к вымирающим видам. Но все же когда супруги обнаружили, что Лалечуса – друг Лидии, то отсутствие явных угроз, помноженное на тревожную, но искреннюю привязанность Лидии к Хавьеру, на короткое время приглушило их самые жуткие страхи.

Себастьян все так же соблюдал меры предосторожности: время от времени менял привычный распорядок дня, старался лишний раз не пользоваться – особенно на местах преступлений – своим оранжевым автомобилем, при выпуске по-настоящему серьезного материала всегда прятался за подписью «штатный обозреватель». В таких случаях редакция тратилась на отель в туристическом районе города. Себастьян брал Лидию и сына, и пару дней они сидели затаившись, вдали от любопытных глаз. Когда выяснялось, что опасаться нечего, семья покидала убежище и возвращалась к обычной жизни. Однако подобные меры служили лишь для самоуспокоения. Себастьян понимал: любое его расследование, любое преступление, о котором он писал, любой источник представлял собой бомбу замедленного действия. Конечно, он соблюдал осторожность – насколько позволяла работа честного журналиста в Мексике.

Лидия развила в себе невероятное чутье на малейшие признаки опасности. Хавьер по-прежнему навещал ее в магазине почти каждую неделю, но душевные терзания той первой ночи, когда все раскрылось, постепенно сменились на нечто иное. Она по-прежнему садилась за прилавок, подавала кофе и разговаривала на самые разные темы. Еще два раза слушала стихи из его блокнота. Даже вполне искренне

улыбалась и, несмотря на мучительное чувство вины, все так же была очарована Хавьером. Его ум, душевная теплота, ранимость, чувство юмора – все это оставалось при нем. И тем не менее всякий раз, когда появлялись новости об очередном убийстве – что теперь случалось реже, но все же не слишком редко, – Лидия переживала эмоциональное потрясение. Она понимала, что разрыв отношений не просто необходим, но и неизбежен. Ей оставалось лишь следовать решению, которое приняло сердце.

– А что, если мы обо всем ему расскажем? – спросила Лидия у Себастьяна за неделю до дня рождения Йенифер.

В тот вечер они с мужем оставили Луку ночевать с сыном Йеми Адрианом.

– О чем расскажем? Кому?

– Расскажем Хавьеру о статье. До публикации.

Себастьян закрыл меню в кожаной обложке и положил его на тарелку.

– *¿Estás loca, mujer?*^[60]

Лидия сосредоточенно намазывала маслом теплую булочку, которую взяла из прикрытой салфеткой корзины. На мужа она не смотрела.

– Да. Но все же я серьезно. – Она прижала к хлебу кусочек масла и стала ждать, пока тот немного подтает.

Себастьян отвернулся и посмотрел из окна на море. Ресторан располагался в заливе на вершине холма; солнце уже почти опустилось за горизонт; в долине замерцали огоньки, отражавшиеся, как призраки, в воде. Ему не хотелось обдумывать эту идею. Ему хотелось думать о чудесном виде, о меню, о своей красивой жене. После долгих лет работы в расследовательской журналистике Себастьян научился проводить границы, отрешаться от уродства этого мира. Он превосходно умел наслаждаться жизнью. Однако он уважал жену и не хотел пренебрегать ее словами.

– Если мы посвятим этому разговору две минуты, ты обещаешь до конца вечера говорить о другом?

– Да. – Лидия улыбнулась и откусила кусочек булочки.

– Ладно. Зачем ему рассказывать? Какая нам от этого польза?

Лидия глотнула воды.

– Польза в том, что мы сумеем заранее оценить его реакцию и поймем, с чем в итоге придется иметь дело.

Себастьян слушал, сидя совершенно неподвижно.

– Может, он даже встретится с тобой. Ты бы мог получить у него комментарий.

– Думаешь, он бы согласился?

– Не уверена. Может быть? Мы ведь знаем, что он очень умный человек. Возможно, он расценит это как шанс взять ситуацию под контроль. Получить хороший пиар, вырваться на шаг вперед.

– У каждого наркобарона есть комплекс Робин Гуда.

– Точно. Ты бы мог зайти к нему с этой стороны. Может, ему бы даже понравилось.

– Именно этого я и боюсь. Я не могу быть ничем ему обязан.

– Я понимаю.

– Да, но понимает ли он? Он может решить, что теперь я буду его пиар-менеджером. Что я у него в кармане.

– Ой. – Лидия состроила гримасу.

– Нет. Слишком опасно. – Себастьян снова раскрыл меню. – Что будешь заказывать?

Она прочитала статью в понедельник вечером, накануне публикации. Им нужно было прикинуть все риски и выбрать наиболее безопасную стратегию действий на ближайшие несколько дней. Редакция газеты снова предложила разместить их в отеле, спрятать от окружающих. Конечно, материал собирались опубликовать под псевдонимом, но вычислить автора не составило бы особого труда. Любой из контактов Себастьяна мог запросто раскрыть его личность по первому же требованию Хавьера. А может, кто-то из них уже успел это сделать.

Муж нервно расхаживал из стороны в сторону за спиной у Лидии, пока та читала статью с экрана его ноутбука: «Портрет наркобарона: кто такой Ла-Лечуса?» К тексту прилагалось несколько снимков. Себастьян с редактором выбрали достаточно лестное фото Хавьера: тот сидел в изящной позе, закинув ногу на ногу и свесив руку со спинки бархатного дивана. На нем были темно-синие джинсы и твидовый пиджак, и с виду он был точь-в-точь профессор-интеллектуал: теплый взгляд за толстыми линзами очков, приятная, вовсе не самодовольная улыбка. И снова Лидия подумала о том утра, когда он впервые появился в ее магазине, о том, как сильно на нее повлияли его дружба, его ранимость в те месяцы, когда она еще не

понимала, кто он. Ей по-прежнему не хотелось узнавать неприятные подробности его жизни. В ней по-прежнему теплилось воспоминание о нежности к Хавьеру, и это ее беспокоило. Прежде чем приступить к чтению, она несколько раз сморгнула и глубоко вздохнула.

Лидию потрясло, насколько хорошо Себастьян владел предметом: ему был знаком совершенно другой Хавьер, и все же материал был изложен и объективно, и с искренним сочувствием. Слова мужа показывали свойственную Хавьеру глубину, но также впервые открыли для Лидии кровавые аспекты его жестокости. Отрубленные головы были только началом. «Лос-Хардинерос» славились тем, что сначала расчленили тела своих жертв, а потом составляли из частей жуткие композиции. Согласно данным Себастьяна, во время войны «Лос-Хардинерос» с предыдущим картелем Хавьер, по слухам, лично застрелил двухлетнего сына одного из своих противников прямо на глазах у отца. Затем он раскрасил лицо этого человека кровью убитого ребенка. Разумеется, такие истории всегда обрастают небылицами, и доказательств этого зверского поступка не было, но все же, прочитав этот фрагмент, Лидия минуты три просидела с закрытыми глазами, прежде чем смогла продолжить. Далее в статье приводились жуткие цифры, связанные с усилением Хавьера: в период смены власти статистика убийств в Акапулько была самой высокой в стране и одной из самых высоких в мире. Город истекал кровью: исчезали молодые люди, туризм, денежные вложения; эту рану было непросто залатать, даже когда насилие поутихло. И хотя простой обыватель теперь не так часто видел кровопролитие, каждую неделю в Акапулько по-прежнему убивали около десяти человек. Кроме того, многие просто по-тихому исчезали. Изменилась сама сущность города; его люди стали другими. Целые кварталы стояли заброшенными после того, как их жители, покинув развалины прежней жизни, устремлялись на север. Для этих беглецов единственным возможным направлением был север. Если не устоял даже Акапулько, туристическая Мекка страны, значит, нигде в Мексике не осталось безопасных уголков.

Статья устанавливала четкую связь между восхождением Хавьера к власти и разорением города. Акапулько превратился в жестокий мегаполис, и уродство настоящего особенно выделялось на фоне величия прошлого. Рассказ Себастьяна получился глубоко трагичным, откровенным и очень убедительным. Он также ставил Хавьеру в

заслугу возвращение мирной жизни, хвалил за умение управлять своими людьми и призывал и дальше сокращать свою активность. Заканчивалась статья психологическим портретом героя, и по мере чтения Лидия безошибочно узнавала в нем своего Хавьера. В отличие от своих предшественников и современников Ла-Лечуса не был склонен к показухе, не отличался общительностью и даже не был особенно харизматичен. Он производил впечатление человека просвещенного. Однако, подобно любому наркобарону, достигшему столь высокого положения, он также был практичным, безжалостным и одержимым иллюзиями. Это был порочный убийца, который ошибочно считал себя джентльменом. Бандит, который мнил себя поэтом. В качестве послесловия к статье прилагалось стихотворение, написанное самим Хавьером. Увидев эти строки, набранные печатными буквами, Лидия разинула рот от удивления. Они были ей знакомы: это оказалось первое из стихотворений, которые ей читал Хавьер.

– Боже мой, откуда ты это взял? – прошептала она.

Себастьян перестал шагать туда-сюда и заглянул ей через плечо. Лидия перечитала стихотворение: напечатанное на компьютере, оно казалась даже ужаснее, чем услышанное из уст Хавьера.

– Ах да, – ответил Себастьян. – Та еще история. Ты ведь знаешь, мы проводим ежегодный конкурс поэзии. Так вот, его дочь, дочь Хавьера, прислала вот это. Подала заявку вместо своего отца. Наверное, хотела сделать ему сюрприз.

– Ничего себе. – Лидия покачала головой. – Марта.

Сам факт публикации стихотворения был унижительным. Оно связывало все приведенные факты в законченный живой портрет и добавляло точности к описанию персонажа. Свернув браузер, Лидия откинулась на спинку стула, понимая: иногда ужас одновременно принимает самые разные формы.

– Ну? – Сунув руки в карманы джинсов, Себастьян прислонился к кухонной стойке. Он был босиком, а носки его лежали кучей прямо на стойке. Лидия не сводила с них глаз. – Что скажешь?

Она отодвинула ноутбук в сторону. Сложив руки под подбородком, потрянула головой и ответила:

– Нормально.

– Нормально? То есть *не хорошо*?

– Конечно, хорошо. Все хорошо, Себастьян, но я немного не об этом. Я имею в виду, что Хавьер нормально к этому отнесется.

Муж кивнул:

– Понятно.

Он молчал, пока Лидия размышляла.

– Думаю, все будет даже лучше чем нормально, – сказала она. – Думаю, ему понравится. Тут все по-честному. Вполне лестно на самом деле.

Себастьян опять кивнул.

– Уверена? – спросил он.

И снова Лидия ответила не сразу, чтобы проверить свои ощущения:

– Да.

Себастьян достал из холодильника две бутылки пива, открутил крышечки и поставил одну бутылку перед женой.

– Не буду скрывать, я немного нервничаю. – Он приставил горлышко к губам и осушил полбутылки зараз. – Но я очень рад, что ты меня одобряешь. – Он наблюдал, как Лидия водит коричневой бутылкой по столу. – Уверена, что все будет в порядке? Может, нам все-таки стоит исчезнуть на пару дней? Просто чтобы перестраховаться.

Лидия понимала, что нужно знать наверняка, и не хотела выдавать легковесный ответ. Наконец она сказала:

– Нет, думаю, с нами все будет в порядке.

– Сто процентов?

– Да. Сто процентов.

Захлопнув ноутбук, Лидия отодвинула его в центр стола. Себастьян сидел, прислонившись спиной к кухонной стойке. В то утро он не брился, и на подбородке темнела щетина.

– Удивлена? Думаешь, статья получилась чересчур доброжелательной?

– Нет. Она жуткая. – Лидия отпила из бутылки. – Но в то же время объективная. Ты показываешь живого человека. С точки зрения достоверности, я думаю, ему все понравится.

То был вечер понедельника, чуть меньше двух недель назад. Лидия запомнила, потому что до этого разговора она привезла Луку с футбольной тренировки; сын хотел есть, так что она дала ему тост и банан, хотя ему пора было в постель. Он сильно наследил в коридоре,

так как забыл снять бутсы, и Лидия рассердилась, потому что подметала совсем недавно. Всего каких-то две недели назад ее могла разозлить грязь на полу. Невероятно. То, что случилось в реальности, затмило самые кошмарные воображаемые страхи.

Но могло быть и хуже.

По крайней мере, у нее остался Лука.

Сидя на крыше поезда, Лидия достала из рюкзака холщовые ремни. Первый она привязала одним концом к петле для ремня на джинсах Луки, а другим – к металлическому кольцу на решетчатой крыше. Вторым ремнем она таким же образом привязала к поезду себя. Лидия не знала, поможет ли такое хрупкое крепление, если Лука действительно упадет. Но она должна была попытаться. К тому же, вероятно, большинство несчастных случаев происходит во время прыжков.

Ступни у нее болели так, как не болели с детства – когда она прыгала с качелей и, тяжело приземлившись, ощущала в ногах теплое гудение эха. Боль была тянущей, но приятной. Она напоминала, что Лидия жива, что эти ноги ей еще пригодятся, что при необходимости они еще побегают. Женщина размяла сначала одну ступню, потом вторую и постучала пятками по металлической решетке, чтобы немного унять боль. Ребека и Соледад ехали на несколько вагонов дальше, потому что спрыгнули первыми; но вскоре стало видно, что девушки идут назад: они переступали через выпуклости на крышах, перепрыгивали пропасти между вагонами и нагибались, когда поезд нырял под очередной мост. В ужасе наблюдая за ними, Лидия то и дело дергалась.

Наконец все устроились вместе; рядом сидело еще четверо молодых мужчин, включая того, что поймал Луку после прыжка. Лидия следила, как они воспринимают появление Ребеки и Соледад. Она изучала их лица: каждый, осознав невероятную привлекательность девочек, чуть отодвигался от них. Мужчины отнеслись к сестрам с почтением. Они понимали, как нелегко придется этим девушкам в дороге, и сочувствовали им. А потом все быстро позабылось. Мужчины улыбались, глядя на Луку. Они хлопали его по плечу и показывали в разные стороны, когда поезд проезжал что-то интересное: вот корова с теленком, вот деревья, которые переплелись, словно регбисты на игровом поле, вот белый крест на вершине невысокого холма. Когда

где-то появлялась колокольня или придорожная могила, мужчины крестились. И произносили молитву.

Первые несколько часов на «Ла-Бестиа» оказались захватывающими. Состав неторопливо катился то на запад, то на север, и Лука наконец-то почувствовал, что они *действительно* двигаются вперед. Ему нравилось ощущать себя пассажиром, нравилось, что за все отвечает гигантский механизм. Они пили воду из фляги и ели батончики мюсли. Одним батончиком Лидия угостила девочек. Соледад и Ребека сидели спиной друг к другу, расставив ноги, будто палаточные колышки. Старшая сестра моментально проглотила свою половинку угощения. Младшая решила растянуть удовольствие: она отламывала понемногу и, прежде чем проглотить, тщательно смаковала каждое зернышко.

Внизу, то и дело меняя цвета, разворачивался местный пейзаж. Некоторые деревья росли у самой дороги, пучковатые и приземистые. Другие стояли поодаль, рассекая высокими кронами небосвод. Порой появлялись препятствия, грозившие столкнуть пассажиров с поезда: раскидистые ветви деревьев, узкие мосты над ущельем и самое страшное – тесные тоннели. Там потолок скользил всего в паре дюймов над головой, а от оглушительного эха становилось еще страшнее. Мигранты чутко реагировали на опасности и знали, когда нужно присесть, нагнуться, упасть плашмя. Они прижимали к себе руки и ноги и задерживали дыхание.

Иногда поезд останавливался, и через некоторое время Лука сообразил, как можно предсказать стоянку. Сначала происходила резкая смена направления – это означало, что где-то поблизости находится достаточно большой город, куда, по решению проектировщика, должны ходить поезда. Поезд поворачивал, изгибался, замедляясь из-за маневров, а потом тормозил у станции. Распластавшись, мигранты постарались сделаться незаметными. Лука и Лидия поступили так же. Вместе с остальными они высматривали темные фургоны с белыми звездами – федеральную полицию, которая снимает мигрантов с поездов.

– А что будет, если мы увидим полицейских? – спросил Лука.

Он лежал на животе между Мами и Соледад. Повернувшись к нему, старшая сестра прижала ухо к изгибу своего локтя и сказала:

– Малыш, тогда придется бежать что есть духу.

Иногда остановки длились недолго, всего по несколько минут, но порой поезд стоял на месте больше часа. Затаив дыхание, мигранты покорно ждали – в напряженных позах, на взвинченных нервах. Они буравили взглядом местность в поисках движения позади фигур рабочих, которые разгружали и загружали пустые вагоны. Некоторые из грузчиков кидали мигрантам какую-нибудь еду и наполняли их фляги водой. Другие, словно кто-то велел им не помогать мигрантам, вели себя так, будто на крыше поезда не было ни души. Это была сложная дипломатия: одни делали вид, что не видят, другие – что их не видно. Затем наконец-то гудел свисток, поезд дергался и возобновлял путь, а облегчение становилось все сильнее. И когда наступил золотой, сверкающий предзакатный час, когда кожа Соледад засветилась, словно выхваченная непрошеным прожектором, сестры склонились друг к другу и о чем-то тихо заговорили.

– Мы никогда не ездим на поезде ночью, – объяснила Соледад Лидии спустя несколько минут.

– Поэтому планируем сойти, – добавила Ребека. – На ближайшей остановке.

Лидия молча кивнула, но не спросила почему.

– Тогда и мы тоже сойдем, да, Мами? – сказал Лука.

Очевидно, таким образом сестры приглашали их с собой. Ребека смотрела на Лидию почти с такой же надеждой, как и ее Лука. Понять выражение Соледад оказалось труднее: та повернулась к Лидии в профиль и искоса поглядывала на женщину. Лидии страшно не хотелось сходить с поезда – ведь они с таким трудом сюда попали. Теперь они наконец-то двигались с нормальной скоростью, так что она предпочла бы остаться тут до самого севера. С другой стороны, если бы не эти сестры и их советы, Лидия с Лукой никогда не попали бы на «Ла-Бестиа». Благодаря им к Луке вернулся голос. Они знают, что делают.

– Хорошо, – ответила Лидия.

На закате поезд остановился в Сан-Мигель-де-Альенде. Девочки слезли на платформу по лестнице, Лука и Лидия спустились за ними. Они помахали на прощание соседям по крыше и поздоровались с рабочими, которые пришли разгружать вагон. А потом быстрым шагом направились в город.

Сан-Мигель-де-Альенде оказался образцовым местечком: чистые улицы, обнесенные каменными оградами, аккуратные клумбы и подстриженные деревья на площадях. Спускаясь по широкой дороге, они увидели розовую церквушку, подрумяненную закатным солнцем; от калитки к фасаду тянулись праздничные треугольные флажки. Лука по-прежнему ощущал в теле гул железной дороги. Бетон под ногами казался до странного неподвижным. Компания миновала мебельный магазин, аптеку, бар и роскошный особняк с балкончиками. Заметив неподалеку трех мужчин, которые валялись под пальмой, сестры, не сговариваясь, прибавили шаг. Они шли мимо новеньких оштукатуренных домов и старых домов из камня, мимо супермаркета, футбольного поля, старой нищенки, супермаркета подороже – и наконец ступили на круговой перекресток, за которым начинался центр города.

Сестры шли, повинувшись своим отточенным инстинктам: ориентируясь по потокам людей и дорожным знакам, они постепенно приближались к центральной площади. Именно в таких местах, чистых и многолюдных, девочкам было спокойнее всего. Гостиница, автобусная остановка, статуя в виде крылатого ангела, занесшего над кем-то меч... Закатное небо потемнело с розового до лилового. Рядом с фруктовой лавкой, на ящичке из-под молока, сидел мужчина в белой ковбойской шляпе. В его руках страстно дышал аккордеон. Казалось, под эту музыку движутся все вокруг. Какая-то дама жарила на гриле мясо, и от его аромата у Луки в животе всколыхнулся голод. Но они продолжали идти вперед, пока улицы не сузились, сменив асфальт на мощеный камень. На кованых железных балконах висели бумажные фонарики, танцевавшие на ветру. Этот городок отличался от Акапулько во всех отношениях, кроме одного: он тоже походил на открытку типичного мексиканского города. У них за спиной садилось солнце, и вся улица окрасилась алым.

Лука сжал руку Лидии.

– Мама, я хочу есть.

– Очень вовремя, малыш, – ответила Соледад. – Мы как раз пришли.

Они стояли на центральной площади. Чтобы немного перевести дух, все четверо нырнули под сводчатый портик большого здания цвета корицы. Лука выпустил руку матери и, не снимая рюкзака, прислонился спиной к стене. Люди на площади ели *тортас* и пили

колу. Болтали и смеялись. Три музыкальные группы, одетые в разные цвета – оранжевый, белый и бледно-голубой, – расположились по разным краям площади, ровно на таком расстоянии, чтобы соперники их не заглушали. Прохаживаясь туда-сюда, они радовали туристов жизнерадостной народной музыкой. По площади были раскиданы необычные деревья с узкими, упругими стволами. Их причудливые кроны сплетались в плотный и пористый зеленый свод. Над площадью, напоминая сказочный замок, мятежно рвались вверх розовые башенки, увенчанные золотым крестом. То был приход Архангела Михаила; очертания собора величественно рисовались на фоне сумеречного неба.

– С ума сойти. – Ребека озвучила мысль, которая пришла в голову всем четверым.

Лука редко бывал в настолько странных местах. Когда последний луч солнца медленно прополз наискосок и, осветив на прощание церковь, скрылся где-то за городом, на главной площади вспыхнули разом все фонари. Засияли стволы деревьев, окутанные нитями разноцветных лампочек. До чего же трудно было находиться в таком чудесном нарядном месте. Лидию захлестнуло чувство вины. Неправильно, нехорошо поддаваться простому обаянию красивого городка. На лице Луки читались похожие чувства, и Лидия взяла его за руку. Сознание мальчика изо всех сил сопротивлялось волшебству момента: его мысли заполнили воспоминания о погибших родных, бесконечная череда выстрелов в ванной комнате бабушкиного дома, доносящиеся снаружи крики, руки Мамаи, прижатые к его ушам, яркая капелька крови на зеленом кафеле. Их всех больше нет. На мгновение Лука исчез вместе с ними и потому не услышал, как его окликает Мамаи. Не увидел, как Ребека и Соледад склоняются над ним в порыве сестринской заботы. Не осознал, что он плачет, что его руки обхватили голову. Лука не знал точно, как долго он отсутствовал, но, очнувшись, обнаружил себя в объятиях Мамаи, которая тихонько покачивалась вместе с ним. Ее пальцы ерошили ему волосы, ее голос утешительно нашептывал сыну на ухо:

– Тихо, золотко, тихо.

Лука кивнул.

– Простите, – сказал он. – Простите. Теперь я в порядке.

Но Лидия его не отпускала.

Взглянув поверх его головы, она встретила глазами с Соледад, и между ними вспыхнула искра взаимопонимания. Они поняли друг друга, увидели невысказанные страдания, прочувствовали обстоятельства, которые привели их сюда. Это длилось мгновение, краткое и значительное, словно удар сердца.

Соледад обратилась к сестре:

– Ребека, пойдём поищем еды для Луки. И решим, где ночевать.

Лидия поблагодарила ее, медленно сомкнув ресницы.

Очень скоро они вернулись с ужином. Все произошло словно по мановению волшебной палочки, и Лидия впервые увидела, что красота этих девушек способна принести пользу. Такой вкусной еды они с сыном не ели с самого празднования дня рождения. За время своего путешествия сестры кое-чему научились. Они не тратили время на уличных продавцов: их щедрость обычно ограничивалась заботой о благополучии собственных семей. Ребека и Соледад усвоили: лучше отыскать ресторан подороже и поболтать с каким-нибудь мальчиком, который выбегает на улицу, чтобы перекурить или отвезти заказ на дом. Очень может быть, что этого мальчика тронет отчаянное положение двух красавиц, оказавшихся так далеко от дома. По опыту сестры знали: скорее всего, мальчик забежит на минутку внутрь и вернется с двумя коробками дымящейся пасты с солью, чесноком и маслом. Иногда сверху будет ложка болоньезе или немного овощей. Может, горбушка теплого хлеба. Молодой труженик всегда сопровождает свой дар улыбкой, благословением, искренним сочувствием, поскольку красота (помимо прочего) пробуждает эмпатию: на месте этих девочек парень представит любимую племянницу, или сестричку, или даже дочь. Он пожелает им счастливого пути и накажет заботиться друг о друге. Может, протянет вдогонку пару вилок. Уходя, сестры будут рассыпаться в любезностях и молить Бога о вознаграждении за столь самоотверженную щедрость.

Устроившись на ступеньках изысканного розового собора, Лука, Лидия, Соледад и Ребека с удовольствием накинута на спагетти. Они ели в безмолвии, передавая друг другу две вилки, пока на дне коробок не осталось ни крошки. Затем Лидия поблагодарила девочек, чувствуя, что словами ей никогда не выразить глубину своей признательности. Потому что на самом деле ей хотелось сказать, что не только эта еда, но и их доброта, их человечность, само их присутствие возродили к

жизни увядшую, но важнейшую частичку ее души. Ребека и Лука отошли к фонтану, чтобы сполоснуть руки, а Соледад тем временем неотрывно смотрела на Лидию.

– Может, нам пока держаться вместе? – спросила девочка.

Лидия кивнула:

– Да.

А потом на город обрушилась тьма. Опустевшие бары и рестораны закрылись на ночь; даже музыканты наконец разбрелись по домам. Огни дрожали и гасли, а четверо путешественников собрали вещи и побрели к центру площади. Там они улеглись на муниципальных лавочках. «Как бомжи», – подумал про себя Лука. Они впервые собирались спать под открытым небом, и это совсем не походило на веселое приключение. Луке хотелось в свою комнату, к стопке книг на полу и лампе в форме футбольного мяча. Ему хотелось увидеть в дверях знакомый силуэт отца. Но все-таки его желудок был наполнен, его голова покоилась на мягком мамином бедре, а в теле ощущалась невероятная усталость. В его голове развернулась борьба – между желанием помнить и потребностью забыть. В будущем Лука еще не раз пожалеет, что вот так вот запросто растратил ценные минуты горя. Он будет корить себя за то, что не позволил этому чувству сильнее изранить, перемолоть его. Потому что, когда забвение возникнет и укоренится в душе, мальчик ощутит себя предателем. Он ошибочно решит, что из-за собственной трусости забывает черты отца: родинку над левой бровью, жесткие упругие кудряшки, низкий смех, прикосновение его шершавого, как наждачная бумага, подбородка, когда они лежали рядом и читали перед сном. Однако пока Лука ни о чем таком не подозревал. Не знал он и том, что забвение неизбежно, но в этом нет его вины. Поэтому, лежа на лавочке в полном изнеможении, он прогнал воспоминания и захлопнул за ними дверь. И принялся мысленно перечислять географические особенности Найроби, Торонто и Гонконга. Не прошло и нескольких минут, как он уже провалился в сон, легонько посапывая на коленях матери.

Несмотря на почти предобморочное измождение, Лидия единственная из всех не могла заснуть. Вскоре она услышала шаги и пьяное хихиканье какой-то молодой парочки и напряглась всем телом. Влюбленные спрятались под деревом, чтобы поцеловаться, двинулись дальше, но вскоре застыли как вкопанные, увидев темный силуэт

Лидии, державшей перед собой рюкзак словно щит, и три фигуры спящих детей. Лука и девочки лежали неподвижно, и парочка быстро удалилась. Вскоре эхо их шагов стихло в звонкой песне ночных сверчков.

Лидия завидовала детям, сопевшим вокруг нее почти в унисон: молодые так легко погружаются в свою усталость, словно в теплую ванну. Она и сама была такой – до того, как родила ребенка. Не зная чувства извечной материнской тревоги, она делала что хотела и ни о чем не волновалась по-настоящему. В юности она вела себя безрассудно. Подростком частенько ныряла с утеса Ла-Кебрада – просто чтобы пощекотать нервы и почувствовать электрический разряд, который возникал в теле во время прыжка. Лидия поежилась, думая об этом опасном лихачестве, и взглянула на девочек, спавших нос к носу на соседней лавочке.

Только когда сквозь листву начал пробиваться свет, ознаменовавший наступление более безопасного времени суток, Лидия отогнала наконец назойливые мысли и заснула.

В кругу семьи они часто шутили: пока Лидия не прикончит вторую кружку утреннего кофе, к ней лучше не приближаться. Она всегда выпивала две за завтраком и еще одну на работе. Чтобы не мучиться с утра пораньше, толком не проснувшись, Лидия готовила кофеварку с вечера: промывала фильтры, набирала воду. После звонка будильника, направляясь в ванную, она первым делом щелкала кнопкой; когда на панели загорался красный огонек, в животе у нее урчало от предвкушения. По воскресеньям, уловив свободную минутку, Лидия вспенивала молоко или варила традиционный *кафе-де-оиа* на кофейной гуще с тростниковым сахаром и корицей. Теперь, когда без кофеина проходило почти каждое утро, она страдала от головных болей, помноженных на постоянный недосып.

Переждав ночь, они отправились к железной дороге и обнаружили там человек десять мигрантов, ожидавших поезда. Неподалеку стоял пикап с опущенной дверцей багажника, а рядом – какой-то мужчина в дорогих джинсах и чистой рубашке. В кузове машины виднелась огромная кастрюля риса и контейнер с горячими тортильями. Оказалось, мужчина был падре в той самой церкви с треугольными флажками. Прежде чем кормить мигрантов, он предлагал причаститься и осенял каждого крестом. Затем наполнял тортильи рисом и раздавал всем желающим. У него был бочонок с надписью «*Gatorade*»^[61], хотя внутри хранился обыкновенный фруктовый пунш. Один мигрант разливал напиток по бумажным стаканчикам и вручал тем, кто просил попить. Лидия и девочки расположились на свободной лавочке и молча ели завтрак. Первым неладное заметил Лука:

- А почему все ждут на той стороне дороги? – Он показал пальцем.
- Хм, – отозвалась Мами, пережевывая.

Оказалось, что мигранты почему-то собрались на южном направлении. Ребека поднялась и, доедая тортилью, пошла выяснять, в чем дело. Поговорив с несколькими людьми, она вернулась с объяснением:

- Мы проворонили тихоокеанский состав.
- Что? – взволнованно спросила Соледад.

– Далеко он не ушел, не переживай. – Ребека присела рядом с сестрой. – Селая всего в часе езды отсюда.

– Это третий по величине город в штате Гуанахуато, – негромко заметил Лука.

Девочки вытаращили на него глаза. Засмутившись, мальчик шумно отхлебнул из стаканчика. Ребека продолжала:

– Так что можем доехать до Селай на южном составе, а там уже пересядем на тихоокеанский.

– Но зачем? – спросила Лидия, придвинувшись поближе. – Разве не быстрее будет поехать прямо отсюда?

– Это небезопасно, – ответила Ребека. – Наш двоюродный брат говорил...

– Да все говорили, – поправила Соледад.

– Все говорили, что ехать можно только на тихоокеанском составе. Все остальные слишком опасны из-за картелей.

Во рту у Лидии еда превратилась в вязкую кашу.

– Да, все говорят одно и то же, – подытожила Соледад. – Только на тихоокеанском маршруте безопасно.

Лидию не требовалось уговаривать, но она хотела кое-что узнать. Судя по всему, девочки разбирались в ситуации намного лучше ее.

– А вы знаете, какие картели контролируют каждый маршрут? – спросила она.

– Нет, но Господь за нами приглядывает. – Ребека перекрестилась. – С нами все будет в порядке.

На всякий случай, пока еще было время, сестры сбегали в церковь и поставили свечку.

Южный поезд не делал остановки в Сан-Мигель-де-Альенде, но шел небыстро, и все собравшиеся мужчины без труда на него забрались. Лука наблюдал, как сестры бросились следом и побежали вдоль путей. Страх придавал им изящества и силы, их движения были точны. Мужчины ждали у лестницы и, подхватив девочек за руки, подняли обеих на крышу. Лука решил ни за что не оставаться за бортом. Он тоже побежал, вместе с Мами, и всю дорогу очень храбрился, пока не пришло время запрыгивать на подъехавшую лестницу. Когда мальчик ухватился за перекладину, поверхностная вибрация побежала через его ладонь прямо в кости, напомнив Луке, какой он маленький, как громаден поезд и как легко можно умереть, если вовремя не

оттолкнуться от земли. Мами бежала следом и, выбрав подходящий момент, посадила его под ягодицы. Мальчик так вцепился в лестницу, что побелели костяшки. Ему было страшно отпустить руку, чтобы ухватиться за следующую перекладину, но он знал, что должен это сделать, чтобы освободить место для Мами. Пока мальчик лез вверх, страх шариком стоял у него в горле, но наверху поджидали двое мужчин: один нагнулся и схватил его за рюкзак, другой – за предплечье. И вот он уже был на крыше, ему улыбалась Ребека, а потом с краю показалась Мами. Все получилось!

– *Qué macizo, chiquito*^[62], – с восхищением сказала Ребека.

Лука довольно ухмыльнулся.

Ему никогда раньше не нравились девочки. Ладно, не совсем так: ему нравилась чертовка Пилар, потому что она отлично играла в футбол, и кузина Йенифер, которая хорошо с ним обращалась в 85 процентах случаев, даже когда задирала родного брата; еще ему нравилась соседка по имени Миранда, потому что та носила ярко-желтые кроссовки и умела складывать язык трилистником. Пожалуй, правильнее было сказать, что Лука никогда раньше не влюблялся. Теперь, сидя на крыше поезда, он во все глаза смотрел на Ребеку, но старался делать это незаметно. Хотя, конечно, вряд ли кто-нибудь обратил бы на это внимание – слишком уж увлеченно все разглядывали Соледад. В отблесках ее короны Ребека светилась, словно потайное солнце. Лежа рядом с Лукой, она раскинула руки и спросила:

– А почему вы с мамой уехали из дома?

Мальчик стиснул зубы, пытаясь сформулировать ответ, прежде чем Ребека пожалеет об этом вопросе. Но ему так ничего и не пришлось на ум.

– Убегаете от папы? – предположила девочка.

– Нет. Папи был крутой.

С этими словами Лука перевернулся на бок, чтобы смотреть на Ребеку, хотя и понимал, что теперь их руки не будут лежать рядом.

– Может, ты шпион? Обещаю, что никому не расскажу!

Она держала над собой кусок картона, заслоняясь от солнца; ее черные локоны тонули и путались в прорезях металлической крыши-решетки.

– Да, я шпион, – признался Лука. – Мое правительство узнало, что на этом поезде могут быть ядерные боеголовки. Я должен спасти Вселенную.

– Слава богу! – Ребека расхохоталась. – Вселенную давно пора спасти.

Под ними неритмично качался вагон. Рядом тихонько переговаривались Мама и Соледад.

– А вы? Почему вы уехали из дома? – спросил Лука.

Девочка вздохнула и нахмурилась. Точнее, она произнесла слово «*suspiro*», то есть «вздох», – и получилось очень забавно, хотя взгляд у Ребеки был совсем не веселым.

– Под конец дома стало совсем плохо. – Она села и добавила: – Соледад нереальная красотка, правда ведь? – Она прикрылась куском картона.

– Да? А я и не заметил, – отозвался мальчик.

– *Payaso!*^[63] – Ребека засмеялась и шлепнула его по голове картонкой. – В общем, мы родились в глуши, в крошечной деревушке в горах. Да и «деревня» – это сильно сказано, это очень сильно вытянутое поселение, там просто несколько отдельных закутков, в которых живут люди. Очень удаленное место. Горожане называют его облачным лесом, но мы зовем просто: дом.

– А почему «облачный лес»?

Ребека пожала плечами:

– Может, потому что там везде облака?

– Но ведь они есть в любом месте. – Лука рассмеялся.

– Да, но не такие. У нас дома облака не над головой, а под ногами. Они живут с нами – во дворе, иногда в доме.

– Ого!

Ребека улыбнулась краешком рта и продолжила:

– Там всегда мягко. Волшебное место. Ни у кого нет мобильных телефонов, в домах нет электричества и вообще никаких удобств. Мы жили с *мама*, *папи* и бабушкой. Но в таком месте не на что существовать, работы просто нет, понимаешь?

Лука кивнул.

– Поэтому наш *папи* бóльшую часть времени проводил в Сан-Педро-Сула.

Лука сверился с воображаемым атласом. Сан-Педро-Сула: второй по величине населенный пункт Гондураса, численность – около полутора миллионов человек; криминальная столица мира, номер один по количеству убийств.

– Так ты гондураска, – догадался мальчик.

– Нет. Я чорти.

Лука изобразил недоумение на лице.

– Мы индейцы. Индейцы чорти.

Лука кивнул, хотя по-прежнему не понимал, в чем разница.

– Так вот. *Papi* работал поваром в большом отеле в Сан-Педро-Сула. Оттуда до дома – часа три на автобусе. Поэтому виделись мы с ним очень редко, где-то раз в пару месяцев. Но это было не страшно, потому что наш дом, наш маленький облачный лес, хоть мы и скучали по *papi*, был самым прекрасным местом на земле. Тогда мы этого, конечно, не знали, потому что других мы не видели, разве что на фотографиях в книгах и журналах, но теперь я многое повидала и знаю точно. Знаю точно, что там невероятно красиво. Но даже тогда, толком не понимая, мы все равно его любили. Потому что на деревьях были гигантские темно-зеленые листья, размером с кровать, а сверху падали здоровенные капли дождя, и через эти листья небо было видно только отдельными голубыми кусками, если мы шли куда-то далеко – к друзьям там или в церковь, – а потом, выходя на поляну, мы вдруг видели, как листья отступают и сверху льется горячий солнечный свет, желто-золотой и липкий. А еще там повсюду были водопады с каменными бассейнами, и всегда можно было искупаться в теплой воде, пахнущей солнцем. По ночам там были слышны крики древесных лягушек, музыка водопадов, песни множества птиц. Мама готовила самый вкусный в мире *чилате*^[64], *abuela* пела песни на старом языке. А мы с Соледад собирали травы, сушили их и перевязывали веревкой для *papi*, чтобы тот продал их на рынке, когда ему дадут выходной. И так у нас проходили дни.

Лука ясно видел это место. Он находился там, далеко-далеко, в тумане облачного леса, в маленькой хижине с утоптаным земляным полом и прохладным ветерком из окна, с Ребекой и Соледад, их мамой и бабушкой. Можно было даже увидеть отца – у подножия гор, на улицах огромного, многолюдного города. У него был длинный фартук, и колпак, и полные карманы сушеных трав. Лука почувствовал ароматы

костра и *чилате* с какао и корицей и понял, что Ребека – настоящая волшебница: одним своим голосом она перенесла его за тысячи миль в горную деревушку.

– Облака там были такие плотные, что при желании можно было вымыть голову. Но один раз произошло страшное несчастье. Когда все мужчины уехали в город на заработки, в нашу деревню пришла банда наркоторговцев. Мы были полностью отрезаны от внешнего мира, и эти мерзавцы быстро сообразили, что с нами можно делать все, что угодно. Можно забрать с собой любую девочку, и никто тебя не остановит.

Лука натужно заморгал. Он не хотел проживать эту часть рассказа. Внезапно ему совсем разонравились колдовские способности Ребеки: он представил, как мужчины продираются сквозь лес, как топчут и давят ногами подлесок, как испаряют облака жаром собственных тел. Мальчик боялся спрашивать, но все равно спросил:

– Эти бандиты, они тебя тогда поймали?

– Нет. – Ребека сверкнула своими ровными белоснежными зубами, но то была не улыбка, вовсе нет. – Нам повезло: мы услышали крики соседей. Потому что облака умеют впитывать и передавать звук, даже на дальние расстояния. Мы присыпали костер, чтобы не дымил, и спрятались. Нас не нашли.

– Ясно. – Лука вздохнул с облегчением. – А что было дальше?

– Когда бандиты ушли, оказалось, что они забрали с собой четырех девочек из нашей части деревни. И мами решила, что нам с Соледад нужно немедленно оттуда выбираться, хотя никакой другой жизни, кроме нашей, мы с сестрой тогда не знали. Мы ужасно не хотели уезжать.

Лука чувствовал, что лицо у него кривится от жалости, и попытался изобразить сочувственное, а не страдающее выражение.

– На следующий день мами спустилась с нами с горы и посадила нас на автобус до Сан-Педро-Сула.

– Погоди, что?! Она не поехала с вами?

Ребека подтянула колени к груди и принялась обмахиваться куском картона, словно веером.

– Мама сказала, что никто не станет трогать двух одиноких старушек. Поэтому они с бабушкой решили остаться дома.

Лука тяжело сглотнул. Он с ужасом ждал ответа на свой следующий вопрос:

– Что с ними случилось?

– Не знаю. С того дня я их не видела. Мы приехали в город и нашли отель, в котором работал папи. Втроем мы стали жить в однокомнатной квартире. Там было отвратительно. Слишком светло, и душно, и громко, потому что всегда был слышен шум машин, радио, телевизора, людей. Но папи говорил, что так мы хотя бы в безопасности. Ему нравилось, что теперь мы рядом, хотя мы почти не видели друг друга: папи постоянно работал, а нас отправил в школу.

– А школа в городе была такой же, как дома?

Ребека грустно улыбнулась.

– Нет, Лука. В городе все было совершенно не таким, как дома. – Повернув голову, девочка взглянула через плечо на старшую сестру. – Но мы пытались не унывать. Дома нас ничему особо не учили, разве только в детстве, поэтому нагонять было тяжело. К тому же там почти не было *индиос*, и мы чувствовали себя не в своей тарелке. Мечтали, что как-нибудь в выходной сядем с папи на автобус, и поедem в гости к маме и бабушке, и встретимся со старыми друзьями. Напьемся облаков и отдохнем душой, восстановим силы. Но шли недели, шли месяцы, а папи все работал, и у нас никогда не было денег на автобус, а потом Соле случайно завела себе парня.

Лука поднял руку и спросил:

– Постой. Как можно «случайно» завести себе парня?

– Тсс! – прошипела Ребека. – А то она тебя услышит!

Лука опустил голову и прильнул поближе к девочке.

– И все-таки как?

– Ну, как-то раз она возвращалась домой одна, и по дороге ее заметил какой-то парень и попытался ее окликнуть. С ней такое случалось постоянно, когда она куда-то ездила, поэтому вела она себя как обычно: пошла дальше и не обращала на парня внимания. Но ему это не понравилось, поэтому он ее догнал, схватил за горло, потом за другие части и сказал, что теперь он ее парень.

Лука почувствовал, что сереет лицом.

– Ой, не стоит мне такое рассказывать.

Ребека покачала головой:

– Извини.

– Нет-нет, я в порядке. Тебе не за что извиняться.

Девочка накручивала на палец оранжевую нитку, торчавшую из ее джинсов.

– Знаешь, мне ведь и обсудить это не с кем, с тех самых пор, как все это случилось. Только с Соледад, а она отказывается об этом говорить.

– Понимаю. – Лука кивнул.

– Но ты мне как друг, понимаешь? – Она улыбнулась.

– Я и есть твой друг. – Мальчика переполняла гордость.

– Ты кажешься старше, чем есть на самом деле. Как старик, запертый в крошечном теле.

Лука постарался убедить себя, что это комплимент. Его тело вовсе не крошечное; оно лишь немногим меньше, чем у среднего восьмилетнего мальчика.

– Я тоже видел всякие ужасы, – заверил он Ребеку.

– Правда?

– Да.

– Что ж, полагаю, иначе ты не сидел бы на крыше поезда.

– *Es un prerrequisito.*

Это обязательное условие. Ребека кивнула.

– Мой *papi* погиб, – прошептал Лука.

Раньше он не хотел произносить эти слова вслух, не хотел признавать случившееся. Выдавив их из груди, мальчик почувствовал, как где-то внутри надломился и отлетел кусок какой-то гнилой материи. Там, где он хранил эти слова, теперь горела рваная рана.

– О нет, – выговорила Ребека. Она прильнула к нему так, словно потеряла на миг равновесие. Она коснулась лбом его лба, и оба закрыли глаза.

В следующие несколько дней недостающие фрагменты истории двух сестер то и дело всплывали на поверхность. Например, ненужный Соледад «парень» оказался *palabrero*, то есть лидером местной шайки, подчинявшейся международной банде. Он был достаточно жестоким и влиятельным, чтобы делать с Соледад все, что душе угодно, и не бояться ответственности, однако недостаточно жестоким и влиятельным, чтобы пользоваться ей единолично. Жизнь Соледад быстро превратилась в череду мучений. Некоторые из них она свободно обсуждала с сестрой, но готова была на любое сумасбродство, лишь бы только утаить все от папи. Потому что

понимала: узнай отец о том, что происходит, он попытался бы защитить Соледад, что равнялось самоубийству.

Ребека знала, что Иван – так звали нежелательного поклонника – иногда позволял Соледад ходить школу, а иногда нет. Но многого она не знала: что он всегда разрешал Соледад возвращаться на ночь домой, потому что в его извращенном сознании это помогало ей хранить добродетель. Что ее порядочность, ее моральное сопротивление и даже совершенно очевидная ненависть к нему – все это только больше заводило Ивана. Что Соледад, догадавшись об этом, иногда пыталась делать вид, что ей приятна его компания, – в надежде, что надоест ему. И что теперь, вспоминая, как когда-то разыгрывала перед Иваном удовольствие, Соледад сгорала от стыда. Все равно это оказалось бесполезно: никакое притворство не смогло бы затмить ее красоту.

Как-то раз парень показал ей фотографию отеля, в котором работал ее отец. Иван назвал его по имени, а потом вручил ей мобильный телефон и велел отвечать каждый раз, когда она будет слышать сигнал, чем бы в тот момент ни занималась. И объяснил, как писать эсэмэс.

– Как же круто жить, да, Соле? – с ухмылкой сказал он.

Девочку передернуло: он сократил ее имя, словно был ей родным человеком.

В течение всех этих мучительных недель Соледад – которая знала, что может защитить сестру, только держась от нее подальше, – почти не виделась с Ребекой. Когда звонил Иван, девушка послушно бросала свои дела и спешила к нему. Она оставляла корзину с продуктами посреди магазина, покидала очередь на автобус, выходила из школьного кабинета – и шагала к Ивану, словно зомби.

Дважды на глазах Соледад Иван стрелял человеку в затылок. Один раз пинал девятилетнего мальчика ногами в живот, пока тот не закашлял кровью: так они посвящали детей – *chequeos* – в банду. В тот день она спросила Ивана, что случится, если она не ответит на его звонок, и тот ударил ее по лицу наотмашь. На подбородке у девочки остался синяк, а на губе – трещина, происхождение которых потом было непросто объяснить отцу. Она попыталась успокоить Ивана:

– Я имела в виду, если я буду в душе. Или рядом будет папи, и я не смогу говорить.

На этих словах парень занес руку и сделал вид, будто снова собирается ее ударить. Увидев, как Соледад вздрогнула и сжалась в

комок, он рассмеялся и сказал:

– Просто отвечай на звонки, *puta*^[65].

А потом один из дружков предложил Ивану денег, чтобы провести с девочкой часок наедине, и тот согласился.

Не то чтобы Соледад всерьез хотела умереть. В конце концов, она всегда была счастливым ребенком и до сих пор помнила, каково это – испытывать счастье. Пусть она сомневалась, что когда-нибудь сумеет вновь пережить это чувство, но воспоминание о нем давало ей некоторую надежду. И все же в те долгие недели ей не раз приходило в голову: можно ведь просто провести лезвием бритвы по переплетению вен на запястье. Или взять самодельный пистолет – который Иван всегда клал на тумбочку, прежде чем делать с Соледад то, что он делал, – наставить на него и спустить курок. Застрелить его и посмотреть, как его мозги разбрызгаются по потолку, а потом приставить дуло к своему виску, прежде чем прибегут дружки Ивана и отомстят за содеянное. Покончить со всем этим раз и навсегда, освободиться от бесконечной пытки. Но потом Соледад думала о папи и о том, какие страдания принесет ему это освобождение. И мами с бабушкой дома в облачном лесу, когда папи поедет к ним в горы, чтобы сообщить ужасную новость. Но тяжелее всего ей давалась мысль о Ребеке. Та была напугана, но пока что цела. Они еще не успели до нее добраться, и осознание этого чуда придавало девочке сил. Ее сестренка еще могла спастись.

Однажды, лежа на кровати в одних трусах, Иван курил сигарету. Затянувшись, он выпустил дым в спину Соледад, которая сидела, чуть съжившись, у него в ногах.

– Говорят, у тебя есть сестра. – Пальцем ноги он ткнул девочку между лопаток.

Как же ей повезло, что в тот момент Иван не видел ее лица – ему бы не составило труда распознать на нем бесконечный ужас, охвативший девочку при этих словах.

– Почему ты о ней не рассказывала?

Соледад прикрывалась простыней, чуть зажав ткань локтями. Растянув губы в некое подобие улыбки, она повернулась к Ивану и сказала:

– Мы с ней почти не общаемся. У нас нет ничего общего.

За дверью слышались голоса – поделельники Ивана о чем-то спорили. Где-то на улице с визгом носились друг за другом дети. Солнечные лучи падали в открытое окно почти под прямым углом.

– Ничего общего, говоришь?

Он подался вперед и сдернул с девочки простыню. Ткнул ее в грудь и стал смотреть, как та дрожит.

– А я совсем другое слышал. – Бросив еще целую сигарету в пепельницу на прикроватной тумбе, он уселся на колени. – Черт бы тебя побрал, крошка. Давай еще разок.

Соледад терпела его с привычным отвращением, к которому теперь добавилось какое-то новое чувство, куда более острое и жуткое. Когда Иван кончил и велел ей наутро привести сестру, девочка пошла домой, закинула в рюкзак вещи, забрала из кофейной банки на холодильнике все небольшие сбережения, что отец откладывал со своей зарплаты, и села за стол дожидаться Ребеку. Тем временем она написала записку:

Дорогой Папи!

Я так тебя люблю, Папи, прости меня за все, что мне придется сейчас сообщить и что наверняка разобьет тебе сердце. Прости, что пришлось забрать все твои сбережения, но я ведь знаю, что ты так тяжело работаешь и откладываешь деньги для нас, и знаю, что ты бы и сам мне их отдал и велел бы бежать без оглядки, если бы узнал, какие ужасные вещи со мной происходили. Я ни о чем тебе не рассказывала, потому что думала, что смогу защитить Ребеку и тебя, если буду помалкивать и делать то, что они говорят. Но, Папи, в этом городе живут чудовища, и мне так страшно, и я должна как можно скорее увезти Ребеку, иначе они обидят и ее тоже. Сегодня мы уезжаем. Уже уехали. Папи, пожалуйста, береги себя и будь осторожен. Мы увозим тебя с собой в наших сердцах, и мы обязательно позвоним, как только доберемся до севера. А когда найдем работу, я отправлю за тобой кого-нибудь, чтобы ты тоже приехал и привез с собой маму и бабушку, и тогда мы снова заживем все вместе, как и должно быть.

Благослови тебя Господь, дорогой папочка, и до встречи!

С любовью и тоской,

твоя преданная дочь Соледад.

О многих деталях этой истории Ребека не знала. Но ей было известно, что в тот день, когда старшая сестра ждала ее за столом на кухне, она успела отправить эсэмэс Сесару – двоюродному брату, который жил в Мэриленде. Сесар не стал задавать вопросов, потому что и сам знал все ответы и просто хотел помочь. Он спросил, смогут ли сестры подождать еще хотя бы пару дней – чтобы он нашел койота, который довезет их из Гондураса прямо до севера. Но Соледад ответила, что ждать никак нельзя. Что уезжают они прямо сейчас. Ребека знала, что, с тех пор как они отправились в дорогу, Сесар успел нанять проверенного койота и договорился, чтобы их встретили на границе. Ребека не знала, что брат заплатил по четыре тысячи долларов за каждую. Но даже знай она эти цифры, такая огромная сумма ничего бы ей не сказала. Четыре тысячи или четыре миллиона – все это для Ребеки было в равной степени за пределами реальности.

По мере того как Ребека рассказывала те кусочки истории, которые были ей известны, Лука начал понимать, что объединяет всех мигрантов, в чем причина их солидарности. Конечно, родились они в разных странах и условиях; кто-то вырос в городе, кто-то в деревне, кто-то был состоятельным, кто-то бедным, кто-то получил хорошее образование, кто-то не умел даже читать; сальвадорцы, гондурасцы, гватемальцы, мексиканцы, индейцы – каждый вез с собой на север свою историю страданий. Некоторые, как Ребека, рассказывали о себе с большой осторожностью, очень выборочно, только надежным собеседникам; они зачитывали свою историю, словно молитву. Другие напоминали разорвавшийся снаряд и лихорадочно говорили о своих муках всякому встречному, раскидывая боль во все стороны, будто шрапнель, в надежде, что так им станет легче. Лука гадал, каково это – вот так взорваться. Но пока что он лежал тихо, и все ужасы хранились в нем под надежной защитой чеки.

И у сестер, и у Лидии в душе постоянно боролись два импульса: жуткое предчувствие погони, необходимость бежать без оглядки и почти физическое сопротивление, нежелание слепо двигаться вперед, к неведомым демонам за углом. В «Каса дель Мигранте» в Селае все трое смогли перевести дух, а Лидии, после бессонной ночи под открытым небом, приют и вовсе показался даром свыше.

Когда они приехали, был еще только полдень. Лука и Ребека принялись играть в баскетбол – по каким-то собственным правилам, так что никто к ним не мог присоединиться; Лидия и Соледад устроились на лавочке по соседству и молча наблюдали. Потом они помогали на кухне, слушая новости по телевизору, потом Лидия немного вздремнула. Проснувшись, она увидела, что ее сын играет с Ребекой в домино. Как же все-таки быстро они преодолели возрастной барьер: восьмилетний Лука немного подтянулся, а четырнадцатилетняя Ребека чуть снизошла к нему – и вот они мирно встретились посередине. Казалось, они всю жизнь были знакомы, будто эти девочки всегда находились где-то рядом и лишь ждали подходящего момента, чтобы войти в их жизнь. Тем вечером Лука спросил, можно ли ему прилечь рядом с Ребекой на ее койке.

– Нет, это неприлично, – ответила Лидия, обозначив черту дозволенного.

Мальчик и сам понимал, что шансов у него мало, но, поскольку правила прежней жизни больше не действовали, решил попытать судьбу. Получив отказ, он безропотно залез к себе на второй ярус. Лидия затащила рюкзак на постель, спрятала его под простынями и дважды обвязала лямку вокруг лодыжки. Все четверо спали крепко. Хвала и честь всякой двери, что закрывается на замок.

Соледад по-прежнему ничего не рассказывала – ни о том, откуда они с сестрой приехали, ни о том, что им пришлось пережить. О судьбе своей семьи Лидия тоже не упоминала. Однако же их объединило какое-то негласное понимание, какое-то волшебство, отчасти материнское и полностью женское. Поэтому в том, что случилось наутро, не было ничего удивительного. Девочка, которая, казалось,

была намного старше своей сестры и которая обычно не обсуждала свои личные проблемы с окружающими, – призналась Лидии, что беременна. Подхватив тон, заданный Соледад, женщина ответила очень спокойно и прямолинейно.

– Твой ребенок будет гражданином США, – прошептала она, поднося к губам чашку кофе.

Соледад покачала головой и поднялась из-за стола, чтобы убрать за собой тарелку.

– Это не мой ребенок.

Когда она задрала руки и потянулась, обнажив полоску кожи между мешковатой футболкой и поясом джинсов, стало заметно, что живот у нее еще совсем плоский.

Последовавшие затем день и ночь оказали столь мощное целебное воздействие, что впоследствии, в воспоминаниях об этом времени, будут казаться всем четверым невероятно длинными. Как и все мексиканские священники, местный падре носил самую обычную уличную одежду: желтую футболку поло и мягкие голубые джинсы со смоляным пятном на штанине. Единственным религиозным символом в его наряде был простой деревянный крест на кожаном шнурке, свисавший с шеи. Он был поджарым седовласым мужчиной в очках. В тот день убежище покидали более двадцати мигрантов, и перед отъездом падре собрал их во дворе. Лидия назвала бы эту речь бодрым напутствием, которое не достигло своей цели: мужчина вроде хотел подбодрить собравшихся, но ничего воодушевляющего в его словах не было. Он стоял перед ними на перевернутом ящике из-под молока и в основном предостерегал от опасности.

– Если вы еще можете вернуться – возвращайтесь. Если у вас есть возможность пойти домой и устроиться в родных краях, если вы можете вернуться, не подвергая себя опасности, умоляю вас: поворачивайте назад. Если вы знаете другое надежное место, вдали от поездов, вдали от севера, – отправляйтесь туда.

Лука обнимал Ребеку за талию, прижимаясь к ней головой. Рука девочки покоилась у него на плечах. Лидия следила за выражением их лиц, но к жестким словам падре дети отнеслись совершенно спокойно. Некоторые мигранты беспокойно переминались с ноги на ногу.

– Если вы гонитесь за лучшей жизнью, ищите ее в другом месте, – продолжал падре. – Этот путь подходит только для тех, у кого нет

выбора, нет других возможностей, для тех, кто оставляет позади лишь насилие и нищету. За воротами вас будут ждать все новые и новые опасности. Весь мир будет действовать против вас и еще не раз попытается расстроить ваши планы. Кто-то из вас упадет с поезда. Многие пострадают или покалечатся. Многие умрут. Многих, очень многих из вас похитят, будут пытаться или продавать. Некоторым повезет: они сумеют выжить и добраться до США и в награду смогут умереть под палящим солнцем пустыни, брошенные вероломным койотом или подстреленные наркодельцом, которому не понравится их внешний вид. Абсолютно каждого из вас ограбят. Каждого. Даже если вы сумеете доехать до севера, по прибытии в ваших карманах будет пусто – это я вам обещаю. Посмотрите вокруг. Да-да, посмотрите друг на друга. Только один человек из трех достигнет своей цели живым. Так кто же это будет? Может, вы?

Падре показал на немолодого мужчину в чистой футболке и с аккуратно подстриженной бородой. Тот ответил:

– *Си, сеньор!*

– А может, вы? – Падре показал на женщину, примерно ровесницу Лидии, которая сидела с маленьким ребенком на коленях.

– *Си, сеньор!* – крикнула она.

– А как насчет тебя? – Падре обращался к Луке.

На Лидию обрушилась волна отчаяния, но сын вскинул вверх свой маленький кулачок и прокричал:

– *¡Sí, seré yo!*^[66]

В итоге речь все-таки приободрила и укрепила дух мигрантов; именно из-за этого многие из них потом нетерпеливо считали минуты до прибытия поезда, которого все не было и не было. К третьему часу некоторые не выдержали и пошли пешком. На четвертый и пятый час следом за ними двинулись и остальные. Лука, Лидия и сестры пошли к западной окраине города, чтобы отыскать подходящий мост, но единственный из тех, что им попался, был слишком высоким. Прыжок оттуда равнялся самоубийству. Поэтому они стали искать поворотный участок колеи, где поезд должен был притормозить. Во второй половине дня наконец-то показался Зверь, и на нем было невероятно много народа. Еще издалека Лидия увидела темные силуэты мигрантов, облепившие вагоны. Поезд ехал намного быстрее, чем вчерашний в Сан-Мигель-де-Альенде.

Лидия собралась сказать, что надо переждать, что у них ничего не получится. Ей хотелось выразить сомнение словами, но не хватило времени, и теперь она уже не могла перекричать поезд. В ее костях могучим эхом отдавался шум. Все побежали, и Лидия крепко сжала в кулаке руку сына. С крыш вагонов им кричали мужчины, пытаясь подбодрить и дать совет. Первой прыгнула Ребека; за ней отправилась Соледад, которая затем свесила руку, чтобы подтянуть Луку. Тот схватился за нее, и настал момент абсолютного ужаса: мальчик оказался между ревушим Зверем с одной стороны и бегущей по земле Лидией – с другой. Он был словно кусочек ириски, мягкий и незащищенный. Наконец Лидия выпустила его, и Лука повис в руках Соледад; с крыши свесились мужчины и затащили мальчика наверх. *Он в порядке, он в порядке.* Лидия бежала за поездом, зная, что почувствует облегчение, лишь когда воссоединится с сыном; Зверь набирал скорость, и Лидия уже начала отставать, но все бежала и бежала и никак не могла ухватиться за лестницу, но вдруг внезапный прилив паники подстегнул ее и заставил перебирать ногами быстрее, и она ухватилась за железную перекладину – в ужасе, в полном ужасе от того, что ее ноги не успеют, что они свесятся вниз и она угодит под колеса, но нет, похоже, этот день еще не настал, потому что наконец ее ступни нащупали нижнюю перекладину, а руки были всего на одну перекладину выше, и поезд ехал все быстрее и быстрее, просто с невероятной скоростью, но все тело, все ее конечности теперь вцепились в тело Зверя, и она висела на лестнице, словно жук; позволив себе один коротенький всхлип, Лидия разогнулась и, отталкиваясь от нижней перекладины, начала подниматься. Оказавшись наверху, она дотянулась до Луки и наскоро перевязала их обоих ремнями, после чего уткнулась лицом ему в волосы и тихонько расплакалась, чувствуя, как постепенно у нее в груди успокаивается сердце.

Лидии хотелось, чтобы Лука и сестры были только с ней, чтобы их маленькая группа сидела отдельно от остальных. Но все мужчины были такими дружелюбными и услужливыми. Пожалуй, даже чересчур услужливыми. На Звере редко встретишь женщину, да и дети попадались нечасто, и Лидии казалось, что каждый мужчина обращает на нее излишнее внимание. Она понимала, что они с сестрами символизируют нечто в глазах этих мужчин. Они напоминали о доме.

Олицетворяли идею спасения. Или добычу. А в глазах подручных картелей – денежное вознаграждение. Но даже если все это были ее фантазии, куда бы они ни пришли, сестры тут же вызывали переполох – одним только своим появлением. Лидия отвлеклась на эти размышления и поэтому, несмотря на свою бдительность, не сразу заметила парня, который сидел на другом конце крыши и тихонько за ними наблюдал.

Первым его заметил Лука. И сразу вспомнил. В ту же секунду мальчик испытал совсем неподходящее моменту чувство удовлетворения, прилив эндорфинов, чего никогда раньше не замечал, хотя такая химическая реакция происходила в его мозгу множество раз; так мозг награждал себя за то, что почти моментально выполнял запрос хозяина: да, Лука уже видел это лицо. Так что, хотя парень сидел далеко, скрестив ноги, Лука вспомнил и татуировку: окровавленный серп, выглядывающий из-под носка. Три красные капельки крови на черном острие. Лука поежился в горячих лучах солнца. Парень не сводил глаз с Мами. Достал из кармана мобильник, разблокировал экран, немного прокрутил вниз и снова взглянул на Мами. Выключив телефон, сунул обратно в карман. От страха Лука не мог пошевелиться. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы разогреть оледеневший голос.

– Мами.

Он старался вести себя спокойно, но под путами ремня дрожал от волнения. Мать наклонилась, но не очень близко. Тогда мальчик поманил ее рукой, и та наконец сообразила. *Иди сюда. Ближе. Скорее.* Лидия пододвинулась почти вплотную.

– Мами, я узнаю одного человека.

Всего несколько слов – и по позвоночнику Лидии пробежал холодок.

– Так, – произнесла она, пытаясь замедлить работу мозга. – Хорошо. Кого?

Ее руки и ноги словно стали жидкими, но пальцы одной руки крепко держались за решетку. Другая рука машинально потянулась к цепочке на груди и продела указательный палец в обручальное кольцо Себастьяна.

– Только не смотри! – предупредил Лука. – Он наблюдает за тобой. За нами.

В порыве героизма подсознание Лидии воскресило старую мантру, пробив жестокую неподвижность настоящего момента. «Не думай, не думай, не думай», – говорил ей мозг.

– Так. Кто он?

На этот раз Лука прильнул так близко, что губами полоснул мочку маминого уха.

– Тот парень из первого убежища в Уэуэтоке.

Лидия глубоко вздохнула. *Так.* Значит, речь шла о каком-то случайном встречном. Под приливом облегчения плечи ее опустились, словно суфле.

– Ой, Лука.

Ей хотелось отчитать сына за то, что тот напугал ее до смерти, но как он мог, посреди сумбурной разрухи их новой жизни, самостоятельно определить, какие слова влекут за собой панический ужас? Ей захотелось рассмеяться, а потом поцеловать Луку и попросить не дергаться по пустякам. Обвив его рукой, Лидия сказала:

– Все в порядке. Ничего страшного.

– Неужели ты не помнишь? Тот гадкий парень, которого выкинули из приюта, потому что он приставал к девочке? Он сделал с ней что-то нехорошее.

Она вспомнила. *Проклятье.* Девушки за завтраком говорили, что он *sicario*.

Только что Лидия позволила себе немного порадоваться их успехам. Она даже посмела предаться страху перед новыми, пока неизвестными опасностями. И вот, в ста метрах от нее, *sicario*, бог знает из какого картеля, сидит и таращит глаза. Она окинула взглядом других мигрантов. Любой из них мог оказаться врагом. Любой из них мог работать на «Лос-Хардинерос». Спрятав голову между коленей, Лидия опустила лицо так низко, что почти коснулась носом решетчатой крыши вагона, – точнее, все эти действия выполнило ее тело, не дожидаясь команды от головы. Так устроен инстинкт самосохранения: спрятаться, слиться с пейзажем, исчезнуть. Лука наклонился вслед за матерью.

– Это еще не все, – сказал Лука, потому что знал, хоть и не понимал откуда и почему, знал, что с этой татуировкой связано что-то очень нехорошее.

– Да?

Что бы ни собирался сказать сын, Лидия была готова. Она любую новость встретит с благодарностью.

– Татуировка. У него татуировка.

На голени под джинсами Лидия носила мачете. Рукоять немного натирала ей кожу.

– Какая татуировка? – прошептала она.

– Такой большой загнутый нож, Мами. С тремя каплями крови.

У Лидии заледенели пальцы и пересохло во рту. Откуда-то изнутри дрожь расходилась по всему телу. Но, глядя на нее, Лука видел только спокойствие, даже безучастность.

Подробностей она бы предпочла избежать, но надо было убедиться.

– Ты имеешь в виду серп? Что-то вроде этого? – Лидия начертила полумесяц на его раскрытой ладони.

Лука кивнул.

– Спасибо, что рассказал, *mijo*. Ты все правильно сделал. Молодец.

Она легонько коснулась его уха. Но прежде, чем Лидия успела составить план действий, впитать всю полученную информацию или хотя бы взглянуть на парня с татуировкой «Лос-Хардинерос», все внезапно закричали и поднялась ужасная суматоха. Мать и сын машинально повернулись на источник шума. Мигранты затаили дыхание, и в ту же секунду, испустив протяжный свист, поезд нырнул в тоннель, и стало темно.

– Мами! – крикнул Лука.

– Я здесь. – Она схватила его за руку. – Я здесь, *mijo*.

– Что случилось?

– Я не знаю, сынок.

– Мами, мне страшно!

– Знаю, *mijo*. Все в порядке.

Нащупав в темноте голову сына, Лидия впустила мягкие волосы на его затылке. Тоннель оказался коротким, и вскоре поезд снова вырвался в светлый день. Сестры, которые только что лежали друг на дружке и дремали, теперь подскочили и заморгали. Сонная азбука Морзе.

– Что случилось? – спросила Соледад.

С вагона перед ними по-прежнему доносились крики, и из всеобщего гама стали выделяться два голоса, звуча все громче. Какой-то мужчина протяжно завывал: «¡Hermano, hermano, hermano!»^[67] Он

встал, и соседи тут же схватили его за брюки и утянули вниз; через мгновение повторилось все то же самое. Казалось, мужчина твердо решил спрыгнуть. Тем временем история о случившемся переходила из уст в уста и вскоре достигла мужчин, сидевших рядом с сестрами. Один из них повернулся и объявил:

– Его брат упал с поезда.

Соледад ахнула и перекрестилась.

– *Dios mío*, как? – спросила она.

Мужчина показал пальцем на тоннель, который они только что проехали:

– Не заметил тоннель. Стоял на коленях, слишком высоко, и вдруг: бум! Ударился головой и отлетел прочь.

На лице Соледад читалось сострадание, смешанное с ужасом. Она заглянула мужчине через плечо, потому что увидела, как завывавший брат вскочил на ноги в третий раз. Слова вылетели из нее сами, рука вскинулась вперед:

– Остановите! Держите его!

Слишком поздно. Мужчина спрыгнул. В мутно-желтой утренней дымке мелькнул силуэт с растопыренными конечностями. При ударе о землю от него откололась скорбящая тень.

– Слишком высоко, слишком высоко! – Голос Соледад по-прежнему ей не подчинялся. – О боже, боже мой!

Вагон поравнялся с тем местом, куда выпрыгнул мужчина. Скатившись по крутой насыпи, тот продолжал движение. Лука пересчитал конечности: одна, две, три, четыре. Пересчитал еще раз – чтобы уж наверняка. Руки-ноги были целы, но почему-то не работали. В сорняковых зарослях тело наконец остановилось и осталось лежать без движения. Поезд умчался без мужчины. И без его брата.

Соледад погрузилась в полубессознательное состояние: казалось, эта сцена сорвала тонкую коросту, скрывавшую ее собственное страдание. Девочка обмякла, и Ребека уложила ее голову себе на колени. Откинув со лба сестры длинные черные волосы, она тихонько запела на языке, которого Лидия раньше не слышала. Некоторое время Соледад лежала не моргая, но вскоре черты ее лица смягчились, полоски черных бровей расслабились, веки сомкнулись. Она поплыла где-то между реальностью и сном.

Даже не видя *sicario*, Лидия всем нутром ощущала на себе его взгляд. Он наблюдал, вытянув ноги и упершись ладонями в крышу. Теперь она его узнала – только потому, что напомнил Лука. На нем были огромные красные шорты и безразмерная белая футболка. Поверх – гигантская красно-черная майка с логотипом какой-то профессиональной баскетбольной команды; в ушах – бриллиантовые сережки-гвоздики. Конечно, украшения, скорее всего, были подделкой, но образ получался убедительный: настоящая звезда хип-хопа; именно такое впечатление он стремился произвести, когда выбривал в правой брови две тонкие полоски.

Лидии даже не пришлось поворачивать голову. Словно охотница, она улавливала движения добычи боковым зрением: приподнял плоский козырек бейсболки – почесался, перегнулся через край – сплюнул, открутил бутылочную крышку – глотнул воды. Интересно, ощущал ли он ее тревожность? Может, заученное равнодушие, которое Лидия усердно разыгрывала, совершенно бесполезно с точки зрения биологии? Может, она источает феромоны страха, которые и так поддаются распознаванию? Между ней и *sicario* установилась какая-то животная связь.

Поэтому, когда поезд выехал на длинный открытый участок, тело Лидии остро отозвалось на движения парня: тот поднялся на ноги и направился к ним. У нее заколотилось сердце, расширились зрачки, кожа покрылась мурашками и каждая мышца либо сократилась, либо задрожала в судороге, так что она стиснула Луку еще крепче. Ее ладони взмокли и похолодели. Она выпустила сына и схватилась за мачете, пристегнутое к лодыжке под джинсами.

Все смотрели, как молодой человек с опаской пробирается по крыше, лавируя между людьми. Мигранты всегда чутко реагировали на перемещения, высматривая признаки опьянения или сумасбродства. Или отблеск спрятанного лезвия. К этому парню все отнеслись с особой осторожностью: всем было совершенно очевидно, кто он такой. Все отклонялись в сторону, чтобы пропустить его.

– *Амиго*, ты что, вагон-ресторан ищешь? – обратился к нему пожилой мужчина в соломенной шляпе.

Те, кто сидел поблизости, нервно засмеялись. Почему он один? И куда это он собрался?

– Просто разминаю ноги, – отозвался молодой человек.

Мигранты пристально смотрели на его татуировку, сохраняя лишь видимость дружелюбия. Большинству был ясен смысл трех капель крови: по одной за каждое убийство.

Глядя, как парень приближается, Лидия достала из ножен мачете и вытащила его из-под штанины. Она нажала на кнопку, и лезвие, к счастью, раскрылось. Лука молча наблюдал, как мать прячет нож в рукаве. Какой-то инстинкт советовал ей выбросить мачете и поискать на земле подходящий куст, который смягчит падение, относительно безопасное место, чтобы сбросить сына с поезда. Желая убедиться, что ее тело не поддастся этому глупому порыву, Лидия дотронулась до Луки. Она коснулась его скрещенных ног и еще раз порадовалась надежности холщовых ремней. Тут над ними нависла тень. Лидия не поднимала глаз.

– Эй, слышь, мне кажется, я тебя знаю.

Парень уселся на маленьком пяточке между ней и сестрами. Пока он туда втискивался, напряжение в теле Лидии достигло предела. Она чувствовала, что Ребека пытается поймать ее взгляд, но специально на нее не смотрела – не хотела втягивать девочку в эту историю. Младшая сестра поерзала, освобождая место для незнакомца, а Лидия тем временем поняла, что, пока ее голова была занята мыслями о побеге, она забыла составить какой-либо план. Поэтому она ответила первое, что пришло на ум:

– Я так не думаю. Но мой сын сказал, что уже видел вас где-то неподалеку от Мехико.

Лидия не стала говорить «в Уэуэтоке», опасаясь, что упоминание о скандальном выселении может разозлить парня. Она держала свое тело, словно взведенный пистолет.

– Правда?

Он склонился к Луке и улыбнулся, отчего Лидия совсем растерялась. Она не понимала, к чему эта светская беседа. Если он и правда *sicario*, то зачем он тут сидит и треплется? И где под всеми этими слоями одежды он прячет оружие?

– Как дела, чувак? – Он обращался к Луке. – Клевая кепка.

Он потянулся, чтобы дотронуться до козырька красной бейсболки Папи, но мальчик увернулся.

– Короче. Меня зовут Лоренсо, – сказал он, протягивая Лидии руку. Меньше всего на свете ей хотелось пожимать эту руку, но все же она

легонько коснулась протянутой ладони, а потом опять схватилась за мачете в рукаве.

– А тебя? – спросил молодой человек.

«Ему же всего-то лет восемнадцать-двадцать», – подумала Лидия. Почему он ведет себя так, словно она обязана ему представляться?

– Арасели. – Выдуманное имя выскользнуло на выдохе, словно серфер на отливе.

Лоренсо покачал головой:

– Не-а, я так не думаю.

Лидия прикусила щеки. Если она когда-то сомневалась в своей способности заколоть человека, то теперь все сомнения развеялись.

– Прошу прощения?

– Тебя зовут не Арасели.

В ответ она только и смогла, что негромко фыркнуть. Лука прильнул к ней поближе. Лоренсо полез в карман, и напряжение в ее теле перешло в дрожь. Она засадит нож ему в шею. Впрочем, нет. Она находилась в неудачной позиции; слишком мало места, негде развернуться. Получится ли у нее убить этого парня? Или только ранить и тем навлечь на себя ответное насилие? Лучше, конечно, просто спрыгнуть. Обернуть Луку своим телом, как подушкой, с надеждой, что хотя бы он сможет выжить. Падение с бегущего поезда. Но что будет с Лукой потом, когда ее не станет? Лидия сможет только пожертвовать собой – а потом Лука навсегда останется один. Ее трясло от душевных метаний. Пошарив в рукаве, она покрепче сжала холодную рукоять мачете. Но Лоренсо выудил из кармана всего лишь мобильный телефон. Не пистолет, не нож. Он разблокировал экран и принялся листать фотографии.

По телу Лидии прокатилась дрожь.

– Это ведь ты, да? – Парень повернул экран так, чтобы ей было видно.

Там оказалось селфи, которое Хавьер сделал вместе с ней в книжном магазине. Они сидели по разные стороны прилавка, склоняясь друг к другу, соприкасаясь висками. Взгляд Лидии был устремлен четко в камеру, а Хавьер слегка повернул голову вбок – он смотрел на нее. Она прекрасно помнила тот день: ее друг объяснил, что Марта обучила его искусству селфи, а потом они долго смеялись.

– Лидия Кихано Перес, да? – спросил молодой человек.

Она втянула губы и слегка повернула шею, но даже ей эта реакция показалась совершенно неубедительной. Лоренсо поднес телефон к ее лицу, чтобы сравнить.

– Да-да. Красавчики, – сказал он и добавил с неожиданной искренностью: – Сочувствую тебе, насчет твоей семьи.

На крыше поезда тишина – это мерный рев двигателя, который тянет за собой тонны разгоряченной гремящей стали. Колеса визжали на рельсах, металл со скрипом терся о металл, сцепления между вагонами стучали и скрипели. Миновало несколько секунд такой тишины, прежде чем к Лидии вернулся голос.

– Что тебе нужно?

Лоренсо выключил телефон и спрятал его обратно в карман.

– Что мне нужно? Ну и вопрос! – Он присвистнул. – Видимо, то же самое, что и другим. Хороший дом, немного цацек и красивую девчонку.

Он посмотрел на Ребеку и улыбнулся, но та, хоть и сидела рядом, не обращала на него внимания. Она не ответила на его взгляд, и Лидия усомнилась, что в таком шуме девочке вообще что-то было слышно. Соледад по-прежнему лежала у нее на коленях с закрытыми глазами. Лоренсо разглядывал свои ногти. Лидия наблюдала за ним.

– Что тебе нужно от меня? – еще раз спросила она.

Парень нашел крошечный белый заусенец, откусил его зубами и выплюнул на землю.

– Ничего. – Он пожал плечами. – Просто пообщаться.

– Откуда у тебя эта фотография? – Лидия сморщила нос и указала подбородком на телефон в его кармане.

– Мамуля, ты уж извини, конечно, но у всех в Герреро есть эта фотография.

Лидия резко втянула в себя воздух. Не то чтобы это было для нее новостью, но подтверждало ее опасения.

– Зачем она им? – Ей хотелось полностью прояснить ситуацию.

Лоренсо взглянул на нее искоса и ухмыльнулся:

– Шутишь, что ли?

– Нет. Мне нужно знать точно, с чем мы имеем дело.

Парень выдержал паузу, а потом снова пожал плечами и ответил:

– Тебя велели найти и доставить к боссу.

Ну и ну. Может, фразу «живым или мертвым» говорят только голливудские гангстеры, но Лидия ожидала услышать именно это. Она пыталась разместить новую информацию на своем мысленном жестком диске, но та не поддавалась обработке.

– То есть никто не велел меня убивать? Убивать нас?

Лоренсо вздохнул. Он совсем по-другому представлял себе этот разговор. Задавать вопросы должен был он, а не она.

– Слышь, я и так рассказал тебе слишком много. Не хочу, чтобы меня тоже грохнули.

Лидия поежилась, чувствуя, как потеет в ее ладони рукоятка мачете.

– Так ты поэтому здесь? Чтобы доставить нас к боссу?

Что ж, может, Хавьер хочет убить их сам, хочет своими глазами увидеть, как она страдает. С этим парнем они с Лукой никуда не пойдут. Если понадобится, она его убьет. Пусть даже это случится на глазах у сына.

– Не-а, я все это оставил в Герреро. – Лоренсо махнул рукой в южную сторону.

– Понятно, – ответила Лидия, по-прежнему крепко сжимая в руке мачете.

– *De verdad*^[68], все с чистого листа. – Он ухмыльнулся. – С теми делами покончено.

Лидия понимала, что проверить достоверность этого заявления она не в состоянии. Она молчала.

– Но как ты выбралась из Акапулько? – спросил вдруг парень. – Все тебя искали. Это какое-то колдовство, да? Ты жрица-сантера? Или бруха?

К собственному удивлению, Лидия испустила слабенький хриплый смешок.

– Колдунья? Наверное, страх и правда наделяет человека колдовскими силами.

Она никогда не узнает, насколько им в действительности повезло: в тот самый момент, когда они с Лукой заходили в фойе соседнего отеля, в их номер в гостинице «Дукеса Империял» ввалились двое подельников Хавьера.

– И куда вы едете? – спросил Лоренсо.

– Не знаю, – соврала Лидия. – Пока что не решили.

Парень подтянул колени к подбородку, и его мешковатые шорты легли снизу складками. Обхватив себя руками, он сказал:

– Я еду в Лос-Анджелес. Мой двоюродный брат работает в Голливуде.

– Отличный выбор.

Когда на них вновь опустилась гремящая тишина, Лидия задумалась: *почему?* Ведь сумел же он настолько хорошо устроиться в «Лос-Хардинерос», что купил такие дорогие кроссовки и вполне приличный телефон. Если он не возражал, когда пришлось отрабатывать первую каплю крови, а потом вторую и третью, то почему же он уехал из Герреро? Лидия знала: ответов может быть бессчетное количество. Может, ему не нравилось убивать. Или он почувствовал, что все это насилие постепенно меняет его личность. Может, по ночам ему снились кошмары, и всякий раз, когда он закрывал глаза, в его воображении вставали образы убитых им людей. Может, за его израненной душой охотились призраки из прошлого. Но все могло быть с точностью наоборот. Может, этот парень был настолько аморален, что не мог соблюдать даже извращенный этический кодекс «Лос-Хардинерос». Может, он просто изнасиловал не ту женщину. Или украл деньги у своего *хефе*. Может, он убивал с охотой – настолько, что другие члены картеля видели в нем потенциальную угрозу. Может, он тоже был в бегах. Но дело могло обстоять и совершенно по-другому: может, он никогда не рвал с «Лос-Хардинерос» и на самом деле просто хотел отвезти Лидию с сыном обратно в Акапулько.

В присутствии Лоренсо у нее выворачивало нутро. С его появлением Лидия снова почувствовала надвигающуюся опасность. Эта опасность была повсюду. Она отравляла воздух безрассудством, смятением и леденящим ужасом. Казалось, между ней и Хавьером больше не было никакой дистанции, они сидели лицом к лицу, как в тот день, когда она устроила ему очную ставку в книжном магазине. Русские матрешки. Его прикосновение. Пальцы сжимают вены на ее запястье. Слышно, как за зеленой кафельной стеной мочится в унитаз *sicario*.

Лидия мечтала, чтобы Лоренсо куда-нибудь отсел. Девять дней, 426 миль – она не продвинулась вперед ни на шаг.

Луке нравились поселения, где все дома стояли строгой шеренгой, будто солдаты в униформе: снизу у них были прочные стены-мундиры с отделкой из белой штукатурки, а сверху – шлемы из красной мексиканской черепицы, лежавшей кусочек к кусочку, под одинаковым углом. Больше всего мальчика подкупала безликость, он думал, как бы хорошо они с Мами устроились в таком доме, и никто бы их не нашел. Не нравилось мальчику, когда поезд вдруг уходил на юг: он, конечно, скучал по дому, но только по жизни, которая была у него до того ужасного дня, но того Акапулько – Лука прекрасно это понимал – больше не существовало. Его преследовали фантомные боли. Но вот колея снова повернула на запад, и мальчику стало легче; где-то впереди возникли ухоженные задворки какого-то населенного пункта, и поезд сначала пристроился к реке Рио-Гранде-де-Сантьяго, потом ушел в длинный поворот и, наконец, снова устремился на север.

Город возникал перед ними постепенно, несколько раз давая ложные обещания. Лука вроде бы уже видел знакомые маркеры современного мегаполиса: продавцов уличной еды, которые отвлекались от жарки мяса, чтобы помахать мигрантам рукой, растянутые под солнцем веревки, хлопавшие на ветру разноцветным бельем, хулиганистых ребят, что собирались в кучки вдоль школьного забора. Но потом вдруг городская полоса резко обрывалась, уступая место бесконечным кукурузным полям. Так случилось уже два раза. Три. Четыре. Наконец – и теперь уже совершенно точно – по обе стороны дороги выросла Гвадалахара.

Второй по размеру город в Мексике. Столица штата Халиско с населением полтора миллиона человек.

По всей длине состава мигранты постепенно готовились сходить. Они будили своих друзей, собирали скомканные куртки-подушки, подтягивали друг другу лямки рюкзаков. Мами отстегнула себя от крыши, но ремень Луки трогать не стала. Лоренсо по-прежнему сидел на том же самом месте, в той же позе и молча наблюдал. Луке совсем не нравилось, как он смотрел на Ребеку и Соледад.

Когда поезд постепенно начал сбрасывать скорость и кое-кто из мужчин по соседству уже спрыгнул с лестницы на посыпанную щебнем землю, мальчик заговорил:

– Мама.

Свернув свой холщовый ремень в кольцо, Лидия молча взглянула на сына: «Что?»

– Мне не нужен ремень.

– Конечно, нужен.

– Но, Мама!

Лидия снова подняла взгляд и на этот раз придавала своему «что?» твердости. Мальчик продолжал:

– Тебе не кажется, что если я уже могу прыгать на движущийся поезд, то привязывать меня ремнем, как младенца, – немножко глупо?

С этими словами он выставил подбородок, и в ту же секунду мать схватилась за него и притянула лицо сына к себе. При виде неизменной маминой реакции на капризное поведение у Луки вдруг потеплело на душе.

– Это совсем не глупо, – сказала она. – Мы ездим на этих поездах просто потому, что у нас нет другого выхода. Но это очень опасно, Лука. Неужели ты так ничему и не научился? После того как упал тот мужчина...

– Ладно, – раздраженно перебил ее мальчик. – Все.

Он попытался высвободить подбородок, но Лидия только сильнее сжала его пальцами. К счастью, она не могла контролировать его глаза. Сжать глазные яблоки у нее не получится. С этими мыслями Лука скользнул взглядом по левому уху матери.

– Не перебивай меня, – поучала Лидия. – И смотри на меня, когда я с тобой говорю.

Мальчик пристально разглядывал ее ушную раковину.

– Сын, посмотри на меня.

На мгновение их глаза все-таки встретились, но потом Лука снова отвел взгляд в сторону.

– Послушай, – продолжала Мама. – Я знаю, что это безумие. Ездить на поездах, спать на улице, есть непонятно что – все это дико и совершенно безрассудно. Раньше я тебе не говорила, но теперь хочу сказать: Лука, я очень тобой горжусь.

Он мельком заглянул ей в лицо.

– Правда. Просто в голове не укладывается, каким ты вырос сильным, каким смелым. Ты научился делать вещи, которые и вслух назвать страшно.

У мальчика появилась неожиданная мысль.

– Как думаешь, что сказал бы Папи? – спросил он.

Выпустив наконец подбородок сына, Лидия улыбнулась:

– Он бы сказал, что мы с тобой рехнулись.

У Луки выступили слезы, но он не хотел плакать и потому заставил глаза высохнуть. Мама перешла на шепот:

– Сынок, Папи так бы тобой гордился. Я и представить себе не могла, что ты способен на такие невероятные поступки. – Она накрыла рукой коленку сына. – Я этого не знала. Но ты по-прежнему мой маленький мальчик. Понимаешь?

Лука молча кивнул.

– Не дай бог с тобой что-то случится. Я этого не переживу. За последние дни ты очень повзрослел, это правда. Но твоему телу – всего восемь лет.

– Почти девять.

– Почти девять, да. Но пожалуйста. Пожалуйста, послушай меня. Никогда не расслабляйся. Никогда не думай, что на этом поезде ты в безопасности. Пока мы едем, мы всегда в опасности. Всегда. – Лидия взяла сына за руку и добавила: – Стремление быть крутым тебя убьет.

Лука снова кивнул.

Громовые раскаты под поездом постепенно смолкали, и вот девочки уже собрали волосы в хвост и стали готовиться к спуску. Навьюченные рюкзаками, они стояли чуть впереди и болтали с соседями – четырьмя мужчинами, которые делили с ними крышу от самой Селаи. Оказалось, что один из них уже проделывал это путешествие: первые две поездки закончились депортацией из Сан-Диего, и для него это был уже третий визит в Гвадалахару. Мужчина давал девочкам напутствие, а Лоренсо все это время подслушивал их разговор.

– Обязательно сходите, не доезжая до Эль-Верде, – объяснял мужчина. – Следующий участок пути – только на своих двоих.

– Почему? – Соледад подтянула на макушке черный хвост.

– Местные жители хорошо относятся к мигрантам, благослови их Господь. Приветят вас как надо. Но сначала нужно разобраться с

полицией. В Эль-Верде они постоянно проверяют поезда, и если поймают... – Не договорив, мужчина скорбно покачал головой.

– То есть наша задача – не попасться, – подытожила за него старшая сестра.

– Так точно. И вот еще что: всегда передвигайтесь в компании. Идемте с нами, если хотите.

Когда его друзья по очереди зашагали к лестнице, мужчина тоже двинулся следом.

Ребека наскоро передала все услышанное Лидии и предложила воспользоваться приглашением. Но та засомневалась. Пассажирам Зверя доверять опасно. Конечно, среди полицейских на самых разных должностях прячутся и бандиты, и насильники, и наркодилеры, но то далеко не единственная категория людей, к которым стоит относиться с подозрением. Подозревать нужно всех и каждого: продавцов, лоточников с едой, гуманитарных работников, детей, священников и даже таких же точно мигрантов. Последних, пожалуй, в особенности. Лидия взглянула на кроссовки Лоренсо, очень чистые и дорогие. Именно так и работают всякие горе-актеры: прыгают на поезд под видом мигрантов, втираются в доверие к наивным путешественникам, а потом заманивают их в какое-нибудь укромное местечко, чтобы нанести удар в спину. Понятно, что в случае Ребеки и Соледад шансы нарваться на преступника значительно выше. Добрый поступок, обмен драгоценными крупицами правды, жалостливая история о поломанной судьбе – все это может оказаться искусной ловушкой. Прелюдией к ограблению, изнасилованию или похищению. Лидия не могла ничего решить, пока мозг не просчитает все возможные риски. Но времени на это не было. Поезд продолжал движение, и пассажиры один за другим спускались вниз. Народа на крыше заметно поубавилось.

Четверо мужчин производили впечатление людей порядочных. Разговаривали с тяжелым центральноамериканским акцентом. *Получается, родом они из Центральной Америки, так?* Нужно было принимать решение. Лоренсо стоял рядом и ждал, пока она решит. *Но почему он еще здесь?* Именно его присутствие в итоге и подтолкнуло ее к дальнейшему. Лидия отстегнула Луку и спрятала ремень в карман рюкзака.

– Пойдемте с ними, – объявила она.

Лоренсо поплелся следом.

Долгое время по одну сторону железной дороги тянулась бесконечная череда складских помещений, а по другую были только грязь, трава и высокое небо, и потому Луке казалось, что он идет вдоль какой-то охраняемой границы, что все хорошее спрятано там, за стеной. Они шагали вдоль колеи – несколько дюжин мигрантов, словно маленький торговый караван. Лоренсо хоть и шел сам по себе, но шагу не сбавлял и держался рядом. Лука волновался на его счет, но сосредоточиться толком не получалось – из-за запаха шоколада, который лишь подкреплял его теорию о лучшей жизни за стеной.

– Чуешь? – спросил он у Ребеки.

– Что пахнет шоколадом?

– Ага.

– Не-а. Не чую.

– Везет тебе! – Лука рассмеялся.

Они побрели дальше, так и не узнав, что позади осталась шоколадная фабрика «Херши». Лука подпер кулаком живот, чтобы хоть немного унять голод. В последний раз он ел утром в Селае, а теперь время близилось к вечеру.

– Проголодался? – спросила Мами.

Мальчик кивнул.

– И я тоже.

Вскоре складские помещения уступили место жилым домам из кирпича и бетона; мигранты очень обрадовались, увидев двух школьниц с косичками: одна была чуть побольше и с веснушками, другая – чуть поменьше и с болячкой на колене. Рядом за деревянным прилавком восседала мать; при ней – холодильник с напитками и небольшой гриль. Продавала она свежий лимонад и жареную кукурузу. Рядом стояла коляска со спящим младенцем. Старшие дочери то и дело бегали к большой корзине, набитой белыми бумажными кулками. Мигрантам их раздавали с благословением.

– *Bienvenidos a Guadalajara*^[69], – повторяли девочки. – Храни вас Господь в ваших странствиях.

Та, что с болячкой на колене, вручила кульки Ребеке и Луке.

– Спасибо, – отозвался мальчик.

Махнув складками голубой юбки в клеточку, школьница засемила прочь на загорелых коричневых ногах. Лука разорвал белую бумагу.

– Мами! Тут шоколад! – воскликнул он, глядя на три шоколадные конфеты «Херши».

По мере того как уплотнялся городской пейзаж, на дороге возникали люди с продуктовыми пакетами и коробками для ланча. Дети с пестрыми рюкзаками вышагивали за руку с родителями, перескакивая через шпалы. Многие заглядывали мигрантам в глаза и говорили с улыбкой: «Благослови вас Господь». Лука решил, что стоит, наверное, улыбаться в ответ, но всякий раз испытывал какое-то странное чувство. Он еще не привык к жалости со стороны незнакомцев.

В Эль-Верде под стенами огороженного сада им встретилась необычная лавочка. Оранжевая с розовыми и желтыми полосками, а сверху знак: «*Migrantes pueden descansar aquí*». Место для отдыха мигрантов. На лавочке сидел здоровый усатый мужик; заметив приближение мигрантов, он поднялся, прикрыл лысину ковбойской шляпой и достал откуда-то с земли мачете размером с бейсбольную битку, в ножнах. Закинув его на плечо, мужчина направился к железной дороге.

– *Amigos, hoy es su día de suerte*^[70], – объявил он так, чтобы всем было слышно. – Я пойду с вами.

Мигранты в передней части каравана одобрительно загалдели; Ребека и Соледад обменялись тревожными взглядами. Мужчина пристроился к ним и заговорил:

– Страх – это хорошо. Но бояться вам надо не меня.

Младшая сестра просунула большие пальцы под лямки рюкзака и ничего не ответила.

– Вы ведь издалека приехали, да? Гондурас? Гватемала?

– Гондурас, – первой уступила Ребека.

– И как проходит ваше путешествие? Нормально?

Девочка пожалала плечами. Несколько минут они плелись в тишине, шурша штанинами джинсов. Лука держал Мами за руку, но то и дело вырывался и тянул вперед, пытаясь слушать, о чем мужчина разговаривает с сестрами.

– Я хочу, чтобы у вас остались только хорошие воспоминания о Гвадалахаре. – Великан улыбнулся и поймал на себе взгляд Луки.

Он был таким огромным, что мог бы использовать мачете как зубочистку. Застеснявшись, мальчик спрятался за Мами.

– Меня зовут Данило, – продолжал мужчина. – Однажды ваше путешествие подойдет к концу, вы найдете работу и хороший дом, встретите красивого мальчика-гринго, выйдете замуж и заведете с ним детей. Пройдет время, и, когда вы – уже старушки – будете укладывать в постель внучат, я хочу, чтобы вы рассказали им, как много-много лет назад встретили в Гвадалахаре доброго человека по имени Данило, который шел с вами рядом и размахивал мачете, чтобы к вам не привязывались всякие болваны.

Ребека не выдержала и рассмеялась.

– Вот видите? Я не такой уж и плохой.

Но Соледад по-прежнему была настороже.

– И где же спрячутся все эти болваны? – спросила она.

– Ох, милая. – Данило нахмурился. – Боюсь, вы с ними еще встретитесь. Очень скоро.

Соледад повела бровью, но ничего не ответила.

– В нашем городе попадаются всякие типы: хорошие, плохие, злые, – сказал Данило.

– И красивые! – добавил Лоренсо, показывая на сестер.

Лидию передернуло. *Почему он до сих пор здесь?* Идет по пятам и подслушивает. От его реплики женщине стало не по себе, и девочки тоже заметно насторожились – сработал защитный инстинкт. Данило продолжал, не обращая на Лоренсо никакого внимания:

– Ближайшее убежище отсюда далеко. А на дороге путешественников поджидают многие опасности.

– Какие, например? – спросила Лидия.

– Да самые обычные. Полиция, работники железной дороги, охрана. И в первую очередь бояться надо вам двоим. – Данило мельком взглянул на сестер. – На подходе к Лас-Хунтас с путей лучше обратиться, идите в город и найдите убежище. Там висят указатели, но еще можно спрашивать продавцов – они знают. Если предлагают проводить, отказывайтесь. Предлагают работу или ночлег, отказывайтесь. Кто-то пытается заговорить с вами первым? Не отвечайте. Спрашивать дорогу – только в магазинах. Я пройду с вами несколько миль, до Ла-Пьедреры.

– Почему? – спросила Соледад.

– Что почему?

– Почему вы с нами идете?

– А почему бы и нет? Я делаю это три раза в неделю, иногда чаще. Хожу с мигрантами. Такое у меня хобби. И зарядка опять же.

– Но если на дороге и вправду так опасно, то почему вы все равно ходите? Какая вам от этого польза?

Глаза у Данило были слегка навывкате; с такими глазами ни одна эмоция не спрячется от собеседника. Лука обратил внимание на его реакцию: к вопросу Соледад мужчина отнесся спокойно, даже положительно. Уважал скептицизм.

– Что ж, я расскажу вам всю правду. – Он взял небольшую паузу, чтобы пригладить пальцами усы, и продолжил: – Когда я был подростком, я украл грузовик. С моим отцом на работе произошел несчастный случай, и он погиб. Я очень злился на начальника и как-то ночью угнал у него грузовик. Разбил отцовским молотком все окна и фары. Проткнул шины и сбросил в сточную канаву.

– вполне справедливо, – заметила Соледад.

– Три месяца я пил по-черному и от горя много чего плохого натворил. Но меня не поймали, и, даже несмотря на все грехи, Бог наградил меня достойной жизнью. А это – мое искупление. Я как дьявол-хранитель, помогаю мигрантам, которых заносит в мои края. Защищаю от всяких опасностей.

Соледад прищурилась и заглянула ему в глаза, пытаясь распознать обман. Но, похоже, мужчина говорил правду.

– Что ж, ладно, – согласилась она.

Данило засмеялся:

– Ладно?

– Да.

На мгновение в воздухе повисла тишина.

– А у вас случались неприятности? – сзади послышался голос Лоренсо. – Кто-нибудь вас бил?

Великан повернул голову и, не снимая с плеча мачете, ответил:

– В последнее время нет.

– Круто, круто. – Парень спрятал руки в карманы.

Когда Лука разговорился с Данило и сестрами, Лидии пришлось немного отстать, и теперь она шла рядом с Лоренсо. Он вызывал у нее отвращение, но обладал полезной информацией. Возможно, он знал, какие картели заключили союз с «Лос-Хардинерос», каких маршрутов стоит избегать, чтобы не попасться. Лидия не понимала, как с ним

заговорить, потому что любой вопрос, приходивший ей на ум, звучал как обвинение. Наконец она спросила:

– Как так получилось, что ты поехал один? У тебя нет семьи в Герреро?

– Не-а, можно сказать, что нет.

Лоренсо выдернул из земли сухой остролист и прикусил его зубами. Не вынимая его, он продолжал:

– Мама моя пару лет назад вышла замуж, и тот чувак не очень-то хотел, чтобы я жил с ними, поэтому я съехал.

Лидия мельком на него взглянула:

– Сколько тебе лет?

– Семнадцать.

Даже меньше, чем она думала.

– И во сколько лет ты ушел из дома?

Лоренсо поднял глаза от дороги и вытянул изо рта остролист.

– Пфф, не знаю. В тринадцать, четырнадцать? Я уже мог о себе позаботиться.

Лидия очень старалась не возражать, но по ее лицу парень и сам все понял.

– Не у всех есть такая *мами*, как у тебя, да? Некоторым матерям просто насрать. – Он выкинул травинку на землю.

– Мне очень жаль, – ответила Лидия.

– Да ну. Все это неважно. – Лоренсо засунул руки в карманы шорт. – Вообще-то мы ехали с одним дружком. Он тоже хотел завязать, поэтому отправились мы вместе, но в Мехико разбежались, и больше я о нем ничего не слышал.

– Но у тебя ведь есть мобильник.

– Его номер заблокирован.

– Понятно.

Несколько минут они шли молча, а потом молодой человек снова заговорил:

– Слышь, грустно, конечно, что с дочерью *хефе* так получилось, но как он поступил с твоей семьей? Нет, правда. *Eso fue de locos*^[71].

– О чем ты? – Лидия нахмурилась.

– Ла-Лечуса. С твоей семьей он явно перестарался. Когда я увидел ту девчонку в красивом платье...

Ту девчонку.

– Это была моя племянница.

– Ага...

– Моя крестная дочь. Йенифер.

– Ага, я когда увидел ее в новостях... Блин, я и так подумывал свалить, но это была последняя капля. Они там все с ума посходили.

Нет, Лидия не могла обсуждать с ним эту тему. Для него это просто тела, незнакомцы из телевизора, такие же точно люди, каких он убивал сам. *Та девчонка в красивом платье.* Но тут ее мозг зацепился за одну деталь.

– А что случилось с его дочерью?

Поначалу Лоренсо растерялся, поэтому женщина уточнила:

– С дочерью Хавьера. То есть Ла-Лечусы. Ты сказал, грустно, что с ней так получилось.

– Ага. А ты что, не знаешь?

– Чего не знаю? Что произошло?

В то утро, когда опубликовали расследование Себастьяна, Хавьер читал газету на заднем сиденье автомобиля, скользившего по сонным улицам Акапулько. Ему повезло родиться с редким талантом – предугадывать события и их последствия. В одиннадцать лет он узнал, что у отца рак прямой кишки, и сразу понял: умрет он очень быстро. Понял, что мать – прежде любящая и самоотверженная – с потерей мужа не справится и начнет глушить горе алкоголем и случайными связями. Хавьер предвидел и принял свое будущее задолго до того, как оно наступило. В силу этой врожденной особенности он почти всегда сохранял безупречное самообладание. И очень редко чему-то удивлялся.

Однако на этот раз предугадать события Хавьеру не удалось, и публикация застала его врасплох. Неужели чувства к Лидии настолько затуманили ему рассудок, что он действительно не понимал неизбежного появления такой статьи? Мысль пробудила в нем легкое чувство презрения по отношению к любимой подруге. Еще до прочтения, даже не взглянув на подпись автора, Хавьер знал, что статья вышла из-под пера мужа Лидии, журналиста, который слыл экспертом по части наркоторговли.

Поначалу Хавьеру не требовалось сдерживать эмоции, поскольку статья не особенно его задела. Напротив, показалась довольно объективным отражением реальной жизни. Конечно, присутствовали

кое-какие незначительные погрешности; пару раз имело место явное преувеличение. По части праведного гнева и осуждения наблюдался ощутимый перебор, что, впрочем, было вполне закономерно. В целом, не считая мелких помарок, Себастьян составил достаточно верное представление о сущности «Лос-Хардинерос». Публикация стихотворения, с одной стороны, озадачивала, но с другой – неожиданно радовала. Хавьер решил, что это Лидия каким-то образом передала его мужу. Запомнила? (Какая лестная мысль.) Или втайне щелкнула на телефон в момент стихийного безрассудства? Стихи обнажали в нем нечто очень личное, но в то же время – глубоко человеческое. Хавьер предчувствовал всеобщую любовь и обожание публики. Однако, дочитав, он не улыбнулся, не нахмурился, спокойно свернул газету и положил рядом – туда, где на кожаном сиденье горел солнечный луч.

Он размышлял, как статья повлияет на его дальнейшую жизнь. Очевидно осложнится общая ситуация; сравнительная анонимность его персоны останется в прошлом, свобода действий будет ограничена. Все это было неизбежно. Хоть и случилось намного раньше предполагаемого срока. Но ничего, он приспособится. В худшем случае вся эта история – всего лишь временное неудобство. А может, даже повод немного поразвлечься. В конце концов, еще никогда прежде мексиканская пресса не уделяла столько внимания молодому картелю вроде «Лос-Хардинерос». Понадобились годы неустанной работы, прежде чем простые обыватели всерьез заговорили о Пабло Эскобаре и Эль Чапо Гусмане, зато и по сей день в народе прославляют эти легендарные имена за щедрость, даже несмотря на головокружительное падение в конце карьеры.

По-настоящему тревожило Хавьера только одно: мысль о возможном предательстве Лидии, передавшей в газету его стихи. Ничего подобного он не ожидал и потому чувствовал в груди неприятное трепетание. Но потом вдруг понял, что возможна и другая ситуация, в которой его любовь по-прежнему хранила верность. Может, публикация – это искренний порыв души, напоминание о том, какой он человек на самом деле. Может, это ее подарок.

Лидия прекрасно знала Хавьера и его первую реакцию предсказала абсолютно точно.

Но тем же утром, в нескольких милях от города, в огромном поместье с ослепительным видом на бирюзовое море, статью прочитала жена Хавьера. Она никогда не была красивой, но старательно поддерживала образ женщины, чья природная красота якобы постепенно увяла с годами. Платина волос, немного туши на ресницах и со вкусом подобранная помада, грудь, омоложенная искусным кроем дорогого белья, блестящие квадратные ногти, лишь слегка розовее натурального оттенка. До этого она три года не курила, и вот в руке у нее опять дрожала ментоловая сигарета, дымившая завитками. У женщины было имя, но по нему к ней очень редко обращались. Чаще говорили Мами, или Донья, или Королева. Достигнув определенного возраста, она убедилась в том, что каждый новый день приносит с собой очередную, прежде неизвестную печаль, но в то же время твердо верила, что в мире не осталось ничего, что еще могло бы ее удивить. Сомкнув губы, она втянула ментоловый дым, и тонкие морщинки вокруг ее рта на мгновение превратились в рытвины. На сигаретном фильтре остался след от золотисто-коралловой помады; женщина выпустила дым через плечо. К ней беззвучно приблизилась горничная с беспокойным лицом и налила в опустевшую чашку свежий кофе. Над пестро-голубым горизонтом кружились чайки. Рядом шелестела бугенвиллея. Сохраняя молчание, женщина перечитала статью Себастьяна в третий раз. Она была взволнована. Мысли, которые когда-то пришлось похоронить во мраке собственной совести, на страницах газеты неожиданно образовали полноценную историю, рассказанную во всеуслышание беспристрастным языком черно-белой хроники. В то утро жена Хавьера была на взводе и не успела толком оправиться после одного потрясения, как тут же случилось новое: дочь Марта позвонила домой из частной школы в Барселоне, чтобы задать матери единственный вопрос – простой, но таивший разрушительную силу невероятной мощи. *«Мами, это правда?»* – спросила она. Жена Хавьера не сумела оказать дочери необходимую в такой момент поддержку и в том, что произошло дальше, винила себя до конца своих дней.

Три дня спустя, накануне празднования пятидесятилетия Йенифер, декан частной школы в Барселоне позвонил в Мексику и сообщил, что Марту только что обнаружили мертвой в ее комнате; она повесилась на

решетке кондиционера, соорудив петлю из вязаных колготок своей соседки. В предсмертном письме на имя отца было лишь одно предложение:

«Еще одна смерть ничего не изменит».

Где-то на окраине Гвадалахары, вдохнув сладковатый запах шоколада, Лидия замерла на месте. Она прикрыла рот рукой. Развернувшись, Лоренсо сказал:

– Ага, короче, дочь тоже прочитала статью твоего мужа.

– Боже мой.

– Ты не знала?

Лидия не смогла выдать ни слова.

– В общем да, кто-то отправил ей статью, она прочитала, взбесилась и покончила с собой. Оставила для папы предсмертную записку. Ну а потом началось. Именно из-за этого.

В уме Лидия судорожно пыталась сопоставить все известные факты, а юный *sicario* продолжал:

– Именно поэтому он и свихнулся. Сказал, что ты его предала, что во всем виноват твой муж и что все вы поплатитесь. Был не в себе, короче.

– погоди, остановись.

Мозг Лидии переполнился. Новая информация в него просто не проникала. *Марта*. В памяти всплывали картины из прошлого и лопались, как мыльные пузыри. Однажды Хавьер сидел в книжном магазине и разговаривал по скайпу с дочерью, которой на следующий день нужно было сдавать экзамен. Она очень переживала, а он пытался по-отцовски ее подбодрить. Потом он сквозь смех рассказывал, как Марта подарила ему на пятидесятилетие тренажер «кузнечик». Хавьер попробовал из вежливости, а потом весь день ходил с больной спиной. Он всегда настаивал, что в жизни совершил лишь один хороший поступок – привел в этот мир Марту. *Es mi cielo, mi luna y todas mis estrellas. Мои небеса, моя луна и все мои звезды*. В груди у Лидии неприятно кольнуло.

– То есть Марта не знала? Про отца, про картель? – спросила она.

– Получается, нет.

– Да как же так?

Лидия засомневалась, но тут же поймала себя на лицемерии. Она ведь тоже когда-то не знала. Все ее представления о причинах и

следствиях неожиданно покачнулись и рухнули, как фишки домино.

– Не знаю. – Лоренсо пожал плечами. – Но он объявил твоей семье самую настоящую вендетту. Разве только пресс-релизы не рассылал, потому что в курсе были все хардинерос. Обычно когда появляется какая-то работа, о ней знает только тот, кто будет ее выполнять. Но тут все было по-другому. Все знали, и не только в городе, но во всем Герреро.

Лидия с трудом сделала шаг, за ним второй, но мозг ее по-прежнему дымил, как перегревшийся двигатель. Она была ошарашена. Все это время у нее в мыслях звучал один и тот же дурацкий, совершенно бессмысленный припев: *этого не должно было случиться, этого не должно было случиться*. Где-то был просчет. Какое-то упущение. Раз за разом она проигрывала в голове разговор с мужем накануне публикации. Себастьян спросил, не лучше ли на всякий случай спрятаться на пару дней в отеле.

– Нет, думаю, с нами и так все будет в порядке.

– Сто процентов?

– Да. Сто процентов.

Слова, от которых теперь негде было спрятаться. Они постоянно снились ей по ночам. Выворачивали нутро без всякой передышки. Ну не глупость ли, что она всегда так ненавидела эти поездки в отель: не хотела дергать Луку, не хотела, чтобы он пропускал школу, и не хотела, чтобы книжный магазин терпел убытки. Она не хотела нарушать привычный распорядок дня. Искренне верила, что Хавьер не станет вредить ее семье. Теперь она бы отдала что угодно, лишь бы вернуться в тот вечер и ответить на вопрос Себастьяна иначе. Проглотить свои слова, не дать им прозвучать. *Сто процентов*. Какое высокомерие, какое безрассудство! Конечно, просчитать каждую возможность она не могла. Но почему не спохватилась раньше? Пусть она не предвидела точного исхода событий, но ведь можно было предположить, что случится нечто непредсказуемое? *Почему, почему, почему?* Лидия чувствовала себя разбитой на мириады осколков, которые держались вместе только благодаря какой-то временной уловке гравитации. Одно неверное движение – и все рассыплется.

Конечно, новость о смерти Марты меняла все. Абсолютно все. Немного успокоившись, Лидия заметила, что недавнее потрясение перетекает в совсем иное чувство, которое она немедленно погнала от

себя прочь. *De ninguna manera*^[72]. Переживать о мертвой дочери Хавьера она не собирается. И даже не станет называть ее по имени. Ей нет никакого дела до страданий этого человека. В гостинице «Дукеса Империял» осталась его записка со словами: *«Мне очень жаль, что нам пришлось все это пережить. Теперь мы навечно связаны общим горем»*. Нет и еще раз нет. У него совсем не такое горе, как у нее. И сострадания он от нее не дожидается.

Вместо этого Лидия разозлится. Станет живым воплощением ярости, бурлящей в ней с тех самых пор, как в одночасье, по злобной прихоти Хавьера, она потеряла всю свою семью. Она пойдет вперед, а он пусть остается; с собой она унесет имена шестнадцати убитых родственников. Невинные жертвы, все до единого. Особенно Себастьян. Честный человек, который просто делал свою работу.

Она составит список, и будет его повторять, и навсегда запомнит эти имена. Себастьян, Йеми, Алекс, Йенифер, Адриан, Паула, Артуро, Эстефани, Нико, Хоакин, Диана, Висенте, Рафаэль, Люсия и Рафаэлито. Мама. Еще раз. Муж, сестра, племянница и племянник, тетя, двоюродные брат и сестра, их прекрасные дети. *Мама*. А потом еще раз и еще раз.

Лоренсо что-то говорил, но Лидия его не слышала: слова тонули в круговороте повторяющихся имен. Надо отойти от него подальше. Пристроиться к Луке и взять его за теплую ладошку.

Отныне эти имена – ее молитва.

Дорога вывела их в более оживленный район, и теперь на пути им встречались любопытные собаки, дети на велосипедах и матери с колясками. Заметив мужчину в белой ковбойской шляпе, который ехал верхом на стареньком пони и говорил по мобильному телефону, Лука рассмеялся. Потом он увидел девочек, не многим старше Ребеки и Соледад, которые стояли вдоль железной дороги по двое и по трое. Они носили одежду, напоминавшую нижнее белье Мама, а на ногах – белые туфли на высоком каблуке или сапоги до колена. У них были ярко-розовые губы, и когда мимо проходили мужчины, девочки обращались к ним, говоря с тяжелым центральноамериканским акцентом. Они приглашали соотечественников на пиво, или на перекур, или просто отдохнуть. Лука понимал, что с ними что-то не так: внешний вид, одежда, ленивые позы, которые выглядели особенно странно на фоне общей дневной суеты. Но мальчик не понимал, в чем

именно было дело. Не понимал разницу между мужчинами, которые в ответ лишь с грустью качали головой и отводили взгляд, и мужчинами, которые смотрели с вожделием и присвистывали, а потом скрывались за дверями в обнимку с юными разодетыми девушками. Лука попытался расспросить Мами, но та лишь отмахнулась и покрепче сжала его руку.

Им все чаще попадались группы мужчин в униформе; заметив мигрантов, они настораживались, но всякий раз, когда это случалось, Данило снимал с плеча мачете и, не доставая из ножен, начинал размахивать им на ходу. При этом он искусно расшаркивался, изображая некое подобие танца, и запевал во весь голос: «¡Guadalajara, Guadalajara! Tienes el alma de provinciana, hueles a limpio, a rosa temprana...»^[73] Переключившись на этот спектакль, мужчины в униформе быстро теряли интерес и возвращались к своим делам; к тому моменту, как они добрались до Ла-Пьедреры, Лидия насчитала как минимум семь раз, когда Данило спас таким образом им жизнь. Она схватила его за руку и от души поблагодарила, но тот лишь отмахнулся и пожелал им счастливого пути. Развернувшись, он побрел домой и снова запел: «¡Guadalajara, Guadalajara! Sabes a pura tierra mojada»^[74].

– Вот бы дойти с ним до самого севера, – сказала старшей сестре Ребека, провожая взглядом Данило.

– Я о тебе позабочусь, – встрял Лоренсо.

Сестры повернули головы и взглянули на него.

– Не надо, у нас и так все в порядке, – ответила Ребека. – Но спасибо.

Лоренсо молча пожал плечами, но Соледад, и прежде не отличавшаяся деликатными манерами, больше не могла терпеть этого бандита. Она пошла в наступление:

– Ты еще здесь? Мы что, приглашали тебя с собой? А то я что-то не припомню.

– Слышь, девочка. *Cálmate*^[75]. Нам ведь всем по пути, нет?

– Точно?

– Блин, а что, Гвадалахара – это теперь твоя собственность?

Повернувшись к Ребеке, Соледад сказала: «Пойдем», и обе девочки зашагали прочь вместе с Лукой. Лидия не тронулась с места.

Она понимала, что прямо сейчас Лоренсо может достать из кармана телефон и позвонить Хавьеру. Он может свернуть ей шею, сделать фото и получить огромную награду. Убив ее, он станет для «Лос-Хардинерос» героем. Но в то же самое время, кто знает, может, подо всей этой ребяческой крутизной скрывается маленький мальчик, испуганный и одинокий, который просто хочет убежать. В таком случае, если уж за все это время он ни разу не попытался их убить, он может рассказать еще что-то полезное о картелях. Он уже оказался полезен, и Лидии хотелось бы снова его расспросить, попытаться еще что-нибудь из него выудить. Лука и девочки стояли возле поворота и смотрели на них. Сын держал Ребеку за руку. Жизнь теперь текла так быстро и одновременно так медленно, что Лидии постоянно не хватало времени обдумать свои решения. Приходилось полагаться на чутье, а чутье подсказывало, что от этого парня нужно держаться подальше.

– Можно задать тебе еще один вопрос? – сказала Лидия.

Лоренсо пожал плечами.

– Думаешь, он по-прежнему нас ищет?

– *Sin duda alguna.*

Без сомнения. Вполне ожидаемый ответ, который, впрочем, не принес Лидии утешения. Тело ее налилось свинцом.

– Но здесь для нас безопаснее, да?

За плечами у Лоренсо висел рюкзак-мешок. Парень прищурился и посмотрел по сторонам.

– Вот уж не знаю, – ответил он. – Конечно, если сравнивать с Акапулько, то да.

– Но он имеет влияние в других местах?

– *Claro que sí*^[76], теперь картели гораздо плотнее сотрудничают, чем до его прихода. У него есть влияние. В зонах соперников.

– Каких?

– Не знаю. Я что, похож на гребаного эксперта?

«Ну как бы да», – подумала Лидия. Она задумчиво скривила рот:

– Я просто хочу понять, какой маршрут самый безопасный.

– Насколько понимаю, безопасных маршрутов нет. Вам просто надо бежать со всех ног.

Она взгляделась в его широкое молодое лицо. У него были припухшие веки и мягкий пушок над верхней губой. На одной

скуле виднелись рубцы от угревой сыпи. Суший ребенок. Который убил как минимум трех человек.

– Лоренсо, ты ведь никому не расскажешь? – спросила Лидия.

Она попыталась поймать его взгляд, но парень смотрел в сторону.

– Не-а, я ведь уже сказал. С прошлым покончено. Я все. – Он засунул руки в карманы шорт.

Лидия с сомнением кивнула:

– Спасибо.

– *Ni modo*^[77].

Развернуться к парню спиной оказалось не так-то просто, поскольку Лидии по-прежнему было страшно. Внезапный шок: лезвие ножа прорезает ее плоть, вонзается в позвоночник. Ее бездыханное тело валяется возле железной дороги.

– *Suerte*^[78], Лоренсо, – с этими словами она зашагала прочь.

Когда Лидия догнала Луку и сестер, удержаться, чтобы не обернуться, стало еще труднее; однако она понимала: парень может расценить любой любопытный взгляд как слабость или приглашение, поэтому она ограничилась тем, что представила себе, как его фигура растворяется позади. Перед глазами у нее стояла картина: Лоренсо тайком следует за ними, держась на расстоянии, но Лидия не поворачивала головы, чтобы проверить свои подозрения. Она шла и шла вперед – *adelante*, подгоняя сына и девочек. Лишь много часов спустя, на пороге мигрантского убежища, Лидия позволила себе остановиться. Перед тем как закрыть за собой дверь, она позволила взгляду скользнуть по пустынной дороге, задержаться на каждой тени. И возблагодарила Бога. Лоренсо нигде не было.

Все четверо были совершенно вымотаны. В Гвадалахаре мигрантов встречали хорошо, и Лука, вспоминая о скромном героизме Данило и конфетах «Херши», никак не мог вместить в свое сознание, откуда столько доброты в случайных прохожих. Казалось невероятным, что хорошие люди – так много хороших людей – существуют в мире, где кто-то расстреливает целые семьи на праздниках, а потом стоит над трупами и жует курицу. Когда Лука пытался сопоставить эти явления, его охватывало мучительное смятение.

В убежище Ребека и Соледад по очереди охраняли друг для друга дверь в ванную. Какая же это роскошь – стряхнуть с себя пыль дорог, хорошенько намылиться и встать под теплые струи воды, наблюдать,

как под ногами собирается темно-коричневая грязная лужа, а потом закручивается и навсегда исчезает в сливном отверстии. Соледад нравилось представлять себе, как молекулы воды несутся по водосточным трубам, перемешиваются и рассеиваются, вливаются в другие трубы, бегущие под улицами города, набирают силу и скорость, с шумом устремляясь к неизвестному пункту назначения. Ей нравилось думать, что грязь, которую она смывает с кожи, постепенно растворяется в воде, пока не перестанет быть грязью.

Соледад сохранила мобильный телефон, который дал ей Иван, но не пользовалась им, потому что на счете не было денег. Но если бы и были, девочка все равно не стала бы его трогать по двум причинам: во-первых, из всех ее знакомых только у кузена Сесара был мобильник, а во-вторых, как и Лидия, Соледад боялась, что через этот телефон Иван сумеет ее разыскать. Поэтому аппарат служил не только хранилищем фотографий, но напоминанием о том, как далеко она продвинулась вперед, и обещанием лучшей жизни, когда она доберется до севера.

После душа управляющий спросил у девочек, не хотят ли они воспользоваться переговорной комнатой, чтобы позвонить или написать имейл; невозможно передать, насколько сестер воодушевили его слова. Неужели они смогут наконец позвонить *papi*? Ребеке никогда прежде не доводилось пользоваться телефоном, подносить к уху трубку и слышать на другом конце знакомый голос родного человека. Соледад никогда не звонила сама. Такое привычное современному миру удобство девочкам представлялось настоящим чудом.

– И как этим пользоваться? – спросила Ребека, когда управляющий проводил их в тихую комнату и закрыл за ними дверь.

Соледад нахмурилась и сказала:

– Позови Луку.

В крошечной комнате располагались стол, компьютер с мерцающей лампочкой, офисный стул и небольшой диван с цветочным узором на обивке. Рядом с монитором стоял телефон. Вскоре Ребека вернулась с Лукой, который сразу устроился за компьютером; спросив у сестер название отеля, где работал их отец, мальчик тут же разыскал нужный номер. Он записал его на странице желтого блокнота и собрался уходить, но Соледад попросила его набрать номер.

– Как зовут вашего отца? – услышав в трубке гудки, Лука прикрыл динамик ладонью.

– Элмер, – ответила старшая сестра. – Спроси Элмера Абарка Лобо, на главной кухне.

Мальчик так и сделал и уже хотел передать трубку Соледад, когда раздался голос администратора:

– Простите, но Элмер сегодня не на работе. Подождите минутку. – Голос женщины на мгновение пропал, а потом вновь зазвучал четко: – Могу я узнать, кто звонит?

– Со мной рядом его дочери, я просто набрал для них номер.

– Понятно.

– Погодите, я передам трубку Соледад.

Девочка заняла место Луки; ее лицо озарилось взволнованным предвкушением. Она надеялась, что *papi* на них не сердится. Что он понимает, почему им пришлось уехать именно так, без предупреждения, толком не попрощавшись. Все эти недели ее преследовала мысль о том, как *papi* возвращается вечером в темную квартиру, измотанный после двойной смены в ресторане, и находит ее записку. Соледад пыталась не думать о том, какие страдания причинил отцу их внезапный отъезд. Закусив губу, она сказала:

– Алло?

– Алло, – послышался голос администратора. – Вы звоните Элмеру? Вы его дочь?

– Да, это Соледад. Он на месте? Можно с ним поговорить?

– Боюсь, Элмер сейчас не на работе, Соледад.

Девочка поникла плечами и откинулась на спинку стула.

– Ладно, – сказала она. – А можно оставить ему сообщение? Оно очень важное, и я не знаю, когда в следующий раз нам удастся воспользоваться телефоном. Я здесь вместе со своей сестрой Ребекой. Мы хотели ему передать, что у нас все хорошо.

– Соледад, – произнесла женщина.

Всего одно слово. *Соледад*. Но в этих трех слогах, произнесенных неуверенным тоном, прозвучало нечто такое, от чего у девочки что-то оборвалось внутри. Она выпрямилась на стуле.

– Прости, но, боюсь, твой отец теперь нескоро выйдет на работу.

Схватившись за край стола, Соледад повернулась спиной к сестре. Лука взялся за дверную ручку и собрался уходить, но старшая сестра

взяла его за плечо. Она сидела с открытым ртом, но не пыталась задавать вопросы, которые прояснили бы ситуацию. Она не хотела знать.

– Соледад, мне очень жаль, но с твоим отцом произошел несчастный случай. Нет, не случай. Твой отец, он... он в больнице.

Сведя колени, девочка вскочила на ноги, офисное кресло отъехало назад.

– Почему? Что случилось?

Ребека тоже встала, и Лука подошел к ней ближе.

– Он жив? – спросила Соледад.

– Сейчас его состояние, кажется, стабильно. Это последнее, что мы слышали, – негромко ответила администратор.

Соледад глубоко вздохнула. *Стабильно.*

– Но как это случилось?

– На него напали по дороге на работу, на прошлой неделе.

Девочка хотела снова опуститься в кресло, но то стояло у стены, и она едва не шлепнулась на пол. Лука подкатил его обратно, и Соледад села.

– На него напали с ножом, – продолжала женщина. – Мне очень, очень жаль.

– В какой он больнице?

– В центральной. Соледад, я очень тебе сочувствую.

Девочка повесила трубку. Луке потребовалось меньше минуты, чтобы разыскать телефон Государственной больницы Сан-Педро-Сула. Он вновь набрал номер, но на этот раз поставил звонок на громкую связь, чтобы все слышали. За 1360 миль от приюта мигрантов, в шестиэтажном здании зеленого цвета, в отделении интенсивной терапии медсестра в чистой белой форме и с голубым стетоскопом на шее ворвалась в сестринскую комнату и бросила на захламленный стол карточку с анамнезом. Лука, Ребека и Соледад услышали, как она подняла трубку, и придвинулись поближе к телефону.

– У вас лежит мой отец. – Соледад слышала в ушах эхо собственного голоса, осипшего и мутного. – Его зовут Элмер Абарка Лобо. На его работе мне сказали, что он у вас с прошлой недели.

В больнице на заднем плане слышалось щелканье и пиканье. Чьи-то голоса. Детский плач. Медсестра ответила не сразу.

– Алло? – сказала Ребека.

– Минутку, я ищу.

Она перебирала и перелистывала папки и карточки.

Рука Соледад взметнулась вверх и накрыла руку сестры. Кожа вокруг костяшек натянулась и побелела.

– Женщина с его работы сказала, что его пырнули ножом.

– А-а-а! – Словно медсестра сразу вспомнила. – Да, конечно. Элмер. Он у нас. Боюсь, не в самой лучшей форме, но сейчас стабилен. Он потерял много крови.

Свободную руку Ребека прижала ко рту. Соледад впиалась пальцами в подбородок.

– Можно с ним поговорить?

– Нет, сейчас он без сознания. Вы можете сюда приехать?

Ребека покачала головой, а Соледад сказала вслух:

– Мы не в Гондурасе. Мы в Мексике.

Ребека обратила внимание на другое.

– А как понять «без сознания»? Что это значит? – спросила она.

– Это значит, что мы погрузили его в сон из-за сильных повреждений в мозгу. Ему придется поспать, пока мы пытаемся справиться с отеком и последствиями травмы.

Соледад согнулась пополам, накрыв грудью колени.

– Повреждения в мозгу? Я не понимаю, – выговорила Ребека.

– Да, – подтвердила медсестра. – Его ударили ножом в лицо.

– Боже мой.

Девочки заплакали. Лука все быстрее переминался с ноги на ногу, а потом, попятившись от телефона, прислонился спиной к стене рядом с дверью.

– Один раз в живот и два раза в лицо, – объяснила медсестра.

Она понимала горе дочерей, но знала, что должна поставить их в известность, и лучше поскорее – одним махом, будто пластырь сорвать, – и перейти к той части разговора, когда все ужасы уже известны и можно начать их осмысливать.

– Самая серьезная рана пришлась на правую часть подглазничной области...

– Подглазничная область? – переспросила Соледад. – Что это такое? Пожалуйста, говорите попроще.

Даже у самой закаленной медсестры в самом жестоком городе мира возникли бы трудности с изложением подобных деталей.

- Глаз, – пояснила она.
- Его ударили ножом в глаз?
- Да.
- Боже мой, – повторила Ребека.
- Да, – сказала медсестра.

Потом она рассказала, что Элмер хорошо устроен в палате, находится в стабильном состоянии и пробудет в медикаментозной коме до тех пор, пока врачи не решат, что пробуждение будет безопасным. Никто не знает точно, сколько это продлится. Медсестра предупредила, что рана тяжелая и существует вероятность необратимых повреждений мозга. И что оценить даже приблизительный ущерб в настоящий момент невозможно – нужно дождаться окончания первого этапа лечения.

– Девочки. – Было слышно, как на другом конце провода закрылась дверь и все посторонние звуки смолкли. – Вы знаете, кто это сделал с вашим отцом?

Всхлипнув, Соледад ответила:

– Да, думаю, что да.

Глаза Ребеки потемнели и округлились. На лице собралась грозовая туча.

– Слушайте меня, – сказала медсестра. – Очень внимательно слушайте.

Ребека и Соледад с трудом дышали, обеих колотила дрожь.

– Не смейте сюда возвращаться. Даже и думать забудьте. Понятно?

У девочек были мокрые от слез лица. Ребека громко шмыгнула носом; из груди у нее вырвался сдавленный крик.

– Здесь он получает самый лучший уход, слышите? – Голос медсестры тоже дрогнул. – И мы делаем все возможное, чтобы он пошел на поправку. Если вы вернетесь, просто чтобы сидеть в комнате ожидания и в слезах заламывать руки, а потом вас тоже пырнут ножом в глаз, этим вы отцу не поможете. Слышите?

Ребека и Соледад молчали.

– Сколько вам лет, девочки?

– Пятнадцать, – сказала Соледад.

– Четырнадцать, – сказала Ребека.

– Очень хорошо. Ваш *papi* хочет, чтобы вы дожили до ста лет, понятно? Но если вы вернетесь, этого не случится. Езжайте дальше.

Все трое услышали, как медсестра в Государственной больнице Сан-Педро-Сула прочистила горло.

– Меня зовут Анхела, – сказала она. – В следующий раз, когда доберетесь до телефона, позвоните мне. Я расскажу, как обстоят дела.

– Спасибо, – поблагодарила Ребека.

Женщина прокашлялась и добавила на прощание:

– Я передам ему, что вы звонили.

Повесив трубку, ребята некоторое время молчали. Соледад то вставала, то садилась, снова вставала и снова садилась – и так раз десять. Ребека сидела на краю дивана и рвала в клочья бумажный платочек. Лука не шевелился. Он надеялся, что сестры просто забудут о нем. Не станут с ним разговаривать и ни о чем просить. Ему нужно было выйти из этой комнаты, но тело его не слушалось. Его Папи умер. Мальчик дотронулся до красного козырька отцовской бейсболки. Представил его себе в бабушкином дворике – не на больничной койке, без медсестер, без пиканья устройств, которые могли бы спасти ему жизнь. Лука словно воочию видел, как в полной тишине собирается в лужу кровь. Он стоял на месте, пытаясь слиться со стеной.

Вскоре в дверь постучали. Соледад этот стук обрадовал, позволив на миг отвлечься от ужасных мыслей. Она открыла дверь.

– Заканчиваете? – На пороге возник куратор убежища в компании еще одного мигранта. – Когда тут очередь, мы даем не более пятнадцати минут.

– Да, простите, – ответила Соледад. – Мы сейчас выйдем.

Пока куратор закрывал за собой дверь, Лука успел выскользнуть наружу. Сестры остались внутри.

– Прости, – прошептала старшая.

– За что? – Младшая оторвалась от изтерзанного бумажного платочка.

– Прости. Прости. Это я во всем виновата. Прости меня.

Ребека стремительно подбежала к сестре и заключила ее в объятия; своим радужным браслетом она примяла угольные волосы сестры, все еще влажные после душа.

– Тс-с-с, – убаюкивала Ребека.

– Это я во всем виновата, – раз за разом повторяла Соледад.

Наконец Ребека отпрянула и хорошенько встряхнула сестру за плечи.

– Не говори ерунды! Никто не виноват. Кроме этого чертова *hijo de puta*^[79].

Соледад только сильнее съежилась в объятиях Ребеки.

– Мне пришлось сделать ужасный выбор, – сквозь слезы сказала она. – Либо Папи, либо ты. Я знала это с самого начала. Знала, что, если мы уедем, Папи окажется в опасности. Иван меня предупреждал. Только я не думала, что он все-таки решится. Надеялась, что уеду и тогда он...

Заканчивать мысль она не стала, потому что теперь ее надежды не имели никакого значения. Она ошибалась. Сестры сделали два судорожных вдоха в унисон, после чего Ребека утерла глаза Соледад большими пальцами.

– Прекрати. Завязывай с этим, Соле. Папи принял бы такое же решение. И он поймет, какая ты молодец, – сразу, как только придет в себя. Вот увидишь.

Развернув чистый бумажный платок, Соледад промокнула лицо. Потом высморкалась. И ответила:

– Да. Ты права.

– С ним все будет в порядке.

– Обязательно будет.

Тем временем в Сан-Педро-Сула в палату Элмера, где стояла плачущая тишина, вошла печальная сестра Анхела, обутая в белые кроссовки. Она, конечно, знала, как его зовут: при нем в кошельке нашли удостоверение личности. Но до сегодняшнего дня никто к нему не приходил, никто о нем не спрашивал. Порой так даже лучше: можно ухаживать за пациентом, помогать ему справляться с болью, лечить его измученное тело без дополнительного груза родственного горя. В этом городе Анхела проработала медсестрой достаточно, чтобы знать наверняка: зачастую страдание семьи превосходит по силе страдание самого пациента.

В отделении в тот вечер было достаточно спокойно, поэтому, записав показания приборов и поменяв дренажный мешок, Анхела решила немного посидеть с Элмером. За окном еще не стемнело, но медсестра все равно зажгла настольную лампу – в ее мягком сиянии было что-то умиротворяющее. Прикрыв ненадолго глаза, женщина заговорила. Ее коллеги давно таким не занимались – слишком обременительно. Слишком тяжело. Только Анхела продолжала так

делать. Насилие в этом городе уже давно не поддавалось никакому осмыслению. Бесконечное кровавое соревнование, отвратительная борьба между бандами. Отделения интенсивной терапии всегда были забиты, но в моргах людей было еще больше. Многие медсестры пытались справляться с ужасом с помощью черного юмора. Они придумали тайную шкалу оценок, где каждому пациенту присваивался смайлик, обозначающий шансы на выживание. Анхела не осуждала своих коллег. После смены всем нужно было возвращаться домой, к детям. Все хотели сохранить свою семью. Ужинать за общим столом и приглашать на пиво соседей. Однако, проработав на этой должности почти двадцать лет, Анхела так и не научилась отстраняться. И не очень-то пыталась.

Она придвинула стул к постели Элмера и взяла его за руку – очень осторожно, чтобы не сорвать капельницу. Большим пальцем она легонько поглаживала ему ладонь.

– Элмер, сегодня звонили ваши дочери, – вполголоса начала Анхела. – Соледад и Ребека сейчас в Мексике, и у них все хорошо. С ними все в порядке, Элмер, они едут на север.

Чуть позже в тот же вечер, когда, пережив удар первого потрясения, сестры стали понемногу приходить в себя и свыкаться с бременем ужасных новостей, на пороге убежища возник Лоренсо. Лидия как раз помогала с ужином: стояла у плиты и перемешивала в гигантской кастрюле фасоль – и тут увидела парня за открытой дверью, ведущей в просторную столовую. Издалека он не производил такого устрашающего впечатления, как в момент знакомства на поезде. Он казался ниже ростом и совсем не таким мускулистым. Его лицо теперь выглядело таким же измученным, как и у остальных мигрантов; он был рад оказаться под крышей, где гостей встречал аромат горячей еды. Тем не менее Лидия машинально отпрянула от двери, пока Лоренсо не успел ее заметить, и уронила в чан с фасолью деревянную ложку.

– *Carajo!* – громко выругалась она.

На мгновение Лидия сомкнула веки и поджала губы. Старшая по кухне, заметив ее оплошность, успокоила Лидию и вручила ей щипцы – достать ложку из фасолевой гущи.

Затем Лидия помогала на раздаче: раскладывала фасоль по бумажным тарелкам; мигранты выстроились в очередь, как в кафе самообслуживания. Когда подошел черед Лоренсо, Лидия шлепнула ему на тарелку ложку фасоли, после чего парень, не глядя, кивнул и молча двинулся дальше. От его странного поведения Лидии стало еще страшнее. Может, она его обидела? И теперь он решил не давать им покоя?

– Хочешь добавки? – спросила она, но Лоренсо уже отошел к секции с рисом.

Лука и сестры стояли позади него, и, пока Соледад ждала своей очереди, она вдруг почувствовала, как в подмышку ей просунулась чья-то рука и ухватила за грудь. Прикосновение было проворным, как воробьиный скок. Девочка резко отпрянула и повернула голову, чтобы призвать обидчика к ответу, но за спиной увидела только троих мигрантов, которые стояли в кружок и смотрели друг на друга. Они были поглощены разговором и не обращали на Соледад никакого

внимания, поэтому вычислить хватавшего она не смогла. Безразличие мужчин казалось настолько убедительным, что девочка начала сомневаться, не померещилось ли ей. «Нет, – сказала она себе, – я не сумасшедшая». Стиснув зубы, она сцепила на груди руки. Ее ссутуленная поза выражала настороженность.

После ужина мигранты собрались перед телевизором в общей комнате – все, кроме Лоренсо. Лидия не могла понять, что чувствует в связи с его отсутствием – тревогу или облегчение. Скорее всего, и то и другое. Ей хотелось постоянно держать его в поле зрения и в то же время больше никогда не видеть.

От просмотра новостей все отказались сразу, поскольку те слишком напоминали реальную жизнь; включили «Симпсонов». Дома Мами не разрешала Луке смотреть этот сериал, потому что считала Барта грубияном и боялась, что сын усвоит фразочки типа «*cómete mis calzoncillos*»^[80]. Вот только Мами не знала, что всякий раз, когда ее не было дома, Лука с Папи нарушали ее запрет. Папи, скинув обувь, растягивался на диване, шевеля под носками пальцами ног, а Лука ложился сверху, будто накрывая отца одеялом, и Папи гладил мальчика по спине. Это был их тайный обычай. Они подражали голосам персонажей и всегда имели под рукой пульт – на случай, если Мами неожиданно вернется и нужно будет срочно переключать на детскую передачу *Arte Ninja*. Луке совсем не хотелось смотреть «Симпсонов» в этой комнате с кафельными стенами и флуоресцентными лампочками, где все сидели обутые на складных стульях, скрестив руки на груди. Чтобы это вынести, мальчик три раза расшнуровал и зашнуровал свои кроссовки. Когда серия закончилась, Мами предложила сестрам прочитать молитву на четках за скорейшее выздоровление их отца. Она рассчитывала, что заодно немного успокоится и развеет перед грядущим сном тревогу. Все четверо отошли к столу в дальнем углу комнаты; к ним присоединились еще несколько женщин. Ребека и Соледад были благодарны, а Луке молитва впервые не казалась тяжелой обязанностью. Он слушал пение женщин. Первым вступил одинокий голос Мами:

Благословенна Ты между женами.

Ей ответил хор голосов:

Молись о нас, грешных, ныне и в час смерти нашей.

Аминь.

Otra vez^[81].

Лука отсчитывал молитвы на бабушкиных четках из синих самоцветов. Он так сильно сжимал бусины пальцами, что у него образовались вмятинки на коже. Интересно, а бабушка так когда-нибудь делала? Сколько раз она перебирала своими старыми руками эти четки? Когда Луке пришла в голову эта мысль, он почти смог услышать голос бабушки в общем хоре: «*Santa María, Madre de Dios*». В горле у мальчика застрял комок, и теперь он не мог произнести ни слова, не мог соединиться в молитве с остальными, но это было не страшно: слушать молитву – тоже способ обратиться к Богу, к тому же Лука чувствовал, как от четок к его пальцам стремится, пульсируя, живительная сила. Эти четки были словно соединительная нить: если ухватиться за них покрепче, не потеряешь связь с бабушкой, с Адрианом, со всей семьей. С Акапулько, с маленькой комнатой, где есть лампа в форме футбольного мяча и одеяло с гоночными машинами. С домом. Прикрыв глаза, Лука слушал череду молитв, связующую его с Папи.

Ребека и Соледад теперь выглядели по-другому, они сутулились и не поднимали головы. Когда мальчик очнулся от своих мыслей и открыл глаза, он сразу узнал эту позу. Ее с недавних пор часто принимала Мама, и Лука про себя называл это «изломом горя». Он глубоко сочувствовал мукам, выпавшим на долю сестер и мамы, и просил Бога облегчить им страдания.

В ту ночь он спал самым лучшим сном – без сновидений.

Никто не проговаривал вслух намерение держаться вместе до последнего, но все четверо чувствовали это интуитивно. С ними происходило так много всего, что каждый новый час в дороге казался годом. Но их связывало нечто большее. Единство пережитой травмы, разделенный опыт, который невозможно описать словами. Что бы ни случилось дальше, никто другой не смог бы по-настоящему понять, каким тяжким было это паломничество, какие персонажи встречались им на пути, как их неустанно сопровождал страх, как их пожирали горе и усталость. Не смог бы понять их общей решимости двигаться на север. Все это так сплотило девочек и Лидию с сыном, что они стали друг другу почти родными. Кроме того, более эгоистичная и расчетливая половина Лидии надеялась, что два лишних человека придадут их компании еще один слой маскировки и помогут сбить с

толку тех, кто заподозрил бы в ней ту самую пропавшую вдову репортера. Перед сном Лидия закрыла в своем сознании самую уродливую дверь и разрешила себе поразмыслить о будущем, о Соединенных Штатах. Вместо Денвера ей виделся маленький белый домик с толстыми саманными стенами, стоящий посреди пустыни. Ей вспомнились фотографии Аризоны: кактусы и ящерицы, поджаренный солнцем красный пейзаж и горячее синее небо. Она представила себе, как Лука – с новой стрижкой и чистым рюкзаком на плечах – садится в желтый школьный автобус и машет ей из окна. Затем в белом доме возникла третья комната для сестер. Соледад с новорожденным, возможно девочкой. Запах подгузников. Купание в раковине на кухне.

Все они мечтали отделаться от Лоренсо, в особенности Лидия. Не будь его, они бы, может, задержались в убежище еще на день-два. Но хоть в доме мигрантов было удобно и все четверо были переутомлены, они поднялись затемно. Очень осторожно, не издавая ни звука, девочки и мать с сыном проскользнули мимо двери в мужскую спальню. Они отправились в путь еще до рассвета.

Лидии страшно хотелось как можно скорее выбраться из Гвадалахары, и не только из-за Лоренсо. Этот город был словно венерина мухоловка; торопливо шагая по синим улицам, они не раз видели тому подтверждение. Мигранты попадали в Гвадалахару проездом по пути на север и находили тут радужный прием, возможность немного передохнуть и отдышаться вдали от ужасов железной дороги; многие решали задержаться на денек, чтобы восстановить силы. Потом еще на три. И еще на сто. Вон там, растянувшись на куске картона в углу парковки, спали босая мать и маленький ребенок в грязной одежде. А вон там, вцепившись в коричневый бумажный пакет бог знает с чем, лежал мальчик-подросток со стеклянными глазами, побитый и исколотый. Там, там и там, в укромных переулках, пошатываясь на высоких каблуках, стояли совсем еще юные девчонки, посверкивая в темноте белками ярких глаз. Воздух постепенно наполнялся светом; Лидия подгоняла Луку и сестер к железной дороге, подальше от убежища.

Соледад и Ребеку, напротив, стали посещать сомнения: стоит ли двигаться вперед; прошлым вечером одна женщина в убежище рассказала, что скоро они попадут на территорию штата Синалоа,

который среди мигрантов славился двумя обстоятельствами: частыми похищениями девушек и могуществом местного картеля. С другой стороны, невозможно было добраться до севера, миновав места с подобной репутацией, а тихоокеанский маршрут они выбрали как самый безопасный. То есть, вероятно, впереди их ждал наиболее опасный отрезок наиболее безопасного маршрута; да и вообще, чем скорее они отправятся в путь, тем скорее он останется позади. Соледад испытала новый прилив решимости: она ни за что не допустит, чтобы ее *папи* пострадал напрасно. Теперь девочка отчаянно стремилась поскорее добраться до севера, построить там себе великолепную жизнь, достойную тех жертв, на которые пришлось пойти ее семье.

Поэтому, двигаясь на северо-запад вдоль железнодорожных путей, они ощущали постоянно растущую тревогу и все время прислушивались, надеясь, что из-за спины вот-вот раздастся шум поезда. Лидия все чаще нервно оглядывалась, и, когда поезд наконец подъехал, все четверо легко забрались на него, без колебаний и лишних слов. Осознав этот факт, Лидия испугалась.

– Мы ведь даже не раздумывали, сразу прыгнули, – обратилась она к Соледад, надежно привязав Луку к решетчатой крыше.

– Мы становимся профессионалами, – ответила девочка.

Лидия покачала головой:

– Нет, мы становимся равнодушными.

– Но ведь это нормально? Привыкать к таким вещам? – Соледад нахмурилась. – Мы приспособливаемся.

Лидия потрогала густые волосы, торчавшие у Луки из-под отцовской бейсболки. Слишком длинные. Она обернула черный завиток вокруг пальца, и нежность этого момента мгновенно перенесла ее в сад матери. Лидия склоняется над безжизненным телом мужа, чувствуя, как в колено впивается металлическая лопатка. Она касается его лба, и жесткие волосы, которые по-прежнему растут из его фолликул, щекочут ей запястье. Себастьян пользовался шампунем с ароматом мяты. К горлу Лидии подкатил одинокий всхлип и тут же потонул в грохоте дороги. Она отвела взгляд от сына и снова посмотрела на Соледад.

– Теперь перед каждым прыжком я буду напоминать, чтобы ты боялась, – сказала она девочке. – И ты тоже мне напоминай: это ненормально.

– Это ненормально, – кивнула Соледад.

Светало. На горизонте протянулась бледно-рыжая лента, но там, где железная дорога соприкасалась с небом, по-прежнему держались сумерки. На крыше поезда сидела горстка людей, совсем немного по сравнению с предыдущим днем; возможно, причиной тому был ранний час, но Лидия лишь укрепилась в мысли, что Гвадалахара отсеяла часть их попутчиков. По мере того как поезд удалялся от города, у Лидии в груди разрасталось нечто вроде облегчения. Полчаса спустя пейзаж оккупировали приземистые колючие растения, тянувшиеся по обе стороны путей на многие мили вокруг. Их серо-зеленые листья трепетали, будто море вскинутых рук. Возле небольшого городка с ухоженными домиками в старинном стиле поезд сбросил скорость. Лидия почувствовала сладкий, насыщенный аромат забродившей агавы. Текила. На соседнем вагоне двое мигрантов спустились по боковой лестнице и стали ждать подходящего момента для прыжка. Лука хотел за ними проследить, но поезд неожиданно завернул, и мужчины скрылись из виду; мальчику пришлось самому домыслить, что те успешно приземлились. Ему пришлось создать эту реальность собственным усилием воли.

Поезд гремял через Тепик, Акапонету, Эль-Росарио. Потом очень долго вокруг не было вообще ничего. Только трава, земля, деревья и небо. Одинокое здание, изредка – корова. Умиротворение, красота и свежий утренний воздух. В груди у Лидии предательски кольнуло счастье, она почувствовала себя туристкой, словно они с Лукой отправились в отпуск и теперь разглядывали экзотические пейзажи. Очень скоро это ощущение ушло.

Несмотря на то что расстояние между ней и Лоренсо все увеличивалось, Лидия по-прежнему с тревогой ощущала его присутствие. Ей не давала покоя мысль, что этот парень так легко, по чистой случайности нашел их. Ведь он даже не искал. А вот Хавьер искал, бросив на это все свои внушительные ресурсы и связи. Лидия повернулась к югу. Как глупо. Ведь не стоит же он на крыше поезда. Не подойдет к ней, поправляя на переносице очки. Нет, конечно, все будет иначе. Он не появится лично, такой улыбчивый, в кардигане, прижимая к груди томик стихов. Он пошлет за ними какого-нибудь безликого убийцу, мальчика в толстовке с капюшоном, который хладнокровно приведет в действие смертный приговор. Засадив пулю

в Луку, этот *sicario* даже ничего не почувствует. Может, она всего лишь белка в колесе. Лидия знала, что палач может находиться на том же поезде, но все же мечтала, чтобы он ехал быстрее, чтобы они сумели обогнать селфи с Хавьером, прыгавшее с телефона на телефон по всей Мексике. Лидия сгорбилась, сидя между сестрами. И просунула палец в обручальное кольцо мужа.

Возле крошечной деревушки, окруженной манговыми садами, «Ла-Бестиа» без предупреждения пересек границу штата Синалоа. Рядом с Лидией, подложив под голову рюкзак и оплетя пальцами решетку, лежала Соледад. Ее лицо залило болезненной серостью.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила женщина.

Она понимала, насколько неподходящими были эти слова, доставшиеся ей от предыдущей жизни. Но других она не знала.

Соледад открыла рот и снова закрыла, так ничего и не ответив, и лишь молча покачала головой.

– Когда я была беременна Лукой, от тошноты мне помогали оливки, – тихо сказала Лидия.

У нее в голове возник длинный список возражений. *Когда я была беременна Лукой, мне было не пятнадцать. Когда я была беременна Лукой, мне не пришлось проехать тысячи миль на крыше товарного поезда. Когда я была беременна Лукой, зачатие не случилось в результате изнасилования.*

– Оливки? – Соледад поморщилась.

Затем, повернув голову, она уложила подбородок на рюкзак и закрыла глаза, но это не помогло. После двух глубоких вдохов девочка бросилась к краю поезда; ее вырвало.

Глаза Ребеки в ужасе округлились. Передав Луке свой рюкзак, она подползла к Соледад и положила ладонь ей на поясницу. Она гладила сестру и ждала, пока прекратятся рвотные позывы.

Дорога спустилась к океану, и в воздухе запахло солью. Манговые рощи уступили место пальмам на песке; возле одной деревушки пара десятков мигрантов стояли большим лагерем. Заметив приближение поезда, они сперва обрадовались, но быстро поняли, что этот Зверь слишком быстрый и запрыгнуть на него не получится; мужчинам ничего не оставалось, как провожать грохочущий состав унылыми взглядами. Лука помахал рукой, и кое-кто ответил тем же. Большинство вернулись в жиденькую тень, чтобы продолжить отдых и

дождаться следующего поезда, но один мужчина все же решился попытать судьбу. Остальные наблюдали, как он рванул с места и побежал вдоль дороги. Мигранты кричали и ругались, образуя какофонию противоречивых советов. Парню удалось схватиться за одну из боковых лестниц, однако нижняя половина его туловища не поспевала за верхней. Рука была на перекладине, а ноги висели над землей. Наблюдавшие закричали еще истошнее и громче.

– Лука. – Мама попыталась отвлечь внимание сына, но тщетно: тот вытянул голову и завороченно следил за болтанием несчастного парня. Как и остальные.

Было очевидно, что у него ничего не получится: подтянуться из такого положения просто невозможно. Зацепившись рукой за Зверя, он стал заложником его скорости. Все смотрели затаив дыхание. Мужчина задрал голову к небу, и Лука увидел выражение его лица, увидел, как решимость сменяется принятием. Он выпустил перекладину не сразу, оттянув неизбежное на один короткий миг; у Луки сложилось впечатление, что он смаковал момент – последние несколько секунд, когда его жизнь еще сохраняла цельность. Наконец силы его оставили, и мигрант сорвался вниз. Поначалу еще была надежда, что он приземлится рядом с путями. Иногда такое случается. По счастливой воле физики и биологии. Но нет. Мужчину сразу затянуло под колеса Зверя.

Сквозь шум поезда прорвался истошный крик. Лука оглянулся и увидел, как мигранты сбились в кучу на дороге, вокруг изувеченного тела. Лидия не стала плакать, но помолилась за несчастного. Помолилась о том, чтобы он не выжил после падения, чтобы Господь сжалился и подарил ему быструю смерть. С еще бóльшим усердием она затем помолилась о том, чтобы этот случай, каким бы ни запомнил его Лука, не причинил сыну вреда. Без сомнения, такими темпами даже очень выносливый ребенок однажды достигнет предела, когда распад личности уже нельзя будет остановить.

– Не волнуйся, золотко, – сказала Лидия. – С ним все будет в порядке.

– Но, Мама, его разрубило пополам! – возразил Лука.

– Ничего, врачи все поправят. – Ее голос звучал беспечно.

Как и любая мать, Лидия умела разыгрывать перед детьми абсолютную уверенность в своих словах. То была тяжелая броня

материнской лжи. Затем, выждав ровно одно мгновение, она повернулась к Ребеке и сменила тему:

– А что вы, девочки, планируете делать на границе? Знаете, как перебраться?

– Да. Наш кузен уехал в прошлом году, сначала в Аризону, а оттуда на машине в Мэриленд. Теперь он там живет, и мы собираемся остаться у него. Едем по тому же маршруту, с тем же койотом.

– А как ваш брат нашел койота?

Лидия раз за разом убеждалась в бесполезности своего образования; на дороге ценилась совершенно другая информация, к которой у нее доступа не было. Среди мигрантов абсолютно все знали больше, чем она. Где вообще искать койота? И как убедиться, что он надежный? Как заплатить за переправу? И сделать это так, чтобы тебя не надули?

К счастью, осведомленность Ребеки не знала границ.

– Куча людей из нашей деревни обращались к нему. Нам его посоветовали. Потому что выбирать кого попало нельзя. Сначала тебя ограбят, а потом продадут какому-нибудь картелю.

Лидия в жизни не видела ни одного койота. Вполне возможно, что она никогда не видела даже людей, которые видели бы хоть одного койота.

– Вам тоже стоит договориться с нашим человеком, – заметила Ребека. – Если, конечно, у вас уже нет кого-то на примете.

– Никого. – Лидия покачала головой.

Ребекка улыбнулась:

– Тогда мы могли бы пойти вместе. Мой кузен Сесар говорит, что этот парень – лучший в своем деле. Всего два дня пешком, а на третий, уже по ту сторону границы, их подобрал фургон и отвез в Финикс. Там всем выдали билеты на автобус, и мигранты разъехались, кому куда надо. Недешево, конечно, зато безопасно.

– А сколько он берет? – спросила Лидия.

Младшая сестра взглянула на старшую, которая по-прежнему лежала, положив подбородок на сцепленные руки. Ребека гладила ее по спине.

– Сколько он берет, Соле?

– Четыре тысячи за одного, – ответила Соледад, не меняя позы, не размыкая век.

Лидия удивилась.

– Я была уверена, что это стоит намного дороже. Десять тысяч песо как минимум.

– Долларов. – Голос старшей сестры приглушал рукав футболки. – Четыре тысячи долларов.

Dios Santo. У Лидии перехватило дыхание. Она принимала доллары в книжном магазине и примерно знала, какой сейчас валютный курс, но такие суммы ей и не снились. Она с трудом произвела мысленные подсчеты. Дорого, конечно, но им хватит, денег у них полно. Еще немного даже останется, чтобы встать на ноги по ту сторону границы. Но потом Лидия вспомнила речь падре в Селае. *Абсолютно каждого из вас ограбят. Каждого. Даже если вы сумеете доехать до севера, по прибытии в ваших карманах будет пусто – это я вам обещаю.*

Но все равно это здорово – иметь какой-то план, думать не только о сиюминутных проблемах с едой и ночлегом. Лидия не чувствовала себя готовой, но, по крайней мере, уже могла размышлять о будущем. Чего она точно не могла, так это оглядываться назад, и надеялась, что у нее и без этого получится двигаться вперед.

– И где вы встречаетесь с этим вашим койотом? Он вас ждет? – Лидия обращалась к Ребеке.

– Да. Его зовут Шакал...

Ну конечно. Разве могут койота звать Роберто, или Луис, или Хосе? К чему все это, если можно назваться Шакалом.

– ...и работает он в Ногалесе. Оттуда мы позвоним ему на мобильный телефон. Вот, смотри.

Ребека ослабила узелок радужного браслета, который носила на левом запястье, просунула палец в крошечную дырочку с внутренней стороны и выудила оттуда клочок бумаги с номером.

– Отлично. – Лидия кивнула. – Очень хорошо.

Теперь у них был четкий план.

Удивительно, но факт: даже в путешествии на крыше товарного поезда в какой-то момент ты начинаешь скучать. Их дни протекали поразительно монотонно. Пыхтение двигателя и скрип металла не смолкали ни на секунду, поэтому очень скоро мигранты вообще переставали их слышать. В городах, когда поезд притормаживал или останавливался, мигранты спрыгивали, запрыгивали, а потом все продолжалось по новой. Солнце взбиралось высоко в небо и

обрушивало вниз сияние, от которого кожа так нагревалась, что слегка начинала пахнуть горелым; яркий свет выбеливал все краски пейзажа.

Масатлан поезд проехал без остановки, и дорога снова потянулась вдоль океана; песок и морская синева напомнили Луке о доме, но вместо радости он ощутил опустошение. Когда поезд направился вглубь материка, оставляя пляж позади, мальчик вздохнул с облегчением. Но потом снова потянулись монотонные часы, размытое пятно коричневых, зеленых и серых оттенков, так что Лука почти обрадовался, когда за несколько миль от Кульякана вдруг послышался крик. Одиноким голос повторял раз за разом, будто сирена: «*La migra, la migra!*»

Мигранты наскоро похватили свои вещи; кое-кто не стал тратить время даже на это – взглянув на клубы пыли от приближавшихся фургонов, они кинулись на противоположную сторону крыши и попрыгали вниз.

– Давай, Соледад, просыпайся! – В голосе Ребеки звенела паника. – Нам нужно уходить!

Поезд сбросил скорость, но не остановился, и мужчины на крыше решили не ждать. Они кинулись врассыпную. Устремились прочь.

– ¡A la mierda con esto!^[82] – выругалась Соледад, закидывая на плечи рюкзак.

– Мама, что происходит? – спросил Лука.

Теоретически для него и Лидии миграционная полиция не представляла никакой угрозы. Они были мексиканские граждане, их нельзя было депортировать в Гватемалу или Сальвадор, и, в отличие от большинства попутчиков, они находились в стране на законных основаниях. Поездка на крыше вагона считается мелким нарушением. Но, может, все дело было во всеобщей панике, в ее заразительности. Впрочем, нет: Лидия просто *знала*. Она понимала: эти люди приехали сюда не для того, чтобы наводить порядок или исполнять закон. Животный страх, порождаемый лишь глубинным инстинктом, подсказывал, что гражданство никого не защитит. Им грозила смертельная опасность – Лидия чувствовала ее кожей, кончиками волос.

Фурунны окружали поезд, словно стая хищников. Внутри сидели вооруженные мужчины в масках. Дрожащими руками Лидия

схватила за пряжку на ремне сына, но отстегнуть его у нее получилось только с третьего раза.

– Мами? – Голос мальчика превратился в писк.

– Нужно бежать, – прохрипела Лидия.

Вдоль путей по бездорожью неслись три черно-белых фургона с огромными перекладинами вдоль кузова, выплевывая из-под колес пыль и куски щебня. В каждом кузове стояло как минимум четверо *agentes*^[83], и еще несколько человек сидели внутри; все они были вооружены до зубов, как будто собирались на войну. Лука тарасился на них с открытым ртом. Одеты мужчины были одинаково: тяжелые ботинки, наколенники, шлемы, гигантские шипованные жилеты из кевлара, перчатки, черные балаклавы, скрывавшие лицо, и затемненные черные маски, за которыми не было видно даже глаз. По всему телу к одежде крепилось оружие, а через плечо висел здоровенный автомат. Лука и представить не мог, зачем гоняться за мигрантами со всем этим снаряжением; еще он подумал, что под такой экипировкой отличить сотрудника *la migra* от переодетого наркодельца просто невозможно. С другой стороны, думал мальчик, может, между ними и вовсе нет никакой разницы: оружие – оно и есть оружие. Тут он намочил штаны.

Никто не обращал на это внимания. Мигранты переваливались через край поезда. Все лестницы были забиты, и кое-кто решил не дожидаться своей очереди и прыгал прямо с крыши; видя, как они приземляются, Лука содрогался от ужаса. Один мужчина так и не поднялся после прыжка. Он корчился от боли, вцепившись руками в сломанную ногу. При ударе о землю многие теряли равновесие и вскрикивали, но возвращаться в форму приходилось очень быстро. Пошатываясь, они снова набирали скорость. У Луки накопилось много вопросов, но он понимал, что сейчас не время их задавать; он слушал Мами и исполнял ее указания. До лестницы они добрались последними, и единственным утешением было то, что теперь она опустела: никого из мужчин не осталось; окинув взглядом поле, Лука увидел, как они мчатся вприпрыжку, словно зайцы, – но тщетно. Мальчик видел, что все тщетно. Потому что *la migra* выбрала идеальное место для атаки: вокруг были одни поля, ничего кроме полей, и все сжатые, голые, бурые и плоские. Мигрантам некуда было бежать, вне зависимости от того, насколько они умные или быстрые.

Стоило им сойти с поезда, и они были обречены. Поблизости не было ни города, ни здания, ни дерева, ни куста, ни ямы. Скрыться было негде. Лука открыл было рот, намереваясь сказать матери, что, может, им лучше остаться на месте, как вдруг поезд резко затормозил, и все они покачнулись; Ребека не смогла удержаться на лестнице, и Соледад бросилась за ней, но поймала ее не за руку, а за волосы, которые в суматохе выбились из пучка. Она подтянула сестру обратно, и обе расплакались. Все четверо чувствовали, как в глотке стучит сердце, и в тот самый миг, когда поезд с рывком остановился, Лука решил промолчать.

Они побежали не потому, что надеялись уйти от преследователей, но скорее вопреки всей тщетности этой затеи; их подгонял ужас. Они бежали, потому что понимали: если их поймают, когда их поймают, все, чего они с таким трудом добились на этот момент, окажется впустую. Что бы ни пришлось пережить каждому из них, чтобы добраться сюда, – все это будет напрасным. Они понимали, что в лучшем случае их схватит человек, который подчиняется требованиям своей формы, который заключит их под стражу, оформит, перечеркнет весь проделанный ими путь и отправит обратно в начальную точку маршрута. Это в лучшем случае. С другой стороны, возможно, эта операция вовсе не была официальным мероприятием. Может, никто не планировал их оформлять, снимать отпечатки пальцев и возвращать домой. Причины погони могли быть куда более гнусными: похищение, пытки, вымогательство, фотография отрубленного пальца с угрожающей подписью, которую затем отправят родственникам на север. Медленная, мучительная смерть, если никто не заплатит выкуп. Подобных историй было столько же, сколько камней на этом поле. Все мигранты их слышали. Они бежали.

По мере того как они с сыном продвигались по вспаханной земле, в голове у Лидии не осталось ничего, кроме мысли о беге; бежали они на пределе возможностей. Сестры постепенно вырвались вперед. Лука старался изо всех сил, но его ноги были слишком коротки. Неважно. Пропыхтев, поезд остановился именно там, где было приказано, и фургоны теперь пересекали колею позади него; один *agente* заговорил в мегафон:

– Остановитесь. Вам некуда бежать. Братья мигранты, присядьте и переведите дух. Мы здесь, чтобы забрать вас. Мы заберем вас и без

вашего согласия. У вас есть выбор: обрадовать нас или разозлить. Братья мигранты, мы привезли еду и воду. Присядьте и дождитесь, пока мы вас заберем.

Этот бестелесный голос, исходящий из широкой груди мужчины в маске, разносился по голым полям в сопровождении повизгиваний мегафона; за всю свою жизнь Лука не слышал ничего более жуткого. Эти слова стремились лишить мигрантов сил, убедить их в собственной беспомощности, и на кого-то это подействовало. Группа беглецов поредела. Мужчины останавливались, подпирали руками бока и колени, хватались за грудь в попытке отдышаться. Они задирали к небу лица, и на них читалась смесь бессильного гнева, ужаса и смирения. Они садились на землю, вытянув перед собой ноги, и накрывали головы ладонями.

На Луку этот голос оказал обратный эффект: он не сник, но побежал еще быстрее. Он вспомнил, как раньше *abuela* иногда просила его спуститься в подвал и принести из холодильника еще одну бутылку имбирного эля; мальчик понимал, что нужно просто пойти и сделать как сказано, но всякий раз очень боялся, потому что в подвале было жутко. Даже если включить весь свет и постоянно петь себе под нос, все равно на обратном пути, где-то на середине лестницы, тебя всегда догоняло это леденящее кровь чувство, будто кто-то идет следом, касается изгиба твоей шеи и вот-вот схватит за лодыжку и утащит в темную пропасть. Мегафон пробуждал похожее ощущение, только в тысячу раз сильнее, потому что на этот раз угроза была реальной.

Сжимая мамину руку, Лука бежал вперед в мокрых штанах и вспоминал ужасы, пережитые в зеленой душевой кабинке. Вдруг Мама вскрикнула, и тут же время словно замедлило свой ход: мамин вопль, как материальный объект, вспузырился, выпорхнул из ее рта, словно живая птица, и улетел куда-то прочь, но Мама осталась на месте.

Потом она отшатнулась назад и начала падать – все ниже и ниже. Повалилась на землю – очень, очень медленно. И Лука – поскольку он знал, как стреляют в людей; поскольку он только что видел, как много оружия у *la migra*; поскольку вся его родня погибла от пули – вполне разумно предположил, что Мама умерла. Зачем бы иначе ей так кричать? Зачем падать? Как же медленно тянулось время. Сначала мамины руки. Потом голова и плечо. Бежала она довольно быстро и потому буквально влетела в землю. Ее спина и зад. Колени. Вот она

стоит на коленях в грязи, и Лука больше не держит ее за руку. Она стоит на четвереньках. Мальчик хотел до нее дотронуться. Но боялся. Он боялся, что Лидия осталась в такой позе только из-за какой-то странной прихоти природы, что, если он нарушит равновесие, она повалится на землю и тело ее больше никогда не оживет. Но Лука поборол этот страх. Он потряс Мами за плечо и сказал:

– Мами, давай! Бежим!

Он заметил, что крови не было. Ни капли крови. *Gracias a Dios*. Мальчик снова мог дышать.

– Я не могу бежать, – ответила Мами. – Не могу. Прости, милый. Моя лодыжка.

Она поднялась. Лодыжка! Все дело было всего лишь в лодыжке. Мами попыталась на нее наступить. Больно. Но не чересчур. Сделав несколько шагов, она поняла, что бежать не сможет.

– Ладно, – сказал Лука.

У него взмогло лицо. Обернувшись, он увидел, что фигуры Ребеки и Соледад становились все меньше и меньше. В этот жуткий момент мальчик испытал эйфорию. Потому что голос Мами по-прежнему звучал, а сестры по-прежнему бежали вперед. Лука обхватил Мами за талию, и та накрыла его рукой. «Неважно, все это неважно, – думал Лука. – Главное, что с ней все в порядке».

Лидия прижимала лицо сына к бедру, чтобы тот не видел, как по ее щекам катятся слезы. Она еще не знала, что ее лицо плотным слоем покрывала грязь и что слезы уже оставили после себя предательские бороздки, которые выдадут, что она плакала, даже когда влага просохнет.

– Все хорошо, *tijo*, – сказала Лидия. – Мы имеем право здесь находиться, имеем право ездить по собственной стране так, как нам хочется. Мы мексиканцы. Они ничего нам не сделают. С нами все будет в порядке.

Лука ей поверил, но сама себя Лидия не убедила. Фургоны разъехались в разные стороны, чтобы согнать беглецов в кучу. Самый дальний уже поравнялся с сестрами и теперь зажимал их в кольцо.

– Братья мигранты, остановитесь. Присядьте и дождитесь, пока вас заберут.

Из ближайшего фургона выпрыгнул *agente* и подошел к Луке и Лидии, удерживая руку на большом автомате. Не говоря ни слова, он

махнул дулом в сторону, чтобы показать, куда надо идти.

Когда Лидия была подростком, у нее умер дядя, и тетя потом снова вышла замуж – за человека, который владел скотоводческой фермой в Халиско. На свадьбу они с родителями и сестрой два дня ехали по побережью, и Лидия до сих пор помнила чувство, с каким впервые ступила на территорию ранчо: в ушах у нее стоял ветер, и повсюду носились собаки, сгонявшие в стадо испуганный скот. Черно-белые псины-трудяги без устали нарезали гигантские круги, чтобы собрать встревоженных коров вместе. Коровы перетаптывались, то и дело беспокойно вздрагивая. Лидия помнила, как в тот день все восхищались этими собаками: какие же они веселые, как фыркают, как радостно носятся по кругу! И какая дисциплина! Как легко им все дается! И только Лидии было жалко напуганных коров. Казалось, все забыли, что они тоже животные. Это воспоминание вернулось к ней в тот самый момент, когда черно-белые фургоны брали в кольцо охваченных паникой мигрантов. Никогда прежде Лидия не сравнивала себя с животным, ни специально, ни по какой-то случайной ассоциации, так что это воспоминание теперь сопровождалось сокрушительной тоской. В этом поле все они походили на скот. Лидия чувствовала себя добычей.

Собрав всех мигрантов, включая Соледад и Ребеку, вместе, *agentes* погнали их к ближайшей асфальтированной дороге. После бега все были вспотевшие, взлохмаченные и запыхавшиеся. У сестер получилось убежать дальше остальных, прежде чем фургон перерезал им путь и заставил побежать назад. Младшая на секунду остановилась, опустила ладони на колени и попыталась отдышаться. Старшая сплюнула на землю. Все злились, сокрушались и не очень-то хотели слушаться, но, когда кто-то замедлял шаг, *agentes* грубо подталкивали его вперед. Лука пересчитал всех собравшихся, но не смог вычислить, удалось ли кому-нибудь убежать, потому что не знал, сколько беглецов было вначале. Но это неважно, подумал мальчик, потому что отсюда почти плоская бурая земля тянулась до самого горизонта. Никто не убежал. Рядом ковыляла Лидия, чувствуя, как острая боль в лодыжке постепенно переходит в ноющую пульсацию. Дойдя до обочины, все они принялись ждать, и никто не говорил им, чего именно они ждут и сколько это продлится. Двадцать три мигранта, и лицо каждого покрывало отчаяние, словно пыль. Все это время Лидия пряталась под

полями розовой шляпы и внимательно следила за *agentes*, пытаюсь разгадать истинную природу происходящего. Один из мигрантов потерял терпение. Слушаться он не собирался.

– *¿Quién está a cargo aquí?*^[84]

Всем велели сидеть, но мужчина встал и теперь через плечо охранявшего их бойца обращался к человеку, которого все мигранты приняли за главного. Тот сидел на задней дверце своего фургона, свесив одну ногу вниз и поставив другую на землю. Поза у него была расслабленной, поэтому все очень удивились, когда он вдруг поднялся и подошел к задававшему вопросы мигранту. Лидия наблюдала за ними затаив дыхание, потому что этот разговор мог предсказать, что их ждало в ближайшие несколько часов. Женщина не осознавала, что впиалась ногтями в плечо сына, пока тот не попытался высвободиться. Лидия разжала пальцы и виновато потеряла вмятины на коже Луки.

– Что тебе нужно? – спросил *agente*, подойдя к мигранту почти вплотную.

Сделал он это нарочно, в попытке уstrasить своего оппонента; Лидии его поведение казалось совершенным ребячеством, но весьма эффективным.

– Я гражданин Мексики. Вы не имеете права меня задерживать, – сказал мигрант. – Кто командует вашим нарядом?

Agente был выше ростом, и мужчине, обращаясь к нему, приходилось задирать голову; подбородок мигранта едва доставал до ворота кевларового жилета.

– Я командую, – ответил *agente*, а потом похлопал рукой по плечу ближайшего соратника и добавил: – И он командует. А видишь вон того парня? С автоматом? Он тоже командует. Все, кто одет так же, как я, все они командуют. Мы имеем право задерживать, кого нам хочется. Сядь-ка на место.

Спустя несколько минут и несколько едва слышных разговоров почти все *agentes* разбрелись по двум фургонам и разъехались; с мигрантами остались только пятеро бойцов. Вместе с двумя удалявшимися машинами исчезла надежда на то, что впереди мигрантов ждет невинное бюрократическое неудобство. Чем меньше формальностей, тем меньше свидетелей. Пленники с беспокойством переглядывались, но послушно сидели на местах. Даже если бы оставшиеся *agentes* не имели при себе такого тяжелого снаряжения и

даже если бы кто-то все-таки решился на побег, бежать было попросту некуда. Из-за этого обстоятельства появление наручников вызвало недоумение и тревогу. Это были не настоящие наручники, а тонкие хомутки из пластика. Сперва Лидия надеялась, что связывать будут только мужчин. В дальнем конце шеренги их по одному стали поднимать на ноги и ощупывать в поисках оружия, мобильных телефонов и денег. У них отнимали рюкзаки, а потом заводили руки за спину и вешали на запястья хомут. Один пленник начал возмущаться, когда у него отняли деньги, и *agente* ударил его наотмашь рацией. Глаза Луки округлились.

– *Mijo*, смотри скорее! – Мама притянула его к себе и показала пальцем куда-то в небо. – Смотри, какое облако!

– Да, похоже на слона.

– Точно. А как думаешь, что он держит в хоботе?

Мальчик прищурился. Он понимал, что мать пытается его отвлечь, и понимал, зачем она это делает. Ей не хотелось, чтобы сын все это видел. Правда, Лука мог бы возразить, что ему приходилось видеть вещи и похуже, так что сцены вроде этой уже ничего не значат; но он понимал, что отвлекаться надо не только ему, но и матери. Ей было важно чувствовать, что она все еще может о нем заботиться, утешить его, какие бы зверства ни творились в этот самый момент на расстоянии вытянутой руки. Лука слышал, как после удара мужчина тихонько расплакался. Он не видел его лица и все равно знал: под носом у мигранта заблестела свежая полоска ярко-красной крови. Лука сосредоточился на облаке-слоне – не ради себя, но ради мамы.

– Мне кажется, он держит цветочек, – сказал он.

Мама прижалась к его щеке своей щекой.

– А мне кажется, он жмет лапку маленькой мышке.

Когда все мигранты мужского пола – девятнадцать человек, согласно подсчетам Луки, – были связаны, подошла очередь сестер. Сначала *agentes* хотели заняться Ребекой, но Соледад загородила ее своим телом.

– Всем хочется погеройствовать, – пробормотал один из них. Его напарник рассмеялся.

Они повернули Соледад спиной и долго ее ощупывали. Куда дольше, чем любого из мужчин. Задрав мешковатую футболку, которая тут же

вздулась от ветра, офицеры принялись разглядывать под ней. Запустили туда руки.

– Думаешь, она вооружена? – спросил напарник.

– У-у-у, еще как!

Надевая девочке наручники, агенты натянули ее футболку так, что спереди проступили очертания лифчика; лишнюю ткань они затолкали в пластиковый хомут между ее запястьями. В районе живота у Соледад обнажилась узкая полоска бронзовой кожи, и все мигранты в знак солидарности отвели глаза.

– Ну, вот так как-то получше, – заметил *agente*.

Он забросил рюкзак старшей сестры в багажник к остальным вещам, но, когда девочка собралась вернуться на свое место в шеренге мигрантов, боец схватил ее под локоть.

– Нет, ты сидишь здесь! – Он указал на раскрытую створку багажника.

Лицо Соледад сохраняло абсолютную бесстрастность. Она молча села, куда велели, и старалась не смотреть на Ребеку, пока ту ощупывали люди в форме. Вскоре младшую сестру подсадили к старшей, и девочки соприкоснулись плечами, утешая друг друга теплом своих тел. Настал черед Лидии. Ее повернули спиной к сыну и сняли с головы шляпу, чтобы получше рассмотреть лицо. Женщина сощурилась от яркого солнца, но шляпу быстро вернули на место и стали прощупывать ей грудь и поясницу. Спустившись к ногам, агенты обнаружили складной мачете и, посмеявшись, сняли его вместе с креплением. Потом один из них с грохотом швырнул нож в багажник к остальным вещам.

– Не волнуйся, *mijo*, все будет хорошо, – сказала Лидия, не глядя на сына.

Лука сидел со скрещенными ногами, упершись локтями в коленки. Соледад и Ребека молча взирали на мальчика, будто пытаясь наколдовать вокруг него защитный пузырь.

Один из агентов обратился к Лидии – без злобы, без враждебности, как она раньше разговаривала с банковским автоматом по телефону.

– Заткнись, – сказал мужчина и просунул руку ей между ног.

Шурша мизинцем по джинсовой ткани, он медленно прощупал ее промежность. Поджав губы, Лидия заплакала. Наблюдая за

происходящим, Лука подскочил на месте и приготовился встать, но тут его внезапно окликнул голос Ребеки:

– Можешь назвать третий по размеру город США?

– Что? – Мальчик растерялся.

Младшая сестра повторила вопрос.

– А, ну это просто. Чикаго. Вот когда дело доходит до пятого и шестого по величине города, тогда начинаются всякие трудности, потому что численность населения там скачет каждый год... Погоди, что? Почему ты спрашиваешь?

Ребека, сидевшая в наручниках на дверце багажника, лишь пожала плечами:

– Да просто интересно.

Вскоре с Лидией было покончено, и ее усадили обратно рядом с сыном.

– Ну, давай, старина. – Теперь они обращались к Луке.

Мальчик поднялся. Разведя в стороны руки и ноги, он превратился в живую букву «Х». Агенты стянули с него рюкзак и кинули в общую кучу. Мальчик не возражал. Вывернули наизнанку карманы. Мальчик не возражал. Сняли с головы красную бейсболку Папи.

– Какая крутая кепка. За «Янкис» болеешь? – спросил один мужчина.

– Я не могу ее отдать. Она папина.

– Да ну? И где же сейчас твой *папи*?

– Он умер. – Лука взмахнул этими словами, словно боевым топором.

Мужчина не выказал сочувствия, но кивнул и вернул кепку на место. Затем Лука развернулся к нему спиной и сложил руки, ожидая, что сейчас его тоже закуют в наручники. Агенты засмеялись.

– Ну нет, малец, тебе наручники не нужны. Это твоя *мама* вон там? Беги к ней.

Мальчик не понимал почему, но ему было стыдно остаться без наручников. Унизительно. Залившись краской, он сел на колени к Мама, чего не делал уже как минимум два года.

Вскоре на обочине возникли два фургона. Распахнув задние двери, полиция стала заталкивать мигрантов в грузовые отсеки. Ни сидений, ни окон там не было. Никаких спецзнаков снаружи – тоже. Лидия понимала, что все они, вероятно, умрут. Ее мозг бешено работал, но в то же время голова была абсолютно пуста. Лидия не вспомнила

подробности, точные числа и даты, но она думала об исчезновении сорока трех студентов на автобусе в Герреро в 2014-м. Об убийстве 193 человек в Сан-Фернандо в 2011-м. О 168 черепах, обнаруженных в Веракрусе всего несколько месяцев назад. Если они с Лукой пропадут без вести, кто-нибудь вообще заметит? «Мы уже пропали, – подумала Лидия. – Нас не существует». Посмотрев на сына, она увидела лишь маленькую черепную коробку, обтянутую кожей.

Сначала в темные фургоны согнали мужчин. Все они кое-как расселись на полу с заломанными руками, вытянули перед собой ноги и пытались удерживать равновесие, то и дело заваливаясь друг на друга. Кое-кто уже плакал. Потом в первом грузовике не осталось свободного места, и за мигрантами захлопнули двери. Лидию с сыном отправили во второй грузовик самыми последними. Ребека и Соледад по-прежнему сидели на багажнике полицейского пикапа.

– Там остались мои дочери. – Лидия обратилась к бойцу, который в тот самый момент пытался усадить ее в фургон.

– Твои кто?

Женщина указала подбородком на сестер.

– Это твои дочери?

Ответ на этот вопрос был очевиден им обоим: две девочки из Центральной Америки с выраженным гондурасским акцентом и с куда более темной кожей, чем у Луки, не были дочерьми Лидии.

– Да. Нам нужно быть вместе, – сказала Лидия.

– Там больше некуда, – ответил агент, усаживая Луку рядом с матерью. – Машина полная.

С этими словами он захлопнул левую дверцу, но Лидия успела вытянуть ногу, чтобы не дать ему захлопнуть правую.

– Пожалуйста, – сказала она, глядя на безмолвных сестер. Когда их взгляды на секунду встретились, на лицах девочек замелькали, будто стая потревоженных птиц, самые красноречивые эмоции. – Пожалуйста. Нам нужно быть вместе.

– Не волнуйся, – ответил агент, запихивая ногу женщины обратно в фургон. – Мы их подвезем.

Он захлопнул вторую дверцу, и Лидия почти обрадовалась наступлению темноты.

Лидия боялась, что их начнут убивать прямо здесь, в полной темноте, но еще страшнее была мысль о том, что ей придется увидеть, как страдает Лука. Еще она боялась, что эти люди, на кого бы они ни работали, сообразят, кого поймали, и расправятся с ней несколько иным способом. Даже если они не искали Лидию с Лукой целенаправленно, они могли случайно опознать ее, как это было с Лоренсо. Если они работали на какой-то картель – а на этот счет сомнений оставалось все меньше, – то необязательно быть союзниками «Лос-Хардинерос», чтобы увидеть в Лидии ценное приобретение. Ее могли использовать множеством разных способов: как разменную монету, искупительную жертву, издевательский трофей, демонстрацию силы перед конкурентами.

В кошельке у Лидии по-прежнему хранилось удостоверение избирателя. Ну почему? Почему она от него не избавилась? Если ей суждено выбраться из этого плена, первым делом она уничтожит эту дурацкую карточку. Расстанется со своим именем, как уже рассталась со всем остальным. Лидия снова подумала о Марте, висящей под решеткой кондиционера в далеком общежитии. Подумала о горе Хавьера. И хотя у нее и мысли не возникало о том, чтобы простить его, Лидия гадала: возможно, она могла бы вразумить Хавьера, достучаться до его опустошенной отцовской души. Вымолить жизнь для себя и Луки.

– Мама, мне страшно. – Лука прижался головой к ее плечу.

– Я знаю, маленький.

– Куда они увезли Ребеку?

– Не знаю, маленький.

Она прижалась головой к макушке сына, потому что никакого другого утешения предложить не могла. И старалась не думать о том, что сейчас происходит с сестрами. Ее тело содрогалось в отчаянных попытках отключить воображение. По спине бежали капельки пота, в нагретом кузове было очень душно и влажно. В воздухе густо висел запах ужаса. Но потом маленькая ручка Луки скользнула матери под волосы и обхватила ее затылок. Почувствовав кожей вспотевшую

ладошку сына, Лидия ощутила прилив уверенности. Они выживут. Обязаны выжить. В темноте она изогнулась всем телом и прижалась к Луке.

Когда дверцы фургона наконец распахнули, свет больно ударил по глазам. Все мигранты взмокли, от духоты и жажды у них кружилась голова. Штаны Луки так и не просохли: в фургоне было очень влажно. У затхлой мочи очень своеобразный запах, но никто не делал на этот счет замечаний. Возможно, Лука был такой не один. Мигранты ерзали задами, подбираясь к выходу, и пытались прыгнуть очень осторожно, чтобы не повалиться в кучу. И оказывались на бетонном полу. Над головой тускло светили флуоресцентные лампочки. Это был здоровенный ангар; на их надзирателях теперь не было формы. Лидии потребовалось несколько секунд, чтобы соединить в голове два эти факта. Не участок, не тюрьма, не миграционный центр, но какая-то вонючая неприметная дыра. *Mierda*^[85].

В одном углу висела раковина; мигрантам позволили подходить к ней по одному, чтобы глотнуть мутной воды, текущей из крана. У воды был привкус ржавчины и вареных яиц. Лука не смог дотянуться до крана.

– Простите, не могли бы вы меня развязать? Мне нужно помочь сыну, – обратилась Лидия к одному из надзирателей.

Не говоря ни слова, мужчина поднял Луку над раковиной, и тот сумел кое-как попить.

– Откуда эта вонь? – спросил вдруг мужчина и, поняв, что запах исходит от Луки, отбросил его в сторону со словами: – *¡Qué cochino!*^[86]

У Луки получилось не расплакаться. Он встал рядом с Мами. Потом всем велели опуститься на пол, и долгое время мигранты просто сидели вдоль стены и прислушивались к доносившимся звукам: равномерный звон воды, капающей из крана в грязную раковину, перестукивание каких-то металлических цилиндров, отрывочное перешептывание мигрантов, беспечные голоса мужчин, которые болтали и смеялись в соседней комнате. А еще они курили. Лука чувствовал запах дыма. Никто не жаловался и не задавал вопросов. Никто не шевелился. Некоторые мигранты тихо молились в унисон. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем где-то в стене поднялась дверь, и всем пришлось зажмуриться от неожиданной атаки

солнечных лучей. Внутри заехал фургон – тот самый, где хранились все их вещи; в багажнике спиной к кабине сидели Ребека и Соледад, по-прежнему в наручниках. Входная дверь быстро опустилась.

– Мами! Они здесь! – Лука уже хотел было подняться, но мать велела ему оставаться на месте.

– Лука, пока что не надо на них смотреть и не надо с ними разговаривать. Погоди немного. Давай сначала поглядим, что с ними.

Мальчик послушался, хотя до конца и не понял, что Мами имеет в виду. *Они здесь!* Он боялся, что больше никогда их не увидит. Мами наклонилась к нему в мутном свете лампочек. Ее лицо оказалось так близко, что у Луки не было другого выбора, кроме как посмотреть ей в глаза.

– Лука, мы имеем дело с очень плохими людьми. Понимаешь?

Мальчик плотно сжал губы и принялся изучать крошечный кусок резины, который торчал из подошвы его кроссовки. Мами продолжала:

– Нам нужно вести себя осторожно, не привлекать к себе лишнего внимания, понимаешь? Пока мы не поймем, что тут происходит, нужно сидеть тише воды ниже травы.

Лука потянул за кусочек резины, и тот оторвался.

– Договорились?

Мальчик ничего не ответил.

Лидию поразило, что сестры вернулись. Она тоже полагала, что больше никогда их не увидит. Наигравшись, мужчины могли продать их или убить. И, откровенно говоря, чего-то подобного Лидия как раз и ожидала – насколько вообще позволяла себе чего-то ожидать. Последние несколько часов Лидия держала эту мысль в безликом пространстве пустоты: в голове для нее не было места.

Выглядели девочки неважно. У Соледад был синяк под глазом и царапина на щеке. В спутанных волосах виднелись песчинки и камешки. У Ребеки была кровь на виске – тонкая багряная полоска. Губы у нее распухли и покраснели. Охранник по очереди подтянул девочек за лодыжки и перекинул на пол, словно мешки с рисом. Сестры не выказывали никакого сопротивления – ни голосом, ни лицом, ни телом. Обе они обмякли, не в силах даже дрожать. Приземлившись, девочки так и остались лежать на месте. Ребека тут же закрыла глаза. Соледад, напротив, даже не моргала. Она задрала подбородок, подалась вперед и стала осматривать шеренгу, пока не

увидела Луку, сидевшего чуть в стороне от остальных. Девочка легонько кивнула ему.

– Соледад! – негромко позвал мальчик, чтобы услышала только она.

Он неосознанно чувствовал, что необходимо назвать ее по имени, чтобы помочь ей вернуться в себя.

– Ребека! – сказал он затем.

Но младшая сестра лишь крепче зажмурила глаза. Она не была готова. Подтянув к груди колени, она спрятала за ними лицо.

Теперь пять мужчин, которые привезли сестер на джипе, стали как попало разгружать рюкзаки. Поверх темно-синей формы у них были надеты белые незаправленные футболки, и Лидия гадала: то ли они настоящие *agentes*, подкупленные картелем, то ли вся эта одежда и фургоны – просто маскировка и декорации. *Qué importa*^[87]. Стоя в кузове, мужчины скидывали вещи на пол в кучу. Лука уловил, что все мигранты насторожились и выпрямили спины. Воздух дрожал от напряжения. Из дальней двери к ним вышли еще несколько мужчин, после чего их главный встал перед шеренгой пленников. Другие обращались к нему «команданте».

– Среди вас есть граждане Мексики? – спросил он.

– Да, – ответила Лидия. К ней присоединилось еще три или четыре голоса.

Команданте шагнул к первому, сидевшему прямо возле Ребеки. Потрогав мыском ботинка его изношенную обувь, команданте спросил:

– Ты мексиканец?

– Да, сеньор.

– И не врешь?

– Нет, сеньор.

– Ты бы не стал мне врать?

– Нет, сеньор.

– Откуда ты?

– Из Оахаки.

– Из города Оахака?

Мужчина кивнул.

– И в каком же штате находится город Оахака?

После короткой заминки последовал неуверенный ответ:

– В штате Оахака?

– Правильно, *амиго*. Город Оахака находится в штате Оахака. Поздравляю. Ты, должно быть, хорошо учился в школе у себя в Оахаке.

Мигрант заерзал на месте.

– А значит, – продолжал команданте, – без труда назовешь имя действующего губернатора.

– Губернатора?

– Да, губернатора. Штата Оахака. Откуда ты приехал.

Мигрант снова замялся:

– Ну, м-м-м... у нас недавно были выборы. А предыдущий губернатор... его звали...

– Неужели ты не вспомнишь имя своего губернатора?

– Эсперанса?

Команданте повернулся к одному из своих охранников, который гуглил информацию в телефоне. Тот покачал головой.

– Губернатор Оахаки – Инохоса.

Команданте снова обратился к мигранту:

– Так-так. Что ж, может, попробуем еще раз? Откуда ты?

Мужчина сглотнул. И повторил очень тихо:

– Из Оахаки.

Команданте достал пистолет и выстрелил мигранту в лоб. Ребека задрожала всем телом. Лидия вскрикнула. Вся шеренга вскрикнула как один человек. Лука расплакался и застонал. Закрыв уши ладонями, зажмурил глаза и стал раскачиваться на месте, повторяя:

– Нет, нет, нет...

Команданте негромко откашлялся, и этот звук перекрыл весь гам, эхом разносившийся по ангару. Широко раскрытыми от ужаса глазами, с перекошенным ртом, Ребека уставилась на безжизненное тело. Глаза убитого все еще были открыты, когда он свалился ей на колени. Его кровь потекла на ее штаны. Девочка не шевелилась.

– Если кто-нибудь из присутствующих собирается сказать мне неправду, я настоятельно рекомендую ему еще раз как следует подумать, – предупредил команданте. – А теперь я спрошу еще раз: среди вас есть граждане Мексики?

Лука лихорадочно тряс головой, но Лидия глубоко вздохнула и сказала:

– Я.

В этот раз отозвалась только она одна.

Команданте развернулся и подошел к ней.

– Это твой сын? – спросил он.

Лидия не дышала.

– Мы приехали из Акапулько, штат Герреро, – начала она. – Губернатора зовут Эктор Астудильо Флорес. Столица штата – Чильпансинго.

Прежде чем Лидия успела что-то предпринять, Лука вскочил на ноги. Он по-прежнему дрожал, но выпрямил спину, задрал подбородок и прикрыл глаза. Звонким голосом он продолжил мамин рассказ:

– Несмотря на то что культурные влияния современного Акапулько прослеживаются до восьмого века нашей эры, когда на этой территории проживали племена ольмеков, статус важного портового узла этот город получил лишь в двадцатых годах шестнадцатого века, с прибытием Кортеса. Сейчас в Акапулько проживает около шестисот тысяч человек, а тропический климат с ярко выраженными сезонами дождей и засухи...

– Он это серьезно? – перебил команданте, глядя на Лидию.

– Да, – ответила она.

С улыбкой лицо мужчины казалось совершенно другим. И сейчас он улыбался Луке. Он был похож на дедушку. Корпулентный. С густыми, кустистыми бровями и мелкой сединой на висках. Этот мужчина только что застрелил связанного человека.

– Туризм – главная экономи...

– *Mijo*, перестань. – Это была Мамаи.

Лука захлопнул рот и вернулся к ней на колени. Усевшись боком, он почти полностью закрыл тело матери своим. Команданте склонился, положил руки себе на колени и спросил:

– Откуда ты все это знаешь?

Мальчик пожал плечами.

– Ты это придумал?

– Нет.

– И не врешь?

– Нет.

Если бы не обезвоживание, Лука бы снова описался. Он зарылся лицом в волосы матери.

Команданте выпрямился.

– Итак, вы из Акапулько?

Пути назад не было, и все равно Лидия замешкалась. Она уже раскрыла правду и теперь не могла просто взять свои слова обратно.

– Да, – подтвердила она.

– И почему же вы покинули столь славное местечко?

Команданте заглянул ей в лицо, и по его глазам Лидия поняла, что тот ее не узнал. Фотографию Себастьяна, убитого репортера, показывали на всех центральных каналах, но ее – нет. Не показывали и фотографии Луки, бабушки, Йенифер, кого-либо из шестнадцати зверски убитых членов семьи. Лидию могли раскрыть только по тому сообщению с селфи. Женщина глубоко вздохнула. Врать она не будет, но скажет лишь часть правды.

– В городе стало слишком много насилия, мы боялись за свою жизнь. Я больше не могла поддерживать свой бизнес.

– И поэтому решила уехать.

– Да.

– Чтобы найти для своего удивительного сына место получше. – Команданте посмотрел на Луку и сверкнул зубастой улыбкой.

– Да.

– Мудрое решение.

Лидия не ответила.

– Что ж, вставайте.

Лука поднялся, будто олененок, учащийся ходить, а затем помог Мами, которая никак не могла найти равновесие из-за связанных рук. Опершись на сына, Лидия наконец поднялась. Боль в лодыжке так до конца и не прошла, но заметно спала. Должно быть, небольшой вывих. Дома она бы, наверное, приложила лед и воспользовалась ситуацией, чтобы не готовить ужин. Отправила бы Себастьяна за пирогами.

– Кто-нибудь еще? – спросил команданте.

Ребека по-прежнему не сводила глаз с мертвого мужчины у себя на коленях. По лицу Соледад было видно, что она подумывает заговорить, но Лидия в ужасе дернула головой, призывая девочку молчать.

– Развяжите ее, – велел команданте одному из охранников.

Тот подошел к Лидии с острым ножом. Почувствовав кожей лезвие, она вздрогнула, но спустя мгновение раздался щелчок, и ее руки повисли свободно. На одном запястье у нее по-прежнему болтался

пластиковый хомут, и женщина протянула руку охраннику, чтобы тот срезал остатки. Поблагодарить его? Лидия ничего не сказала.

– Возьмите вещи, – сказал ей команданте.

Вместе с Лукой они откопали в общей куче свои рюкзаки. Она понимала, что искать мачете и чехол было глупо, но все равно проверила. Разумеется, их забрали.

– За мной.

Когда все зашли в кабинет, команданте велел матери с сыном сесть. Сам он опустил в мягкое кресло за старым металлическим столом. Перед ним лежала тетрадь, а на ней – золотая ручка с гравировкой. Эта ручка, обещавшая какие-то бюрократические формальности, настолько не вязалась с еще не остывшим трупом за дверью, что Лидия начала терять связь с реальностью. В голове у нее поплыло. Спору нет, это самое страшное, что когда-либо с ними случилось. Хотя нет, минутку. Всю их родню убили. Ничего страшнее быть не может. И снова Лука и Лидия оказались единственными, кто каким-то чудом сумел избежать всеобщей жуткой участи. Как так получалось? И когда закончится их везение? Может, прямо сейчас? Может, главарь сейчас узнает ее, откроет на телефоне ее фотографию и выстрелит ей в лоб в отместку за Хавьера? Лидия торопливо глотала воздух и никак не могла надышаться.

– Что ж, приступим, – объявил команданте.

Он выдвинул ящик стола и достал мобильный телефон; у Лидии в ушах молотком застучал пульс.

– Встань вон туда, к голубому плакату. – Мужчина указал пальцем на пришипленный к стене кусок картона.

Лидия просто смотрела на него, не желая повиноваться. Но и послушаться – тоже. Наконец она подошла, куда было велено, и команданте щелкнул камерой телефона.

– А теперь ты, – сказал он Луке.

Мальчик сделал, как велели, а потом снова сел рядом с Мами.

– У тебя есть удостоверение личности?

– Да.

– Покажи, пожалуйста.

В голове у Лидии по-прежнему звучало эхо выстрела, убившего мигранта из лже-Оахаки. Дрожащими руками она открыла рюкзак и достала оттуда кошелек. Вынула свое удостоверение избирателя –

подтверждение, что она гражданка Мексики и что именно за ней охотится Хавьер Креспо Фуэнтес. Удостоверение казалось одновременно спасательным кругом и подводной миной. Стараясь не касаться кожи команданте, Лидия положила карточку в его раскрытую ладонь. Тот щелкнул пальцами, чтобы женщина передала и кошелек тоже. Сфотографировав удостоверение, команданте положил его обратно в родной кармашек. Затем раскрыл главное отделение, вынул деньги и пересчитал: чуть меньше 75 000 песо, или 3900 долларов. Чтобы быть готовой к грабёжам, Лидия тщательно продумала, как лучше поделить и спрятать имевшиеся на руках наличные. В самом первом убежище один мигрант посоветовал ей разложить деньги по разным местам, чтобы, если ее ограбят – а точнее, *когда* ее ограбят, – преступники не смогли найти все. Так что треть сбережений она убрала в кошелек. Набралась вполне приличная сумма. Большинство людей, глядя на нее, вряд ли могли бы подумать, что у нее было что-то еще. Оставшиеся деньги Лидия разделила на десять одинаковых стопок по 15 000 песо и спрятала, куда только могла: одну зашила в лифчик под левой подмышкой, другую убрала под резинку трусов со стороны правого бедра. Третью покоила в банковском конверте на дне рюкзака Луки. Четвертую Лидия засунула под стельку золотых стеганых кроссовок бабушки. Теперь она, конечно, была рада, что додумалась это сделать, но в то же время с ужасом гадала, как ее накажут, если обнаружится остальное. Тем временем команданте открыл ящик стола и убрал бóльшую часть найденных денег в конверт. Остальное вернул в кошелек.

Лидия не верила своим глазам. *Что за чертовщина? У этого чудовища есть какие-то моральные принципы? Он решил оставить им часть денег?* Один охранник в углу никак не сводил с нее глаз. Тот самый, что чуть раньше искал в интернете имя губернатора Оахаки. Он внимательно разглядывал Лидию, пока начальник записывал в блокнот ее имя и размер изъятой суммы. Нахмурившись, команданте еще раз перечитал написанное и постучал ручкой по странице. Охранник откашлялся.

– Что, Рафа, что-то хочешь сказать?

Мужчина, все это время стоявший вразвалку у стены, тут же выпрямился и слегка покачал головой.

– У нее знакомое лицо, – сказал он. – Вы ее не узнаете?

Команданте оторвался от блокнота, чтобы получше рассмотреть пленницу.

– Да вроде нет. Скажи, мы можем тебя узнать?

У Лидии пересохло во рту.

– У меня просто такая внешность, – ответила она.

Команданте вернулся к своим бумагам, но охранник продолжал буравить взглядом ее лицо. По его выражению Лидия понимала, что в этот самый момент он роется в мысленной картотеке, пытаясь найти подходящую запись. Это читалось в его глазах, в изгибе рта, в настойчивости, с какой он на нее смотрел. *Где же я тебя видел?* От паники Лидию заколотило. Что бы ни значила вся эта процедура, Господи, сделай так, чтобы все закончилось быстро, прежде чем охранник ее вспомнит. Она слегка повернулась на стуле в попытке незаметно спрятать свое лицо. Наклонилась поближе к Луке, но все равно слышала, как тикает этот жуткий часовой механизм. Время, отведенное на анонимность, подходило к концу.

Но команданте, похоже, обо всем уже забыл.

– Как тебя зовут? – спросил он у Луки.

Тот искоса взглянул на Мами.

– Говори правду, – сказала Лидия.

– Лука Матео Перес Кихано.

– Сколько тебе лет?

– Мне восемь лет.

Под именем Лидии команданте написал: «+1», а потом добавил имя мальчика и возраст.

– В каком городе вы собираетесь жить?

– Мы пока не знаем, – ответила Лидия. – Может быть, в Денвере.

Команданте все записывал.

– Вы понимаете, что здесь происходит? – спросил он.

Лидия не знала, как ответить. Не хотела говорить «физическая расправа, похищения, вымогательство, изнасилования». Не хотелось говорить «зло и беззаконие». Или «верная смерть, если я поскорее отсюда не выберусь». Приемлемых ответов не существовало.

– Иногда мы сталкиваемся с печальными последствиями. – Команданте махнул рукой куда-то в сторону убитого мужчины и улыбнулся Луке, который смотрел на него пустыми глазами. – Но вы запомните эти последствия. И воспоминания помогут вам хранить

молчание, которое, в свою очередь, послужит залогом вашего благополучия.

Слово «благополучие» зазвенело у Лидии в сердце, как колокольчик. Она старалась держаться как можно спокойнее. Команданте надел на ручку колпачок, закрыл блокнот и, сложив над ним руки, наклонился поближе к Луке.

– Мой юный друг, в любом случае большинство этих людей – негодяи. Важно это понимать. Они не невинные овечки. А бандиты, наркоторговцы, воры, насильники и убийцы. Так и говорит президент на севере. Все они – плохие *hambres*.

Он искажил слово «*hombres*», как это делал президент США: желая назвать мигрантов «плохими людьми», он, сам того не понимая, назвал их «плохим голодом». Эта история превратилась в анекдот. Плохой голод. Команданте вернулся к основной мысли:

– Этим людям пришлось уехать, потому что на родине они попали в передрагу, понимаешь? Хорошие люди никогда не бегут.

Лидия смотрела, как Лука открывает рот, намереваясь что-то возразить. Каждой клеточкой своего тела она молила сына не делать этого. Лука закрыл рот.

– Тем не менее почти все будут в порядке, – продолжал команданте. – Кто-то сможет заплатить выкуп самостоятельно. Как вы. А у тех, кто не сможет, скорее всего, найдутся на севере родственники, готовые помочь. Они пробудут здесь пару дней, заплатят пошлину и продолжат свое путешествие. Понятно? Беспокоиться не о чем. – Он поднялся, но не стал выходить из-за стола. – Я надеюсь, мне не нужно объяснять, почему все случившееся должно остаться между нами.

– Нет, сеньор. – Лидия покачала головой.

– Не буду рассказывать, какие ужасы случаются с людьми, которые рассказывают в Синалоа всякие небылицы.

Лидия снова покачала головой. Да кому ей рассказывать?

– Очень хорошо. В таком случае наше сотрудничество подошло к концу. Рафа? – обратился команданте к охраннику, стоявшему у него за спиной. – Проводи наших гостей на выход и позови следующих.

Рафа отвернулся, тем самым усиливая надежду Лидии на избавление. Их отпускают на волю. Невероятно. Схватив сына за руку, она поднялась на дрожащих ногах. В углу позади стола оказалась металлическая дверь, которую Лидия не заметила. Сверху виднелся

тяжелый засов, но охранник вскинул руки и отворил его. Дернув за перекладину, он распахнул дверь, и в комнату хлынул дневной свет. Лидия шагнула навстречу чудесному сиянию.

Но Лука остался на месте, оттягивая ее руку назад.

– Милый, пошли. – В ее голосе слышались настойчивые, почти истерические нотки.

Она резко потянула сына за собой, но тот вырвался.

– Да что же ты делаешь? – Лидия схватила его за руку, взвинченная настолько, что сама готова была его убить.

– Мы не можем их тут оставить, – сказал Лука.

Сердце в его груди трепыхалось как птичка, напоминая того воробья, который однажды залетел в их квартиру через балконную дверь и никак не мог выбраться наружу; он все бился и бился о стекло, пока Папи не поймал его полотенцем и не выпустил на свободу. Сердце Луки пребывало в похожем состоянии ужаса, и мальчику казалось, будто стекло грудной клетки вот-вот разобьется и посыплется на пол – если только прежде не размозжит себя его окровавленное сердце.

Мать смотрела на него в ужасе. *Что он делает?*

– Лука...

– Нет, Мама. Они не смогут заплатить. У них нет денег.

Команданте снова плюхнулся в кресло, поставил локти на подлокотники и соединил пальцы домиком. Казалось, эта сцена его забавляет. Мальчик повернулся к нему:

– Что будет с теми, кто не сможет заплатить?

– Молодой человек, твоя преданность достойна восхищения...

– Что с ними будет?

Нечто жуткое мелькнуло на лице команданте, и Лидия вновь потянула сына за руку. Но потом мужчина смягчился:

– Все в порядке. Я не причиню ему вреда. Я уважаю его за смелость. Пожалуйста, сядьте.

Лидия взглянула на дверь. Только что та была открыта. Где-то там за порогом догорало предвечернее солнце, и мысль об утраченной свободе была совершенно невыносима. Но вот Лука снова сидел на стуле, и ему страшнее было бросать сестер, чем задержаться в этом кошмаре. Несмотря на все, что ему пришлось пережить, – а может, и благодаря этому – для мальчика голос совести оказался важнее

инстинкта самосохранения. «Если мы выживем, – подумала Лидия, – я буду очень собой гордиться». Она сжалась, словно потеряв в весе, и почувствовала, как в груди схлопнулись легкие; присев рядом с сыном, женщина пыталась скрыть лицо от охранника.

– О ком он говорит? – спросил команданте.

– О тех двух девочках, – ответила Лидия. – С радужными браслетами.

– Твой сын – удивительный молодой человек.

Принимать комплимент от этого человека было жутко.

– У этих девочек нет никого, кто мог бы помочь, – продолжала Лидия.

– Только мы, – подтвердил Лука.

Команданте тяжело вздохнул, постукивая ручкой по обложке блокнота.

– На открытом рынке мы бы выручили за них кругленькую сумму. Такие красотки! – Он присвистнул, а потом вновь взглянул на Луку: – Но я хочу вознаградить твою преданность и храбрость. Очень впечатляет. – Он сел прямо и обратился к Лидии: – У вас есть деньги?

Та заколебалась.

Команданте ухмыльнулся.

– Женщина, которая так выглядит, так говорит? У тебя наверняка есть деньги.

Лидия прикрыла глаза, и в темноте перед ней предстали Ребека и Соледад – какими она увидела их на мосту возле Уэуэтоки. Их певучие голоса, их болтающиеся ноги. Лидия видела их живость, их мужество. И тут же мозг показал ей белое кружево и пятно бордовой крови – праздничное платье Йенифер. Плач прорезал Лидии нутро, но не поднялся вверх. Она открыла глаза. И кивнула.

Команданте повысил голос:

– Рафа, приведи девочек. – И к Лидии: – Семьдесят пять тысяч песо.

Лидия разинула рот.

– За каждую.

То были почти все их сбережения. За одну сестру команданте просил больше, чем за них с Лукой вместе взятых. Лидия с дурнотой осознала: цена установлена заранее. Такова была расчетная стоимость человеческого капитала. Если не заплатит она, девочек купит кто-нибудь другой. И тут же Лидия представила, как резко возрастет ее

собственная цена, если тот охранник вдруг вспомнит, кто она такая. Вероятность подобного исхода, словно бомба с часовым механизмом, тикала в маленькой бетонной комнате.

Лука не сводил с нее глаз, и ради сына Лидия приняла решение:

– Мы заплатим.

Все, что осталось от семейных сбережений, – несколько жалких бумажек, которые команданте сунул в кошелек Лидии, взяв с нее плату за них с сыном. Всего 4941 песо, или 243 доллара. В обычной жизни это были бы вполне приличные деньги. На них можно было бы купить продукты на несколько недель, оплатить аренду квартиры, медицинские счета, бензин. Но теперь эта сумма казалась ничтожной. У них не осталось средств к существованию. Если они доберутся до севера, придется начинать с нуля. Им уже требовалось купить новую обувь: у Луки стоптались подошвы, а на золотых стеганых кроссовках бабушки расслоился мысок. 243 доллара минус новая обувь – это почти ничего. Лидия чувствовала себя нищей. Слава богу, в банке лежали бабушкины деньги, их хватит на оплату койота. Пока ни о чем другом Лидия думать не могла.

Когда охранник наконец распахнул дверь и все четверо, пошатываясь, вышли на свободу, ни о каких деньгах она не думала. Перед ее мысленным взором стоял Рафа, его пытливый взгляд, когда тот шарил в памяти в попытке вспомнить, кто эта женщина. Лидия знала, что охранника в любой момент может осенить: «*Dios mio*, да это же та самая женщина, которую ищут “Лос-Хардинерос”!»

Они побежали. Никто не знал, где они находятся и как далеко до ближайшего города или станции. Выбравшись из ангара в поля, они не уловили ни звука: ни отдаленного рокота паровоза, ни шума проезжающей машины. Все четверо побежали к уходящему сиянию, туда, где розовое после заката небо окрашивалось лиловым, к западу, по неровной земле, через выбоины, канавы и норки, прорытые невидимыми животными, по камням, корням и скрученным клубкам растений – в надежде выйти на дорогу, ведущую к северу. Всякий раз, когда Лидия подгибала ступню, боль в лодыжке возвращалась, поэтому она старалась бежать на прямых ногах. Сестры тоже прихрамывали, но Соледад летела, словно огненный шар, преодолевая боль. Лука подбадривал всех, словно запыхавшийся аниматор:

– Давай, Ребека, ты справишься! Мама, не отставай!

Соледад неслась вперед. Она могла бы добежать до самого севера. Выбравшись на асфальтовую дорогу, они остановились. Нигде не было видно ни одной машины, вокруг сгущались все еще розовые сумерки. Старшая сестра подошла к Лидии. Взяла ее за руку.

– Спасибо! – Она дрожала.

Лидию охватило чувство вины. Она была готова их бросить.

– Это все Лука, – ответила она.

Соледад потрепала мальчика за волосы на макушке, склонила голову и заглянула ему в глаза:

– Ты спас нам жизнь. Понимаешь? Ты и твоя мам. – Она не выпускала руку Лидии.

Лука улыбнулся, а Ребека заплакала, надрывно, пронзительно всхлипывая. Этот звук испугал Луку. Лицо девочки было искажено страданием, дыхание вырывалось из нее резкими толчками. Ее штанины покрывала кровь убитого мигранта, смешанная с ее собственной, а на ширинке исчезла одна пуговица, поэтому джинсы все время спадали. Лидия достала из рюкзака ремень и продела в петельки на талии Ребеки. Девочка дрожала и тряслась, но терпела чужую заботу. Пряжку она застегнула сама. Соледад встала позади сестры и собрала ее черные волосы в хвост, обнажив бордовый синяк на шее. Она легонько дотронулась до больного места пальцем. Ребека дернулась, развернулась, и девочки обнялись. Сотрясаясь, Ребека давилась слезами, а остальные стояли рядом и ждали, пока она немного успокоится. Наконец девочка сложила руки на груди, потому что осталась без лифчика, и они двинулись дальше.

Свернув на север, они пошли по дороге. Розовое небо окрасилось в фиолетовый, потом в синий цвет; к тому времени, как они выбрались на задворки какой-то деревушки, вокруг стемнело. Лидия постоянно оглядывалась через плечо, ожидая увидеть свет фар, услышать отдаленный выстрел. Она совершенно вымоталась, но усталость не шла ни в какое сравнение со страхом, поэтому женщина спешила вперед на пределе возможностей. Всех мучила жажда: в последний раз воду они пили много часов назад – но поблизости не было ни магазина, ни реки, ни ручья. Соваться в деревушку казалось слишком опасным. Сначала нужно было отойти подальше от ангара, от этих вооруженных мужчин. Нужно было держаться в тени. Но они не ели весь день и теперь были очень голодны. Несмотря на адреналин, они

постепенно слабели. Время от времени на дороге вспыхивал свет фар, и все четверо кидались в сторону к ближайшему укрытию. Они без слов чувствовали, что этот новый страх стал их общим бременем: всем казалось, что им не удалось спастись, что они по-прежнему в опасности. В любой из проезжавших машин могли сидеть мужчины, которые похитили их утром. Эти мужчины, с позволения своего команданте или без, могли нагнать их и снова, и снова, и снова делать с Ребекой и Соледад то, что уже делали с ними в кузове своего фургона. Эти мужчины могли схватить Лидию за волосы, затащить ее в машину, вырвать Луку из ее рук и застрелить его на обочине, а потом умчаться в ночь в Акапулько, к Хавьеру. Тот по-прежнему ждал ее возвращения.

Через некоторое время на севере замигали призрачные городские огоньки. Беглецы миновали перекресток, и на дороге стало оживленнее. Они могли больше не прыгать в укрытие всякий раз при появлении машины.

– Ничего, мы достанем воды, – сказала Лидия. – Скоро нам что-нибудь встретится. Кто-нибудь нас напоит.

Нельзя было сказать, права ли она, но Лидия нуждалась в этих словах, и они всех приободрили: все четверо зашагали быстрее. В отдалении на плоской равнине показались очертания города. С ними поравнялась какая-то машина, проехала чуть дальше, а потом свернула на обочину и заглохла. Лидия протянула руку, чтобы остановить Луку. Ребека и Соледад застыли на месте. Все встали поближе друг к другу. Водитель дал задний ход, и девочки кинулись на обочину, но прятаться им было негде. Лидия осталась на месте. Она машинально наклонилась, чтобы выхватить мачете из чехла, но потом вспомнила, что его забрали. Она выругалась себе под нос: 243 доллара минус две пары обуви и новый мачете. Потом спрятала сына за спину. Со стороны водительского сиденья отворилась дверь, и к ним вышел мужчина в ковбойских сапогах, джинсах и рубашке. Он не стал подходить ближе, остался возле машины.

– Вы в порядке? – крикнул он в темноту.

– Да, – ответила Лидия.

– Мигранты? – Ответа он не дождался и потому заговорил сам: – Мы часто видим на этой дороге мигрантов, особенно ночью. Некоторые оказываются в очень плохом состоянии. Но никто не знает,

откуда они появляются. Отсюда довольно далеко до мигрантского маршрута. Как вы к нам попали?

Лидия поджала губы, но мужчина продолжал, несмотря на ее молчание:

– Я врач. Неподалеку у меня есть клиника. Если хотите, я могу отвезти вас в безопасное место.

Соледад прыснула, и Ребека сжала ее за плечо:

– Это не смешно.

Но девочка уже зашла в настоящей истерике.

– Что-то не так? – спросил мужчина.

– Безопасное место! – взывала Соледад, заходясь смехом.

Лука показался из-за спины матери.

– Почему она смеется, Мами? Что с ней такое?

– Тсс-с, – ответила Лидия. – Ей многое пришлось пережить. Иногда люди не выдерживают. Она придет в себя, *tijo*.

Они наблюдали, как мужчина обогнул машину и открыл багажник. Лидия схватила сына за затылок и сделала два шага назад, но водитель просто достал канистру с водой и поставил ее на обочину.

– Послушайте, я оставлю это для вас. А еще... – Снова нырнув головой в машину, он стал что-то искать. – Я думал, у меня осталось печенье, но похоже, мой сын его съел. Тогда только вода. – В руке у мужчины зазвенели ключи. – Но если вам нужна медицинская помощь, только скажите. И если вы голодны, я могу купить вам еды.

Лидия взгляделась во мрак – туда, где на обочине стояли сестры. Ее глаза привыкли к свету, поэтому она смогла различить их лица, но не выражения.

– Далеко до какого-нибудь жилья? – спросила Соледад.

– Не очень, – ответил врач. – Две-три мили. Где-то за полчаса дойдете до крупного города.

– Что за город? – Это был Лука, который очень воодушевился, услышав это слово.

– Наволато. Это около двадцати миль к западу от Кульякана.

Лука закрыл глаза и развернул мысленную карту. Увидел Наволато, маленькую точку рядом с большой точкой Кульякана, но никакой дополнительной информации об этом месте не нашел. «Двадцать миль, – подумала Лидия. – Боже, как же нам теперь добраться до поезда?» Сестры не сумели бы проделать такое расстояние пешком.

– В Наволато есть убежище для мигрантов? – спросила Лидия.

– Нет, – ответил мужчина. – Насколько мне известно, нет. Но есть церковь. Там всегда помогают.

– Как насчет Кульякана? Там есть убежища?

– Может быть, я не уверен.

Лидия с шумом выпустила из груди воздух. Когда они только выбрались из ангара, живые и все вместе, она испытала ошеломительный прилив радости, которая по-прежнему была с ней, но начинала потихоньку выветриваться под натиском усталости и неотступного страха.

– Хотите есть? – спросил мужчина.

– Да, – ответил Лука.

– Вас подвезти?

И снова Лидия взглянула на сестер.

– Нет, – отозвалась Соледад.

Лидию ее ответ расстроил: она отчаянно хотела поверить этому человеку: ей требовалось убедиться, что в этом мире существует доброта. Хотя бы отблеск доброты. В свете боковых фар можно было разглядеть только силуэт мужчины, ближний свет падал в противоположном направлении.

– Но все равно спасибо, – сказала Лидия.

Она сделала несколько шагов навстречу доктору, а Лука рванул к нему во весь дух. Канистра воды стояла у мужчины в ногах, прямо под бампером его машины. Мальчик открутил крышку и попытался поднять бутылку, но та оказалась слишком тяжелой, и вода полилась на землю. Доктор ему помог. Он наклонил канистру и держал ее в руках, пока Лука все пил и пил. Потом немного отдышался и снова надолго припал губами к горлышку. Лидия стояла рядом и ждала, пока сын напьется. Сзади нее слышались шаги сестер, но те не выходили на свет.

– Послушайте, я не хочу на вас давить, – сказал врач. – Но на этой дороге по ночам небезопасно. Здесь постоянно что-то случается. Время от времени до нас доходят жуткие истории. Может, вы о них уже знаете.

Соледад коротко фыркнула, но потом смолкла. Она уже не могла понять, что ее так рассмешило. Лицо врача исказилось от волнения. На связке ключей у него болтался крошечный фонарик, и он щелкнул

кнопкой. Навел тонкий луч света на девочек. Его подозрения подтвердились: кровь, очень много крови. И не только на штанах Ребеки – теперь Лидия тоже это видела. Джинсы Соледад тоже были пропитаны еще не высохшей кровью. Лука все еще продолжал пить. Доктор выключил фонарик.

– Пожалуйста, – сказал он. – Позвольте вам помочь.

Старшая сестра скрестила на груди руки. Младшая насупила подбородок. Заговорил Лука:

– Откуда нам знать, что вы и правда врач?

– А! – Подняв вверх указательный палец, мужчина достал из заднего кармана кошелек. Внутри лежало удостоверение. С фотографией. Подпись гласила: «Доктор Рикардо Монтаньеро-Алькан». Прежде чем вернуть ему карточку, Лука на нее подул.

– Это ничего не доказывает, – заметила Соледад. – Вы можете быть и доктором, и наркотореем. Вы можете быть кем угодно: доктором, учителем, священником, да хоть полицейским. И все равно убивать людей.

Мужчина кивнул, спрятав кошелек обратно в карман джинсов.

– Это правда, – согласился он.

– Да и вообще, почему вам так хочется нам помочь? – спросила Соледад.

Доктор дотронулся до золотого распятия на груди.

– Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня.

Даже не задумываясь, Лидия перекрестилась.

– Был странником, и вы приняли Меня. – Она закончила цитату из Священного Писания и вручила канистру с водой Ребеке, которая, сделав маленький глоток, передала ее Соледад.

– Мы должны поехать с ним, – объявил Лука.

Мужчина дал старшей сестре посмотреть свой телефон. Показал ей свою страницу на Фейсбуке, фото жены и детей. Девочка так проголодалась, так вымоталась. Она уступила.

Доктор собирался везти их в клинику, но путники отказались; тогда он отвез их в город, к двухэтажному зданию с облетевшей штукатуркой, небольшим магазинчиком на первом этаже и зарешеченными окнами на втором. Широкая алая надпись гласила: «Мотель Течорохо». Над входом в магазин нависал красный козырек. За открытым прилавком стояли две женщины в холщовых фартуках;

с заметной тревогой они наблюдали за приближением посетителей. Позади них лежали закуски в блестящей фольге, стояли бутылки с газировкой ядовитых расцветок. Рядом был гриль, и в воздухе разливался аромат жареного мяса; где-то в глубине слышались звуки аккордеона: по радио играла *música nortea*^[88]. Врач купил всем еды и заплатил за номер.

– Если хотите, завтра с утра я отвезу вас в Кульякан. – С этими словами мужчина ушел, прежде чем они успели его поблагодарить.

После ужина, запершись в крошечной комнатке, они оттащили к двери тяжелую прикроватную тумбу и подперли дверную ручку – для надежности; затем Лидия собрала у всех штаны. В номере не было ванной, но в углу, как ни странно, стояли унитаз и желтая раковина. Из крана хлынула вода песочного цвета, но Лидию это устраивало: не так бросались в глаза кроваво-красные разводы на джинсах Луки, Ребеки и Соледад. Она взяла растрескавшийся кусок мыла и все терла, терла, терла – пока вода, которую она выжимала из мокрой ткани, не приобрела изначальный мутно-коричневый оттенок.

К тому моменту, как Лидия покончила со стиркой, Лука уже посапывал на одной из двух одноместных кроватей; на второй в обнимку уснули сестры. Соледад прижимала к груди голову Ребеки, их волосы рассыпались веером на подушке и переплелись в косматое черное покрывало. Лидия нашарила в рюкзаке зубную щетку и выдавила на щетинки немного пасты. С сомнением посмотрела на бурю струйку воды, но потом все-таки намочила щетку. Дома приготовления ко сну превращались в целый ритуал, который нередко занимал минут двадцать. Кольдкрем, тоник, увлажняющий гель, зубная нить, паста, ополаскиватель рта, бальзам для губ. Иногда еще щипчики для бровей, маникюрные ножницы и пилочка. Разумеется, периодически скраб или маска. Крем для рук. Пушистые носочки, если ноги зябли. Себастьян нетерпеливо шептал из спальни, стараясь не разбудить Луку: «*Madre de Dios*^[89], жена, да Эйфелеву башню построили быстрее!» Когда Лидия была готова, он откидывал одеяло и приглашал ее в постель. Она ложилась, и муж накрывал ее сверху одеялом и собственным телом. Целовал, обдавая свежим дыханием.

Теперь, при желтом свете лампочки, Лидия старалась избегать собственного отражения в проржавевшем зеркале. Сплюнув в раковину, она прополоскала рот. Сбрызнула мутной водой лицо и шею

и вытерлась футболкой, которую носила, не снимая, два дня подряд. Когда наконец она легла к Луке, усталость подействовала как анестезия, и, прежде чем Лидия успела прокрутить в голове заклинание «не думай», все накрыл мрак. Она уснула.

Несколько часов спустя, посреди ночи ее разбудила Ребека, вырвав из черного сна.

– Соледад! – прошептала она. – С ней что-то не так.

Лидия выпуталась из объятий Луки, который затем причмокнул и свернулся в тугой калачик, по-прежнему лежа лицом к стене. Из единственного окна с чересчур короткой занавеской в комнату падал свет слишком яркого уличного фонаря. Лидия подошла к соседней кровати, где сидела на корточках старшая сестра, схватившись за живот, и раскачивалась из стороны в сторону.

– Соледад? Что с тобой?

Девочка стиснула челюсти и подалась всем телом вперед.

– Просто в животе крутит, – ответила она.

Лидия взглянула на Ребеку – лицо девочки туманила тревога.

– Посиди с Лукой, – велела женщина. – Проследи, чтобы он не проснулся.

Ребека кивнула и села у мальчика в ногах.

– Можешь встать? – спросила Лидия.

Собрав последние силы, Соледад покачнулась и встала. Под ней на матрасе осталось темное пятно, от которого пахло кровью. Лидия взяла ее под руки и, обогнув постель, отвела в угол к санузелу. Задвинув за ней хилую шторку, Лидия попыталась обеспечить девочке хоть какое-то уединение, пока та исторгала из себя плод.

Верный своему слову, доктор вернулся поутру и отвез путников в Кульякан. Джинсы сестер по-прежнему были влажными и жесткими после стирки, но девочки все равно их надели, и на солнце ткань очень быстро высохла. Солнечный жар выпарил всю влагу из их одежды, волос, кожи. По сравнению с предыдущим днем Ребека двигалась чуть быстрее, а Соледад чуть медленнее. Лидия хотела купить старшей сестре упаковку прокладок, но та стоила слишком дорого, поэтому, преодолев смущение, женщина обратилась за помощью к доктору; тот выполнил просьбу не задумываясь. Еще он купил для них завтрак, тюбик солнцезащитного крема, которым попросил сразу намазаться, и

комикс для Луки. Распрощался мужчина стремительно, чтобы избавить всех от необходимости его благодарить.

Лидии не терпелось поскорее оказаться на поезде, уехать от этого кошмара, устремиться на север на высокой скорости. Шагая вдоль железной дороги через город, она страшно боялась, что их заметят, что им встретится тот самый охранник, который как раз едет на работу (интересно, как эти мужчины добираются до работы? И что, прямо так и называют это занятие? Они тоже целуют на прощание своих жен и детей, садятся в семейный седан и отправляются насильничать и вымогать деньги, а вечером возвращаются усталые домой и едят тушеное мясо?), и он увидит ее, увидит, как они вчетвером плетутся вдоль колеи, и в голове у него все встанет на место: он вспомнит ее улыбающееся лицо на той фотографии. Лидия легонько подтолкнула Луку в спину, чтобы тот прибавил шагу. Когда они вышли на плетеный металлический мост и пересекли мутную речку, перед ними открылся вид на депо, где железная дорога с одной стороны была выложена гигантскими булыжниками. Среди мусора, строительных обломков, грязи и сорняков толпились несколько групп мигрантов. С ними был мальчик немногим старше Луки, но определенно младше Ребеки. Пока все остальные сидели на земле сгорбившись, этот мальчик стоял. Глаза его смотрели мутно, а тело изогнулось, будто вопросительный знак. Он неуверенно водил перед собой руками и едва покачивался на кривых ногах.

– Мама, что с ним такое? – спросил Лука.

Никогда в жизни он не видел настолько странного ребенка. Казалось, тот не замечал никого и ничего вокруг. Мама лишь покачала головой, а Соледад дала короткий, исчерпывающий ответ: «*Drogas*»^[90]. Они зашагали прочь от этого мальчика, от группы мигрантов, вокруг которой тот бродил. Они чуть не ушли с территории депо, как вдруг на путях возникли три молодые, хорошо одетые женщины. Они махали руками и выкрикивали: «*¡Hermanos, tenemos comida!*»^[91] Все мужчины поднялись с земли, отряхнули от пыли джинсы и направились к бесплатному столу. Одна женщина зачитывала строки из Библии, другие две раздавали всем желающим *тамале* и *атоле*. Луке не хотелось есть – спасибо доктору, накормившему их завтраком, – но он усвоил, что никогда нельзя отказываться от дареных калорий. Все четверо с благодарностью взяли

еду, и, когда женщины стали собирать котлы и мусор, Лидия подумала, что, может, им тоже стоит уйти. Казалось, их повсюду подстерегали опасность и нищета. Но тут прошел слух, что один из отдохавших в депо поездов как раз загружают и он вот-вот должен отправиться на север. Многие мужчины уже принялись забираться на крышу вагонов и раскладывать там свои рюкзаки. Железнодорожные работники наблюдали за ними, но не пытались остановить. Как же странно все это и бессмысленно – то, как государство тратит миллионы долларов и песо на возведение заборов и зачистку поездов в городах типа Оахаки, Чиапаса или Мехико, а в других не обращает на мигрантов абсолютно никакого внимания. Неподалеку от депо, на углу, даже стояла машина полиции. Полицейский просто сидел и наблюдал, как мужчины собираются в дорогу. Спокойно попивал кофе из бумажного стаканчика. Ситуация напоминала ловушку, однако Лидия слишком обрадовалась, чтобы прислушиваться к своим сомнениям.

Сестры чувствовали себя разбитыми и измученными, особенно Соледад после выкидыша. Возможность сесть на поезд, пока тот стоит, казалась невероятной удачей, и все четверо резво запрыгнули на лестницу; поднимаясь следом за старшей сестрой, Лидия уловила носом слабый запах крови. Они прошли по крыше в конец поезда, пока не нашли вагон, на котором хватило места для всех четверых. Усевшись, Лидия достала из рюкзака холщовые ремни, когда вдруг на лестнице показалась голова маленькой девочки. Она быстро вскарабкалась на крышу и сразу же подлетела к Соледад. Ей было лет шесть, и она была совсем одна. Ее черные короткие волосы блестели на солнце, на ней были джинсы и коричневые кожаные ботинки. Она уселась на корточки рядом с Соледад, и та совершенно опешила от столь неожиданной смелости. Девочка торопливо заговорила, почти касаясь лица Соледад губами. Старшая сестра попыталась отстраниться.

– Тебе нужна работа? – спросила девочка. – У моей тети здесь неподалеку ресторан, она ищет официантку. Хочешь подзаработать? – Она потянула Соледад за руку. – Пойдем, быстро! Пойдем со мной, я покажу тебе, где это.

Она схватила Соледад под локоть, и та настолько оторопела, что была готова отправиться следом. Соледад понимала, что делать этого нельзя, что девочка ведет себя чересчур самоуверенно, даже

агрессивно. Но у старшей сестры в тот момент разум боролся с телом: разум знал, что нельзя доверять этой напористой девочке, но ее тело по биологическим причинам отзывалось на милые детские черты, на прекрасную невинность юного лица. Соледад разрывалась между двумя правдами, но чары вскоре развеялись: полицейский выбрался из своей машины, по-прежнему сжимая в руке бумажный стаканчик с кофе, и теперь стоял на земле под самым поездом. Он закричал:

– Хименита, оставь людей в покое! Слезай оттуда!

Маленькая девочка сверкнула глазами и подскочила. Выпустив руку Соледад, она перемахнула через край вагона и слетела по лестнице вниз. Через мгновение ее фигурка замелькала вдалеке среди булыжников и строительного мусора. Полицейский крикнул ей вслед:

– И скажи своему *papi*, что сегодня не будет ему добычи!

Соледад не могла дождаться, когда паровоз зашипит и снимется с тормоза. Наконец они поехали, но вместо счастья и облегчения все четверо испытали липкий ужас.

В пути Лука следил за знаками, отмечая на воображаемой карте новые места и те, которые уже знал: Гуамучиль, Бамоа, Лос-Мочис. *Есть, есть, есть*. Спустя примерно три часа после того, как они выехали из Кульякана, поезд оказался в каком-то глухом захолустье, на стыке сразу нескольких путей. В самой широкой части их было не меньше дюжины; чуть поодаль Лука увидел толпы мигрантов – и снова ни забора, ни полиции. Казалось, никому не было дела, что все эти люди собрались здесь, чтобы сесть на «Ла-Бестиа». Поезд остановился, и около сотни человек спокойно залезли по лестницам на крышу. Но потом, ко всеобщему недовольству, паровоз окончательно заглох, и железнодорожники стали расходиться по своим машинам, припаркованным рядом со станцией. Три ночи поезд простоял на месте.

По обе стороны путей лежали вспаханные поля, и Лука весь день наблюдал за работой фермера, который появлялся то на тракторе, то на своих двоих, чтобы пропахать жирную почву для новых посевов. Он разрешил мигрантам наполнить бутылки из длинного шланга с очень теплой, но чистой водой. Бывало, на станцию приезжала какая-нибудь семья и продавала прямо из машины горячую еду и напитки, но иногда никто не приезжал, и Луке приходилось голодать. Или полагаться на доброту мигрантов-сотоварищей, готовых поделиться своими скудными припасами. К ночи температура упала, и мужчины стали разжигать веселые костры. Некоторые ложились спать в пустых грузовых контейнерах, но там было мало места и очень воняло; к тому же металлическая коробка вагона защищала только от ветра, а стены дышали холодом. Лука и Мамаи ночевали у костра – во всей своей одежде, завернувшись в плед, – и со стороны напоминали гигантское разноцветное буррито. Ожидание бесило и выматывало, и на второй день в этом пустынном, иссушенном месте кое-кто из мигрантов плюнул и отправился пешком. Лука понятия не имел, куда они надеялись добраться, поскольку на протяжении многих миль им в пути не встретилось ни одного поселения. Может, и дальше ничего не будет? Мальчик очень переживал и молился всякий раз, когда очередная группа мигрантов трогалась в путь. Наутро четвертого дня железнодорожники вернулись и стали готовить поезд к отправлению; по лагерю прокатилось радостное оживление, и мигранты стали занимать места на крыше. Лука, вцепившись в мамину руку, уговаривал ее переждать.

– Этот поезд стоит на правом пути, – объяснил мальчик. – И когда рельсы разойдутся, он поедет на восток.

Одной рукой он указал на север – туда, где постепенно срастались около дюжины параллельных путей. Ориентиром был мост через магистральную дорогу, за которым рельсы ненадолго сливались в три колеи, а потом окончательно делились на две. Накануне они с Ребекой бегали на разведку и обнаружили тот самый поворотный участок, где одна колея уходила на восток, а другая – на запад. Но Лидии не

терпелось. После такого долгого ожидания мысль о том, что поезд может уехать без них, была совершенно невыносима. Она качала головой в мучительной нерешительности.

– Парень прав, – послышался незнакомый голос.

На опустевших рельсах чуть поодаль сидели двое мужчин. Один из них пояснил:

– Там действительно две дороги. Сначала они идут параллельно, но сразу за деревней расходятся. Этот поезд поедет в Чиуауа.

– А мы ждем тот, который ходит по тихоокеанскому маршруту, – добавил его товарищ.

Они были похожи, как однояйцевые близнецы. Сухие, обветренные лица, аккуратно подстриженные усы, негромкий, очень теплый голос.

– Если собираетесь переходить границу в Ногалесе или Бахе, то вам нужно сесть на левый поезд.

– Спасибо, – отозвалась Лидия.

– А как вы это поняли? – спросила Соледад на случай, если в будущем они окажутся в похожей ситуации.

– Мы ездим каждые два года. Уже восемь раз так делали.

Лидия разинула рот.

– Но зачем? – поинтересовалась старшая сестра.

В ответ мужчины синхронно пожали плечами.

– Мы ездим туда, где есть работа, – объяснил первый.

– Потом возвращаемся, чтобы навестить семью и детишек, – добавил второй.

– А потом по новой. – Оба рассмеялись, словно исполняли отработанный годами комедийный номер.

Убедившись, что они никуда не поедут, Соледад сняла с плеча рюкзак и швырнула его на землю.

– Мы ждем уже три дня, – сказала она. – Да где же этот поезд? Может, его вообще не будет?

Тяжело не поддаваться истерике, когда бесплодное ожидание затягивается на многие часы и тебе остается лишь считать обороты солнца над головой. Сегодня от Гондураса их отделяло такое же расстояние, как и накануне.

– Будет, дочка, будет. – Глядя на сестру, один из мужчин уверенно кивнул. – И тебе воздастся за терпение.

Из внешнего кармана своего рюкзака он вытащил пакетик *карне сека* – вяленого мяса. Два кусочка отдал Соледад, а остальное поделил на всех. Потом заверил:

– Теперь уже недолго.

Лука с наслаждением обсасывал жилистую солонину и разрывал ее зубами на полоски. К Соледад, которая теперь сидела на рюкзаке, упершись локтями в колени, наклонился второй мужчина и ласково проговорил:

– Не волнуйся, девочка. Очень скоро Синалоа останется в прошлом. Ты все это переживешь. Ты по натуре боец, это сразу видно.

В ответ Соледад лишь молча уронила голову на колени, и Лука заволновался. Подумал, что она, наверное, плачет, что после перенесенных страданий было неудивительно. Но через миг девочка подняла голову, и настроение у нее изменилось. Слова мужчины проникли ей в душу, и она вдруг превратилась в отважного ацтекского воина.

Пока они ждали, братья развлекали всех рассказами о своем доме в Юкатане, о своих женах и детях, о фермах на севере, где им довелось поработать. О третьем брате-близнеце, который, по признанию обоих, был среди них самым красивым, но погиб шестью годами раньше, на ферме в штате Айова: управляя зерноуборочным комбайном, он случайно задел молотилкой провода наземной электропередачи. Близнецы перекрестились и назвали его по имени: Эухенио. Лука ощутил, как магически действует произнесенное имя, и тоже перекрестился. Для многих мигрантов кроме семи церковных существовало еще одно таинство, которое совершалось при повторении имен погибших любимых людей. Мальчик попробовал на языке другое имя: Себастьян Перес Дельгадо, – но оно оказалось слишком шероховатым и жестким. Оставило во рту привкус горечи. Лука спрятал лицо. Выдохнул в темную складку локтя. Попытался отвлечься. *Осло – столица Норвегии. Японский архипелаг состоит из 6852 островов.*

В компании братьев он почувствовал настоящее умиротворение. Они были словно теплый хлеб. Словно убежище в ненастную погоду. А потом, как они и говорили, на станции возник еще один поезд. Он ненадолго остановился, так что все спокойно забрались наверх;

сначала братья помогли им на лестнице, а потом перешли на крышу соседнего вагона, чтобы никому не мешать.

– Увидимся на севере, дружище! – пообещал Луке один из них. – Будешь в Айове, обязательно меня найди. Съедем с тобой по бургеру!

Он звонко хлопнул по ладони мальчика, а потом развернулся и прыгнул за братом на следующий вагон. Его место заняла Ребека.

– Первый класс! – Наблюдая, как Лидия пристегивает сына к решетке, Соледад усмехнулась, а потом обвела рукой вокруг: – Наше купе люкс!

Поезд тронулся. Где-то за рекой Фуэрте пейзаж резко сменил краски с зеленых на бурые. Следующие часа полтора по обе стороны рельсов тянулись скудные, засушливые поля, а потом на дороге появился знак, сообщавший о въезде на новую административную территорию. Лука зачитал первую часть послания: «*Bienvenido a Sonora...*»^[92] Вторую озвучила Ребека, прощаясь тем самым со штатом Синалоа: «*Y vete con viento fresco a Sinaloa*»^[93]. Но эта невидимая граница не избавила их от непрерывного страха.

Бакабачи, Навохоа, Сьюдад-Обрегон. *Есть, есть, есть.* Поля постепенно сменились пустыней. В воздухе пахло морем, но на этот раз про Акапулько Лука даже не вспомнил, потому что вокруг не было ни зелени, ни деревьев, ни гор, ни плодородной почвы. Не было ночных клубов, круизных лайнеров, богатых туристов. Только пыль, песок и мрачная красота горной породы, прораставшей в форме скал. Даже деревья, казалось, мучились жаждой, и Мами не приходилось напоминать Луке про воду. Он и сам постоянно отхлебывал из бутылки, чувствуя, как под бейсболкой намокает от пота голова. Трудно поверить, однако на закате они уже проехали Эрмосильо – выжженный солнцем городок, самый странный из всех, что Луке когда-либо доводилось видеть. Но его необычность не особенно впечатлила Луку, потому что его переполняло радостное возбуждение.

– Ребека, мы почти приехали!

Уже несколько дней он пытался вкачать кислород в ее поникшее тело. Он был словно маленькие кузнечные меха, а она – потухший огонь, который стал угольками.

– Куда приехали? – спросила девочка.

В небе угасал вечерний свет. Поезд постепенно сбрасывал скорость, и братья-близнецы уже готовились на выход.

– Как куда, на *эль норте*, – ответил Лука.

Ребека взглянула на него с явным сомнением; мальчик ожидал совершенно иной реакции. Он спрятал подбородок в отворот толстовки, но потом его окликнула Мамаи и попросила повторить свои слова.

– Мы почти на севере. Чуть меньше, чем в трехстах милях к югу от Ногалеса.

– Триста миль? – переспросила Соледад. – Как это понять? Сколько мы уже проехали?

– От Гондураса?

– Да.

Лука склонил голову и задумчиво прищурился:

– Я бы сказал, больше двух тысяч миль.

У старшей сестры округлились глаза. На лице промелькнула недоверчивая улыбка, которую она не слишком-то пыталась утаить. Соледад кивнула:

– Больше двух тысяч миль. То есть мы уже проехали больше двух тысяч миль?

– Ну да, я же говорю. Мы почти на месте.

– И долго еще? За сколько мы проедем эти триста миль?

Лука покачал головой:

– Не знаю точно. За несколько часов?

– Ты ведь не собираешься ехать дальше? – с тревогой спросила Ребека. – Уже темнеет.

– Похоже, мы сейчас остановимся, – глядя на дорогу, заметила Мамаи.

К тому моменту братья уже спрыгнули и успели отойти довольно далеко от поезда. Поэтому на их слова было бы легко не обратить внимания, не будь они слишком хорошо знакомы Луке, Лидии, Соледад и Ребеке. Они слышали ровно эти звуки в своих кошмарах и наяву. Братья-близнецы орали во все горло:

– *¡Migra! ¡¡La migra! ¡¡Huyan, apúrense! ¡¡Viene la migra!*^[94]

В этот раз ужас не сгустился постепенно, он обрушился сразу. Лидия стремительно, яростно дернула ремень сына, так что мальчик едва не заплакал. Сестры уже висели на лестнице и готовились прыгнуть, не дожидаясь удачного момента. Воспоминания о Синалоа подстегивали девочек, и те двигались не вопреки боли измученных тел, но благодаря

ей. Не раздумывая, они по очереди кинулись на вздыбленную землю и плюхнулись на собственные рюкзаки. За ними – Лука и, наконец, Лидия. Слава богу, к тому моменту они уже были в черте города; спустившись по дорожной насыпи, они попали на какую-то аллею, а оттуда – на дорогу, вдоль которой тянулись огороженные заборами сады, жилые дома и раскрытые гаражи. Босоногая девчушка облизывала палочку фруктового льда и наблюдала за ними очумелыми глазами. Дальше – какая-то женщина на велосипеде с прицепленной тележкой из супермаркета. Собака с пятнистым глазом. Высокая трава. Бетон. Братья-близнецы разбежались в разные стороны, позади слышался топот еще нескольких мигрантов. После вывиха лодыжки миновало четыре дня, и боль, к счастью, уже отступила. Лидия могла наступать на ногу всей тяжестью. Взглянув на умчавшихся вперед сестер, она представила себе, что будет, если они сейчас потеряются. Как потом найтись? И найдутся ли они вообще? Она прибавила ходу, волоча за собой спотыкавшегося Луку. За забором они увидели мальчика с футбольным мячом и женщину в потертых джинсах, поливавшую горшки с травами. Заметив беглецов, она на мгновение замерла, а потом, не поворачивая головы, спокойно сказала: «Послушайте!» – до того непринужденным тоном, что Лидия даже не сразу поняла, к кому та обращается. Но глаза смотрели прямо на нее; едва заметным движением подбородка женщина указала в дальний угол сада – на распахнутую дверь сарая.

– *Rápido*, быстро, – велела она, не повышая голоса.

У них не было времени, чтобы взвешивать за и против, поэтому Лидия схватила сына за плечо и окликнула девочек – так тихо, как только могла: «Ребека, сюда!»

Сестры затормозили и обернулись. К тому моменту Мама успела затолкать Луку в калитку, и теперь мальчик бежал под тенью какого-то дерева с буйно-розовыми цветами, а через миг уже сидел в темном сарае; следом ворвалась Лидия, потом – сестры, и вот они все вместе оказались в сырой прохладе крошечного убежища и очень громко дышали, чувствуя, как в ушах колотится прилившая кровь. Лидия слышала в голове собственный пульс, дикий и беспорядочный; зарывшись лицом в колени, она скрестила на затылке пальцы. Лука положил руку ей на поясницу. Все четверо сидели и ждали, стараясь не шуметь. Через несколько минут прозвучал голос женщины,

обращавшейся к маленькому сыну: «Пойдем, я нарвала к ужину орегано. Давай-давай, обратно в дом». В наступившей тишине и в мыслях Лидии замелькали все те страхи, на которые чуть раньше у нее не было времени; один за другим они опускались в горло, образуя плотный комок ужаса. *Эта женщина заманила нас в ловушку. Сейчас она приведет полицию. Нет, кого-то похуже полиции. Это конец. Ну почему я ей доверилась? Почему не пробежала мимо?* Конечно, бояться было поздно: приняв решение, они уже не могли вернуться назад. Они уступили преимущество, и теперь, пока полиция прочесывает весь район, им ничего не оставалось, как только отсиживаться в этом сарае. Лидия попыталась совладать с паникой единственным известным ей способом: «Не думай, не думай, не думай». Вдруг снаружи хлопнула дверь, и снова раздался голос женщины: «Пока ты на улице, запри калитку!» Затем звуки сменяли друг друга: скрип и клацанье железной калитки, упругое эхо футбольного мяча, который ударился о землю, гул подъезжающей машины, стук дверей, шаги и, наконец, еще один незнакомый голос.

– У вас тут были посетители? Мигранты?

Сердце Лидии стучало, как фабричный станок. Ребека и Соледад стояли во мраке лицом друг к другу; взявшись за руки, они повторяли слова молитвы. Маленький мальчик что-то ответил, но они не расслышали, а потом снова хлопнула дверь и раздался голос той самой женщины:

– Виктор, я же просила тебя вернуться в дом.

За воротами послышался мужской голос:

– Мы просто спросили, не видел ли он мигрантов. Тут рядом несколько человек спрыгнули с поезда.

– Мы никого не видели, – ответила женщина. – Я была в саду вместе с сыном и отошла всего на пару секунд, вот только что. Сынок, давай, иди в дом.

Снова хлопнула дверь.

– Чуть ниже по улице мы видели маленькую девочку. Она сказала, что мигранты побежали в эту сторону.

– Наверное, свернули где-то по дороге. Мы с сыном весь день провели в саду. У вас есть мобильный номер? На случай, если мы кого-то увидим. Или лучше позвонить в участок?

Голоса притихли и стали почти неразличимы. Лидия выпучила глаза, словно в попытке настроить слух на другую частоту. Она понимала, что в этот самый момент женщина могла указать на открытую дверь сарая. Могла прошептать полицейскому: «Там внутри прячутся четыре человека». И тот, возможно, уже расчехляет свой пистолет. Содрогнувшись, Лидия снова зажмурила глаза. Нащупала обручальное кольцо мужа. *Не думай, не думай, не думай*. И тут вдруг случилось маленькое чудо: когда она просунула палец в кольцо Себастьяна, у нее возникла дурацкая идея, будто это волшебное кольцо из «Хоббита»: если надеть его и покрепче прижаться к Луке, оба они станут невидимыми. *Seguro*^[95]. Через мгновение Лидия опять различала слова женщины. Ветер переменял направление.

– Я нарвала к ужину орегано, но слишком много. Вот, возьмите, пожалуйста, с собой.

Послышались шаги, а потом, заурчав двигателем, машина уехала прочь; хозяйка вновь открыла и закрыла дверь. Теперь Соледад и Ребека сидели на полу рядом с Лидией и Лукой. Сердцебиение у всех вернулось в норму. Наконец они начали перешептываться в темноте.

– Может, нам уйти? – спросила Соледад.

– Пока рано, – ответила Лидия. – Они еще прочесывают район. Лучше подождать до темноты.

Согнувшись на корточках, Ребека разрыдалась. Лука дотронулся до ее руки, но девочка отпрянула, и это его очень расстроило. Но мальчик не стал убирать руку, Ребека постепенно смягчилась, растаяла, словно кусочек масла на сковородке. Лука уложил ее голову к себе на плечо, погладил по волосам и сказал:

– Все в порядке, с нами не случилось ничего плохого.

– Я больше так не могу. Мне страшно.

– Прекрати, – велела Соледад.

– Я просто хочу умереть. Хочу, чтобы все это кончилось, – говорила девочка бесстрастным голосом.

– Это не тебе решать, Ребека, – сказала ей сестра.

– Я хочу вернуться домой.

– Дома больше нет. Но мы создадим себе новый. Другого пути нет, только вперед, поэтому мы с тобой идем вперед. *Adelante*. Хватит плакать.

Старшая сестра утерла младшей слезы; она говорила жестко, но с любовью, и это подействовало. Ребека распрямила спину и громко шмыгнула носом: момент отчаяния благополучно миновал.

– Мы почти на месте, – продолжала Соледад. – Ты ведь слышала Луку. Триста миль, да, маленький?

– Все верно, – подтвердил мальчик.

– Триста миль, – повторила Соледад. – И все будет кончено. Весь этот кошмар. На севере больше никто не будет нас обижать. И мы построим хорошую жизнь, в которой больше не надо бояться. А когда Папи поправится, мы кого-нибудь за ним отправим, а потом перевезем маму и бабушку. Вот увидишь, все наладится.

Ребека не верила ни единому слову. И совершенно не понимала, почему, даже несмотря на все случившееся, Соледад оставалась таким наивным ребенком. Ребека уже излечилась от простодушия. Она знала, что безопасности не существует в принципе и что север ничуть не лучше любой другой страны. Последние события лишили ее надежды, подтвердив одну простую и такую горькую истину: мир – отвратительное место. В Сан-Педро-Сула было отвратительно, в Мехико – отвратительно, а значит, и на севере все тоже будет отвратительно. Даже облачный лес, который Ребека так бережно хранила в памяти все эти месяцы, потихоньку загнивал и начинал разлагаться. Возвращаясь мыслями домой, она больше не слышала голоса матери и пения древесных лягушек по ночам, не чувствовала запаха сушеных трав и прохладного прикосновения облаков. Она вспоминала нищету, которая заставила отца и всех остальных мужчин уехать в город. Постоянную угрозу, исходившую от местных картелей, и нехватку ресурсов, и голод. Поэтому уступила Ребека только ради своей сестры.

– Все, что нам с тобой пришлось пережить, – сказала Соледад, – все это не напрасно. И все останется в прошлом. А мы начнем новую жизнь.

– Как будто ничего и не было, – отозвалась Ребека, рассеянно глядя куда-то в пол.

Они сидели в этом крошечном сарае, пока жизнь вокруг шла обычным чередом: хозяйка с сыном садились ужинать, их соседи возвращались домой к своим супругам и детям, над головой скользили облака, а где-то за горизонтом медленно тонуло оранжевое солнце.

Пески Соноры постепенно возвращали небу одолженное тепло. Когда в прохладных сумерках Эрмосильо уже отходил ко сну, в пустыне только просыпалась жизнь. Лидия и сестры решили, что пока немного отдохнут, а поздней ночью, когда в районе станет совсем тихо, отправятся дальше. Лука настолько проголодался, что даже не мог уснуть, и потому очень обрадовался, увидев на пороге хозяйку с кастрюлей холодной фасоли и тортильями. Она поставила посуду на пол и отступила к дверному проему. Мальчик даже не стал дожидаться, пока она уйдет, и сразу зачерпнул лепешкой фасоль и положил все в рот, едва не прикусив в спешке палец. В сарае не было света, но их глаза уже привыкли к темноте.

– Можете немного передохнуть, – прошептала женщина. – Но, пожалуйста, уходите, пока не рассвело.

Еще не рассвело, а Лидия, Лука и сестры уже прокрались в самое сердце города и сделали неприятное открытие: железнодорожный забор в Эрмосильо – конструкция серьезная и основательная. Сразу было видно, куда ушли налоги. Это был даже не забор, а сплошная бетонная стена, украшенная сверху жутковатыми завитками колючей проволоки. За стеной прогремел поезд со спящими мигрантами, которые лежали, скрестив на груди руки и прикрыв лица шляпами. По эту сторону расположилась другая компания мужчин: шестеро спали в обнимку со своими рюкзаками, а седьмой стоял на страже. Он был босиком. Когда Лидия с ребятами подошли ближе, он поздоровался.

– Что случилось с твоей обувью? – спросила Лидия.

– Украли.

Услышав знакомый гондурасский акцент, Соледад воскликнула:

– *Ay catracho, ¡qué barbaridad!*^[96]

Мигрант кивнул и, почесав подбородок, добавил:

– Хорошо, хоть бороду оставили.

Лидия никак не могла выкинуть из головы эту встречу, хотя они уже давно прошли вперед, в поисках еды и места, где можно пополнить запасы воды. «И как он только может шутить? – размышляла Лидия. – Такой нищий, что даже обуви нет». Ей приходилось растягивать зубную пасту. Волосы уже блестели от жира, кожа обветрилась. Каждый день эти мелочи доставляли ей огромное неудобство. Но если бы кто-то стащил у нее кроссовки, она бы, наверное, сдалась. Большого унижения и представить нельзя. Пережить смерть шестнадцати членов семьи она могла, если при этом не приходилось сверкать голыми пятками у всех на виду.

Они пришли на территорию парка с широкими мощеными аллеями, вдоль которых – после какого-то концерта накануне – остались оранжевые туалетные кабинки. Перегнувшись через бортик фонтана, Лука погрузил руки по локоть в воду. Лидии казалось, что вселенная вот-вот отнимет у нее последние остатки человеческого достоинства, и потому решила потратить десять песо на стаканчик кофе из торгового автомата. Кофеин взбудоражил ей кровь, напомнив о

существовании другой, давно позабытой жизни. Лидия отпивала понемногу и всякий раз, поднося стаканчик к губам, наслаждалась дымящим жаром; ей снова вспомнился босой мужчина. Случайная встреча лишь подтвердила абсолютную необходимость хорошей обуви. Поэтому сейчас она возьмет часть оставшихся сбережений и потратит на новую обувь. Прямо здесь в Эрмосильо, сегодня же. Окинув взглядом ноги сестер, она заметила, что им бы тоже не помешали новые кроссовки. Девочки носили низкие конверсы: Соледад – черные, Ребека – серые. Ткань выгорела на солнце и кое-где уже протерлась, но, по крайней мере, кеды были удобными и разношенными. Жалко, конечно, что денег осталось так мало. Дождавшись открытия магазинов, Лидия отдала почти половину оставшейся наличности за две пары обуви для себя и Луки. Ничего особенного: кожа, крупная строчка и толстая резиновая подошва. Впрочем, нет. Ботинки были чудесные, удивительные во всех отношениях. Крылатые сандалии древнегреческих богов. Они выведут ее из пустыни к северу. Отдавая кассиру деньги, Лидия почувствовала, будто в груди у нее образовалась гигантская дыра.

В Эрмосильо возле станции собралась большая группа мигрантов, и некоторые из них, судя по всему, находились там очень давно. На клетчатом диване под навесом сидела пожилая пара; дама разжигала костер на том месте, где в обычном доме стоял бы журнальный столик. По эту сторону богатого забора никто, казалось, не обращал внимания на людей, которые ждали Зверя. Бетонная стена кончалась воротами, за которыми в маленькой будке сидели два охранника, отпирившие и запиравшие дорогу для поездов. На воротах, как и на самом заборе, сверху блестела колючая проволока, но снизу был проем высотой около полуметра, и ничто не мешало мигрантам проскользнуть внутрь. Кто угодно мог бы просто взять и пролезть на пути, и охранникам, похоже, не было до этого никакого дела. Однако никто не пытался. Все спокойно ждали снаружи. Лидии объяснили, что рано или поздно поезд медленно выкатится из своей бетонной пещеры и все сумеют на него запрыгнуть.

Для Соледад время тянулось невыносимо медленно, как никогда в жизни. С тех пор как Лука сказал, что они так близко к северу, она словно бы чуяла, как из-за горизонта тянутся запахи «макнагтетсов» и новеньких «найков». Она почти различала вдали мерцание, и ее

трясло от нетерпения. Позвоночник, глаза, легкие – все тело Соледад тянуло ее к северу. В ту ночь, когда остальные легли спать на холодном грунте под стенами какого-то сада, девочка ходила туда-сюда вдоль железной дороги, залитой лунным светом; она никак не могла уснуть – все боялась, что вот-вот случится нечто ужасное, какая-нибудь новая напасть, которая отнимет у нее мечту, едва не ставшую реальностью. В конце концов Соледад попыталась немного вздремнуть и, только почувствовав, как в висках у нее застучала кровь, поняла, что затаила дыхание.

Поутру один из местных жителей перекинул из сада шланг, чтобы мигранты могли умыться, почистить зубы и наполнить фляжки водой. На дороге появилась группа пожилых женщин, которые раздавали всем собравшимся благословения, а также домашние сэндвичи и маринованные огурцы. Один из охранников подозвал Луку к воротам и через прутья забора передал ему виноградный леденец. Лидия теперь постоянно была настороже, опасаясь снова встретить Лоренсо или кого-то вроде него, кто случайно ее узнает. При всякой заминке она боялась, что Лоренсо их нагонит, что его фигура вот-вот возникнет откуда-то из-за угла. Или у кого-нибудь окажется достаточно времени на раздумья, и тогда – щелчок пальцами и восклицание: «Ага!» Лидия все время пряталась за полями своей уродливой розовой шляпы.

– Мама, можно мне надеть кроссовки? – спросил Лука.

Со вчерашнего дня он ходил в новых ботинках, и они немного жали. Лидия хотела, чтобы сын хорошенько их разносил, но делать это надо было постепенно. А то натрет кровавые мозоли еще до того, как они окажутся в пустыне. Связанные шнурками кроссовки висели у мальчика на лямке рюкзака.

– Ладно, переобувайся, – ответила Мама.

Когда Лука снял ботинки, она перевязала их шнурками точно так же, как и кроссовки. Потом переобулась сама.

Ближе к полудню из охранной будки послышался визг рации, и все собравшиеся выпрямили спины и наострили уши. Через несколько минут охранники распахнули массивные ворота, и вдалеке показался поезд. Клетка была открыта, и теперь мигрантам оставалось только ждать, когда состав медленно докатится до них. Очень скоро они уже карабкались на крышу небольшими группами, пропуская вперед женщин и детей. Охранники спокойно наблюдали за происходящим.

Один из них, заметив, что рюкзак какого-то мужчины свалился с крыши, вернул его владельцу.

– Не забывай бояться, – сказала Лидия, встретившись глазами с Соледад.

– Это ненормально, – ответила девочка.

Но все случилось очень быстро. Легко. Лишь после того, как все мигранты благополучно взобрались наверх, поезд прибавил ходу; казалось, машинист заботится о безопасном размещении своих нелегальных пассажиров. Хочет хоть чем-то помочь. Как бы то ни было, Лидия перекрестилась. А потом, как обычно, начертила крестик на лбу сына.

Вскоре после того, как поезд покинул Эрмосильо и устремился на север, в глубь пустыни Сонора, все четверо заметили очень странную вещь: то тут, то там у дороги появлялись мигранты, двигавшиеся в обратном направлении. Сначала их было немного – двое, а потом еще двое, – и Лидия никак не могла сообразить, откуда они взялись, учитывая, что шли они пешком, а за спиной у них тянулась бесконечная колея, окруженная лишь голой пустыней. Но это несомненно были мигранты. Лидия не понимала, откуда она это знает, но знала точно. Однако все же чем-то они отличались от остальных – помимо, конечно, того, что шли не в ту сторону. Лидия никак не могла уловить, чем именно.

Всего за несколько миль от Эрмосильо к рельсам прильнула еще одна колея. Поскольку на железных дорогах в Мексике движение по большей части одностороннее, время от времени попадают ответвления, этакие крошечные съезды, куда один поезд может свернуть, чтобы пропустить встречный. Таким образом поезда могут разминуться, после чего продолжают путь по той же колее. Как раз на таком ответвлении сейчас и стоял встречный поезд, следующий в южном направлении. Когда они подъехали поближе, Соледад приподнялась и вытянула шею. Решив поначалу, что ей мерещится, она прикрыла глаза от солнца. Но она не ошиблась: на южном поезде сидели мигранты. Они махали руками и выкрикивали приветствия, глядя, как мимо с лязганьем проползает встречный состав.

– Куда они едут? – спросила Ребека, не обращаясь ни к кому конкретно.

От главной дороги до съезда было пять-шесть футов, не больше. На крыше южного поезда стоял маленький мальчик, чуть постарше Луки. Казалось, он прикидывал, сумеет ли перепрыгнуть. Группа мужчин, расположившихся по соседству, что-то ему кричали и яростно жестикулировали, и мальчик в конце концов спустился по лестнице и прыгнул вниз. Потом он побежал вперед, пристроившись к идущему на север поезду. Тот ехал довольно медленно, и Лука, прильнув к краю вагона, с удивлением наблюдал за ребенком. Тот поднял на него глаза и улыбнулся. Схватившись за нижнюю перекладину лестницы, он подтянулся на руках. Лука сел прямо и стал ждать, когда над вагоном покажется голова мальчика, чернявая и блестящая в лучах пустынного солнца. С южного поезда послышались громкие крики – мигранты радовались, что пересадка закончилась победой. Все махали руками и улыбались.

– *¡Vaya con Dios!* – прокричал мальчик на прощание. – *¡Ya me voy pa'l otro la'ó!*^[97]

С южного поезда снова донесся радостный крик.

– Будь осторожен! Благослови тебя Господь! – проорал один мужчина.

А потом Зверь снова набрал скорость, и лязганье сменилось на грохот и скрежет. Даже не пригнувшись, мальчик подошел к Лидии и ребятам и беззаботно плюхнулся рядом. В отличие от большинства мигрантов при нем не было никаких вещей и даже головного убора, который защищал бы его румяное коричневое лицо от солнца. Из-за этого кожа у него была очень сухой. Губы потрескались и покрылись белыми корочками, что не умаляло лучезарности его улыбки. Мальчик выставил кулачок, чтобы поприветствовать Луку, и тот машинально ответил тем же, повинаясь инстинктам любого восьмилетнего ребенка.

– *¿Qué onda, güey?* – спросил мальчик.

По этим словам сразу стало ясно, что он северянин. Лука сомневался в их точном значении, поскольку никогда не встречал людей, которые бы так разговаривали, однако смог догадаться, что это дружелюбное приветствие. Он поздоровался в ответ. Лидия, полагавшая, что в этой жизни ее уже ничем не удивить, была искренне поражена появлением нового пассажира. Она не знала, что и думать. С одной стороны, этот мальчик производил впечатление общительного, приветливого и обаятельного ребенка. С другой – она привыкла

опасаться случайных попутчиков и к тому же знала, что преступные группировки часто вербуют новичков в самом юном возрасте. И вообще, почему он тут один? И зачем так любезничает с Лукой? На всякий случай она приобняла сына. Лицо мальчика было совершенно круглым: глаза, нос, щеки – все. Веки слегка припухли, но под ними горели ясные черные глаза. Дышал он тяжело, с хрипом. Сунув руку в карман джинсов, мальчик достал ингалятор, яростно его встряхнул, приложил к губам и сделал резкий вдох. Слегка покашливая, попытался выровнять дыхание.

– Он пустой. – Мальчик пожал плечами и вернул баллончик в карман. – Но воспоминания о лекарстве помогают.

Лука улыбнулся, а Лидия насупила брови и спросила:

– С тобой все будет в порядке?

Она остерегалась незнакомых детей, но по-прежнему оставалась матерью и понимала, что подобный хрип разыграть просто невозможно. Мальчик снова прокашлялся, а потом еще и еще раз и, наконец, сплюнул через край что-то твердое.

– Сейчас пройдет, – прохрипел он.

Все четверо внимательно следили за ним на случай, если вдруг понадобится неотложная медицинская помощь. Но в то же время никто толком не понимал, что делать, если приступ и правда не закончится. Новенький распрямил плечи и окинул взглядом пейзаж. Сложил ноги в форме кренделя и попытался дышать ровнее. В это время Лидия с облегчением обнаружила дыру на подошве его кроссовки. Ни один мальчик с пустым ингалятором и в дырявой обуви не может работать на банду или картель. Отдышавшись, мальчик повернулся к Луке и сказал:

– Я – Бето. Как тебя зовут?

– Привет, Бето. Меня зовут Лука.

Бето кивнул.

Они проезжали небольшую деревушку, которая, казалось, просто выросла на путях: кучка домов такого же ржавого цвета, как и земля, да две враждующие забегаловки по разные стороны одной-единственной улицы.

– Тебе теперь получше? – спросил Лука.

– Да, я в порядке. Так всегда бывает, когда я быстро бегая, но я научился не психовать и сидеть спокойно, пока не пройдет, потому что

иначе становится только хуже.

Лука кивнул.

– Круто встретить ребенка, – сказал Бето. – Тут такое редко бывает. Сколько тебе лет?

– Восемь.

– Мне десять. Правда, скоро уже одиннадцать, – произнес он, словно умудренный жизнью старец.

Луке хотелось задать мальчику миллион вопросов – они так тесно сидели у него в голове, что ни один из них не мог выбраться наружу. Паузой воспользовалась Лидия.

– Бето, ты путешествуешь один? – Лука понимал, что Мами изо всех сил пытается скрыть осуждение, но у нее получилось не до конца. Однако Бето, казалось, не замечал этого, или ему просто было все равно.

– Ага, совсем один.

Он улыбнулся, обнаружив отсутствие сразу двух нижних зубов – клыка и соседнего моляра; вместо них зияла широкая дырка. Бето просунул туда язык. Теперь настала очередь Соледад:

– Ты ехал на юг?

– Да. Но только временно. Теперь я еду на север. – В голосе мальчика не было ни намека на иронию.

Соледад не знала, что ответить, но тут Бето решил сменить тему:

– Гуау, ты очень красивая!

Девочка удивленно моргнула, но промолчала.

– Наверное, от этого один геморрой, да?

Соледад рассмеялась, а Бето переключил внимание на Луку:

– Так откуда вы, ребята?

Мальчик взглянул на мать, и та едва заметно мотнула головой. Тогда он сказал:

– Мы с Мами из... Пуэблы. А сестры из Эквадора.

Бето кивнул. Ложь или нет, ему без разницы. С таким же успехом можно было сказать, что они из Антарктиды или с Марса.

– А ты? – спросил Лука. – Ты сам откуда?

– Я из Тихуаны. Но мы зовем ее Ти-Джей. Я там родился, на *домпе*.

Еще одно странное заявление. Настолько странное, что Лука сомневался, понимает ли он. И снова незнакомое слово: «*домпе*». Он посмотрел на Мами, ожидая перевода, но та тоже была озадачена.

– А что такое «*домне*»? – спросил Лука.

Бето ухмыльнулся:

– Ну знаешь, *домне*, это такое место, куда люди выбрасывают мусор. А потом за ним приезжают самосвалы. *Домне*. По-английски *dump*.

– То есть *vertedero*? – Лука использовал испанское слово для обозначения свалки.

– Да-да, точно, *vertedero*.

Поскольку Лидия владела английским чуть лучше сына, она начала догадываться, что родной язык этого мальчика – не мексиканский испанский и не американский английский, но скорее какой-то пограничный гибрид. Но это открытие никак не проясняло, что именно он имел в виду, говоря: «Я родился на *домне*». Лука почесал затылок, и Лидия вдруг осознала, что с момента убийства их семьи он делал это впервые. Более того, прежде она не обращала внимания на этот жест и потому не заметила, когда он пропал; но теперь она осознала, что так – положив большой палец на ухо и почесывая над ним тремя другими, – Лука раньше выражал любознательный интерес. Сын делал так, когда его что-то по-настоящему увлекало, казалось ему занимательным. Возвращение этого жеста Лидия расценила как доказательство того, что сын сумеет выжить. Спустя пятнадцать дней и полторы тысячи миль он еще был способен хотя бы ненадолго отдаться во власть неомраченного любопытства. В ее груди потеплело от почти забытого чувства надежды.

– То есть ты родился на мусорной свалке? – осторожно спросил Лука, стараясь не обидеть нового знакомого. Он не понимал, что в его вопросе нет никакой бестактности: Бето не только совершенно не стеснялся своего происхождения, но даже не подозревал, что кто-то другой, услышав его историю, может ощутить неловкость. Он родился там, где родился, и говорил об этом прямо, не переживая о возможных последствиях. Рассмеявшись, он ответил:

– Ну да, правда, не в самом мусоре. Просто рядом. В колонии Фаусто Гонсалеса. Слышал о такой?

Лука покачал головой.

– А место довольно известное! – В голосе Бето звучала гордость.

Лидия кое-что знала о колониях Тихуаны, потому что читала книги и потому что одним из самых любимых ее писателей был Луис Альберто Урреа, поведавший миру о свалках и детях вроде Бето, которым

приходится там жить. Из-за этих воспоминаний Лидии показалось, что она уже знает этого мальчика, хотя бы немного, однако чувству этому не хватало глубины, как марионеткам в театре теней. Пусть она понимала что-то об обстоятельствах его жизни, но *сам он* по-прежнему оставался загадкой. И все же этой осведомленности хватило, чтобы растопить лед в части ее души.

А потом Бето рассказал им историю своей жизни, одним махом, не останавливаясь и не переводя дух; он совсем не помнил отца, который уехал на север, когда мальчик был еще младенцем. Но помнил маму, которая работала мусорщицей, пока правительство не закрыло местную свалку. И помнил старшего брата Игнасио, который до сих пор лежит где-то на *домпе*, под небесно-голубым крестом, где от руки написано: «Игнасио, сын, 10 лет».

Напомнив, что ему сейчас как раз десять, Бето объяснил, что в том же возрасте Игнасио раздавило задним колесом мусоровоза, пока тот пытался достать из кучи отходов чудесный, безупречный, круглый футбольный мяч. Сокровище, которому не было цены. Восемилетний Бето в тот момент стоял неподалеку и настолько ошалел от криков брата, что совсем позабыл о мяче (в итоге тот достался одному прыщавому пацану по имени Омар). Земля под колесами мусоровоза была очень мягкой, и поэтому Игнасио не расплющило, но скорее впечатало в мусор, раздавив ровно настолько, чтобы мальчик промучился еще три ужасных дня. Вскоре после этого, возложив на могилу сына небесно-голубой крест, пропала и мама Бето: сначала ее унесло в запой, потом в иной, куда более отвратительный дурман и, наконец, на небеса. Бето боялся своего одиннадцатого дня рождения: ему казалось, что так он предаст брата.

– Но не дожить до одиннадцати было бы еще хуже, да? – Он рассмеялся, и Лидия с сестрами попытались к нему присоединиться.

Лука не смеялся, но чувствовал, что за такую историю должен дать Бето что-то взамен. Расстегнув карман рюкзака, лежавшего у него на коленях, он выудил оттуда тюбик бальзама для губ с ароматом манго и передал его мальчику. Тот принял его без слов, открутил крышку и размазал по губам, после чего громко протянул: «А-а-ах!» Затем вернул тюбик, не поблагодарив, но Лука и сам знал, что «а-а-ах» – это выражение благодарности.

– Но погоди, – сказала Соледад, наконец повернувшись к Бето всем телом, а не только лицом, как прежде, – ведь Тихуана прямо на границе, так?

– Именно так, – ответил Лука, взглянув на девочку с одобрением.

Та перехватила его взгляд.

– Ты тут не единственный, кто умеет читать карты, – отрезала она, а затем снова обратилась к новенькому: – Что же ты тогда тут делаешь, если и так был на границе? Зачем поехал на юг? И те другие мигранты – они что, тоже ехали на юг?

– А, это *deportados*.

– Что, прямо все депортированные? – Соледад нахмурилась.

– Ну да. – Бето пожал плечами. – В Ти-Джей полно *deportados*. В Тихуане куда больше тех, кто едет на юг, чем тех, кто на север. От обычных мигрантов их легко отличить по униформам.

– Каким униформам? – спросил Лука.

– Ну как, все мигранты носят одну и ту же униформу, да? Грязные джинсы, рваные ботинки и бейсболки.

– Но у тебя нет кепки, – заметил Лука.

Бето снова пожал плечами.

– А я ненастоящий мигрант. Я просто притворщик.

– И чем же тогда *deportados* отличаются от всех остальных? – спросила Соледад, пытаясь вернуть разговор в нужное русло.

– Их преследует плач детей, оставленных на севере.

Все четверо вытаращили на него глаза.

– Ладно-ладно, шучу, – сказал Бето. – Просто у них нет рюкзаков.

Лидия щелкнула пальцами.

– Рюкзаки! – воскликнула она. – Точно! Вот чего им не хватает: рюкзаков.

– Но почему? – спросил Лука.

– Потому что они *deportados*. Они ведь жили в Штатах, братишка. Типа всю жизнь. Ну, лет десять как минимум. Может, с самого детства. И вот в один прекрасный день они едут на работу, или возвращаются домой из школы, или играют в парке в футбол, или ходят по торговому центру в поисках модной шмотки – и тут вдруг – бац! Их депортируют с вещами, которые оказались при них в тот самый момент. Так что, если только они не взяли с собой рюкзак, *la migra* увозит их с пустыми руками. Ну, у женщин иногда есть сумочка или еще что. Ведь им не

дают съездить домой и собрать вещи. Но, по крайней мере, обычно на них хорошая одежда. Чистая обувь.

Лидия сжала стоявший перед ней рюкзак. Ей совсем не хотелось об этом думать. В тот момент единственное, что еще хоть как-то придавало им сил, – мечта о Соединенных Штатах. Она была не готова к размышлениям обо всех ужасных вещах, которые могут случиться после, – если им, конечно, повезет и они сумеют достичь своей цели.

Соледад откинулась назад и прикусила губу.

– То есть, когда их депортируют, они просто сдаются и едут домой? – спросила она. – Неужели никто не пытается вернуться?

– Ну, кое-кто пытается, конечно, – ответил Бето. – Но пересечь границу в Тихуане теперь невозможно. Если у тебя нет кучи денег или связей в картелях. У наркобаронов есть тоннели. Пару лет назад все было очень просто. Даже я знал ребят с *домпе*, которые переводили мигрантов на ту сторону, чтобы немного подзаработать. В заборе было полно дырок, а еще можно было принести лестницу или взять лодку. Словом, миллион способов.

– А теперь?

– Теперь там как на войне. Повсюду дроны и камеры, а *la migra* – как банда вратарей, которые получают слишком много денег. Кстати, у *deportados* полно денег. На севере они хорошо зарабатывают. Так что вполне могут позволить себе небольшой отпуск. Съездить домой, навестить семью. – Соледад с тревогой закусила щеку. – Но вы не волнуйтесь. Говорят, в Ногалесе дела обстоят получше. В смысле оттуда перейти границу вроде как проще. Мало кто хочет волочиться по пустыне, поэтому там почти нет пограничников. Поэтому и я решил переходить не в Тихуане. И вот еду в Ногалес.

Он сжал губы, и от них пахло манговым бальзамом. Запах принес Луке радость.

– Ведь этот поезд идет в Ногалес? Да? – спросил Бето, откинувшись на локти и вытянув перед собой ноги.

– Надеемся, – ответил Лука.

– Впереди будет еще одна большая развилка в Бенхамин-Хилл. Одна дорога уйдет на север в Ногалес, а вторая на запад в Баху. По пути сюда я должен был там сойти, но поезд не остановился, поэтому пришлось ехать до следующей стоянки. – Бето вздохнул. – Надеюсь,

мы не вернемся обратно в Тихуану. А то получится, что я прокатился на «Ла-Бестиа», посмотрел мир, а теперь обратно на помойку.

Соледад издала стон.

– Хочешь сказать, что нам, возможно, придется делать еще одну пересадку? Но мы ведь так близко!

– Там видно будет.

Не меняя положения, Бето сунул руку в карман и достал оттуда горсть семечек. Он принялся разгрызать зернышки, выплевывая кожуру на землю возле колеи. Мальчик попытался угостить остальных, но у него были потные ладони, и все отказались от его щедрого предложения.

– И давно ты в пути? – спросила Соледад.

– Всего пару дней, – ответил Бето. – Ну да, сегодня третий или четвертый день. А это твоя сестра?

Он указал подбородком на Ребеку, которая сидела к ним вполоборота и смотрела на бегущий мимо невероятный пейзаж: низкорослую мешанину зелени, прораставшей из пыльной земли, раскаленный голубой небосвод, зубья далекой бурой горы и параллельное шоссе, по которому изредка проезжала какая-нибудь одинокая машина.

– Да, это Ребека. А меня зовут Соледад.

– А почему она все время молчит? Не умеет разговаривать?

Младшая сестра повернула к нему лицо, но глаза ее по-прежнему смотрели куда-то вдаль.

– Раньше я разговаривала, – произнесла она. – А теперь нет.

Бето привстал и отряхнул с пальцев соль и грязь от семечек.

– Это закономерно, – сказал он.

Примерно два часа спустя в маленьком городке под названием Бенхамин-Хилл поезд слегка сбросил скорость. Глядя на переплетенные рельсы, Лука с удовольствием отметил, что вскоре останется всего одна дорога, ведущая сначала на восток, а потом – снова на север, по направлению к Ногалесу.

Санта-Ана, Лос-Ханос, Бамбуто. *Есть, есть, есть.* Ближе к полудню Лука увидел невысоко над землей самолет. Тот все снижался, и вскоре показалось, что он вот-вот столкнется с поездом. Проезжая мимо взлетной полосы международного аэропорта Ногалеса, все мигранты припали к крыше вагона.

В Ногалесе у них возникло ощущение, будто они уже приехали в Соединенные Штаты. Поезд очень медленно затормозил, пропыхтев до самого центра города. Таких широких улиц Лука никогда раньше не видел. Таких больших машин – тоже. На крыше одного дома возвышался гигантский знак «Кока-колы», повсюду в небо тянулись бесчисленные радиобашни. И вдруг. Все они заметили его одновременно. Зеленый дорожный знак с белой надписью и стрелкой. На нем было только три буквы: «США».

Соледад заплакала. И даже не пыталась сдержаться: по щекам у нее потекли слезы, носом пошли сопли, которые девочке пришлось утирать запястьем; младшая сестра обвила старшую одной рукой, и та зарыдала еще сильнее.

– У нас получилось, – прошептала она Ребеке.

Бето поднялся на ноги (отчего Лидию едва удар не хватил) и, вовсе не желая никого обидеть, заметил:

– Пока еще нет.

Лука ущипнул его за лодыжку.

– Ой! Я хотел сказать, что у вас получится. У вас все получится!

– Ты не представляешь, как долго мы ехали, – сказала Соледад. – Даже просто увидеть это все...

Поезд замедлял ход и в какой-то момент привычно покачнулся, так что Бето, пошатываясь, сделал пару шагов вперед, потом еще полшага назад, а потом Лидия не выдержала и заорала:

– Да ради бога, сядь ты уже, пока не убился насмерть! Ты ведь не резиновый!

Ее смутила собственная непреднамеренная резкость, но Бето послушно сел на место и улыбнулся. Схватившись за грудь, Лидия сказала:

– Спасибо.

Прежде чем спуститься на платформу, они дождались, пока поезд затормозит. Настоящей станции тут не было, но подали красный сигнал, и поезд остановился. Теперь пассажиры были достаточно близко

к границе, чтобы не идти пешком неизвестно сколько, но все же достаточно далеко, чтобы избежать столкновения с *la migra*.

Поставив ногу на асфальт, Лидия почувствовала, как по всему телу прокатилась восторженная дрожь. Утомление постепенно отпускало ее, и на месте боли, горя, вины и ужаса появлялось предвкушение новых возможностей. Она развернулась и, подхватив сына под мышки, сняла его с лестницы.

– Мама, прекрати, я и сам могу, – возмутился мальчик.

Лидия поняла, что в присутствии Бето к Луке вернулось еще одно временно пропавшее свойство: неловкость за родителей. Она была рада и потому сказала:

– Прости.

– Ребята, вы есть хотите? – спросил Бето. – Я вот очень. Пойду поищу что-нибудь на *lonche*. Айда вместе?

– *Lonche*? – Лука растерялся.

– *Almuerzo*. Обед, – перевела Мама.

– А, тогда да. Я тоже хочу *lonche*.

– И я хочу *lonche*. – Это была Соледад.

Лидия прикинула, сколько у них осталось наличности: чуть больше ста долларов. Им, конечно, нужно есть, но этих денег надолго не хватит. Заметив, что она засомневалась, Бето сказал:

– Я угощаю!

Они зашагали по главной улице на север, а когда Бето увидел закусочную, остановились и заказали пять порций острого мясного рагу. Когда мальчик оттопырил карман, чтобы достать оттуда деньги, Лидия увидела толстую пачку банкнот, и все вдруг встало на свои места. Страх вернулся. Как же глупо было вот так вот запросто довериться этому мальчонке; и неважно, что у него дырявые кроссовки и пустой ингалятор. Ни один ребенок его возраста не может разгуливать по Ногалесу с такими богатствами. Лидия знала наверняка: такие ребята могут получать деньги только из одного источника. Она напряглась, но тут продавец передал ей пластиковую мисочку, запотевшую от ароматного дыма. Ей ничего не оставалось, как с удовольствием накинуться на еду. В последний раз так хорошо они ели в Кульякане. Сперва *lonche*, а уж потом – подозрения.

– Ух, боже мой, спасибо! – выговорила Соледад с набитым ртом. Бето кивнул, а девочка продолжала: – Пойдем посмотрим, а? Я хочу

посмотреть!

– Тогда просто смотри. – Бето указал ложкой куда-то в сторону.

Проследив за ней, Соледад увидела: неподалеку от того места, где они стояли – направив мыски к северу, – в ослепительных лучах солнца трепыхался флаг США – красно-белый, с голубым звездным полем.

– Прямо там? – На секунду она даже позабыла о еде. – Неужели прямо там?

– Прямо там. – Бето кивнул и набил рот мясом.

– А выглядит так... – Соледад не знала, как закончить предложение.

Улица кончалась бетонной дугой: справа – череда магазинов, слева – несколько внушительных административных зданий, а прямо за ними – стена, над которой виднелась еще одна стена, и, наконец, третья стена, увенчанная полосой колючей проволоки и подвесных камер. Как раз над третьей стеной и трепетал на ветру флаг США. Всего в нескольких метрах от него, по эту сторону границы, виднелся и другой флаг – мексиканский.

– Видите? – Бето указал на него рукой. – В этом-то и вся проблема, да? Посмотрите на флаг США. Видите? Такой яркий и красивый, как будто совсем новенький. А теперь посмотрите на наш. Весь рваный и потрепанный. И красный цвет уже даже не красный. Розовый.

Лука и сестры двинулись вперед, прошли мимо мексиканского флага и остановились у прозрачной секции стены, где было видно границу. Лидия осталась стоять с Бето, который, судя по всему, подобного уже успел навидаться. Хорошо, что ей выпала минутка побыть с ним наедине. Она хотела расспросить его про деньги.

– Такое впечатление, что у нас не осталось никакой гордости, что нам просто все равно, – продолжал Бето. – Нет, ну правда. Почему их флаг висит выше нашего? Неужели так сложно купить флажки одинаковой длины?

Взглянув наверх, Лидия поняла, что он прав. Мексиканский флаг действительно казался каким-то потрепанным и полинявшим, особенно по сравнению с американским, который как будто заменили только этим утром.

– Ну не знаю, – сказала Лидия. – Только представь себе, сколько это денег и работы – каждую неделю менять флаг на новый. Какой смысл?

Бето бросил ложку в клумбу, стоявшую неподалеку, наклонил пластиковую тарелку и, прихлебывая, стал пить бульон.

– По мне, все это просто агрессивный шовинизм, – заметила Лидия.

– Просто что?

– Пустая трата денег.

– Может, и так. – Бето пожал плечами. – Эти *estadounidenses* и правда чересчур озабочены своим флагом.

Допив остатки своего рагу, мальчик выкинул миску вслед за ложкой в клумбу.

– Можно кое о чем тебя спросить? – начала Лидия. – Раз уж мы заговорили о деньгах.

– Конечно, – ответил Бето, нервно переминаясь с ноги на ногу.

Лидия откашлялась.

– Я не могла не заметить, что у тебя с собой довольно приличная сумма.

Мальчик, не задумываясь, сунул руку в карман. Взглянув мельком на Луку и сестер, по-прежнему стоявших у стены, Лидия нагнулась и подняла пластиковую посуду, которую выбросил Бето. Поставив собственную миску на край клумбы, она сходила к ближайшей урне и выкинула мусор. А когда вернулась, увидела, что Бето теперь сидит рядом с ее обедом. Взяв в руки миску, она устроилась возле мальчика и вновь принялась за еду.

– Это мои деньги, – сказал он. – Я их не украл.

– Конечно нет. Я тебя не обвиняю.

– И я не делал ничего плохого, чтобы их получить.

Лидия продолжала есть.

– Я понимаю, что это не мое дело, – заговорила она. – Но, естественно, у меня возникли кое-какие вопросы. Иногда деньги вызывают опасения. Особенно здесь. Особенно когда речь идет о ребенке, у которого нет ни работы, ни богатых родителей.

Бето не сводил глаз с расплющенного куска жвачки на асфальте рядом с его ногой.

– Может, у меня есть богатый дядя, – сказал он.

Лидия нахмурилась.

– Слушай, на вид ты – хороший парень, но у нас уже было достаточно проблем. Мы просто не можем позволить себе новые.

Распрямив спину, Бето стал оправдываться:

– Я кое-что продал, и мне заплатили.

Лидия положила ложку в пустую миску и стала ждать дальнейших пояснений. Но мальчик молчал, и ей пришлось на него надавить:

– Кое-что – это что?

Бето уперся локтями в колени, что при его росте было не очень-то удобно – он едва доставал ногами до земли.

– Я нашел пистолет.

Он взглянул женщине в глаза, пытаясь оценить реакцию. Лидия сохраняла спокойствие, и тогда Бето продолжил:

– А еще наркотики.

– Понятно. – Она кивнула.

– На самом деле я их не продавал, а просто вернул одному парню в *домпе*, который их потерял.

– То есть деньги были скорее вознаграждением?

– Да, можно и так сказать. Он спросил, не хочу ли я на него поработать, а я ответил, что единственное, чего я по-настоящему хочу, – это выбраться с *домпе* и уехать на север. Тогда он дал мне денег.

– Так много?

Бето пожал плечами.

– Мне кажется, ему было меня жалко – из-за того, что случилось с Игнасио, и вообще. Всем в *домпе* было меня жалко, особенно когда пропала *мами*. – Лидия закусил губу. – Он даже не стал их пересчитывать. Просто сходил к сейфу и достал оттуда пачку наличных. Велел ехать в Ногалес, если я и правда хочу перебраться через границу.

– Даже не стал пересчитывать?

– Не-а.

Лидия понимала, что Бето вряд ли стал бы врать. Он выглядел слишком наивным, да и не обязан был ей ничего объяснять. И все же его история казалась просто невероятной. Зачем кому-то давать ребенку такие большие деньги? Поскольку обидеть Бето было практически невозможно, Лидия снова надавила:

– Ты уверен, что не взял их сам? Может, когда тот парень спал или еще чего?

Мальчик рассмеялся.

– Да ты что? Чтобы сделать что-то подобное, нужны настоящие *huevoz*^[98]. – Он покачал головой. – Или желание умереть.

– Ясно, – ответила Лидия.

– У меня такого желания нет, – на всякий случай пояснил Бето. – Мне нравится жить.

– Очень хорошо.

– Несмотря ни на что.

Лидия случайно стиснула свою миску, так что та надломилась, и ей в ладонь потекла струйка соуса. Вытершись о джинсы, она взглянула в круглое лицо Бето. Философ, подумала она. Резковат, но всегда разговаривает честно, а его манеры – всего лишь провокация. *Несмотря ни на что, ему нравится жить.* Могла бы она сказать такое про себя? Как бы то ни было, для любой матери этот вопрос скорее риторический. Ее выживание – дело инстинкта, а не желания.

– Если хотите правду, мне кажется, он дал больше, чем собирался, – неожиданно признался Бето. – Он был обкуренный.

– Вот оно что. – Для Лидии все наконец встало на свои места.

– Я пообещал, что верну деньги сразу, как найду работу *en el otro lado*^[99], но он сказал: «Как попадешь на ту сторону, просто иди вперед. И никогда не оглядывайся».

Лидия кивнула.

– Значит, так все и было?

– Так все и было. И вот он я!

– И вот он ты.

Лука обернулся, чтобы удостовериться, что они с Бето по-прежнему рядом. Затем снова устремил взгляд на север.

– И никто за тобой не придет, так?

– Надеюсь, что нет! Я не утаивал налогов, в тюрьме не сидел, алименты всегда платил в срок.

Откашлявшись, он сплюнул на тротуар. Потом прищурился и взглянул на стену.

– Я свободный человек.

Лидия рассмеялась:

– Ты, конечно, неординарная личность.

– Да-да, про меня всегда так говорят: «Неординарная личность».

Собрав за собой пустую посуду, Лидия снова сходила к урне. Вернувшись, она сказала:

– Судя по всему, тебе давно требуется немного удачи.

– Так и есть, теперь моя очередь. *Darle la vuelta a la tortilla*^[100].

– Как ты собираешься пересекать границу? У тебя есть план?

Вытянув шею, Бето принялся изучать стену. Здесь она выглядела такой же неприступной, как и в Тихуане.

– Иногда дети просто подходят к будке и сдаются. Если ты из Центральной Америки, тебе могут предоставить убежище. Слышали про такое?

– Про караваны? Конечно.

Как и другие люди, которые живут в комфорте и достатке, но все же замечают признаки нищеты, Лидия краем уха слышала о миграционных караванах из Гватемалы и Гондураса. Про этих людей рассказывали по радио, пока она готовила ужин на кухне. Про матерей, которые проходят тысячи миль, толкая перед собой коляски; про детей, которые стирают свои розовые кроксы до дыр; про тысячи семей, которые объединяются из соображений безопасности и собирают все больше попутчиков, пока неделями идут пешком, иногда ловят попутные грузовики, прыгают на Зверя, когда могут, спят в церквях и на футбольных стадионах – все ради того, чтобы попросить на севере убежища. Лидия нарезала лук и кинзу и слушала их истории. Как они бежали от насилия и бедности, от преступных группировок, которые были сильнее законного правительства. Как боялись, но оставались непреклонными, твердо решив, что доберутся до США или погибнут по дороге, потому что в родных краях их шансы на выживание были еще меньше. Лидия слышала, как эти матери поют своим детям, и ее переполняли эмоции. Она бросала овощи в раскаленное масло, и сковородка шипела в ответ. Эмоций было множество: гнев на несправедливость, беспокойство, сострадание, ощущение собственной беспомощности. Но, по правде говоря, им не хватало глубины: осознав, что у нее закончился чеснок, Лидия переключалась на бытовое раздражение. Ну вот, ужин будет пресным. Себастьян, конечно, ничего не скажет, но по его лицу пробежит тень недовольства, она ее заметит и разозлится. Будет сдерживать себя, чтобы не затеять ссору.

Сидевший рядом Бето продолжал:

– Я слышал, что, если твоя жизнь в опасности и ты приходишь сюда, они не имеют права отсылать тебя домой.

Лидия воспринимала это как городскую легенду, но не могла не спросить:

– А обязательно быть из Центральной Америки? Чтобы попросить убежища?

Бето пожал плечами:

– А что? Ваша жизнь в опасности?

Лидия вздохнула.

– А у кого нет?

Сестры позвонили койоту из таксофона. Теперь они чувствовали себя опытными пользователями, и помощь Луки им не требовалась. Соледад объяснила койоту, что они уже в Ногалесе и что с ними еще три человека, которые тоже хотели бы присоединиться к группе.

– Они смогут идти? – спросил койот. – Это не развлекательная прогулка. Они должны быть в хорошей форме.

– Да. С ними все в порядке.

– Где вы сейчас?

Прижав трубку к щеке, Соледад осмотрелась.

– Не знаю точно, мы прямо у границы. Рядом с железной дорогой.

– Видите оттуда флаг США? Над большим белым зданием?

– Да.

– Понятно. Я знаю, где вы.

Койот сказал, что встретит их на площади в паре кварталов от телефонной будки. Придет туда в течение часа. Соледад в волнении повесила трубку и пересказала новости Лидии и мальчишкам.

– Он согласился, чтобы вы тоже пришли. Сейчас нам нужно будет с ним встретиться.

Сначала они надеялись сами позвонить *papi*, но после трех попыток сообразили, что они звонят по межгороду и нужно вводить какие-то коды. Пришлось снова просить о помощи Луку. В конце концов выяснилось, что им не хватает денег, поэтому девочки решили довольствоваться молитвами.

– С ним все будет в порядке, – решительно сказала Ребека. Если повторять эти слова достаточно часто, они, возможно, станут правдой.

На площади Детей-героев стояли нарядные позолоченные лавки, но все те, что в тени, были уже заняты, поэтому Лука и Бето расположились на краю очередной клумбы, а Лидия села рядом на ступеньку. Сестры взялись за руки и, прижавшись друг к другу, принялись медленно ходить кругами по площади. Лидия видела, как другие люди обращают на них внимание, как замечают их красоту и явно запущенный вид.

У нее в сердце накопилось так много тревог, что выбрать какую-то одну для детального рассмотрения уже не получалось. Она боялась сидеть у всех на виду, боялась, что кто-то ее узнает. Всякий раз, когда случайный прохожий смотрел сначала на нее, а потом в экран мобильного телефона, Лидию охватывал страх. В основном он воздействовал на живот и конечности. Она сидела вжавшись в стену, с рюкзаком в ногах, и надеялась, что никто ее не заметит. В статусе мигранта все же было одно преимущество: когда по-настоящему живаешься в этот образ, становишься почти невидимым для окружающих. Никто на тебя не смотрит; на самом деле окружающие изо всех сил стараются *не смотреть*. Лидия надеялась, что это общее безразличие распространится и на шпионов картелей, если, конечно, Хавьер вообще держал шпионов в Ногалесе. А еще она волновалась по поводу денег. Во сколько обойдутся услуги койота, сумеет ли она снять наличные с банковского счета матери, и даже если да, то какая сумма у них останется после того, как они перейдут границу. Опасения вызывал и сам койот. Мамины деньги были для них последней надеждой, и сама мысль о том, что их можно просто снять и передать какому-то незнакомцу, казалась безумием. Как вообще определить, честен ли он, какие вопросы задавать? Какой у этого койота будет стимул выполнять свою часть сделки, когда деньги окажутся у него? Что помешает ему завести их подальше в пустыню и бросить на произвол судьбы? Ну и конечно, самый главный вопрос: есть ли у них альтернатива?

Рядом, свесив ноги с бортика клумбы, сидели Лука и Бето и тихонько переговаривались. Долбили пятками по стенке. Бето водил веточкой по клумбе, словно карандашом. Лука оторвал от куста два листика, переплел их стеблями и теребил в руке. Лидия по-прежнему волновалась, но в то же время неожиданно всем существом ощутила, что ее волнение бессмысленно. Самое худшее либо случится, либо нет, и никаким волнением ты не сможешь повлиять на этот исход. *Не думай*. Она уперлась локтями в колени.

Шакал отыскал сестер без труда.

– *Dios mío*, – сказал он вместо приветствия и покачал головой.

Соледад почувствовала, что он их оценивает – черты их лица, потенциальные проблемы их красоты. Его колебания были очевидны,

и Соледад радовалась, что они вызывают у этого мужчины именно сомнение, а не что-либо другое. Наконец тот нехотя кивнул.

– Соледад? – спросил он.

– Это я, – ответила девочка. – А это моя сестра Ребека.

Соледад ущипнула ее за локоть, и та кивнула.

Койот оказался невысоким мужчиной, ростом едва выше сестер. У него было красивое, гладко выбритое лицо с угловатыми скулами. Щеки – на тон розовее остальной кожи, отчего выглядел он чуть дружелюбнее, чем мог бы. Жилистый и стройный, Шакал носил чистые «левайсы» и красную футболку с надписью «GAR». Он и сам бы сошел за мигранта, если бы не обувь: на ногах у него были новенькие «аидасы».

– Где остальные? – спросил он.

– Вон там. – Соледад повела его к клумбе.

– Ой, – выдохнул мужчина и покачал головой. – Дама с двумя детьми?

Мальчики его услышали и, не сговариваясь, спрыгнули с клумбы на землю.

– Обо мне не волнуйтесь! – заявил Бето. – Мне двадцать три года. Просто у меня нарушение роста.

Он знал словосочетание «нарушение роста», потому что такая же болезнь была у одного знакомого паренька в *домпе*: этот паренек, его ровесник, прекратил расти, когда им было по шесть лет, а Бето все рос и рос, пока не вымахал в два раза выше. Про нарушение роста им рассказал один из заезжих священников. Тогда, правда, это не имело особого значения: узнав, как называется его состояние, паренек так и не начал расти. Глядя на койота, Бето широко улыбался.

– Двадцать три, *de verdad*^[101]? – спросил Шакал.

– К тому же у меня ангельский голос, – продолжал мальчик.

Положив руку на грудь, он запел. То было очень громкое, не полностью фальшивое исполнение одной поп-песни, которую Лука раньше слышал, но не сумел бы назвать. Когда Бето уже почти перешел на рэп, Шакал выставил руку в попытке его утихомирить.

– Впечатляет, да? – поинтересовался мальчик. – На *домпе* меня называли местным Джеем Бальвином.

Койот не моргая таращился на Бето, который отбивал чечетку прямо посреди площади.

– Ладно, ладно, *siéntate*^[102]. – Шакалу не нравилось привлекать ненужное внимание.

Бето взгромоздился обратно на клумбу. Настал черед Лидии. Она поднялась.

– Мы с сыном приехали из Герреро. Залезали на «Ла-Бестиа». Мы умеем за себя постоять и не станем вас задерживать.

– Вы не поверите, на что способен этот пацан, – вмешалась Ребека. – Если потребуется, он будет идти по пустыне целую неделю.

Нахмурившись, койот взглянул на Соледад:

– Твой брат говорил, что у меня хорошая репутация, да?

– Говорил.

– А знаешь, почему у меня хорошая репутация?

Девочка покачала головой.

– Потому что я не работаю с детьми. Мне не нравится бросать людей в пустыне. Мне не нравится, когда кто-то умирает. Поэтому я отбираю только тех, кто точно не умрет.

Лука сжал крепче мамину руку и сказал:

– Я не собираюсь умирать.

Шакал посмотрел на него.

– Никто *не собирается* умирать.

– Пусть так, – согласился мальчик. – Но я собираюсь *не умереть*. Разница очень большая.

Лидия задержала дыхание. Было видно, что Лука произвел на койота впечатление.

– Неужели? – Мужчина чуть отпрянул, чтобы получше разглядеть лицо мальчика под козырьком красной бейсболки.

– Да. Я об этом думал.

– Ты об этом думал! – Койот рассмеялся. – Думал о смерти?

– Конечно.

– И?

– И пока что умирать я не хочу.

– Понятно. – Мужчина кивнул.

– Поэтому я останусь живым.

– Ясно.

– С вашей помощью или без, – заключил мальчик, а когда Лидия легонько ущипнула его за затылок, добавил: – Но, разумеется, ваша помощь дала бы мне значительное преимущество.

Койот рассмеялся еще громче.

– ¡Órale!^[103] – сказал он, примирительно поднимая ладони. – Ладно, ладно.

Бето спрыгнул с клумбы на землю. Он знал, когда стоит помалкивать, и держал язык за зубами.

– Ладно, – повторил Шакал, а потом обратился к Лидии: – У вас есть деньги?

Она попыталась придать лицу безразличное выражение и спросила как бы между делом:

– А какова цена?

– Для тебя – пять тысяч. Для каждого ребенка – по шесть.

– Долларов? – Лидия открыла от изумления рот.

– *Claro*^[104].

Сестры платили по четыре.

– Но я думала... – начала было она.

– Это не обсуждается, – отрезал койот. – У меня и без вас хватает клиентов. Я не гоняюсь за заработком. Хотите пойти с нами – платите сколько сказано.

Лидия прикрыла рот. Ей не хватало. Она не знала точно сколько, но не хватало. У нее скрутило живот, и впервые за очень долгое время она почувствовала, что вот-вот расплачется. В носу защипало. Какое облегчение. Она боялась, что больше не способна плакать.

– Сколько это в песо? – Бето выудил из кармана пачку наличных и принялся пересчитывать.

Койот накрыл его руку ладонью.

– Спрячь! – велел он. – Хочешь, чтобы тебя убили или ограбили?

Пока мужчина оглядывался по сторонам, чтобы убедиться, что никто за ними не следит, Бето сунул деньги обратно в карман.

– Послушай, – продолжал Шакал. – Если ты пойдешь с нами, то первое, что тебе придется сделать, – прекратить вести себя как идиот. Понятно?

Бето смутился и прекратил паясничать.

– Понятно, – ответил он с искренним сожалением. – Простите.

Шакал кивнул.

– Отныне без моего разрешения тебе нельзя даже чихнуть. И ради бога, не вываливай ты из кармана все свои деньги и не начинай пересчитывать прямо посреди улицы!

– Понятно.

– У вас будет небольшая комната в квартире с другими людьми, – объявил Шакал, переключив внимание на Соледад. – Но это ненадолго, всего на пару дней.

– В квартире? – переспросила девочка.

Она скинула с плеча рюкзак, чтобы глотнуть воды из своей бутылки. Мальчики принялись собирать вещи.

– Да. Это место, которое я использую для подготовки. Вы пробудете там день или два, пока не подтянутся остальные.

Койот зашагал прочь, и Лидия схватила рюкзак и пристроилась рядом.

– Сначала мне нужно зайти в банк, – сказала она.

Койот повернул голову и посмотрел на нее, вскинув брови.

– В банк? – говорил он так, будто она попросила его слетать на Луну.

– Да. Чтобы снять для вас деньги.

– В банк! – снова повторил мужчина. – По-моему, мне стоило взять с вас больше денег!

С этими словами он расхохотался, и, хотя от его смешливости и совершенно неожиданного дружелюбия Лидия немного оттаяла, разделить его веселье она не могла.

К счастью, поблизости нашлось отделение банка, которым пользовалась ее мать. Оставив Луку с сестрами на входе, Лидия направилась внутрь. Снаружи здание выглядело так, словно его только что побелили; на фоне такой чистоты Лидия особенно остро чувствовала собственную неопрятность. На секунду задержавшись перед зеркалом, она окинула взглядом свое отражение. Последние три дня она носила одну и ту же бледно-голубую рубашку. У нее были влажные подмышки, а на голове – воронье гнездо. Она надеялась, что, по крайней мере, от нее не воняет, но сказать наверняка было трудно. В юности Лидия не красилась, но после тридцати взяла за правило почти каждое утро наносить на лицо немного пудры, чтобы спрятать морщинки на лбу. Отправляясь на работу, она подкрашивала глаза тушью, а на губы наносила тонкий слой бесцветного блеска. Раз в два дня мыла голову, а если приходилось выставлять книги, собирала волосы в конский хвост. Женщина в отражении совсем не походила на ту Лидию из недавнего прошлого. Эта женщина была худой и смуглой, с жилистой шеей и натруженными руками. Немытая, с темными

кругами вокруг глаз и угрюмой физиономией. Как бы ей хотелось получить доступ к спасительной косметичке, которая осталась висеть на деревянном крючке в их ванной; с другой стороны, при виде этого страшилища она чувствовала облегчение: может, никто и не поймет, что перед ними та женщина, которая запечатлена на фотографии рядом с Хавьером. Хотелось бы ей отделаться от этой розовой шляпы и затолкать ее поглубже в рюкзак. Она чувствовала себя нелепо и неуместно, будто собиралась зайти в церковь в купальнике. Но, даже несмотря на все перемены, без этой шляпы Лидия оказалась бы слишком на виду. *Хватит пустых мечтаний.* Прямо у нее над головой висела камера, и ей совсем не хотелось маячить перед объективом. Опустив голову, она распахнула дверь и шагнула внутрь.

В вестибюле горели флуоресцентные лампы и работал кондиционер, отчего по ее рукам сразу забегали мурашки. Тело совершенно отвыкло от удобств, создаваемых электричеством. Чтобы немного согреться, Лидия растерла плечи ладонями, а потом подошла к банкомату и проверила баланс карты. Вся сумма по-прежнему была на месте, нетронутая: 212 871 песо. Она выдохнула через рот. На снятие наличных стояло ограничение: не более 6000 песо в день. Лидия откладывала этот момент по многим причинам. Не последняя из них заключалась в том, что она попросту не знала, как получить деньги без необходимых документов. Конечно, держать их в банке во время такого путешествия было намного безопаснее. Но в то же время оттягивать решающий момент было куда проще. Лидия была не готова признать ужасную правду: ее мать действительно умерла. Ей казалось, что снять мамины деньги – все равно что их украсть. Лидия хотела, чтобы так оно и было. По-настоящему скорбеть у нее не получалось, и потому Лидия придумала для себя историю, которая почти работала: она воображала, что уехать пришлось только ей и Луке, а остальная родня по-прежнему здорова и счастлива и живет в Акапулько своей обычной жизнью. Она представляла себе, как по утрам Себастьян выходит из душа в своем голубом полотенце и как задевает мокрым плечом висящую на крючке косметичку. Как бы ей хотелось продлить эту фантазию.

Но само существование этих электронных денег было чудом. Одноразовым парашютом. Подойдя к конторке, Лидия вписала в квитанцию имя матери, а потом села ждать, пока управляющая позовет

ее в одну из отгороженных кабинок. Рюкзак она поставила рядом на свободный стул. Ей повезло: в кабине сидела женщина. На ней был темно-синий пиджак, в черных волосах – одна-единственная седая прядь. Добрая на вид. Изучив получше ее черты, Лидия внезапно приняла решение. Она обо всем ей расскажет. Обо всем, что случилось. Она отдастся на милость незнакомке с добрым лицом.

До этого свою историю Лидия рассказывала всего дважды. Первый раз – Карлосу в его кабинете над церковью в Чильпансинго, второй – монахине Сесилии в мигрантском убежище в Уэуэтоке. Оба раза дались тяжело, но взамен Лидия испытала нечто похожее на избавление.

– Что я могу для вас сделать? – спросила операционистка, скрестив перед собой пальцы.

Она не отпрянула, не стала с подозрением рассматривать рюкзак Лидии. Она вела себя любезно. На коричневом биджике значилось имя: «Паола».

– Мне... – начала было Лидия и вдруг почувствовала, как у нее закололо в носу и все слова будто застряли в глотке. – Мне нужно закрыть банковский счет моей матери.

– Хорошо, – ответила Паола. – С этим я могу вам помочь. Ваша мать... сможет ли она прийти с вами или...

– Она скончалась.

– Мне очень жаль, примите мои соболезнования. – Паола говорила не то чтобы неискренне, скорее машинально, потому что именно такие слова принято говорить в подобной ситуации.

Лидия представляла себе этот момент совсем иначе; ей бы хотелось начать свою историю не так формально, не так холодно. Покачивая головой, она слегка придвинулась к столу. И снова Паола не стала отстраняться.

– Мне нужна ваша помощь.

– Разумеется. – Операционистка кивнула и легонько похлопала Лидию по руке, прежде чем опять соединить пальцы. – Тогда нам понадобятся свидетельство о смерти и копия завещания...

Лидия откашлялась и перебила ее. Она смотрела не на ее лицо, но на сложенные руки и на золотой ободок простого обручального кольца. Она заговорила, не поднимая глаз:

– Мою мать убили. Всю мою семью убили по приказу картеля в Акапулько. Мужа, сестру. Шестнадцать членов моей семьи.

Говорила Лидия очень тихо, приблизив голову к Паоле; через стол было слышно, как у той перехватило и остановилось дыхание. Взглянув мельком ей в лицо, Лидия увидела на нем знакомую оторопь. Паралич, вызванный состраданием. Поэтому оставшуюся часть истории она проговорила быстро, опасаясь, что оробеет, или собьется, или расплачется:

– Нам с сыном удалось бежать. Он ждет меня снаружи. У нас были кое-какие сбережения, но в Синалоа нас похитили, и теперь их нет. Нам нужны мамины деньги, чтобы заплатить койоту. Чтобы перейти границу. Других детей у моей матери не осталось.

Теперь на столе лежала только одна рука Паолы – та, на которой было обручальное кольцо. Второй рукой управляющая прикрыла рот в попытке сдержать непрофессиональную реакцию.

– Боже мой, – выдохнула Паола.

Что еще ей оставалось сказать? Выдвинув ящик, она достала оттуда коробку салфеток и поставила на середину стола.

– Та самая резня в Акапулько, на дне рождения. Я про вас читала. Ваша семья... Боже мой, мне так жаль.

– Спасибо. Это была пятнадцатая годовщина моей племянницы. Йенифер.

Вытянув из коробки салфетку, Паола прижала ее к носу. Лидия тоже взяла одну. Встретившись глазами с управляющей, она спросила шепотом:

– У вас есть дети?

Паола кивнула:

– Трое.

– Я боюсь, что мы погибнем. Эти деньги – единственный шанс спасти моего сына.

Паола отодвинула свой стул на колесиках.

– Подождите здесь.

Прошла, должно быть, целая вечность; наконец операционистка вернулась, держа в руках толстую папку с документами. Она села обратно за стол, и Лидия распрямила спину. Открыв папку, Паола щелкнула мышкой, и перед ней загорелся экран компьютера.

– У вас есть удостоверение личности? – спросила она.

– Да.

Порывшись в рюкзаке, Лидия выудила оттуда карточку избирателя. Когда она вручила ее Паоле, та сверила фотографию, а потом положила удостоверение сверху на папку.

– Банковская карта?

– Да. – Лидия достала и ее тоже.

– Являетесь ли вы законным опекуном банковского счета вашей матери?

– Нет.

– Полагаю, что свидетельства о смерти у вас тоже нет.

– Нет.

– Копии завещания?

– Нет.

Лидия пыталась не паниковать. Конечно, эта женщина попробует ей помочь. Она все понимает. Знает, что у нее нет всех этих документов и что единственный способ их получить – вернуться в Герреро на верную смерть. Но что, если без них снять деньги попросту невозможно? Что, если Паола, несмотря на все попытки отыскать лазейку, всего лишь подтвердит ужасную правду, которую Лидия и так уже знает? Что она не имеет законного права претендовать на деньги матери. Лидия старалась глубоко дышать, но перед глазами у нее все плыло.

– Кем вы работаете? – спросила Паола.

– Я держу собственный книжный магазин в Акапулько. Или держала. Наверное, до сих пор держу.

Управляющая застучала пальцами по клавиатуре.

– Как он называется?

– *Palabras y Paginas*^[105].

Снова забив что-то в компьютер, Паола развернула монитор к Лидии. Оказалось, она не заполняла никаких форм. Она проверяла Лидию в Гугле. Хотела убедиться, что все это – не какая-то афера.

– Это вы? – спросила Паола.

Она открыла страницу сайта, который Лидия давно собиралась обновить. В разделе «Контакты» стояла ее фотография. На ней были черные лосины и объемный свитер. Вещи, которые она больше никогда не наденет. Они остались в Акапулько, в корзине для грязного белья. Увидев выражение абсолютного счастья на собственном лице,

Лидия почувствовала, как в груди перехватило дыхание; в кабинке раздался одинокий всхлип. В тот момент ей хотелось только одного: чтобы стенки вокруг нее доставали до самого потолка. Ее глаза сложились в две линии, рот искривился еще в одну. Она кивнула. Паола сжала ее ладонь в своей. Потом поднялась и обошла стол. Убрала со стула рюкзак и села рядом.

– В августе прошлого года пропал мой племянник, – прошептала она. – Его искали три дня, а когда нашли, то голова...

Паола надолго замолчала, и в какой-то момент Лидии показалось, что она так и не договорит. Но управляющая собралась с силами и закончила:

– Его голова была отдельно от тела. – Дрожащими руками она сжимала руку Лидии. – Он был таким красивым мальчиком.

Лидия ощутила ту же оторопь, тот же сострадательный паралич. Глубина этого чувства поразила даже ее самое: откуда в ней только взялась эта лишняя скорбь – не за себя, но за другого человека, за убитого племянника Паолы? Откуда в ней эта опустошающая тоска по красивому мальчику, которого она никогда не знала? В тот момент она горевала за всех: за бесчисленное множество прекрасных мальчиков, которых украли из семьи, за бесчисленное множество семей, объединенных общей трагедией. Болью немислимых размеров. Растущей в геометрической прогрессии. Каждая новая смерть множила эту боль на сотню, а может, на тысячу. Каждый служащий этого банка чувствовал толику общего горя. Каждый житель Ногалеса. Каждый, кому приходилось выживать в этой стране, поделенной на сферы влияния людьми вроде Хавьера. *Ради чего?*

Лидия дала волю чувствам. Вся буря эмоций, которую она неделями копила в себе, теперь разом выплеснулась наружу. Сидя на деревянном стуле, Лидия сжалась в комочек и тихонько заплакала; тело ее скрутило от тоски, и вдруг на спине она почувствовала руки Паолы – нет, руки самого Бога. То были руки Себастьяна, Йеми, Йенифер. Руки ее матери. Лидия уронила лицо на колени Паолы, и Паола плакала вместе с ней. Они оплакивали себя и друг друга. Немного успокоившись, женщины утерлись бумажными платками из коробки на столе.

Паола потрепала Лидию по колену и звонко высморкалась в салфетку, которую затем скомкала и метко запустила в урну, стоявшую

в дальнем углу кабинки.

– Пусть меня уволят, – негромко сказала она, – но я достану для вас эти деньги.

В висках у Лидии стучала кровь. Не веря своим ушам, она прикрыла глаза в знак благодарности. В носовых пазухах у нее по-прежнему клокотала влага.

Через несколько минут перед ней лежал конверт с наличными. Отперев нижний ящик тумбочки, Паола достала сумочку и выудила из кошелька бумажку в пятьсот песо.

– Для вашего сына, – сказала она.

Лидия обняла ее, понимая, что никогда не сможет отблагодарить. Это было невозможно.

Квартира, хоть и была скудно обставленной и безликой, оказалась на удивление опрятной. Располагалась она на нижнем этаже дома, как бы встроенного в пригорок, поэтому сразу за порогом надо было спускаться по лестнице. Четыре большие комнаты: гостиная (с двумя черными кожаными диванами, плоским телевизором и мрачной картиной на стене), кухня (где в холодильнике нашлись лишь два яйца и банка майонеза) и две спальни (совершенно пустые, если не считать проволочной вешалки на плиточном полу в одной и баллончика репеллента от moskitov на высоком подоконнике в другой). За кухонной стойкой с глянцевым покрытием Лидия рассчиталась с Шакалом. За двоих тот потребовал 11 тысяч долларов. Но в долларах она отдала лишь половину, остальное отсчитала в песо, потому что в банке не нашлось достаточно валюты. Две стопки наличных включали сбережения с банковского счета ее матери, бумажку в пятьсот песо, которую дала Паола, и все, что Лидия выгребла из собственного кошелька. Обменный курс оказался крайне неудачным, и потому конечная сумма составила 10 628 долларов США. Еще пару недель назад, когда песо был сильнее, она сумела бы заплатить полную стоимость. Но в тот день ей не хватило 372 долларов. Койот пересчитал наличность, сверился с обменным курсом на своем мобильнике, понял, что там не хватает, и, покачав головой, возвратил ей обе стопки.

– *No es suficiente*^[106], – объявил он.

– Но ведь совсем чуть-чуть. Может, я могла бы заплатить остаток, когда мы перейдем границу? Я найду работу и верну всю разницу.

– Это не так устроено.

Лидия поверить не могла, что в конечном счете все упрется в каких-то 372 доллара.

– У нас было больше денег, но по дороге нас ограбили. – В ее голосе послышалось отчаяние.

– Всех по дороге грабят, – отрезал Шакал.

– Нет, – вступилась Соледад. – Произошло другое. Она заплатила за нас выкуп.

– Спасла нам жизнь! – сказала Ребека и обратилась к сестре: – Можно попросить Сесара. Мы обязаны помочь.

Соледад переживала, что снова придется просить брата о деньгах, но все равно кивнула. В воздухе ощущалась взвинченность, проступавшая то на одном лице, то на другом. И только койот оставался совершенно спокоен.

– Мы задержимся тут как минимум на день-два. Вы с сыном можете остаться. Найдете деньги до отправления, можете идти с нами.

«Два дня», – подумала Лидия. В Акапулько они привыкли экономить: никогда не трогали семейные сбережения, носили на работу домашние обеды в контейнерах, новую одежду покупали, только когда старую уже нельзя было залатать. Изредка ходили в ресторан или в кино. Большого они позволить себе не могли. На прошлую годовщину Себастьян подарил ей флакончик лавандового масла, чтобы перед сном она могла смочить каплей свою подушку. Какая роскошь! Лидии вспомнилась их маленькая солнечная двухкомнатная квартира: куча обуви и книг, которые постоянно собирали пыль; кладовка, до отказа набитая банками кукурузы, сухой фасолью и овсянкой; шкаф в прихожей, где хранились стопки белья; два пузатых бокала над мойкой. Теперь все это казалось каким-то сумасбродством. У нее не осталось ничего. Можно было что-нибудь продать, но что? Как за два дня раздобыть 400 долларов? В мыслях Лидия перебирала людей. *Мертвы. Все они мертвы.* Если бы у нее был телефон дяди в Денвере, она могла бы позвонить. В горячке она со стыдом подумала о собственном теле. Сколько можно было бы взять за секс? Идея была тошнотворной, мерзкой, и Лидия обрадовалась, когда сумела прогнать ее прочь без лишних размышлений. Она что-нибудь придумает.

Позади на одном из черных кожаных диванов Бето и Лука болтали про машины, но кожей чувствовали всеобщее напряжение и в какой-то момент тоже ему поддались. Вскоре мальчики возникли по разные стороны от Лидии, словно два магнита.

– Мама, что-то не так? – спросил Лука.

– Ничего, милый, *no te preocupes*^[107].

Но Бето, привыкший догадываться о происходящем без каких-либо объяснений со стороны взрослых, посмотрел на две стопки денег, на Лидию, потом на койота и спросил:

– Сколько ей не хватает?

Взяв с кухонной стойки свой мобильник, Шакал зачитал сумму:

– Триста семьдесят два доллара. – После чего вернул телефон на место.

– Сколько это в песо?

Койот пересчитал.

– Семь с половиной тысяч.

На глазах у Лидии мальчик сунул руку в карман и достал оттуда пачку наличных. Он уже заплатил за себя и все равно мог ни в чем себе не отказывать. «Мы только-только познакомились, – подумала Лидия. – Он даже не понимает, сколько это денег!» Но в ту же секунду она отвергла все сомнения. У Бето нашлась недостающая сумма. Притянув мальчика к себе, она обняла его и сказала:

– Спасибо!

Шакал объявил, что надо ждать, когда появятся оставшиеся клиенты, и что пока они могут отдохнуть и почувствовать себя как дома. Так и не дав никаких указаний, он распрощался и ушел, и Лидия начала сомневаться, что он вообще вернется. Они отдали ему все сбережения, свою последнюю надежду добраться до севера. Он не был похож на вора, но что, если внешность обманчива? Что, если по дороге назад он случайно угодит под автобус? Сжав кулаки, Лидия велела самой себе заткнуться. *Не думай.*

Когда за койотом закрылась дверь, все они разулись и ощутили давно забытую радость хождения босиком. Какое же это наслаждение – размять пальцы ног, свободные от обуви. *Con un olor a queso*^[108]. Лука и Бето принялись носиться по квартире, оставляя на прохладной плитке призрачные следы влажных ступней. Соледад заправила футболку и показала им трюк: подойдя поближе к стене, она сделала кувырок и встала на руках. Мальчики восхищенно аплодировали. Затем троица попыталась включить телевизор, но оказалось, что плазма не работает. В одном из кухонных ящичков Лидия отыскала потрепанную книгу в мягкой обложке и, когда дети отправились вздремнуть, решила немного почитать. То был довольно старый роман Стивена Кинга, который она уже читала много лет назад. Нырнув с головой в знакомую историю, Лидия смогла ненадолго перенестись в прошлое и даже ощутить связь с той версией себя, которая когда-то впервые открыла эту книгу. Акт единения казался и удачей, и чем-то

священным. Когда час сиесты подошел к концу, она нехотя оторвалась от чтения и оставила книгу на диване разворотом вниз, на странице 73. Всем очень хотелось принять душ, поэтому, обнаружив, что в доме нет горячей воды, путники расстроились. Еды и кастрюль тоже не было, лишь одна-единственная сковородка, в которой Лидия нагрела немного воды, чтобы можно было вытереть с кожи пыль и пот. На закате все легли спать на пустой желудок, довольствуясь лишь относительно недавними воспоминаниями о мясном рагу.

Рано утром, когда они как раз обсуждали завтрак, дверь вдруг распахнулась, и Лидия вздохнула с облегчением, увидев на пороге Шакала, за которым по ступенькам шли двое мужчин и одна женщина средних лет. Он по-прежнему был здесь. Он их не бросил. Мимолетное успокоение сменилось страхом: кто все эти люди? Лидия разглядывала их, надеясь обнаружить хоть какую-то зацепку, опознавательный знак. Мужчины, судя по всему, пришли вместе. Оба молодые, в бейсболках с опущенными на глаза козырьками; они тихонько переговаривались между собой, не замечая остальных. Под длинными рукавами и джинсами никаких татуировок было не разглядеть. Внезапно во всем теле Лидия почувствовала дурноту, которая, впрочем, быстро улеглась, уступив место голоду.

– Не разбредайтесь далеко, – велел койот. – Если опоздаете к отправке, мы уйдем без вас.

Когда он снова вышел за дверь, в квартире повисло напряжение. Лука с сестрами закрылись в той же спальне, где провели ночь, а новая женщина уединилась в ванной. Лидии очень хотелось побольше разузнать о новоприбывших, но в то же время – сохранить безопасную дистанцию, держаться неприметно, в тени. К тому же она проголодалась. И Лука тоже.

– Есть хотите? – спросила она мужчин, усевшихся на диване.

Они хотели.

– Если у вас есть деньги на продукты, я что-нибудь приготовлю.

Омлет, думала она. Теплое напоминание о доме – для нее и Луки. Мужчины отсчитали несколько купюр, и Лидия с сыном засобирались в продуктовый магазин.

– Надень новые ботинки, – велела она. – Давай-ка получше их разносим.

Миновав примерно полквартала, они услышали за спиной чей-то крик:

– *¡Hola! Perdón, señora, ¡disculpe!*^[109]

Лидия с тревогой обернулась и увидела, как следом за ними спешит та самая женщина из квартиры.

– Если вы не против, я подумала, что схожу с вами, – объяснила она. – Мне тоже нужно кое-что купить.

В руке она держала фиолетовую сумочку и одета была так, словно собиралась на ужин в приличный ресторан: черные брюки, свободного кроя блуза и сандалии на танкетке. Женщина была стройной и смуглой, с короткими черными волосами, посеребренными сединой. Она совсем не похожа на мигрантку, подумала Лидия, а потом вспомнила, что и сама не похожа. По крайней мере, не была похожа в первый день этого путешествия.

– Меня зовут Марисоль. – Женщина протянула руку, на которой болтался браслет.

– Лидия.

– *Mucho gusto*^[110].

– А это мой сын Лука.

– Здравствуй, Лука!

На углу в дверях своей квартиры сидел одинокий пожилой мужчина, и Лидия спросила у него дорогу до ближайшего магазина. Тот махнул рукой в нужном направлении.

– Мне нужно купить фруктов, – сказала по пути Марисоль. – Я привыкла к ежедневным салатам и, с тех пор как вернулась, постоянно мучаюсь желудком.

– Вернулись?

– Да, из Калифорнии.

– Ну и ну! Вы жили в Калифорнии?

– Шестнадцать лет, – ответила женщина. – Считай, уже *gabacha*^[111].

Обе рассмеялись.

– Но зачем же вы тогда вернулись?

– У меня не было выбора.

Лидия вздрогнула.

– В Сан-Диего у меня остались дочери.

Из бокового кармана сумочки Марисоль достала айфон в блестящем чехле. Разблокировав экран большим пальцем, она стала прокручивать

фотографии, пока не нашла снимок двух красивых девушек, на вид чуть старше Ребеки и Соледад. Повернув телефон, женщина с гордостью показала фото. На младшей дочери было нарядное платье по случаю пятнадцатилетия.

– Моя Дейзи. Она мечтала в день рождения надеть традиционное платье, хотя родилась в Сан-Диего. И даже по-испански не говорит! – Погасив экран, Марисоль убрала телефон обратно в сумочку. – Мою старшую зовут Америка, она ходит в колледж и пытается сама приглядывать за сестрой и нашим домом. – Голос женщины звучал измученно.

– Давно вы уехали? – спросила Лидия.

– Почти три недели назад. Но до этого меня больше двух месяцев продержали в изоляторе.

Покачав головой, она поджала губы, и на лице у нее появилось хорошо знакомое Лидии выражение. Оно возникает, когда твердо решаешь держать себя в руках, даже несмотря на дрожащий голос и невыносимую тоску в груди. Лука шел чуть впереди, провожая взглядом машины, и, казалось, не обращал внимания на этот разговор. Но Лидия знала, что это видимость. Теперь ее сын всегда ко всему внимательно прислушивался.

– Что же с вами случилось? – спросила Лидия.

Марисоль глубоко вдохнула:

– Мы приехали в Штаты на законных основаниях, когда Америке было четыре года. Мой муж устроился инженером в одну местную компанию, поэтому нам легко дали визы. А потом родилась Дейзи, и время летело незаметно. Год за годом...

Дорога вела их по солнечным улицам Ногалеса, то поднимаясь в гору, то снова падая, то разбегаясь в стороны на перекрестках; Лидия, сама того не замечая, лънула к Марисоль все ближе и ближе. Впереди топал в новых ботинках Лука.

– А потом пять лет назад погиб Рохелио. Мой муж.

Марисоль перекрестилась, а Лидия произвольно ахнула.

– Мне очень жаль.

Женщина кивнула:

– Все случилось так внезапно. Он ехал домой с работы, и вдруг – авария.

В душе Лидии предательски шевельнулось нехорошее чувство – она почти завидовала такому вдовству. Муж Марисоль умер нормальной, не жуткой смертью. Но она сказала себе: Себастьян ничуть не мертвее Рохелио. Она сжала руку Марисоль, сопереживая ей совершенно искренне.

– После его смерти наши визы кончились. Мы должны были вернуться в Оахаку. Остаться могла только Дейзи, потому что у нее есть гражданство.

– Ерунда какая-то. Сколько ей лет?

– Пятнадцать.

– Ну и ну!

Конечно, Лидия и раньше слышала о таких историях. Но разговаривать с матерью, которая переживает все в настоящий момент, – совсем другое дело. Лидия не могла даже представить себе, каково это, в довершение всех бед пережить еще и расставание с ребенком. Взглянув на Луку, который шел всего в метре от нее, Лидия с трудом поборолла желание кинуться вперед и заключить его в объятия.

Лидия была ответственной матерью, но никогда не страдала от созависимости. Не умирала от тоски всякий раз, когда Лука уходил в школу или ложился спать. Ценила время наедине с собой, ценила самобытность внутреннего мира и шанс отвлечься от постоянной тревоги, порождаемой материнством. Порой Лидию даже возмущало, что ее сын так грубо вторгается в ее разум и душу, как только оказывается рядом, что он подчиняет себе все вокруг. Она любила Луку всем сердцем, но, видит бог, бывали дни, когда вздохнуть полной грудью получалось лишь после того, как она прощалась с ним у школьных ворот. Теперь, конечно, все это осталось в прошлом. Теперь Лидия была готова прибить его гвоздями к собственному телу, пришить иглками к коже. Она бы проросла, как волосы, через его голову и превратилась бы в сиамского близнеца. Отказалась бы от свободы воли – лишь бы только защитить его от беды. На повороте Лука остановился. Лидия взглянула на него, а потом устремила взгляд дальше, через дорогу, и уткнулась взглядом в стену с граффити. Гигантский вопросительный знак. Нет-нет, это что-то другое. Лидия замерла на месте. Попыталась нащупать в воздухе руку сына.

– *Mijo*.

– Что случилось? – спросила Марисоль.

То был не вопросительный знак. То был серп. А под ним – свежая надпись черной краской: «*Vienen Los Jardineros*»^[112]. На изогнутом лезвии сидела сова. Ла-Лечуса. И еще одна деталь, которую Лидия сразу не заметила: старомодные очки Хавьера, идеально воспроизведенные на плоскости. Точно переданные очертания воскресили в ее памяти владельца, словно живого. Вместо линз в окружностях оправы кто-то нацарапал послание: «*Aún te está buscando*». Он по-прежнему тебя ищет.

Ищет меня. Madre de Dios, он ищет меня. Лидия развернулась на пятках.

– Лука, пойдем со мной.

– Но, Мама...

– Я кому сказала! Живо! – Ее голос рассекал воздух, как удары кнута.

Марисоль побежала следом и, поравнявшись, спросила:

– Вы в порядке?

Семнадцать дней пути. Две с половиной тысячи километров. И вот тебе пожалуйста: снова эти проклятые «Лос-Хардинерос», в двух шагах от северной границы. И как точно у художника получились очки! Будто он списывал их с натуры. Прямо тут, в Ногалесе. Лидия едва не падала. Колени подгибались. Ветер продувал ее насквозь, словно в теле у нее были одни дырки, словно она была ходячим призраком. Марисоль подхватила ее под руки.

– Нам нельзя в ту сторону, – сказала Лидия.

Теперь она шла быстрее, но не слишком быстро, чтобы на нее не обратили внимания три парня, стоявшие у входа в продуктовый магазин. У нее дрожали руки, колени расплавились от страха.

– Все хорошо, все хорошо. – Марисоль обвила ее рукой.

Они шагали рядом, нога в ногу, и Лидия, сама того не замечая, подстраивалась под свою спутницу. По другую сторону шагал Лука. Пройдя полквартила, они свернули на какую-то тенистую улочку. Лидия не знала, насколько безопасным было это направление. И почему Марисоль шла с такой уверенностью? Куда она намеревалась их отвести? Лидия освободилась из ее объятий.

– Спасибо, со мной все в порядке. Я в порядке. Все хорошо, – сказала она, а потом схватила сына за руку и добавила: – Знаете, я

вдруг вспомнила, что нам с Лукой еще надо кое-что сделать. Увидимся в квартире!

Марисоль охнула и замерла в растерянности.

– Мы скоро вернемся, – пообещала Лидия и потащила сына через дорогу, оставив женщину одну посреди улицы.

Им с Лукой нужно было спрятаться. Подальше от чужих глаз и случайных прохожих, которые могли бы ее опознать. «Лос-Хардинерос» были здесь, в Ногалесе. Может, сотрудничали с местным картелем. Или пытались завоевать новую территорию. А может, просто охотились за ней, хотели вернуть ее Хавьеру, чтобы тот покончил наконец с семьей Себастьяна – в отместку за самоубийство дочери. На мгновение Лидия мысленно перенеслась в то самое общежитие в Барселоне. Скрип под потолком. В воздухе качаются ноги Марты в темно-синих колготках. На левом мыске висит черная туфля, вторая такая же валяется рядом на полу. Отогнав видение прочь, Лидия заставила себя не думать о том, что Хавьер действительно разыскивал ее в Ногалесе; что он не остановится, пока их не найдет. Лишь на севере заканчивалось его могущество. На севере жестокие люди не были неуязвимы. «По крайней мере, настолько жестокие, как Хавьер», – подумала Лидия.

Вокруг не было тротуаров – садовые ворота и витрины магазинов выходили прямо на проезжую часть. Машинам приходилось объезжать пешеходов. Спрятаться было негде. Свернув на ближайшем повороте, они с Лукой направились обратно – туда, откуда пришли. Лидия шагала с непокрытой головой. Почему она не надела шляпу? Потому что терпеть не могла это бесформенное розовое убожество. Потому что хотела свободы – хотя бы на время прогулки до магазина, хотела почувствовать себя нормальной – всего на час. Пока она не увидела граффити, происходящее напоминало туристическую поездку. Накануне в банке все сложилось замечательно. Квартира оказалась вполне удобной. Вот она, финишная прямая! Лидия позволила себе расслабиться. *Estúpida*^[113].

В дверях одного из домов стояла какая-то старушка; дождавшись, когда мать с сыном подойдут поближе, она спросила:

– *¿Fruta, pan, leche, huevos?*^[114]

Не супермаркет, но, возможно, кое-что получше: одинокая пожилая женщина, установившая прилавок с самыми простыми продуктами в

полутьме собственной гостиной. Лидия перешагнула порог, но то и дело выглядывала на улицу через распахнутую дверь. Они купили яйца, тортильи, лук, одно авокадо и кое-какие фрукты.

– Вы продаете шляпы? – спросила Лидия.

– Шляпы? – удивилась женщина и покачала головой.

– Может, шарф? Что-то, чтобы прикрыть голову?

– Нет. *Lo siento*. Извините.

– Ничего страшного. Спасибо.

– погоди! – Вдруг хозяйка щелкнула пальцами и, просеменила на кухню.

Вернулась она с голубым кухонным полотенцем, разрисованным цветами и колибри. Представив его во всей красе, словно бутылку дорогого вина, она ткнула себе в макушку – можно, мол, носить на голове.

– Сколько стоит?

– *Cien pesos*^[115].

Лидия кивнула и завязала полотенце, как платок.

– А что насчет него? – Женщина указала подбородком на Луку.

Лидия в растерянности посмотрела на сына.

– Переходите? – спросила женщина, теперь указывая подбородком в сторону границы.

– Да, переходим, – призналась Лидия после короткой паузы.

– Нужно пальто. Иначе совсем замерзнет.

– У него есть толстовка и теплая куртка.

– погоди, – велела хозяйка и снова скрылась на кухне.

Было слышно, как она хлопает дверцами шкафчиков и перекладывает с места на место вещи; наконец она выволокла какую-то коробку. Когда шум улегся, Лука хихикнул, но Лидия слишком нервничала и не смогла присоединиться к сыну. Ей приходилось следить сразу за двумя проходами – на улицу и на кухню. Вскоре женщина вернулась с охапкой голубой шерсти, которую затем разложила на прилавке, поделив на два предмета: шапку и шарф. Для Луки они, пожалуй, были великоваты, но материал был плотный и очень теплый. Пощупав пряжу кончиками пальцев, Лидия кивнула.

– Сколько?

– *Un regalito*. – Женщина отмахнулась. – *Para la suerte*^[116].

Они возвращались быстрым шагом и старались все время быть начеку. Каждое окно, каждая дверь могла оказаться ловушкой. Чтобы немного успокоиться, Лидия считала про себя шаги. Лука нес яйца и тортильи. Она – овощи и фрукты. В какой-то момент ее мысли устремились к Марисоль, такой доброй и печальной с виду женщине. Даже несмотря на страх, Лидия была готова устыдиться, оттого что так неожиданно оставила ее совсем одну. Марисоль за ними не пошла и не попыталась увести в другом направлении, а значит, скорее всего, не была подлой притворщицей. Вероятно, она была именно той, кем и представлялась: депортированной матерью, готовой на все, лишь бы только снова оказаться со своими дочерями в Калифорнии. Увидев дом, в котором располагалась их квартира, Лидия задержала дыхание. Оглянулась по сторонам: чуть поодаль за ними следовала одинокая машина. Только после того, как та неторопливо проехала мимо, Лидия смогла наконец выдохнуть; сидевшая внутри пожилая пара помахала им в знак приветствия.

– Господи, спасибо Тебе! – сказала она вслух, шагнув с улицы на лестничную площадку.

Затворив за собой парадную дверь, Лидия прислонилась к ней спиной и немного отдышалась, после чего вместе с сыном зашла в квартиру и стала спускаться по ступенькам в прихожую. Из глубины доносились голоса и смех; воздух был влажный, согретый дыханием постояльцев. Поставив ногу на последнюю ступеньку, Лидия выронила пакет с продуктами.

– Сюрприз!

На черном кожаном диване сидел Лоренсо.

Ответить женщина смогла не сразу. Из раскрытого пакета выкатилось авокадо. Наконец, переборов испуганную немоту, Лидия открыла рот.

– Что ты тут делаешь? – спросила она, поднимая с пола авокадо.

– То же, что и ты. Еду на север.

Авокадо в ее руке казался почти нереальным, словно предметом натюрморта.

– Но как ты нас нашел?

– Слышь, подружка, ты себе не льсти. Искал я не вас, а Шакала. Приезжаю, а тут такой сюрприз – горяченькие близняшки.

Марисоль расхаживала по кухне со стаканом воды; мужчины играли в карты за кухонной стойкой. Лидия встала напротив Лоренсо, который растянулся на диване.

– Короче, это лучший койот Ногалеса, – продолжал тот. – Ты что, думала, никто про него не знает?

– То есть ты не... – Лидия не знала, как закончить это предложение, поэтому не стала даже пытаться; мысль так и осталась висеть в воздухе.

На парне теперь были черные шорты, его кожа посмуглела, но в целом выглядел он как раньше: бриллиантовые сережки-гвоздики и кепка с плоским козырьком – чуть полинявшая от солнца, но по-прежнему чистая. Для мигранта у него были невероятно белые носки, но дорогие кроссовки уже заметно поизносились. Вдруг он выпрямился и свесил ноги на пол.

– Слушай, я понимаю, что тебе не нравится моя компания, и, честно говоря, мне насрать. Но клянусь, я никого специально не искал. С «Лос-Хардинерос» и прочей хренью покончено. Я завязал.

На мгновение Лидия всмотрелась в его лицо. Правда заключалась в том, что ничего поделаться она не могла – ни с граффити, сообщавшем о визите Хавьера, ни с Лоренсо, который отравлял воздух одним только своим присутствием, ни с собственной болезненной подозрительностью в отношении всякого нового человека: будь то Марисоль, которая вышла из кухни, чтобы разгрузить продукты, или мужчины-картежники, или Лоренсо, сидевший на диване с самодовольной ухмылочкой. Все они представляли для нее потенциальную угрозу. Каждый из них мог, дождавшись ночи, перерезать горло спящему Луке. Но пока что этого не случилось. Возможно, и не случится. Лидия потерла ладонями бедра. Кто знает, может, это просто совпадение, что он тоже оказался здесь. Как и само граффити.

– Что ж, ладно, – заключила она.

– *Así que tranquila*^[117].

Снова взглядевшись в его черты, Лидия сказала:

– Но если это правда, если ты действительно завязал... – Ей пришлось взять небольшую паузу, чтобы подобрать нужные слова. – То я должна тебе кое о чем рассказать.

– Да? И о чем же?

– «Лос-Хардинерос» здесь.

Лидия сообщила это с расчетом, что так ей удастся что-нибудь выведать.

– То есть в Ногалесе? – спросил Лоренсо.

Лидия кивнула. Возможно, он почувствует себя перед ней в долгу. Но даже если нет, понаблюдать за его реакцией – тоже ценно. Лоренсо поблек. Пропали улыбка и надменная поза. Он сел прямо и прокашлялся. Плечи машинально опустились, и теперь Лидия была уверена: Лоренсо не ломал комедию. Он действительно испугался.

– Откуда ты это знаешь?

– Я видела их граффити.

С этими словами она присела на подлокотник противоположного дивана, понимая, что мужчины за кухонной стойкой внимательно следят за их разговором. В руках они по-прежнему держали карты.

– Далеко?

– В нескольких кварталах отсюда, – ответила Лидия, а потом обратилась к Луке: – Почему бы тебе не заглянуть к девочкам? Посмотри, чем там занят Бето.

Мальчик рванул в комнату, где все они спали прошлой ночью. Лидия вновь повернулась к Лоренсо.

– Будешь омлет? – спросила она.

Пока две женщины готовили, Соледад ускользнула на улицу. В квартире, которая для пятерых человек казалась вполне просторной, с появлением еще четверых стало слишком тесно, в особенности из-за мерзкого Лоренсо.

Они находились в западной части города, всего в нескольких шагах от границы. Соледад принялась бродить туда-сюда по холму, разглядывая огороженную забором пустоту. Граница выглядела искусственной: пустыню разрезала какая-то произвольная линия, которую с юга подпирал постоянно растущий город. На той стороне Соледад почти ничего не разглядела; может, там ничего и не было, а может, все пряталось за изгибами и складками ландшафта. Поднявшись на холм в третий раз, она решила пройти чуть дальше и вскоре обнаружила удивительное место, где земля неожиданно начинала дыбиться. Вдоль проезжей части тянулась узкая полоса земли с искусственной насыпью, по форме напоминавшей трап. Из-за того что пограничная линия резко ныряла под откос, а дорога

продолжалась на том же уровне, гребень насыпи слегка переваливался через забор. Соледад взошла по трапу, и ее сердце взмыло к небесам, как птица. Тут можно было просто перепрыгнуть. Уйдя по щебенчатому гребню чуть дальше, девочка выбралась туда, где в землю вгрызлся красный ржавый забор, обхватила руками толстые металлические столбы, подтянулась и наконец ясно поняла, что вся эта конструкция была просто психологическим барьером, а перейти границу мешали современные технологии. По ту сторону по иззубренной земле тянулась грунтовая дорога. Она была гладко обкатана тяжелыми шинами фургонов пограничной службы. Самих пограничников Соледад не видела, но ощущала их незримое присутствие – в нескончаемом гуле электронных приборов, возвышавшихся на подпорках по всему обозримому периметру. Что это были за приборы, девочка не знала, – может, камеры, или сенсоры, или динамики, – но чувствовала: ее визит не остался незамеченным. Просунув ладонь сквозь отверстие в заборе, она пошевелила пальцами. Ее рука только что побывала на севере. Потом девочка подтянулась повыше и сплюнула через край. Прямо в грязь. Просто чтобы оставить в американской грязи хотя бы частичку себя.

На кухне не оказалось ножа, поэтому, чтобы нарезать лук и авокадо, Лидия одолжила у одного из мужчин мачете. В одном из шкафчиков обнаружилась упаковка одноразовых тарелок, но приборов не было, и всем пришлось загребать омлет кусочками тортильи. Лоренсо выглядел задумчиво.

– Тебе нужно побольше есть, – заметила Лидия, когда тот вернул на кухню едва тронутую тарелку с едой. – Если собираешься в пустыню, нужны калории.

Одна его рука свободно висела вдоль туловища, глаза внимательно изучали ее лицо. Казалось, парень растерялся. Тогда Лидия взяла его тарелку и подложила еще ложку омлета и ломтик авокадо.

– Вот, держи, – сказала она. – Хочешь банан?

Упершись локтями в кухонную стойку, он поковырял уголок тортильи и в конце концов откусил. И промямлил с набитым ртом:

– С чего ты вдруг такая добрая?

Собрав пустую посуду, которая осталась после других мужчин, Лидия выбрала для себя банан из общей связки. Надломив макушку и стала снимать кожуру.

– Я знаю, каково это – постоянно от них убегать, – объяснила она. – Знаю, что значит все время бояться.

Остаток дня прошел в мучительном томлении. Лидия пыталась разговорить двух приятелей, но те оказались нелюдимыми и почти весь день провели за игрой в карты, порой бормоча что-то с незнакомым акцентом. В итоге Лидия сдалась. Да и к чему все это, с другой-то стороны? Если они и правда плохие люди, которые ее узнали и намереваются вручить картелю в обмен на кругленькую сумму, очень скоро это станет ясно.

Спать они легли рано, надеясь перед отправлением отдохнуть про запас. Лидия, сестры и мальчики остались в той же комнате, что и прошлой ночью. К ним присоединилась Марисоль, и они сложили все вещи под дверь в общую кучу. Кое-кто свернулся калачиком в углу, другие лежали, подоткнув под голову джинсы. Ребека закинула руку на Луку, словно тот был плюшевым мишкой, и оба заснули, легонько

похрапывая. Бето спал с открытым ртом, раскинувшись на спине в форме буквы «Х». Двое мужчин-приятелей заняли вторую спальню, а Лоренсо устроился на диване.

Луке приснился глубокий каменный колодец. На дне лежали шестнадцать членов его семьи, изрешеченные пулями. Он знал об этом не потому, что заглядывал внутрь, – на самом деле всякий раз, когда ему снился этот колодец, мальчик обходил его стороной, – но потому, что слышал, как они переговариваются между собой. Слышал отзвуки смеха и какой-то оживленной беседы. Слышал, как Папи рассказывает Йенифер и тете Йеми анекдоты. Как дядя Алекс понарошку борется с Адрианом, как визжат и хихикают его кузены, когда их щекочет отец. Где-то под общим гулом послышалось негромкое ворчание бабушки, которая, как теперь вдруг понял Лука, ворчала не потому, что ей нравилось поучать других, а потому, что только так она умела поддерживать с ними контакт. И эта мысль доказывала, что все происходит в действительности. Ни о чем таком мальчик раньше не задумывался, пока *abueta* была еще жива. А значит, рассуждал он, все они и правда находятся там. В колодце. Как же ему хотелось спуститься. Просто побыть с ними рядом. Он знал, что на дне стоит святая вода: она даровала жизнь и утоляла любую жажду, она вернула всех его родных. Поэтому-то Лука и решился наконец отправиться вниз, оставив позади все страхи и сомнения. Но, когда он подошел к колодцу, голоса и смех неожиданно стихли. Во мраке подземных глубин теперь разносилось лишь эхо незримых капель и струй. Тогда мальчик потянул за веревку. Подумал, что поднимет ведро и спустится на нем. И все они вновь будут вместе. Но по запаху сразу стало ясно: что-то не так. Ведро едва показалось из черноты, а мальчик уже знал, что в нем было: гниль. Вытащив его на свет, Лука увидел месиво из плоти. Пальцы, глазные яблоки, зубы.

Папина мочка, локон волос Йенифер. Все плавало в протухшей кровяной жиже.

Очнувшись от кошмара, Лука почувствовал, как в груди стучит сердце, но особого страха не испытал. Точнее, испытал, но ничуть не сильнее обычного. В основном он ощущал раздражение, потому что спавший рядом Бето сильно напугал. Пока тот выпускал очередной поток газов, Лука моргал, утопая в облаке зловония. До чего же

приятный был сон, пока не появился запах. «Папи», – позвал мальчик в темноту, а затем перевернулся на другой бок и прикрыл нос рукавом.

Проснулись все на рассвете, оттого что в замочной скважине повернулся ключ и кто-то тяжело затопал по лестнице. Шакал привел еще пятерых мигрантов: двух братьев из Веракруса по имени Чончо и Слим и их сыновей-подростков, Давида и Рикардина. Оба брата были огромные здоровяки. Их дети выглядели точно так же. Из-за этого сходства невозможно было определить, кто кому приходится отцом, а кто сыном. Все были голосистые, с толстыми шеями и мощными бицепсами. На лестнице им пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой потолок. Даже вчетвером они уже заполнили квартиру под завязку. Но с ними был и пятый мужчина, среднего роста, хотя на фоне остальных выглядел совсем маленьким. Как и Марисоль, его тоже депортировали. Лука обратил внимание на его потрясающие, очень выразительные брови, будто нарисованные маркером. Он носил футболку с логотипом *Arizona Wildcats* и очки в толстой оправе. Бывший соискатель кандидатской степени из Аризонского университета.

Шакал велел собравшимся хорошенько выспаться, отдохнуть и пить побольше воды.

– Убедитесь, что у вас в наличии все необходимое снаряжение, – предупредил он. – Теплая куртка на ночь и приличная обувь. Никаких ярких цветов. Только маскировочные, чтобы в пустыне было незаметно. Если у вас нет подходящей экипировки, вы никуда не идете.

О расцветках Лидия раньше не задумывалась. Прикинув в голове, какая у них одежда, она решила, что все должно быть в порядке. На прощание койот сказал:

– Воду я возьму для вас сам. Отправляемся на закате.

Теперь в квартире и вовсе не осталось места – слишком много было людей и напряженного ожидания. В спальне Марисоль и Лидия ползали на коленях, собирая вещи в грядущий поход.

– Ума не приложу, зачем я попросила дочерей отправить мне столько одежды, – сказала Марисоль, копаясь в маленьком черном чемодане. – Похоже, все останется здесь. А в Сан-Диего потом придется идти по магазинам.

Казалось, она позабыла о странном происшествии на улице, хотя возможно, только делала вид.

– Простите меня за вчерашнее. – Лидия хотела объясниться, но с трудом находила слова, которые не рассказали бы о ней лишнего. – Я испугалась. В дороге мне, то есть нам, пришлось увидеть так много ужасов, что иногда было трудно понять, где вымысел, а где реальность. Кому можно доверять, а кому...

– Пожалуйста, – перебила Марисоль. – Не извиняйтесь. Уверена, вы заслужили право на осторожность.

Лидия глубоко вздохнула и сказала:

– Если хочешь остаться в живых, по-другому не получится.

Складывая футболку, Марисоль на мгновение замерла и посмотрела на Лидию. Затем кивнула.

Чуть позже она сама сходила за продуктами, а когда вернулась, половину убрала в холодильник, а другую они с Лидией приготовили на завтрак; еды получилось много. Яйца, рис, фасоль, тортильи, а еще зеленые бананы и авокадо; к тому же на этот раз они разорились на кусочек сыра, орехи и йогурты – главные источники белка, без которого в походе им не обойтись. Четверым здоровякам завтрак пришелся по вкусу, и они великодушно следили, чтобы никто не сидел голодным; но когда стало понятно, что все сыты, а еда еще осталась, мужчины уничтожили все до последней крошки. Пока Соледад и Бето прибирались на кухне, остальные расселись на диванах и стульях и завели разговор.

Лука сидел на полу в ногах у матери и слушал истории взрослых. Хоть в квартире собрались одни незнакомцы, повсюду царилло ощущение праздника. Мальчик, как обычно в таких ситуациях, сидел смирно и все время был начеку. Здоровяки из Веракруса оказались душой компании. Травили байки, пели песни и сотрясали воздух могучими голосами, даже когда пытались разговаривать спокойно. Своим примером они учили сыновей-подростков основным навыкам выживания: как занять даже больше места, чем требуется твоему гигантскому телу, как не ввести окружающих в заблуждение по поводу себя и как доказать окружающим, что твои необычные габариты – не повод для волнения. Они рассказывали, как трудились на севере – сборщиками кукурузы и капусты в Индиане и упаковщиками на молочной ферме в Вермонте – и каждый чек отправляли домой

в Веракрус. Рикардин, сын Слима, носил в кармане на груди губную гармошку; когда он принялся играть, его отец захопал по ногам в такт музыке, что привлекло внимание Бето: мальчик вышел на середину комнаты, отодвинул журнальный столик и начал исполнять брейк-данс. В какой-то момент Ребека убежала в спальню, чтобы отдохнуть, два друга-тихони тоже куда-то испарились, но все остальные продолжали сидеть, и все говорили и говорили, попивая растворимый кофе из бумажных стаканчиков. Внимание Луки то и дело возвращалось к Рикардину, потому что тот часто улыбался и умел играть на губной гармошке. Заметив, что мальчик на него смотрит, Рикардин протянул гармошку ему:

– Хочешь попробовать?

Лука кивнул и поднялся на ноги. Прежде чем начать, он вопросительно взглянул на Мами и, получив ее разрешение, шагнул к Рикардину, чтобы научиться извлекать музыку из воздуха. Даже в сидячем положении Рикардин оказался выше Луки, поэтому мальчику пришлось наблюдать за ним снизу. Парень поднес инструмент к губам и накрыл здоровенной, как бейсбольная перчатка, ладонью. Пальцы его забегали из стороны в сторону, под ними посверкивал металл. Лука внимательно следил за его движениями, и, закончив, Рикардин снова передал гармошку ему.

– Давай, – подбадривал он. – Попробуй!

Мальчик поднес инструмент ко рту. Набрал воздуха и дунул. Удивительно, но с первого же раза у него получился очень красивый звук.

– Ого! – воскликнул Рикардин.

Он смотрел на Луку с улыбкой. Тот улыбнулся в ответ и хотел было вернуть гармошку, но владелец настоял:

– Играй-играй! Давай еще разок!

С этими словами Рикардин захопал в свои огромные ладоши, и Лука стал пробовать другие звуки, перемещаясь губами по металлическому гребешку.

– Круто, – восхищенно сказал Бето. – Можно мне тоже попробовать?

Лука отдал гармошку. Пока они передавали друг другу инструмент, Чончо спросил Марисоль о семье в Калифорнии. Она поведала собравшимся о том, как три месяца назад ее арестовали во время плановой иммиграционной проверки.

– Погодите, вы что, сами туда ходили? – удивился бывший аспирант Николас.

– Конечно! Я всегда играла по правилам.

– А что это такое? – спросила Лидия.

– Плановая иммиграционная проверка?

– Да.

– Это такое собеседование, обычно происходит раз в год, – объяснила Марисоль. – Тебе нужно прийти в СИТК и отметить у инспектора. Чтобы они могли проверить обстоятельства твоего дела.

– Но зачем? Чтобы получить документы?

– Нет, просто чтобы за всеми приглядывать.

Лидия смутилась.

– А что такое СИТК?

– Служба иммиграционного и таможенного контроля, – расшифровал Николас. – Я ни разу не был ни на одном собеседовании.

– Наверное, в конечном счете это не имело значения. – Марисоль вздохнула. – Теперь мы оба в одной лодке. И подумать только, я могла бы не тратиться на проезд.

– Не понимаю, – сказала Лидия. – То есть они знали, что вы там живете?

– Конечно. Все эти годы, с самого начала. После смерти мужа мне назначили срок, в который нужно было покинуть страну. Но я осталась и получила уведомление от инспектора. С тех пор ходила каждый год. Ни разу не пропустила.

– И они вас не депортировали? Даже зная, что вы без документов?

– До недавнего времени – нет.

– Но как же так?

Марисоль пожала плечами:

– Я никогда не нарушала закон. Одна из моих дочерей – гражданка США.

– Они имеют право действовать по собственному усмотрению, – пояснил Николас. – Предполагается, что таким образом все ресурсы можно сосредоточить на поиске действительно плохих ребят. Бандитов, преступников.

– Так было раньше. Теперь тебя могут депортировать за то, что ты по собственному желанию явился на проверку.

– С вами так и было?

Марисоль кивнула. В тот день на ней была красная медформа, потому что сразу после собеседования она планировала вернуться в больницу, где работала техником при отделении гемодиализа. Был вторник, и обе дочери находились в школе. Конечно, они переживали из-за грядущей проверки. Все переживали. Когда-то эти собеседования носили формальный характер и проводились для того, чтобы государство хотя бы минимально контролировало перегруженную систему; к тому же, показав готовность к сотрудничеству, мигранты могли улучшить свой правовой статус. Теперь же повсюду царил паника из-за резко участвовавших арестов, и многие предпочитали вообще туда не ходить.

Многие, но только не Марисоль. Она не собиралась обрекать дочерей на жизнь в подполье. Сан-Диего был для них единственным домом, поэтому она даже помыслить не могла, что кто-то и вправду ее депортирует. Женщину среднего класса, с безупречным английским. Женщину, которая приехала в страну на совершенно законных основаниях, имела в собственности дом и стабильную должность медицинского работника. С тех пор прошло три месяца, и Марисоль по-прежнему не верила, что все это действительно случилось. Когда она договорилась, Рикардин проиграл на гармошке блюзовый риф, отчего вся история из реальной трагедии внезапно превратилась в анекдот. Все рассмеялись.

– Значит, в изоляторе вы провели два месяца? – спросил Николас.

Марисоль кивнула.

– И как?

На миг она задумалась, а потом вздрогнула.

– Ну как сказать... – Женщина пыталась подобрать слово, которое бы в полной мере отражало ее впечатления, но такого не нашлось. – Ужасно? В целом все мои ожидания оправдались. Спать приходилось на матрасе в камере без отопления. Холод пробирал до костей, постоянно. Никаких одеял и подушек, только вот эти штуки из фольги. К утру у меня затекали все мышцы, шея почти не двигалась. Они отказались выдать мне раствор для контактных линз, но, когда мои запасы кончились, я была даже рада. По крайней мере, больше не видела, как со всех сторон надвигаются стены.

Николас слушал ее с искаженным лицом, а потом сказал:

– Я бы так не смог. У меня клаустрофобия.

– Да, условия совершенно скотские. Но мой адвокат настаивал, что у меня хорошие шансы, поэтому я решила собраться с силами. Убедила себя, что оно того стоит.

– Вы молодец, что так долго продержались. Меня хватило на два дня. А потом они решили перевести меня в Эль-Пасо, и я уехал добровольно. Понял, что лучше уж пустыня, чем хотя бы еще один день в этом аду.

– Да, но сколько времени потрачено впустую! Два месяца я просидела в камере, вдали от дочерей. – Марисоль на секунду зажмурилась. – Как же много там матерей, разлученных с детьми.

Она опустила глаза в пол и перешла на шепот, но всем и так было слышно – все молчали.

– Большинство из них разлучили на границе, – продолжала женщина. – Они пытались перейти и попались. Были случаи, когда маленького ребенка вырывали прямо из рук. Эти матери теряли рассудок. Не знали даже, где сейчас их дети, а ведь среди них были совсем малыши, которые не умели говорить, не помнили своего имени.

Лидия наклонилась к Луке, снова сидевшему у нее в ногах, и ущипнула пальцами его футболку. Нет, это уже перебор. Собравшиеся, сами того не желая, устремили взгляды на нее. Но никому не хотелось, чтобы она думала то же самое, что в тот момент подумали они, поэтому все быстро отвернулись. Марисоль попыталась сменить тему.

– А разве тебе не полагалась студенческая виза? – Она обращалась к Николасу. – Ты ведь учился в аспирантуре.

– Я взял академический отпуск на семестр. – Мужчина пожал плечами. – И не знал, что надо подавать специальные документы.

– То есть вот так? Тебя депортировали из-за каких-то бумажек?

– Ага.

Он распрямил спину и развел руками, словно его присутствие – результат какого-то волшебства. Словно эта депортация – акт нелепого колдовства.

Лидия не собиралась думать ни о чем подобном. Особенно о семьях, которые разлучали на границе. О детях, которых вырывали из материнских объятий. Нет, ни при каких обстоятельствах. Это было за гранью возможного – проделать весь этот путь, чтобы потом вдруг потерять Луку. *Нет.* Лидия запустила пальцы в волосы сына. Сложила

их, как ножницы, и представила, как подстрижет его, когда они приедут в Аризону. На другие мысли ее мозга просто не хватало.

В полдень они устроили сиесту. Решили поспать до вечера и подняться так, чтобы хватило времени нормально поесть, в последний раз перед отправлением. Те, кто приехал раньше, разбрелись по своим местам, Чончо и Слим ушли спать в комнату к молчаливым приятелям, Давид и Рикардин устроились один в прихожей, другой на кухне. Лоренсо и Николас заняли два кожаных дивана. И только Соледад никак не могла улечься. И снова решила побродить по улице. Пока все спали, Лоренсо подошел к окну и стал за ней наблюдать.

Вернувшись в жаркую безмолвную квартиру, девочка перепугалась, потому что на диване сидел Лоренсо и смотрел прямо на нее. Рядом на полу стояли его кроссовки, но было видно, что он не спал. Соледад поспешила на кухню и, наполнив из-под крана свою бутылку, долго из нее пила. Она чувствовала на спине настойчивый взгляд Лоренсо, но не хотела на него отвечать. Долив водой бутылку, она развернулась к дверям той комнаты, где спали ее сестра и все остальные.

– Эй, куда ты так спешишь?

Говорил Лоренсо тихо, чтобы не разбудить сопевшего рядом Николаса. Он рассчитывал, что вопрос прозвучит игриво, но в итоге получилось угрожающе.

Соледад его не боялась. В квартире, где кроме них была еще дюжина человек, он бы ничего ей не сделал. Да и вообще, после всего, что ей пришлось пережить за последние несколько месяцев, она стала крепкой как камень. В мире не осталось почти ничего, что еще могло бы ее напугать. Повернувшись к парню, девочка прищурилась. Заговорив, постаралась, чтобы в голосе не было агрессии:

– Я спешу поскорее отдохнуть. И тебе советую.

Решив устроиться поудобнее, Лоренсо вытянул перед собой ноги, а голову откинул на диванную подушку.

– Ну да, ну да. Успеется.

Вдруг Соледад поняла, что в руке парень держит мобильный телефон. Потянувшись, он кинул его к дальнему подлокотнику, туда, где лежали ноги. На мгновение девочка замерла в нерешительности. Затем развернулась и шагнула к спальне. Но в итоге все-таки передумала. Снова обратившись к Лоренсо, она спросила:

– А что, твой телефон работает?

Парень приподнял голову.

– Пф-ф, конечно, работает. Или ты думаешь, он для красоты?

Соледад сделала два шага в направлении гостиной, поставила бутылку с водой на кухонную стойку и застыла – всего на мгновение. Ей очень не хотелось быть обязанной такому человеку, но если сейчас она упустит эту возможность, следующая представится не скоро.

– Дашь мне позвонить?

Лоренсо ухмыльнулся:

– А что мне за это будет?

Она почувствовала во рту кислый привкус. Отвечать не стала, но попыталась придать лицу выражение человека, который только что услышал отличную шутку. Улыбка была фальшивой, но эффект произвела самый настоящий: стоило Лоренсо ее увидеть – одну лишь улыбку, ничего больше, – как он тут же растаял и принялся прокручивать в голове дальнейшие перспективы. В его воображении она уже стояла голая. «Какая же ты мразь», – подумала девочка.

Он протянул ей мобильник:

– Звони.

Выгнувшись, чтобы не подходить слишком близко, Соледад взяла телефон.

– Спасибо.

Дверь в спальню уже открыли, чтобы не задохнуться от духоты; свет внутри не горел. Сразу за порогом возникли фигуры Ребеки и Луки: они лежали обнявшись и видели сны; когда-то Лидия возражала против такой близости, но все ее опасения остались далеко в прошлом. Соледад сделала два шага в глубину спальни и присела на корточки рядом со спящей сестрой. Она не знала, стоит ли ее будить.

– Ребека, – позвала она шепотом, легонько дотронувшись до девочкиного плеча.

Лука внезапно распахнул глаза, но сестра по-прежнему спала.

– Прости, – сказала Соледад.

Но мальчик уже провалился обратно в сон. Она потрясла плечо сестры чуть сильнее:

– Ребека!

Та глубоко дышала и не шевелилась. Тогда Соледад встала, тихонько пробралась через квартиру к лестнице и снова вышла на улицу.

Пошарив в кармане, она выудила крошечный, сложенный квадратом кусочек бумаги, на котором был номер больницы. Забила его в мобильник. Наконец с третьей попытки в Государственной больнице Сан-Педро-Сула зазвонил телефон.

– Алло?

Звонок переключили несколько раз, но потом Соледад наконец услышала в трубке знакомый голос медсестры Анхелы. Плечи и шея Соледад напряглись. В последующие годы, оглядываясь на прошлое и заново переживая этот момент, она решит, что все понимала еще до того, как ей сказали. Даже до того, как слова сорвались с губ медсестры и, преодолев многие-многие мили, вылетели из телефона на другом конце континента; до того, как эти слова взлетели по радиовышке в космос, прошли через спутник и снова вернулись на землю – в тот самый мобильник, который девочка одолжила на северной границе и теперь прижимала к уху. Соледад решит, что знала обо всем задолго до того, как Лоренсо вручил ей свой телефон: с того самого момента, как впервые очутилась в Ногалесе; как обхватила руками решетку пограничного забора; как села на грязный холодный унитаз в Наволато, чтобы вытолкнуть из себя труп нежеланного, но все же любимого ребенка; с тех пор, как впервые ощутила под собой звяканье и бряцанье Зверя; с тех пор, как ее впервые изнасиловал Иван, а может, даже раньше, даже до того, как она уехала в Сан-Педро-Сула, – но еще когда отец сажал ее на плечи, а она клала крошечные ручки на его потный лоб и смотрела, как он с помощью мачете прорубает дорогу сквозь облачный лес. Соледад решит, что знала обо всем с того самого дня, как родилась, с того самого момента, как отец впервые взял ее на руки, заглянул в ее прекрасное лицо и в глазах у него была любовь, одна любовь, только любовь.

– Мне очень жаль, – сказала Анхела.

Посреди безлюдной улицы Соледад согнулась пополам и с силой уперлась руками в колени. Она не плакала, только тряслась и никак не могла остановиться. Потом походила из стороны в сторону, но паника никуда не делась. Горло перехватило, но она продолжала выдавливать из себя слово «нет» и повторила его, должно быть, сотню раз. Помахала руками, чтобы освободиться от тисков горя, но оно уже взгромоздилось ей на плечи, словно чудовищный исполин; в ту же секунду она решила: бремя этих мучений она понесет в одиночестве.

Что бы ни случилось, Ребека обязана пережить пустыню, но, если на шею ей сядет такой же монстр, шансы будут невелики. Нет, сестре она ничего не скажет. «Это все из-за меня». Соледад рухнула на землю там, где стояла, и почувствовала под коленками жесткий щебень. Она молилась и молилась, просила, чтобы Бог как можно скорее забрал отца на небеса и чтобы как-нибудь, когда-нибудь тот простил ее за смерть, которую она на него навлекла.

– Прости меня, Папи. Пожалуйста, Папи, прости, – без конца повторяла она.

Ощувив в ногах судорогу, девочка присела на тротуар и на мгновение задумалась, как новость доберется в деревню на вершине горы. Может, мамы и *abuela* уже знают? Услышит ли она когда-нибудь их голоса? Ведь связь они всегда поддерживали через Папи, но его больше нет. Может, о случившемся узнает кто-то из местных, кто тоже перебрался работать в город. Соледад представила себе, как этот скорбящий мужчина садится в автобус, чтобы отвезти ее семье страшные новости, и как потом три часа взбирается в гору по узкой, укутанной облаками дороге. Как рассказывает обо всем мамы и бабушке. Она закрыла глаза. Эти мысли пришлось немедленно отогнать прочь. После всего пережитого Соледад понимала, что достигла предела: если сейчас она продолжит падать в пропасть, обратно уже не вернется. Самое главное – Ребека. Спасти сестру она еще могла.

Девочка, которая затем поднялась с тротуара, была лишь призраком настоящей Соледад. Может, где-то в глубине у нее по-прежнему теплился огонек, который когда-то был пламенем ее души, но сама она ничего не чувствовала. Распахнув дверь в квартиру, она шагнула вниз.

Собрав скромные пожитки, они прикончили всю оставшуюся еду и сели пить растворимый кофе в ожидании Шакала; когда солнце начало клониться к закату, тот возник на пороге. У Бето с собой не было никаких вещей. Марисоль отказалась от босоножек на платформе в пользу туристических ботинок «адидаас». В последний раз поднимаясь по лестнице на выход, все молчали. Снаружи их ждали два пикапа с открытым прицепом; в одном стояло несколько дюжин полупустых пятилитровых канистр с водой, выкрашенных в черный цвет. Лоренсо сразу направился к белому пикапу, поэтому Лидия с Лукой пошли к синему. Бето, сестры и Марисоль забралась вслед за ними и расположились между канистрами. К ним присоединился Николас и сел рядом с Марисоль.

– А что, в колледже у тебя осталась девушка? – спросила она.

Николас покачал головой.

– Знаешь, моя дочь учится в Сан-Диего. На факультете социологии. Что ты изучаешь?

Николас изогнул брови:

– Я изучаю эволюционную биологию и биологическую вариативность пустынь.

– Ничего себе. – Марисоль не смогла подобрать никакого уточняющего вопроса.

– Это что еще такое? – поинтересовался Бето.

Николас засмеялся:

– Это значит, что я изучаю эволюцию организмов и факторы, которые оказывают влияние на этот процесс. И наоборот.

Бето непонимающе заморгал.

– В частности, я изучаю типы миграции некоторых бабочек и влияние, которое они оказывают на некоторые цветущие кустарники.

– Пустынные бабочки, значит? – спросил Бето с подозрением.

– Да.

– И куда они летают?

– Да.

– И это типа работа такая? Больше ты ничего не делаешь?

Николас широко улыбнулся.

– Ну и ну, чувак, – вздохнул Бето. – Теперь я тоже хочу в колледж.

Закрепив дверцу багажника на белом пикапе, Шакал направился к синему. Внимательно осмотрел каждого из них, проверяя снаряжение. На нем самом были плотные, но легкие туристические ботинки, такие пыльные, что вполне могли бы принадлежать любому мигранту – за исключением тех, кто не мог себе позволить специальную обувь. Одет койот был примерно так же, как и в тот день, когда встречал их на площади: плотные джинсы и серая футболка. В кабине на водительском сиденье стоял его крошечный рюкзак. Куртка у него была из водонепроницаемого гортекса, настолько тонкая, что он легко повязал ее вокруг поджарой талии. На широких светло-коричневых щеках по-прежнему лежал веселый румянец. Тело койота было как будто создано для жизни в диких условиях. Стройный, мускулистый, коренастый, со скупыми движениями, он переходил от мигранта к мигранту, чтобы убедиться, что все в порядке: обувь, настроение, вес рюкзаков. Если он обнаружит у кого-то насморк или кашель, им придется остаться. Внимание Шакала привлек Бето.

– Где твоя сумка? – спросил он.

Все остальные сидели, сжимая перед собой рюкзаки. У мальчика ничего не было.

– Братишка, мне не нужна никакая сумка, – сказал Бето и постучал пальцем по виску: – Все, что мне нужно, – уже здесь.

– То есть сегодня ночью тебя будут согревать твои сумасшедшие мозги?

– Согревать? Вы вообще о чем? Не морочьте мне голову, братишка. На дворе жара. Плюс миллион, наверное.

В Соноре стоял апрель, и температура была не по сезону высокой. Тридцать шесть градусов Цельсия.

– То есть куртки у тебя нет? Пальто, свитера – ничего? – уточнил Шакал.

– Я буду в порядке!

– Вылезай, – велел койот и опустил заднюю стенку прицепа.

– Ты что, чувак? – взмолился Бето. – Правда, я в порядке, никакая куртка мне не нужна.

– На выход, – повторил Шакал. – Я ведь ясно всем объяснил, какое снаряжение понадобится в дороге. Я сказал, что случится, если кто-то

не выполнит этих требований.

– Но...

– Найдешь койота, который согласится перевести тебя без правильной экипировки? Не плати ему. Потому что такому человеку на тебя насрать и в пустыне ты погибнешь. Понятно? А теперь давай-ка. На выход.

– Тогда я куплю! Я куплю куртку! – Бето перешел на отчаянный визг.

– Слишком поздно, – отрезал Шакал, в нетерпении похлопав ладонью по прицепу. – Купишь куртку, и в следующий раз я тебя отведу.

Бето поднялся и медленно и неохотно вылез из машины. Лука потянул Мами за руку, но та ничего не ответила. Она должна была убедиться, что с ним все в порядке. Пусть он производил впечатление древнего старца, но ему было всего десять, и он их спас – оплатил им билет через границу. Неужели это было так сложно – просто подойти и спросить: «Бето, у тебя ведь есть куртка?» Но Лидия этого не сделала. А теперь уже слишком поздно. Теперь она бессильна что-либо изменить. Оставалось лишь сжать крепче руку сына – в жалкой попытке извиниться за собственную недалекость, за недостаток героизма. Остальные мигранты беспомощно смотрели на Бето, но Николас вдруг начал расстегивать рюкзак. Мальчик громко плюхнулся задом на опущенный борт прицепа и свесил ноги, кое-как оттягивая время. Он рылся в собственной голове, пытаясь найти подходящий аргумент, слова мольбы, которые могли бы убедить койота.

– Вот, возьми, – сказал Николас и бросил ему на колени тяжелый свитер с капюшоном и подкладкой из овечьей шерсти.

Лицо мальчика засияло от счастья. Лидия с облегчением улыбнулась. Лука тоже. Вцепившись руками в толстую коричневую ткань, Бето вскочил на ноги. Пока Николас застегивал рюкзак, он повязал свитер вокруг талии.

Шакал молча наблюдал за происходящим, а потом обратился к молодому студенту:

– А себе ты что-нибудь оставил?

– Да. У меня есть еще один свитер. А еще термобелье и дождевик.

Койот кивнул и закрыл борт прицепа. Бето уже вернулся на свое место рядом с Лукой, но Шакал обошел пикап сбоку, нагнулся к нему и что-то зашептал ему на ухо. Мальчик извернулся, чтобы видеть лицо мужчины; одно его колено взмыло вверх, второе, наоборот, опустилось.

– Это большая удача, что Николас тебе помог, – уже вслух сказал койот. – Именно поэтому я никогда не беру детей. Я не намерен с тобой нянчиться, и мне не нравится, когда люди умирают по собственной глупости. Не заставляй меня жалеть, что я взял тебя с собой.

Лицо Бето оставалось на редкость неподвижным; его выражение было настолько искренним, что Лидия едва сама не лишилась хладнокровия.

– Отныне, если я говорю: «Это важно», ты меня слушаешь, ясно? – продолжал Шакал. – Когда я говорю: «Это важно» – это значит, что, если ты не послушаешься, ты умрешь. Эта дорога не развлечение. Если я сказал прыгать, ты прыгаешь. Если я сказал заткнуться, ты сидишь молча. Если я сказал, что тебе нужна куртка, это значит, что тебе нужна чертова куртка.

Отступив на шаг, он развернулся так, чтобы видеть всех мигрантов. Повысил голос, чтобы всем было слышно:

– То же самое касается всех остальных. Понятно? Впереди у нас тяжелая дорога. Две с половиной ночи вам придется лазать по крутым скалам, и я – ваш единственный спасательный круг. Если у вас с этим проблемы, если вы вдруг поняли, что не сможете, сейчас у вас последний шанс отказаться.

Всякий раз, отправляясь через границу, койот брал с собой пистолет, чтобы даже самые ретивые мигранты ни на секунду не сомневались в абсолютной природе его власти. Он носил его в кобуре на джинсах – так, чтобы всем было видно. Ему редко приходилось его использовать, в основном пистолет служил в качестве удобного психологического оружия. Бето заметил его еще тогда, когда Шакал проверял мигрантов во втором пикапе, но особого впечатления пистолет на него не произвел – в отличие от слов, полных скрытой силы. Бето умел различать правду на слух.

– Эй, – позвал мальчик. – Простите.

Лицо его округлилось, как луна, и смотрело на койота с мольбой; наблюдая за ним, Лидия вдруг вспомнила о Себастьяне, и воспоминание это ударило ее, словно учительская линейка по голой костяшке. Как долго Лука сумеет продержаться на одной только памяти об отце? Может, совсем скоро с таким же уважением он будет смотреть на незнакомцев. Лидию охватил приступ отчаянья. Она закрыла глаза и стала ждать, когда ее отпустит.

Кивнув, Шакал открыл пассажирское сиденье пикапа и забрался внутрь.

В лучах пустынного рассвета они устремились на юго-запад. В Ногалесе при виде пары фургонов, набитых мигрантами, никто особо не удивлялся. Никто бы не стал их останавливать. Любому встречному хватило бы одного взгляда, чтобы безошибочно понять их намерения, но никому не было до этого дела. Только Лидия волновалась, что кто-то ее заметит. Всякий раз, когда навстречу ехала машина, она сутулилась и прятала лицо под полями выцветшей шляпы.

– А почему на юг? – спросил Лука, когда на выезде из города они вдруг повернули налево.

Лидия не знала. Но с облегчением отметила, что дорога сначала постепенно лишилась покрытия, а потом и вовсе превратилась в колеи на голой земле, которые с трудом попадали под определение дороги. Повсюду были ямы и рытвины, гравий из-под шин разлетался во все стороны. Они оказались в пустыне, и вокруг на многие километры не было ни одной другой машины; мигранты кое-как держались за края прицепа и подскакивали всякий раз, когда пикап неожиданно проваливался в яму. Лидия придавила Луку своим весом, чтобы тот случайно не выпал, но ехали они небыстро, стараясь не перевернуться.

Дорога сначала свернула на запад, а потом на северо-запад, и Лука подумал, что теперь они, наверное, двигаются перпендикулярно границе к тому месту, где забор бесследно исчезает; очень скоро отделить одну страну от другой можно будет только благодаря карте, которую много лет назад начертил на бумаге какой-то случайный человек. Больше часа миновало с тех пор, как им встретилась последняя машина, и Николас в попытке скрасить ожидание стал перечислять местную фауну: оцелот, красная рысь, носуха,

ошейниковый пекари, хлыстохвостая ящерица, пума, койот, гремучая змея.

– Гремучая змея? – с опаской переспросила Марисоль.

– Кролик, перепелка, олень, колибри, ягуар.

– Ягуар! – радостно воскликнул Бето.

– В Соноре считается редким видом, но пока не исчезнувшим. Еще лиса и скунс, – продолжал Николас. – Ну а про бабочек и говорить не буду – слишком много!

Лука представил себе, как все эти животные прыгают туда-сюда через границу и даже не подозревают о существовании каких-то там паспортов. Мысль его утешила. Ребека слушала вполуха. Ей совсем не хотелось думать о дикой природе этих мест. Ей не было до нее никакого дела. Она мечтала о совсем другом диком месте, со своими звуками и глазастыми существами. Но теперь Ребека с трудом верила, что облачный лес и вправду существует. Как бы ей хотелось закрыть глаза и перенестись обратно домой! Почувствовать прохладное, мягкое прикосновение облаков на коже и ресницах. Услышать шум дождя и перезвон капли на толстых листьях. Тот светлый, призрачный, изменчивый уголок земли уже ускользал из памяти. Теперь, закрыв глаза, она больше не могла услышать голос бабушки, не могла учуять запах свежего *чилате*. Все было уничтожено, и казалось, ей суждено оплакивать эту потерю до скончания веков. Вдыхая воздух пустыни, девочка ощущала лишь безжизненную сухость; солнечные лучи жгли ей кожу там, где в волосах блестел пробор.

Склонив голову на плечо сестры, Ребека наблюдала, как меняет цвета пустынный пейзаж. Закатившееся солнце окрасило землю в оранжевый и розовый. В небе заплясали сумасшедшие оттенки лилового, голубого, желтого, которые затем постепенно наполнились глубиной и почернели. Потух наконец последний отблеск, и повсюду воцарился мрак – такой беспросветный, какого Лука прежде никогда не встречал. Во тьме он не мог разглядеть собственных коленей. Не мог разглядеть пальцев, даже поднеся их к самым глазам. Когда он нащупал в темноте Мами, та прижала его к груди и накрыла рукой. После заката мигранты почти все время молчали. Таращились во мрак, пытаясь отыскать хоть малейшее подобие света. Плутали в собственных мыслях, обдумывая предстоящую дорогу.

Лидия вспомнила одну детскую передачу, совсем непохожую на те глянцевого, однотипные мультики, которые смотрел Лука (а вместе с ним и весь остальной мир), где все персонажи – сплошь глазастые писклявые монстры, которые постоянно огрызаются. Нет, то было памятное телешоу, совершенно невероятное низкобюджетное творение с куклами ручной работы и настоящей помоечной магией. Лидия помнила заглавный музыкальный номер, во время которого все персонажи взлетали над землей в своем дребезжащем мусорном баке – правда, больше похожем на колесницу, – но получалось у них, только когда все друзья были в сборе, а если хоть одного не хватало, бак оставался обычным помойным ведром, окруженным мухами и липкими лужами грязи. Но стоило всем собраться вместе, мусорный бак начинал светиться, а потом взмывал в небо, разбрасывая звезды из выхлопной трубы; Лидия понятия не имела, откуда у помойки выхлопная труба, – тогда ей было всего шесть лет, – но, *Dios mío*, что это было за зрелище.

Странно, конечно, что ей на ум вдруг пришло это детское телешоу: она и думать про него забыла, да и голубой фургон мало чем напоминал волшебный бак для мусора. Но в тот момент Лидия испытывала то же самое пьянящее чувство, как в детстве, когда наблюдала за извержением помоечных искр и за тем, как группа друзей хваталась за края своей посуды, чтобы случайно не вывалиться наружу; всем было наплевать на физику, гравитацию и обжигающие свойства планетарной атмосферы. Для них не существовало преград.

– Помните ту программу? Из детства? – спросила Лидия у Марисоль. – В ней еще была летающая помойка?

Марисоль помнила.

Шел второй час езды, как на дороге впереди вдруг загорелись огни; вскоре фургоны подъехали к пропускному пункту. Света было достаточно, чтобы Соледад узнала в полумраке форму агентов миграционной службы. Ребека расплакалась. Подобрав под себя пятки, она скукожилась в объятьях старшей сестры. Соледад цыкнула и прикрыла ей лоб ладонью. Положила ее голову к себе на плечо и велела закрыть глаза. Стала напевать что-то на древнем языке, понятном только им двоим.

– Очень скоро все закончится. Мы будем в безопасности. Не смотри, сестричка.

Уткнувшись носом в шею Соледад, Ребека тяжело вздохнула; по щекам у нее катились слезы и беззвучно капали на смуглую кожу сестры. Шакал выбрался из машины и шагнул навстречу двум офицерам, вооруженным фонариками и AR-15. Они поздоровались так, словно были знакомы, после чего койот протянул им конверт. Проговорив минуты две, он вернулся обратно к пикапу; следом за ним подошли *agentes* и стали по очереди подсвечивать фонариками лица мигрантов. Когда луч коснулся Ребеки, девочка так и не подняла головы. Соледад сжала челюсти и взглянула прямо на свет. Глаза ее увлажнились, но смотрели не моргая.

– Эй, *хече*, эту мы, наверное, оставим себе, – сказал один из полицейских Шакалу, сидевшему в машине с опущенным стеклом.

Койот высунулся наружу, но прежде, чем успел что-то ответить, Лука подскочил на ноги, напугав тем самым Лидию, которая тут же кинулась за ним.

– Вы не можете оставить ее себе! – закричал мальчик. – Не можете! И никто не может! Она – свободный человек и едет с нами!

Луч фонарика метнулся в сторону Луки, и вскоре его лицо озарилось в круге света. Его черные глаза сверкали, а руки сжимались в плотные маленькие кулачки.

– ¡*Mira, el jefecito!*^[118]

– Лука, вернись на место! – Лидия схватила сына и силой усадила к себе на колени.

Но мужчина только рассмеялся. Он перегнулся через край прицепа, и Соледад покрепче сжала в объятьях сестру.

– Не переживай, малыш, – сказал *agente*, обращаясь к Луке. – Я же просто пошутил. – Затем он снова посветил фонариком в лицо старшей сестры. – Сеньорита, вам очень повезло, что у вас такой храбрый и бесстрашный защитник.

– Да, – машинально согласилась Соледад.

Полицейский снова переключил внимание на Луку:

– Продолжай сражаться, малыш! На севере такой запал придется кстати.

Лидия вдохнула, но отпускать сына не торопилась. Когда пришла ее очередь смотреть на свет, она задержала дыхание. Стараясь не

поднимать лица слишком высоко, она глядела четко перед собой и молилась, чтобы эти мужчины не работали на Хавьера. Молилась, чтобы в мобильных телефонах у них не сохранилась ее фотография. Задержавшись на несколько секунд, луч света скользнул на Марисоль. Лидия снова выдохнула.

– Удачи! – крикнул *agente* и сделал шаг назад.

– *¿Nos vemos pronto!*^[119] – Шакал махнул ему рукой на прощание, когда пикап тронулся с места.

Спустя чуть более трех часов после отъезда из Ногалеса два пикапа, с выключенными фарами и толстым слоем пыли на обшивке остановились на обочине. Когда потухло фоновое освещение приборной панели и задних фар, мигранты оказались в кромешной тьме. От Соединенных Штатов их отделяло полмили. Построив всех в шеренгу, Шакал объявил, что отныне им нужно следить только за тем человеком, который идет впереди, и за тем, который идет сзади. В темноте койота совсем не было видно, но голос его излучал такое приятное тепло, что казалось, приобрел форму и горел посреди ночи цветным огоньком. Мужчина заряжал всех своей энергией. Под его чутким руководством мигранты поверили, что справятся. Никто не знал его настоящего имени, но все были готовы доверить ему свою жизнь. Шакал сказал, что двигаться они будут быстро и поэтому очень важно не отставать. Первостепенная задача отряда – никого не потерять в пути.

– Если услышите этот звук, замрите. – Койот издал низкий, короткий свист. – Он значит, что вам надо встать на месте и не двигаться, пока я не скажу.

Затем Шакал дважды на удивление громко цокнул языком.

– Если нас поймают, – продолжал он. – Так, все меня слышат? Это важно. Если нас поймают, ни в коем случае не признавайтесь, кто койот. Понятно?

– Почему? – раздался голос Лоренсо.

– Тебе не нужно знать почему, но я все равно объясню, просто чтобы ты не навывдумывал себе бог знает чего. Если нас задержат и выяснят, что койот – это я, вас всех депортируют без меня, так? Меня арестуют, а вас отправят домой. Если картели прознают, кто настучал на койота и обломал стабильный доход, этому человеку придется заплатить очень

много денег. У тебя ведь и так проблем с картелями хватает, правильно я понимаю?

Лоренсо выдавил из себя какой-то звук, отдаленно напоминавший согласие.

– Так что держи язык за зубами. Нас ловят – мы все идем на депортацию, потом возвращаемся и пробуем снова. Вам дается три попытки по цене одной. Договорились?

Никто не возражал. Тогда Шакал зажег фонарь низкой мощности и стал готовиться. Раскрыв банку с раздавленным чесноком, он велел всем обмазать ботинки – запах должен был отпугивать гремучих змей. Вдохнув чесночный аромат, Лидия сразу вспомнила о доме, о том, как готовила ужин. Но змей она боялась больше, чем ностальгии, и потому щедро смазала кашицей ботинки себе и сыну. Затем койот распределил между собравшимися водные запасы. Канистры были тяжелыми и неудобными, но вода – самый важный ресурс. С помощью ремня Лидия привязала канистры к лямкам рюкзака. Они плескались и при ходьбе больно били по бедрам, поэтому она решила закрепить их на месте и покрепче затянула узлы. Лука нес лишь одну канистру, да и то с большим трудом. Мужчины – по четыре каждый; у Николаса к тому же был модный водяной рюкзак, из которого можно было пить прямо на ходу – через длинную трубочку, свисавшую с плеча. Все старались не думать о том, как жарко будет в пустыне днем, о том, сколько придется пройти, и о том, какой объем воды каждый тащит на своем горбу.

Шакал расставил мигрантов по порядку: сначала он сам, потом Чончо и Слим, Бето и Лука, Лидия, сестры и Марисоль. Остальные мужчины встали в конец.

Они двинулись на север – настолько быстрым шагом, что, пожалуй, и сами не ожидали от себя такого; Лидия пыталась не терять из виду ускользящие очертания сына. Их легкие переполнял свежий холодный воздух; после двух томительных дней в квартире дорога на север по залитой звездным светом земле бодрила. Все молчали, но очень скоро топот ботинок, ступавших по неровной поверхности, и негромкие звуки их напряженного дыхания стали походить на некое подобие беседы. Все старались сосредоточиться, чтобы случайно не упасть, не споткнуться и не врезаться в человека спереди. Опасались

вывернуть лодыжку. Пытались – правда, в основном безуспешно – не робеть перед невидимым, но повсеместным присутствием *la migra*.

В пустыне не было забора, поскольку не было нужды что-либо оградить. Они шли в двадцати милях к востоку от Эль-Сасабе, на западе примерно на таком же расстоянии возвышались жилые дома Ногалеса и горы Парахито, служившие своеобразным пограничным барьером. Было холодно. Лука надел все вещи, которые они с Мами купили в «Уолмарте» перед отъездом из Акапулько: джинсы, футболку, толстовку, теплую куртку и толстые носки. Его ботинки были крепко зашнурованы и перевязаны двойным узлом. Папину бейсболку мальчик убрал в боковой карман рюкзака, а сам надел вязаную шапку и шарф, подаренные той старушкой в Ногалесе, но, даже несмотря на множество слоев и влажный от пота позвоночник, нос и пальцы у него заледенели. Он мечтал вернуться назад во времени и купить перчатки. Порой Шакал присвистывал, и тогда все замирали и ждали на месте; когда койот дважды цокал языком, они послушно возобновляли движение. В одну из остановок Лука отчетливо услышал, как где-то неподалеку гудит электронное устройство. Затормозивший рядом Чончо указал на красный огонек, мигавший на вершине столба. Они стояли почти точно под ним. Огонек поворачивался на шарнире. Когда он взглянул в другую сторону, Шакал снова цокнул языком, и все мигранты рванули во мрак и не останавливались, пока не миновали горный кряж, лежавший за пределами досягаемости вращающегося механического глаза.

– Поздравляю! – громко прошептал Чончо, обращаясь к Луке. – Только что ты обхитрил первую в своей жизни камеру пограничной службы Соединенных Штатов.

Мальчик сверкнул в темноте зубами, а у Лидии вдруг скрутило живот – от горестного осознания, которое пришло вслед за словами Чончо.

– А мы уже в Штатах? – спросила она шепотом.

– Да, – подтвердил мужчина.

Лидия полагала, что момент пересечения границы будет знаменательным. Что все случится за долю секунды, и нога, поднятая на территории Мексики, внезапно приземлится на территории Соединенных Штатов. И в то же время она была уверена, что сможет хотя бы на мгновение остановиться, оглянуться – в прямом и

переносном смысле – и подумать обо всем, что оставляет позади, а именно – о неотступном страхе перед Хавьером и его приспешниками. После восемнадцати дней постоянных лишений, после дороги, растянувшейся на полторы тысячи миль, Лидии хотелось прочувствовать тот момент, когда она наконец избежит невидимой западни. Но ей хотелось заглянуть и подальше в прошлое – во времена задолго до кровавой резни, в счастливые дни детства. Хотелось вспомнить оранжевый купальник, который в детстве она носила летом каждый день. Прыжки со скал в Ла-Кебраде, когда она была подростком. Совместные прогулки с отцом по пляжу Барра-Вьеха – в том возрасте, когда идти за руку с родителем еще не считается зазорным. Миллион обид на мать – таких, что бывают только между родными людьми. Колледж, Себастьян, книжный магазин. Тот раз, когда она впервые взяла Луку на руки. Лидия полагала, что наступит момент, когда все эти воспоминания нахлынут на нее разом, словно маленькая смерть. И через них откроется портал. Она надеялась, что, подобно гремучей змее, сбросит с себя старую кожу, пропитанную горем и страданием, и та останется лежать в мексиканской земле. Но оказалось, что границу она уже пересекла, сама того не заметив. Так и не оглянувшись, не устроив никакого ритуала, который помог бы ей начать новую жизнь на этой стороне. Но теперь уже ничего не изменишь. *Adelante*. Вперед.

В ясном небе сияли звезды, но луна взошла совсем новая и света почти не давала. Пока они, спотыкаясь, шли в кромешной тьме, Шакал уверял, что условия выдались идеальные. Около часа мигранты тащились по пустыне молча. Где-то в одиннадцать остановились на привал возле каменного утеса, так как, по словам койота, именно в этот час начинается пограничный обход и очень скоро весь участок наполнится полицейскими. Мужчина велел всем отдохнуть, но ни у кого не получилось. Они сидели в страхе и моргали, словно лампы при плохой проводке. Миновало три часа, и все это время они прислушивались к незнакомой музыке пустыни. Ворчание, сопение, клацанье, визги – целая гамма ужасных звуков, раздававшихся то где-то вдалеке, то совсем близко; под покровом ночи оставалось лишь догадываться, что за существо подает голос на этот раз. До чего же странное и болезненное ощущение – сидеть без брони в окружении целой армии ночных животных, которые тебя прекрасно чувствуют и видят

даже в полной темноте. Если какое-то из них решит подойти поближе, ты даже не заметишь. Мигрантам оставалось только ждать и молиться. Даже Лоренсо вспомнил, что когда-то верил в Бога.

Время близилось к двум часам ночи, когда Шакал вдруг снова поднял всех в дорогу. Он собирался разбить лагерь до того, как начнет светать. Этот путь койот проделывал десятки раз. Поэтому точно знал, куда они идут и когда туда доберутся. Не иди они днем по жаре, можно было бы взять с собой поменьше воды. Но весна уже заканчивалась, и ночи стали совсем короткими, а значит, лишнего времени не оставалось. Шакал то и дело подгонял путников, так что те шагали на пределе возможностей. Он увел их примерно за две мили к северу от границы, но до ближайшего города – где все бы они были в безопасности – по-прежнему оставались многие часы. Койот опять просвистел. На этот раз Бето, едва не спавший на ходу, врезался в шедшего перед ним Слима, и вместе они повалились на песок. Мальчик захихикал и стал извиняться, но Шакал на него цыкнул и поднес палец к губам. Для верности Слим накрыл рот Бето мясистой ладонью.

Они шли вниз по холму, и у подножия Лука увидел бледные очертания дороги, змеившейся чуть поодаль до самого горизонта. Мигранты спрятались под кучкой угловатых деревьев, но дальше до самого конца дороги не было никакого укрытия. По правую руку за несколько сот метров стояли четыре пикапа.

– *Carajo!* – выругался Шакал.

Вплоть до этой секунды Лука наслаждался одним-единственным преимуществом, открывшимся для него в момент тотального уничтожения прежней жизни: внезапно он стал вхож в какой-то закулисный мир, где все взрослые все время ругались вслух. С тех пор он даже пару раз – не без удовольствия – пробовал на языке кое-какие непристойности, однако теперь, слыша, как бранится койот в адрес четырех незнакомых грузовиков, испытал глубокую тревогу.

– Что они тут делают в такое время? – тихо спросил Чончо.

– Я не знаю. – Шакал покачал головой и махнул в конец дороги. – Вон там есть перевалочный пункт. Иногда, если здесь никого нет, я вожу людей туда. Маршрут не самый популярный. А это... – Он сплюнул под ноги в грязь. – Это вовсе не туристы.

Ухватившись за бинокль, который висел у него на груди на длинном шнурке, койот поднес его к глазам и прищурился. В темноте ему удалось разглядеть лишь силуэты машин, правда, в одной кабине горела подсветка. Вокруг по-прежнему стояла ночь, но постепенно чернота начинала рассеиваться, уступая место едва различимым оттенкам серого. Очень скоро с неба польется свет. Шакал распустил шеренгу и согнал мигрантов в кучу, чтобы переговорить со всеми разом.

– Возле перевалочного пункта стоят четыре пикапа, – сказал он. – Но это труднодоступный маршрут. Никогда раньше не видел, чтобы кто-то здесь парковался. Исходя из этого, возможны два варианта. Либо это какой-то картель забирает поставку – в таком случае рекомендую почаще оглядываться, потому что следом за вами могут подойти люди.

Тело Лидии напряглось. Нащупав в темноте Луку, она прижала его к себе.

– Либо – и этот вариант я считаю более вероятным – мы имеем дело с какой-то чокнутой бандой народных мстителей, которые возомнили себя могучими рейнджерами. В таком случае рекомендую следить за линией фронта, поскольку эти сукины дети мечтают только об одном – повесить над камином трофейную голову какого-нибудь мигранта.

Лука поморщился, хотя сама идея – висеть на доске из блестящего дерева в хижине какого-нибудь янки – показалась ему по-своему даже забавной.

Но Лидии было не до смеха. Она придерживалась достаточно трезвой позиции, чтобы понимать: опасность еще не миновала, – и в то же время была уверена, что источником главной угрозы отныне будет что-то другое. Она полагала, что на севере будет бояться пограничников и разлуки с сыном, а вовсе не каких-то там случайных бандитов, навязывающих миру свои законы. Оценивать варианты Шакала по уровню опасности Лидия не стала. Неважно, что там у них за форма, неважно, какой цвет лица и акцент. Кого бы они ни встретили в этом диком, безлюдном месте, встреча будет означать лишь одно: конец.

– Что будем делать? – спросила Марисоль.

Койот уже снимал с плеч рюкзак.

– Мы подождем здесь, – ответил он. – Другого укрытия нет. К тому же на таких машинах обычно катаются мстители, а не члены картелей.

– А в чем разница? – поинтересовался Чончо.

Не снимая бинокль с шеи, Шакал передал его мужчине. Тот поднес его к глазам.

– Для картеля эти тачки недостаточно роскошные, – пояснил койот. – Но если эти люди и вправду мстители, то, скорее всего, ушли охотиться в другой конец дороги. Мы переждем здесь. Рано или поздно они вернуться и разъедутся по домам. Тогда-то мы и проскользнем.

– Но что, если это и правда картели? – спросила Марисоль.

Лидия инстинктивно поежилась, а потом растерла лицо ладонями и прикрыла голову капюшоном. Марисоль продолжала:

– Если это наркодельцы, то не окажемся ли мы легкой добычей? Если будем сидеть между ними и поставщиком?

– Я уже расплатился с ними за этот поход, – отрезал Шакал. – Я всегда играю по правилам.

– Но кто установил эти правила? – Лидия больше не могла держать этот вопрос в себе.

Ей нужно было знать наверняка, кто возомнил себя хозяином этого клочка земли.

– «Лос-Хардинерос»? – слышался голос Лоренсо.

Так и не дождавшись ответа, он поймал взгляд Лидии. Затем стал расхаживать из стороны в сторону, будто тигр в клетке. В подсознании Лидии оформилась гипотетическая дилемма. Что хуже: попасться в лапы *estadounidenses*, которые отнимут у нее Луку, или же мексиканцам, которые вернут ее Хавьеру? Эти мысли ей пришлось отогнать. Ни то ни другое не имело права на существование. У них должно все получиться. Сжав кулаки, Лидия размяла костяшками затекшие ноги.

Чончо вернул бинокль Шакалу и снял рюкзак. Слим и сыновья молча поставили на землю канистры, а потом сели рядом, откинувшись на свои тюки.

Койот осторожно глотнул из собственной бутылки, а потом сказал:

– Найдите себе укромное местечко – на случай, если мы застрянем тут до рассвета.

Среди угловатых деревьев спрятаться было особо негде, но чуть подалее обнаружили невысокие заросли; повернувшись лицом к тропе, по которой они сходили с холма, Ребека, Соледад и Лидия сели, с опаской ожидая, что из темноты возникнут тени тех, кто в последнее время являлся им в страшных снах. Лука, сидевший спиной к Мами, задумался: как же все-таки странно, что мигранты большую часть времени проводят в состоянии покоя, неподвижными. Их жизнь превратилась в хаотический круговорот беготни и томительного бездействия. Бето заснул. Николас – тоже. Марисоль пыталась последовать их примеру. Все они обессилели. На востоке постепенно прояснялось небо. К тому моменту, когда с холма напротив спустилась дюжина мужчин, света было достаточно, чтобы Шакал сумел как следует разглядеть их в бинокль.

– Мстители, – подтвердил он.

Мужчины, с ног до головы облаченные в камуфляж, имели при себе достаточно оружия, чтобы любой непосвященный человек принял их за настоящих военных; они вернулись к своим машинам, но уезжать не торопились. Достали из переносных холодильников напитки и какую-то еду. Затем расселись в прицепе одного из пикапов и стали передавать по кругу термос с горячим кофе. Теперь они находились достаточно близко, чтобы переменчивый ветер иногда приносил с собой обрывки фраз и смеха. Непостоянная природа этой акустики наводила ужас, поскольку звуки, должно быть, с такой же легкостью могли путешествовать и в обратном направлении. Мигранты отчаянно сражались с физиологией собственных тел. Боялись случайно пукнуть или чихнуть. Молились, чтобы мужчины поскорее исчезли. После завтрака, который продлился целую вечность, мстители как будто собрались уезжать, как вдруг обнаружили, что в одной из кабин всю ночь горела подсветка. Аккумулятор сдох.

К тому времени, как они нашли провода прикуривания, подогнали второй пикап, подключили его к первому, завели, потратили минут пять-десять, поздравляя друг друга с отлично проделанной работой, и наконец торжественно укатили прочь, над пустыней уже рассвело.

До перевалочного пункта, где Шакал планировал разбить лагерь, им по-прежнему оставалось около полутора миль, но теперь при любых перемещениях их могли заметить в ослепительном свете солнца. Койот растряс Бето и Николаса.

– Пора, – объявил он. – Бегом!

Проведя несколько часов на холодной земле, Лука с трудом шевелил конечностями. Поэтому, когда пришло время двигаться, он был рад и очень скоро заметил, как к ногам постепенно возвращается тепло. Дорога у подножия холма оказалась совсем не такой, как представлял себе мальчик, размышляя о жизни в США. Он был уверен, что все американские дороги – широкие, как проспекты, с идеальным покрытием и чередой неоновых витрин по обе стороны. Но эта была точно такой же, как и любая другая дерьмовая дорога в Мексике. Одна грязь и ничего больше.

На северо-западе кучились высокие холмы – намного выше тех, что встречались мигрантам прежде; миновав дорогу, Шакал повел группу к ближайшему склону. Поднимаясь в гору, всем пришлось заметно поднажать, чтобы сохранить заданную скорость.

– Почему мы не пошли в обход? – спросил Лоренсо с вызовом.

– Потому что маршрут выбираю я, – отрезал койот.

– Но там дорога легче. – Парень указал на север рукой.

– *Vete entonces*^[120].

Шакал недолго любил Лоренсо. Лука понимал, что между ними сложились довольно напряженные отношения, потому что такие же точно отношения у Лоренсо складывались со всеми, кого он встречал. Из вежливости люди, как правило, пытались скрывать недовольство, но койот себя не утруждал, и Луке это нравилось. Всякий раз, когда Лоренсо подавал голос, Шакал не закатывал глаза, как следовало ожидать, но лицо его менялось: все черты каменели, а взгляд полуприкрытых глаз устремлялся куда-то вдаль, подальше от Лоренсо – до тех пор, пока молодой человек не прекращал говорить. Через мгновение лицо койота снова оживало.

На вершине мигрантам открылась картина, от которой Луке сразу стало не по себе; смесь ужаса и восторга пробудила в нем дрожь. Настолько сильную, что Маами заметила ее и повернулась. Но мальчик не хотел встречаться с ней глазами. Впрочем, внимание его оказалось прочно приковано к панорамному виду, вызвавшему столь смешанные чувства; все мигранты смотрели по сторонам как замороженные.

Вдалеке за обрывом возвышалась целая сотня холмов, а за ними – может, и того больше, но сказать наверняка было трудно, так как с каждым новым шагом холмогорье казалось только выше, острее и

громаднее. Солнечные лучи дробились меж вершин на ослепительные всполохи. На склонах золотились потрепанные ветром травы, колючие кустарники, верхушки деревьев. Повсюду – россыпь гигантских валунов: они торчали из трещин в земле, собирались кучками, будто враждующие семейства в ложбинах. Некоторые валуны были до того огромными, что на их фоне даже холмы казались меньше. Все небо затянуло коварными облаками: они постоянно клубились, меняли угол преломления света, нарушали представление о расстояниях, но совсем не защищали от яростного жара солнца. Лука задержался, чтобы снять шапку и спрятать ее в карман. Неожиданно он начал потеть. Стащив с себя шарф и куртку, он расстегнул рюкзак и затолкал их внутрь. Затем достал папину бейсболку и, понюхав ободок, надел. Поправляя на плече лямку рюкзака, мальчик вдруг поймал на себе взгляд койота. Тот покачал головой.

– Тебе нельзя ходить в этой бейсболке. Красный цвет видно за километр.

Нахмурившись, Лука взглянул на Мами, но та лишь молча кивнула, и бейсболку пришлось снять. Лидия забрала ее и попыталась запихнуть обратно в рюкзак. Потом стянула с головы собственную шляпу и сказала Луке:

– Можешь надеть мою.

– Но она же розовая! – возмутился мальчик.

– Самую малость.

– Давайте я возьму! – предложил Бето.

Лидия засмеялась:

– Прости, если бы у меня была еще одна, я бы отдала ее тебе.

Нахлобучив шляпу на макушку сына, она снова попыталась затолкать бейсболку в его рюкзак. Места не было. Тогда, остановившись, Лидия вынула оттуда белую футболку и протянула Бето.

– Вот, возьми это, – сказала она.

Мальчик просунул голову в отверстие горловины, а потом вывернул футболку так, чтобы ткань прикрывала шею.

– Спасибо. – Он посмотрел на Лидию и улыбнулся.

Всем остальным тоже стало жарко. Мигранты снимали одежду и перестраивались. Слим и Чончо передавали друг другу одну из канистр с водой, чтобы напиться. Эта местность не просто так

оставалась безлюдной, даруя всем желающим шанс пересечь границу и не попасться. При взгляде окрест казалось, что выжить в таких условиях просто невозможно.

– Даже выглядит все каким-то ненастоящим, – заметила Мами.

Лоренсо, шедший рядом с Лукой, снял бейсболку и вытер намокший лоб. Когда мальчик впервые увидел ее в мигрантском убежище в Уэуэтоке, эта бейсболка была идеально чистой. Теперь же, несмотря на то что козырек по-прежнему держал форму, ткань совсем выгорела, поменяв цвет с черного на серый. Подметив эту перемену, Лука очень удивился. И впервые осознал, какой разрушительной силой обладает солнце Соноры, способное за считанные часы уничтожить все, до чего дотянутся его лучи. Стащив с головы мамину шляпу, он пригляделся и понял, что та действительно сменила цвет. От розового осталось лишь воспоминание, окрашенное в грязно-песочные тона. Так вот почему Мами сказала: «Самую малость». Лоренсо уперся ладонями в колени и окинул взглядом безжизненный пейзаж.

– Что за хрень? – выругался он. – Это что, шутка?

– Теперь понятно, что значит «тяжелая дорога», – прохрипел Бето, а потом достал из кармана ингалятор и поднес к губам.

– Ты в порядке? – спросил Лука, глядя на баллончик.

Бето пожал плечами и попытался восстановить дыхание; от солнца у него щурились глаза. Наконец он ткнул пальцем в рюкзак Луки и спросил:

– А что, сальбутамола у тебя не найдется? Потому что я бы взял!

Оба мальчика засмеялись, но у Бето смех получился каким-то писклявым, словно из шарика выпускали воздух.

– Давай, *mijo*, – сказала Мами, подгоняя сына вперед. – Ты тоже, Бето. Можешь идти?

Мальчик решил больше не тратить дыхание впустую, но кивнул и двинулся дальше.

Вид холмов наводил на мысль о том, что восхождение должно занимать как минимум полдня и еще столько же – спуск. Мигранты по пятам следовали за Шакалом. Никто не разговаривал; только теперь они начинали осознавать всю трудность стоявшей перед ними задачи и, спускаясь в первую впадину долины, силились не терять присутствие духа. Ветер дул крепко, взбивая волосы Ребеки в черный вихрь. Под ногами хрустела колдовская желтая трава, и Луке

постепенно наполняло томительное предвкушение. Они едва ступили на территорию Соединенных Штатов, а все уже выглядело будто съемочная площадка какого-то фильма, только с настоящими, смертельно опасными животными вроде скорпионов, гремучих змей и пум. И снова Лука испытал странную смесь чувств: взволнованный трепет и тошнотворный ужас.

– Лука, – сзади послышался голос Мами, которая, как обычно, словно читала его мысли. – Ты в порядке?

Мальчик кивнул.

– Сынок, я тобой горжусь, – прошептала она так, чтобы никто больше не слышал, а потом показала бицепс и добавила: – *Eres bien fuerte*^[121]. Папи бы тоже тобой гордился.

Шакал знал, что неподалеку была питьевая станция, где гуманитарные работники оставляли воду для проходящих мигрантов. Тем не менее перед отправлением он велел группе экономить водные припасы, потому что случалось и так, что первыми до станции добирались пограничники или народные мстители и опустошали канистры в песок. В тот день им повезло и тайник оказался нетронутым: на палете под куском брезента стояли три здоровые канистры; рядом на шесте развевался голубой флаг. Вода была теплой, но ничего вкуснее Лидия не пробовала за всю свою жизнь. На подходе к станции у нее стучало в голове, потому что всю дорогу она старалась беречь запасы. Однако теперь, напившись вдоволь из своей фляги, она чувствовала, как боль отступает. Что за чудо: пить. Заново наполнив флягу, она отпила еще чуть-чуть. Лука к воде едва притронулся.

– Столько сколько влезет, милый, – настаивала Лидия.

– Но, Мами, если много пить, сведет ноги. А нам нужно идти очень быстро.

– Это не смертельно, – отрезала она. – Пей.

Они пробыли на станции минут десять, пили и пили, доливали и снова пили; наконец, в очередной раз восполнив запасы, они отправились дальше по сухому руслу долины. Шакал предупредил мигрантов, чтобы те не шумели и держали ухо востро – на случай, если где-то поблизости раздастся рокот двигателей, – но ветер заглушал все остальные звуки. Через некоторое время Бето обратился к Чончо:

– Откуда, говорите, вы приехали?

Чончо ответил не сразу, но не потому, что не хотел, а просто потому, что привык не спешить.

– Из Веракруса, – сказал он наконец.

– Это в Мексике?

Снова пауза.

– Да.

– А я и не знал, что мексиканцы бывают такими здоровыми!

Мужчина рассмеялся, а за ним и все остальные в шеренге. Бето окинул взглядом сначала Чончо, потом Слима, а затем их сыновей.

– И что, у вас в Веракрусе все такие высокие? – спросил он.

– Нет. – Чончо растягивал слова. – Остальные – намного выше.

Бето стал перечислять самых высоких людей, встречавшихся ему в *домпе*, как вдруг в воздухе раздался предупредительный свист Шакала. Марисоль, в ту же секунду заметившая проблему своими глазами, невольно вскрикнула. Затем указала в дальний конец долины – туда, где над верхушками кустарников поднимался след рыжеватой мелкой пыли. Койот присвистнул еще раз, повелевая мигрантам лечь, и в тот же миг его команда была исполнена. Все пятнадцать человек повалились на землю, будто пристреленные, прямо там, где стояли.

– Ползите в тень, если можете, – сказал Шакал.

Освещение было пронзительным. На солнце их могли сразу же обнаружить; только уйдя со света, можно было надеяться на какую-то маскировку. Когда пустынное солнце касалось какого-либо цветного объекта в движении, этот цвет вспыхивал, словно маяк. Лука и Лидия укрылись под гаррией в тени булыжника, подпирившего ствол.

Сережки свисали с куста бледно-зеленой занавеской, и липкие цветы путались в маминых волосах. Сбившись в клубок на дне небольшой лоцины, они накрылись рюкзаками и стали невидимыми; вдалеке с холма по-прежнему спускалась рваная линия пыли. Остальные мигранты продолжали ползать в поисках укрытия: кидались пластом в опаленные солнцем травы, ныряли в колючие тени маниок, прятались за кипарисами. Затем все замерло, и всякое движение вдруг прекратилось. Тишину не нарушал даже Бето, который притаился среди белесых стеблей, задрал ноги вверх. Три минуты спустя вместе с очередным порывом ветра до них наконец долетел смутный рокот двигателя. Прошла еще одна долгая минута, после чего на высоком гребне одного из соседних холмов показалась машина.

Модель, которую ни с чем не спутаешь: бело-зеленый внедорожник «шевроле-тахо» – верный друг пограничной службы.

Лицо Шакала оставалось невозмутимым.

– Никому не двигаться! – тихо скомандовал он.

Сам койот надежно спрятался в тени стоячего камня, между Марисоль и Николасом. Зная, что теперь, возможно, им придется некоторое время провести на месте, он постарался занять наиболее удобное положение. Сидя на пятой точке, он подтянул к груди колени и навел окуляр бинокля на пассажирское сиденье внедорожника – туда, откуда на него смотрел агент пограничной службы, в окуляр собственного армейского бинокля.

«Мы невидимы, – зажмурившись, повторял про себя Лука. – Мы пустынная трава. Мы – камни». Дышал он глубоко и медленно, неподвижной грудью. Эту технику сродни медитации предстояло в совершенстве освоить каждому мигранту. *Мы – камни, мы – камни. Somos piedras.* Кожа Луки затвердела, руки не двигались, ноги застыли на месте, все клетки в пояснице и подошвах перемешались с молекулами песка. Он прирос к земле. Ничего не чесалось и не дергалось, потому что тело его потеряло исходные свойства и превратилось в кусок пустынной породы. Он пролежал на этом месте тысячу лет. Сквозь позвоночник пробился на свет куст маниоки, в лодыжках из года в год расцветали и гибли растения, в волосах вили гнезда овсянки и жаворонки, плечи просели под воздействием стихий; Лука никогда не двигался. *Мы – камни.* Спустя какое-то время «тахо» наконец завершил свою пугающую инспекцию и устремился в следующую впадину долины.

Шакал не стал тратить время на пустые разговоры. Солнце ползло все выше и теперь обосновалось в самом жарком и ослепительном уголке неба; прошел уже час, как они должны были встать лагерем. Оставаться под палящим прожектором солнца было небезопасно. Еще немного, и оно начнет их выпаривать.

– Пошли, – позвал койот. – ¡*Apúrense!*^[122]

Все мигранты вмиг подскочили – так же быстро, как до этого попадали, собрали вещи и вновь отправились в дорогу.

Ближе к полудню, в тот момент, когда солнечные лучи как раз начали высасывать из них остатки влаги, когда Ребека уже хотела сдаться, за выступом глубоко посаженного холма показалась тенистая

складка породы, а внутри – небольшой зеленый массив, под кроной которого располагалось идеальное место для отдыха. Меж зазубренных скал ветки сумаха и церкокарпуса сплетались в единое полотно, целиком закрывая лагерь от посторонних глаз. Спустившись в густую тень, все вздохнули с облегчением: как же здорово было укрыться от солнца! Повсюду валялись вещи, оставшиеся после других мигрантов: пустые пластиковые бутылки, рваная черная футболка с соляными разводами, разношенная розовая кроссовка – на совсем детскую ногу. Шакал направился к мягкой песчаной насыпи под деревом – туда, где кто-то уже расчистил все камни. Прислонив рюкзак к стволу, он сразу приготовился вздремнуть. Все остальные последовали его примеру. Мужчинам оказалось намного проще – стоило только усесться, как они тут же проваливались в сон. Марисоль улеглась на живот и положила голову на скрещенные руки. Не прошло и минуты, как она тоже уснула. Сестры никак не могли устроиться и несколько раз перемещались, прежде чем смогли наконец расслабиться.

Несмотря на полное изнеможение, Лидия подозревала, что со сном у нее будут проблемы. Тем не менее она расстелила плед, и они с Лукой легли рядом. Пустынное солнце сияло так ярко, что даже в густой тени ей приходилось щуриться. Открыв потом глаза, чтобы осмотреться, она поняла, что пейзаж за пределами их укрытия перекрасился в сепию: настойчивый свет небесного прожектора обесцветил местность до всевозможных оттенков коричневого. Заметив, что Лидии не спится, Чончо поймал ее взгляд и сумрачно кивнул; она восприняла это как обещание приглядеть за ней и спящим Лукой. Истинный смысл кивка был, конечно, туманным, но Лидия решила, что означал он примерно следующее: «Отдыхайте. Я обязательно прослежу, чтобы с вами ничего не случилось». Приняв на веру эту воображаемую клятву, она немедленно заснула.

Они продолжили путь засветло. Когда солнце коснулось западной кромки долины и тени мигрантов расползлись по земле на черные полосы, Шакал снова велел собираться.

– Эта ночь будет трудной, – сказал он. – Восемь миль по пересеченной местности. Идти будем в темпе, так что не отставайте. Если отстанете, мы не сможем вас ждать. Я не поставлю под угрозу благополучие всей группы из-за одного-единственного человека. Поэтому слушайте внимательно, *esto es importante*^[123]. Это вопрос жизни и смерти.

Чтобы убедиться, что всем слышно, койот откашлялся.

– К западу отсюда та самая дорога, которую мы переходили утром, берет на север и продолжается как бы параллельно нашему маршруту. Понятно?

Все кивнули.

– Если вы отбились от группы. Упали, вывихнули лодыжку, решили отдохнуть, помочиться, почесаться или вздремнуть. Если по какой-то еще причине вы вдруг поняли, что не поспеваете за остальными, возвращайтесь на ту дорогу. Ее называют Рубиновой. Пограничники и местные ходят по ней регулярно. Доберетесь туда – точно не умрете. В течение пары часов кто-нибудь вас найдет.

Жуткая перспектива – эта Рубиновая дорога. На тот момент поход складывался вполне удачно, и потому никто толком не понимал, что она собой представляет. Для всех собравшихся она была тем самым местом, которое нужно обходить любой ценой, тем самым местом, где их подстерегали самые ужасные страхи. Невозможно было вообразить отчаяние, способное всего за несколько часов убедить любого из них в том, что Рубиновая дорога – последний шанс на выживание.

– Значит, сейчас мы идем туда. – Шакал махнул рукой. – На север. Где в таком случае находится дорога? Я хочу убедиться, что все вы это знаете. Лоренсо! В какую сторону ты пойдешь?

Молодой человек ничего не ответил.

– На запад, – раздраженно повторил койот. – А где запад?

Лоренсо полез в телефон, но не смог поймать сигнал.

– В той стороне, – отозвался Лука и указал на запад.

– *Claro que sí*^[124]. – Шакал потрепал мальчика по волосам. – Этот парень точно не пропадет.

Не сбавляя шага, мигранты решили перекусить орехами и вяленным мясом. У аспиранта Николаса были также порционные металлические тюбики с какой-то протеиновой пастой. Она ужасно воняла и выглядела гадко, зато питала организм всякими полезными веществами, благодаря которым Николасу и вправду удавалось сохранять завидную энергию. В тот вечер он шагал прямо за Лидией и всю дорогу тихонько разговаривал. Она начала подозревать, что в пасте, помимо прочего, содержался кофеин.

– Что бы ни случилось, не ходите в Ариваку, – рассуждал Николас. – Будете умирать от жажды, местные не помогут, зато усядутся в шезлонг и будут наблюдать за вашими мучениями со стаканчиком прохладного лимонада.

– Ладно уж, не так все плохо, – впереди послышался голос Шакала. – В Ариваке есть и хорошие люди. Жизнь – штука сложная, особенно когда приходится выживать у самой границы.

Николас вскинул свои невероятные брови. Аривака – крошечный, захолустный городок, в котором едва набралось бы семь сотен человек; до ближайшего населенного пункта – сорок пять минут езды по пустой дороге. И тем не менее, как и многие другие жители Южной Аризоны, Николас представлял себе Ариваку совершенно определенным образом – как нищий и безжалостный аванпост, где несколько лет назад народные ополченцы-мстители убили девятилетнюю девочку и ее отца, а потом попытались свалить вину на нелегальных мигрантов. Полагая, что страшилка о кровожадной банде нелегалов подтолкнет напуганных жителей к решительным действиям, преступники ворвались в дом Флоресов и выстрелили маленькой Брисении в голову. В момент убийства девочка сидела на диване в бирюзовых пижамных штанах; ее ногти были покрашены красным лаком. Николас – молодой человек либеральных взглядов – никогда не бывал в Ариваке и потому не знал, какой невыносимый позор по-прежнему нависал над всеми жителями городка. Николасу никогда не приходилось присутствовать при столь варварском преступлении, которое раскалывает жизнь очевидцев пополам, выворачивая наизнанку все, во что ты раньше

верил. Проще говоря, мир Николаса никогда не выворачивался наизнанку.

Вот почему он понятия не имел, что в подобных местах работает особая разновидность третьего закона Ньютона: на всякое греховное действие всегда найдется равное по силе искупительное противодействие. В любом случае спорить не имело смысла. Лидия не собиралась идти в Ариваку, где единственный выход – это сдать и попросить о помощи. Нет, они с сыном доберутся до Тусона и будут в безопасности.

Следующие три часа пути миновали без происшествий; Лидия с удивлением наблюдала, как в мир после дневной побелки возвращаются привычные цвета. Наступил момент, пожалуй, даже больше чем просто момент – отрезок времени длиной минут пятнадцать, когда пустыня неожиданно превратилась в самое лучшее место на земле. Температура воздуха, освещение, краски – все казалось безупречным и застыло на грани коллапса, словно вагонетка на американских горках, слегка постукивающая колесами, прежде чем сорваться с вершины в пропасть. День клонился к закату, и Лидия чувствовала, как кожа постепенно выпускает наружу жар. Впереди на плечах сына подпрыгивал рюкзак. Впервые с тех пор, как она поставила на стол запотевший бокал ледяной «Паломы», Лидия ощутила надежду: возможно, им все-таки удастся выжить. То был странный прилив какого-то чувства, похожего на опьянение. А потом с неба вдруг спустились мрак и холод. Вторая ночь обещала быть холоднее первой, и от этой неожиданной зябкости все пятнадцать мигрантов, не стовариваясь, прибавили ходу. Под ногами вздымалась и опускалась земля, щербатая от каменистой россыпи и нор невидимых зверей. Лидия молилась, чтобы никто не упал. Заметив, что сестры держались необычайно тихо, она переживала о том, как бы они не лишились последних сил – с учетом всех пережитых накануне мучений. Молилась Лидия и за здоровье ног – Луки, шагавшего в новых ботинках, Соледад, Ребеки и своих собственных. Она повторяла про себя: «Господи, пусть наши ноги будут сильными и без мозолей. И пусть ступают только там, где предназначено ступать человеческой ногой».

Шакал двигался в быстром темпе. Место встречи располагалось всего в десяти милях от границы, если считать напрямую, однако путь

этот пролегал по одной из самых трудных областей на всей территории Северной Америки; кое-где перепады высот достигали отметки в две тысячи метров. Маршрут, рассчитанный на два с половиной дня, петлял среди непроходимых участков пустыни, минуя несколько резервуаров с питьевой водой (на случай, если жажда станет невыносимой), и при этом избегал туристических троп и путей под наблюдением пограничников. В конечной точке текущего броска, перед самым рассветом, когда группа встанет на привал в пещере в нескольких милях к западу от Тумакакори-Кармен, штат Аризона, самая сложная часть маршрута будет уже позади. Но мигранты об этом пока не знали. Они не знали практически ничего, потому что Шакалу нравилось держать подробности похода в тайне. Если что-то пойдет не так, если кто-то свернет с дороги, потеряется и будет пойман, последнее, чего хотелось бы койоту, – чтобы этот человек выдал пограничной службе все его секреты. Участникам похода нужно было знать лишь одно: в пустыне всегда ведет Шакал, все остальные идут следом. И действуют строго по команде. Если внимательно слушать, выполнять приказы и проявлять упорство, Шакал позаботится о том, чтобы все кончилось хорошо. Завтра ночью все мигранты приятно удивятся, когда поймут, что всего за каких-то несколько часов преодолели финальный участок пути. Все обрадуются, когда заметят впереди огни лагеря и два жилых автофургона, что отвезут их по расхлябанному бездорожью на гладкое северное шоссе, о котором все так долго мечтали. А дальше – очень ровная и очень широкая трасса под номером 19. По пути им встретится КПП пограничной службы, но каждую неделю в течение определенного периода времени там нет ни единой живой души. Хорошая новость заключалась в том, что Шакал путем обмена денежных средств на проверенную информацию установил начало этого периода, а также точную его продолжительность.

Следующие сорок пять минут они проведут в дороге, на другом конце которой их ждет оптимистичная безликость пригородной Аризоны. До нее уже, считай, было рукой подать. И ни один из мигрантов даже не догадывался, насколько близко подошел к заветной цели. Ну а пока что вот они, на пятом часу изнурительной вылазки, спускаются по черному склону в очередной безымянный каньон и чувствуют, как с каждым новым шагом из-под ног предательски

ускользает присыпанная гравием земля и как их душевные силы все больше истощаются вслед за физическими; вот они, и вдруг на небе – от края до края гигантская трещина, а следом – тропический ливень. В ту же секунду все испытали потрясение; даже Николас и Шакал, имевшие при себе дождевики, промокли насквозь до того, как успели их накинуть. Ноги мигрантов будто сами рвались в укрытие, но спустя несколько минут это наваждение все-таки удалось побороть; группа вернулась в прежний ритм и продолжила путь сквозь дождевую завесу.

Джинсы Луки намокли и потяжелели; теперь во время ходьбы ему приходилось широко расставлять ноги, потому что мокрая ткань натирала между ног сзади, чуть выше левого бедра. Он был рад новым ботинкам и тому, что по настоянию Мамаи два дня разношивал их в квартире. Как же здорово, что в тот момент он решил не спорить и не жаловаться, хотя такие поползновения были. Но даже с учетом дополнительной практики с каждым новым шагом Лука ощущал растущее неудобство в одной точке размером с игольное ушко, которая располагалась на его левой пятке. Поначалу он старался не обращать на нее внимания. А потом обратился к ней напрямую. Сказал, что никакая боль – тем более столь жалкая и незначительная – не сумеет остановить его на пути к цели. Сказал, что вытерпит даже стократную боль и глазом не моргнет. Ведь он – Лука! Мальчик, у которого убили всю семью! Его уже не остановишь!

– Мамаи. – От боли голос его прозвучал глухо и сдавленно.

– Что такое, *mijo*?

– У меня мозоль, – признался Лука.

Боль сводила его с ума. Терпеть он больше не мог. Мамаи поджала губы и увела его в сторону с общей тропы. Никто из мигрантов не остановился и даже не сбавил шагу. Они продолжали путь, и к тому моменту, как Лидия опустилась на колени, задрала сыну левую брючину и стащила с его ноги ботинок, вперед ушли все участники колонны. В темноте, да еще при такой погоде разглядеть что-то было почти невозможно, однако Шакал запретил им пользоваться фонариками, и потому, чтобы оценить ситуацию, Лидии пришлось уткнуться лицом в самую пятку Луки. Носок набрал воды, и, проведя рукой по задней части его ступни, она нащупала пузырь мозоли. Вот только что сделаешь? Кожа – влажная, джинсы – влажные, все вокруг – тоже влажное. Конечно, пластырь не возьмется. Но попробовать

стоило. Лидия скинула с плеча рюкзак и расстегнула боковой карман, в котором хранилась пачка пластырей. Разумеется, все они были мокрые, но в середине нашелся один чуть посуше. Распахнув куртку, она накрыла собой лодыжку сына, будто живой зонт.

– Снимай ботинок, – велела Лидия.

– Но Мама, они уходят! – возразил Лука. – У нас нет времени.

– Снимай, живо! – рявкнула она.

Мальчик послушался, развязал шнурки и так сильно дернул за ботинок, что тот подлетел в воздух и плюхнулся рядом в грязь.

– Садись сюда. – Лидия указала на свой рюкзак, и Лука сел. – Носок тоже снимай.

С этими словами женщина взгляделась сквозь струи дождя туда, где, как ей показалось, только что растворился во мраке последний участник колонны. Прикусила зубами обертку пластыря. Когда Лука стащил с ноги мокрый носок, она спрятала его в карман. Затем выправила из-под толстовки рубашку и протерла полую пятку сына. На его мизинце скукожилась кожа. Зажав его ступню в теплой подмышке, Лидия дотянулась до рюкзака, который по-прежнему висел у мальчика за спиной. Она знала, что где-то на дне с правой стороны лежала свежая пара носков. Внезапно ее охватила паника. Она испугалась, что не сможет отыскать носки или, наоборот, все-таки сможет, но будет при этом рыться вслепую и случайно уронит их на землю, после чего они немедленно промокнут и станут бесполезными, и в конце концов окажется, что все эти поиски были напрасными, и тогда они с Лукой точно погибнут, только не от пули, выпущенной *sicario* во время семейного торжества, но в полном одиночестве посреди пустыни. Погибнут из-за какой-то мозоли. Из-за дождя. Нет. Пальцы Лидии нащупали мягкий комочек сложенных носков. Сухие. *Gracias a Dios*. Она вытащила их, сунула под мышку и застегнула рюкзак. Мигрантов теперь и след простыл. Больше она их не видела и не слышала, но пока что еще ощущала присутствие и пыталась мысленно проследить их путь. «Боже, дай нам их найти», – молилась про себя Лидия. Вскрыв зубами пластырь, она сплюнула обертку на землю, снова протерла пятку Луки, обдала чуть теплым дыханием и прилепила сверху клейкий кусочек ткани. *Боже, пожалуйста, только бы не отвалился*. Развернув носки, она натянула один на подошву сына. Казалось, на все про все ушла целая вечность: сначала нога никак не пролезала, а потом

пришлось долго выравнивать шов на мыске и разглаживать ткань, прилежавшую к больному месту. Лидия подумала было натянуть сверху второй носок. Дополнительный слой защиты между мозолью и поверхностью ботинка. Но поможет ли? Мягкая подкладка, но сядет ту же. В итоге решило время. Засунув второй носок под лямку лифчика, Лидия подняла с земли упавший ботинок. Ослабила шнуровку и оттянула язычок. Промокнула внутри полый рубашки и вставила ногу Луки. Дернула за шнурок.

– Я сам, Мами, – перебил мальчик.

Пока он завязывал узелок – очень быстро, с впечатляющей сноровкой, – Лидия укрывала его от дождя. Наконец Лука объявил:

– Все готово. Все в порядке, Мами. Спасибо.

Поднявшись с рюкзака, он прошелся из стороны в сторону, чтобы опробовать перевязку, а потом заключил:

– Намного лучше.

Лидия уже закрыла боковой карман своего рюкзака и теперь шла, а точнее, бежала вслед за сыном, поправляя на ходу лямки. Снизу стучали и плескались канистры с водой.

– Быстрее, сынок. Мы должны их догнать.

В общей сложности вся операция заняла минуты две с половиной. Может, три. Этого времени вполне хватило, чтобы безнадежно отстать от группы. Они ничего не слышали – лишь громовые перебивы дождя и стук капель, разбивавшихся о землю. Лидию снова охватила паника; все страхи сбились в плотный комок и застряли где-то в груди. «Именно так все и происходит», – думала она. И подгоняла Луку надломленным голосом, но мальчик помнил, что случилось на выезде из Кульякана, когда за ними гналась полиция: Мами вывихнула лодыжку и упала. Он понимал, что еще одну травму – в дополнение ко всему прочему – они себе позволить не могут; осторожность не давала ему шагать в полную силу. Кто знает, может, в конце концов их погубит осторожность.

– *Apúrate*^[125], *mijo*, пожалуйста! – Лидия почти срывалась на крик.

Вдруг ее охватило новое сомнение: что, если они бегут не в ту сторону? Слегка отклонились от тропы и все дальше удаляются от группы наискосок? *Они ведь пошли сюда, так?* В такой дождь под покровом ночи никаких следов не разглядеть. Нужно просто идти вперед. Двигаться. Не стоять на месте. Отчаявшись, Лидия нарушила

самое главное правило Шакала: никогда не повышать голос, – и выкрикнула в пустоту. Ответа не последовало. Они с Лукой продолжали идти в темноте, спотыкаясь и вновь прибавляя ходу, и каждые несколько минут Лидия нарушала правило – все громче и громче, теряя надежду с каждым новым именем:

- Соледад!
- Ребека!
- Бето!
- На помощь!
- Николас!
- Чончо!
- Где вы?

Лука теперь вышагивал не впереди и не сзади, но рядом с ней; сжимая руку сына, Лидия изредка вглядывалась в черноту его глаз и видела там лишь спокойствие. Похоже, он совсем не разделял ее отчаяния.

– Все в порядке, Мами, – через некоторое время сказал мальчик. – Мы идем в правильном направлении.

Она поверила ему, потому что другого выхода просто не было. Он понимает в таких вещах. Ведь так?

- Шакал!
- Марисоль!
- Слим!
- Ау!

Вместо ответа ударил дождь, пустив по плечам толстые струи воды, и крупные капли застучали по капюшонам с новой силой. Блуждая в темноте, Лидия нечаянно обнаружила в своей голове какой-то обособленный участок сознания, где вся мыслительная работа продолжалась в нормальном режиме; неожиданно ей вспомнилась шутка про сорок лет и сорок тысячелетий, проведенных в пустыне. Она поняла, что католики заблуждаются в своем представлении ада: на самом деле там нет огня, нет зловонного горения. В аду очень мокро и холодно, и повсюду тебя преследуют мрак и чувство абсолютной потерянности. Мозг Лидии уже станцевал чечетку и остановился, как вдруг... Вдруг. В темноте мелькнуло очертание. Какая-то тень. Едва различимое движение, черная клякса на тон темнее царившей вокруг черноты. Лидия взвизгнула, ощутив в груди прилив надежды,

покрепче сжала руку сына и припустилась следом за черной кляксой, рассекая незримый пейзаж; нет, ей не показалось. Это был не мираж. Клякса двигалась по какой-то собственной траектории: прыг-скок, прыг-скок. И все время убегала вперед. Лидия не сводила с нее глаз, бежала следом и волочила за собой Луку, не замечая даже коварной земли под ногами; наконец клякса начала увеличиваться, становилась все ближе и ближе, пока не превратилась в рюкзак. Рюкзак Рикардина. Она снова крикнула в темноту:

– Рикардин!

– Давид!

Клякса остановилась. Повернулась к ней. Они нашли дорогу. Они спасены.

Salvación. Salvación. Лидия заплакала.

Рикардин отвел ее на место впереди себя и двоюродного брата.

Давид. А дальше – сестры. Ребека. Соледад. Лидия без труда убедилась в том, что девочки просто не заметили их пропажи. Ночь была такой темной, и дождь лил как из ведра – в подобных условиях трудно разглядеть даже то, что происходит за пределами твоего капюшона, даже собственные руки и движение ног. На самом деле Лидия не хотела знать, какой была реакция сестер. Заметили они? Рассказали Шакалу? Попросили его остановиться и подождать? Не зная ответов, она могла не спрашивать себя, как поступила бы на их месте. К тому же теперь все хорошо и нет никакой разницы. Все хорошо. Лидия перекрестилась. Набрала в грудь воздуха. Втянула носом запах не перестававшего дождя.

Ливень прекратился. Так же внезапно, как и начался. Теперь о нем напоминала лишь какофония неприятных звуков. Лука слышал, как под ногами у всех скрипят ботинки. Как шуршат затвердевшие джинсы всякий раз, когда у кого-то соприкасаются в движении ноги. У Луки стучали зубы; очень скоро он так замерз, что, казалось, чувствовал, как в черепной коробке содрогаются полушария мозга. Мальчик вдруг понял, что дождь, вполне вероятно, еще не самое страшное и что куда хуже его последствия. Влага и леденящий холод напомнили ему о купании в студёных водах залива Акапулько, когда, уже привыкнув к низкой температуре, ты выходишь на горячий сухой песок и поначалу умоляешь вселенную о возвращении в зыбкую бездну океана. В таких ситуациях, размышлял Лука, тело начинает путать холодное и горячее. Но когда снова пошел дождь, он понял, что его теория – полная ерунда. Всю ночь мигрантов не покидало ощущение безысходности; обильные дожди то смолкали, то заряжали по новой. Лидия пыталась сохранить в душе радость пережитого спасения. Но лямки рюкзака и влажные джинсы стирали ей кожу в кровь; с неба снова полило. В ту ночь каждый из них хотя бы раз испытал отчаяние. Утешало лишь осознание того, что всякий миг, проведенный в безысходности, приближает окончание этого кошмара.

– Дожди благословенны, – заметил Шакал, уводя группу в очередной каньон. – А все их ненавидят.

Лука и Лидия вернулись на свои места в передней части колонны – следом за Чончо, Слимом и Бето. Ребека и Соледад теперь шли прямо за ними. Потом Марисоль. Николас, Лоренсо, Давид и Рикардин. Наконец, двое молчаливых приятелей, хранивших свои имена в тайне. Под ногами лежали широкие гладкие булыжники, скользкие от воды; в какой-то момент Лука осознал, что в темноте уже почти различает их силуэты. Вскоре они подошли к обрыву, где булыжники внезапно складывались в ступени; внизу каменные стены резко взмыли к небу, и каньон превратился в ущелье, на дне которого стояла по щиколотку дождевая вода. Мигранты следовали за Шакалом по левой стороне, где тропа была посуше, а из стены то и дело выпирали косые уступы. Лука

подумал, что, если бы с ними в тот момент была чертовка Пилар из школы, она бы сразу полезла наверх. Но теперь мальчик знал, что и сам бы справился. Теперь он умел проделывать трюки, которые Пилар даже не снились. Когда в ущелье забрезжил серый предутренный свет, койот заговорил:

– В дождь все наркодилеры сидят по тачкам. Пограничники – в будках. Пока они прячутся, мы незаметно проскользнем мимо.

– В такую погоду на дорогу выходят только мигранты, – заметил Чончо.

– Только психи, – поправил его Слим.

Но в пустыне дождь едва моросил; пока рассеивалась ночная чернота, Лука наблюдал, как в стальном небе, словно колеса Зверя, перекатывались свинцовые облака. Сначала сбивались в стаю, потом расходились, оставляя после себя холодную серую бездну. Скоро поднимется солнце и зальет ее горячим цветом. Скоро сюда вернутся пограничники.

Мигранты шли быстрым шагом.

– Далеко еще? – Бето обращался к Шакалу.

Спрашивал он потому, что за последнее время никто не произнес ни слова, и ему хотелось услышать даже не ответ, но обнадеживающий звук человеческого голоса.

– Около часа, может, меньше, – ответил койот.

Большинство людей, которые знакомились с ним в зрелом возрасте, думали, что свою кличку Шакал получил из-за профессии, однако на самом деле так его прозвали родные, когда ему было двенадцать. Еще мальчиком в родном Тамаулипасе Хуан Педро – как звали его в те времена – нашел на обочине маленького щенка. Его мать сбила насмерть машина. Братьев и сестер уже разобрали соседи. Когда Хуан Педро прибыл на место происшествия, щенок сидел в одиночестве над хладным трупом мамы-собаки. Мальчик забрал его домой, но со временем, даже несмотря на всю любовь и неустанную заботу, щенок все больше походил на одичалую дворняжку. Жители деревни прозвали ее Шакалом, и Хуану Педро это прозвище понравилось, так как напоминало о дикой природе. Но потом его самого стали называть матерью Шакала, и это имечко он сразу невзлюбил. Некоторое время приходилось терпеть, но потом, к счастью, местные и вовсе перестали упоминать собаку, а его собственную кличку сократили до Шакала.

Несмотря на прозвище, Шакал не собирался становиться койотом. Когда-то много лет назад он перешел границу сам, чтобы найти на той стороне работу, и был уверен, что одним походом все и закончится. В его молодости весь процесс, конечно, был проще, но тоже не подарок – только не в Аризоне. В тот раз с ним шло еще несколько мигрантов, и все они посчитали этот опыт трудным и изматывающим. А вот Шакалу на просторах высокой пустыни неожиданно понравилось. В этом климате он впервые задышал полной грудью и почувствовал в теле какое-то целебное тепло. Пару месяцев он проработал посудомойщиком в закусочной на окраине Финикса и всякий раз, когда выпадало свободное время, отправлялся гулять по каньонам. Вскоре нужно было возвращаться домой в Тамаулипас. Собравшись переходить границу во второй раз, он решил, что пойдет один, без проводника. Безумное получилось приключение, но никаких трудностей у него не возникло. Дорогу он легко нашел по карте и компасу, но что еще важнее, получил от похода особое удовольствие – подобное тому, какое некоторые люди получают на курсах молодого бойца или во время участия в марафоне. Шакалу нравилось постоянное чувство напряжения в мышцах и в голове. Нравилась идея выживания в экстремальных условиях. Поэтому вскоре он отправился по новой. Прodelал еще несколько бросков и всякий раз возвращался домой сильнее и умнее, чем был, попутно совершенствуя маршрут и навыки ориентирования. Затем он взял с собой группу друзей из Тамаулипаса. Всех настолько поразили мастерство Шакала и легкость, с какой он преодолевал даже самую трудную местность, что впредь его нанимали за деньги, чтобы водил на другую сторону подружек, детей, двоюродных братьев и сестер и даже родителей. Вот так вот, совершенно неожиданно, у Шакала появился успешный бизнес по незаконной переброске мигрантов.

Проведя в Тамаулипасе достаточно скучную юность, он вдруг обнаружил, что у него что-то по-настоящему получается, и это чувство кружило ему голову. Он зарабатывал репутацию, и, по мере того как ужесточалась охрана границы, как приходили в негодность прежние маршруты, Шакал углубился в самое сердце пустыни и постепенно освоил самые трудные и опасные тропы. Тогда-то он и понял, что с попутчиков можно брать намного больше денег. Примерно в то же время в городе объявились картели.

С тех пор он стал зарабатывать меньше и уже не получал от работы бывшего удовольствия. Раньше он чувствовал себя почти героем, единственным проводником, который мог доставить путников к земле обетованной. Теперь приходилось платить не только пограничникам, но и картелям – за право пересекать границу в обоих направлениях. Картели пожирали доход и свободу. А если просили об одолжении, он не мог отказать. Иногда ему приходилось водить людей, которые ему не нравились. Но ничего, скоро Шакал отправится на пенсию. Во-первых, он накопил достаточно денег, а во-вторых, в почти полные тридцать девять лет достиг возраста, в котором перспектива постоянных физических нагрузок омрачает даже самый стойкий мальчишеский энтузиазм. Он вернется в Тамаулипас. Может, сделает предложение Памеле, которую любил с самого детства. Может, на этот раз она согласится. Почему бы и нет?

Тем временем Шакал пытался обращаться с мигрантами достаточно жестко. Пытался держать дистанцию, потому что любая привязанность могла обернуться трагедией. Конечно, превыше всего – благополучие группы, но стоит прикипеть к кому-то одному, и всякое непростое решение начинает даваться с трудом – в том числе решение оставить человека, который больше не может идти. В последнее время Шакал все чаще задумывался о том, насколько искренним было его безразличие. Чтобы отгонять мысли о своей поистрепанной душе, на шее он носил четки. А на правом предплечье – татуировку с надписью: «*Jesús anda conmigo*»^[126]. В эти слова он по-прежнему верил. Надеялся, что так оно и было.

Когда позади раздался крик, все мигранты непроизвольно пригнулись, и только Шакал остался стоять на месте, ища глазами источник звука. Взглянув вверх макушек, он увидел, как следом за группой по угольному дну каньона со страшной скоростью несется черная масса воды. Добравшись до ступеней из булыжника, она хлынула вниз.

– Поднимайтесь! – заорал койот. – ¡*Arriba!*

Голос его гремел, разносясь эхом по ущелью; в тот момент он и думать забыл о каких-то тайных стратегиях поведения.

– Поднимайтесь! Наверх! – снова крикнул он.

Перепрыгнув с камня на камень, койот рванул к стене и залез на выступ, приходившийся ему чуть выше пояса. Стал подтягивать туда

остальных: сначала Луку и Бето, потом сестер и Лидию; вперед проскочил Лоренсо.

– Помогай! – скомандовал ему Шакал.

Молодой человек наклонился и подтянул за руки Марисоль; один за другим мигранты оказывались наверху и поднимались дальше, освобождая друг другу место; раз выступ, два, они выбирались по стене из ущелья, а когда окинули взглядом проделанный путь – новый путь, состоявший из одних только выступов, – и стремительно надвигавшийся поток воды, неожиданно поняли, что внизу пролегалo древнее русло реки. Господи Иисусе.

Несмотря на то что Чончо, Слим и сыновья шли в самом начале колонны, из ущелья все четверо выбирались последними; они задержались, чтобы помочь остальным. Мигранты на самом нижнем выступе двинулись дальше, освобождая место. Разбредаясь в разные стороны, они продолжили взбираться по восходящим выступам. Наконец Слим поднялся на первое возвышение и подал руку племяннику Давиду; когда тот схватился, мужчина подтянул его наверх, и было слышно, как соприкоснулись их мощные предплечья. Затем показался Чончо, а самым последним – Рикардин, сын Слима. Можно было бы предположить, что сначала вода накроет его лодыжки, а уж потом засосет ноги и все остальное, но водяная стена была такой высокой и такой стремительной, что обрушилась на парня разом, ударив в спину, – и унесла прочь, словно тряпичную куклу. Мигранты вскрикнули и завизжали, а два брата и Шакал стали прыгать с выступа на выступ, пытаясь угнаться даже не за Рикардином, а скорее за его рюкзаком, потому что ничего другого над водой видно не было – только гигантский непотопляемый рюкзак, тот самый, который спас Лидию во мраке ночи; вдруг из бездны высунулись ладони, и парень кое-как перевернулся, но в ту же секунду потерял рюкзак, который просто выскользнул у него из рук и канул в воду; после небрежной попытки его вернуть Рикардин сообразил, что сейчас это было не самое главное, и переключил внимание на свое гигантское слабеющее тело, никогда прежде его не подводившее. На обрыве сверху он заметил дядю, отца и койота, которые до сих пор не могли поверить в реальность происходящего: вода появилась как будто из ниоткуда, очень быстро и внезапно, да еще в таких объемах! Все трое протягивали руки и кричали, и Рикардин слышал отцовский голос, но

ничего не мог поделаться: руки ему придавило, ноги беспомощно болтались, а во рту к тому же постоянно была вода, и, как бы он ни плевался, она тут же заливала по новой; помимо воды была еще и грязь, и ветки, и какой-то мусор, и он знал, что вот-вот утонет. В том не могло быть никаких сомнений, и Рикардин даже подумал, что это почти забавно – погибнуть от внезапного паводка в пустыне, – но потом понял, что совсем не хочет погибать при забавных обстоятельствах, и даже при почти забавных, и потому решил переключить усилия на мышцы пресса, чтобы сложиться пополам и высунуть из воды верхнюю часть туловища; он попытался схватиться за руку отца – один раз, второй и вдруг – бум! – ударился головой о камень, а потом снова, и во рту у него появился привкус железа, и зуб – передний зуб – на ощупь был острее, чем обычно, и по губе стекала кровь. Нет, умирать Рикардин не собирался, тем более здесь, так глупо и позорно, тем более обладая таким большим, сильным телом; он взглянул на отца и кое-как перевернулся, чтобы в следующий раз попасть ногами в камень; попал раз, еще один, и еще один, пока не приноровился перескакивать с одного на другой, после чего дождался следующего, оттолкнулся и, воспользовавшись импульсом движения воды, катапультировался в сторону суши, но, увы, снова не поймал дядину руку; все мужчины его подбадривали и бежали следом, на ходу перепрыгивая друг через друга, как лягушки, и Рикардин понимал, что план у него хороший, и, если попробовать еще раз, все наверняка получится, поэтому он вновь извернулся в воде и дождался подходящего камня, только на этот раз не отскочил, а застрял ногой в подводной трещине и никак не мог освободиться; вода уносила его течением и рвала ногу с мясом, а потом Рикардин почувствовал, как ломается кость, и закричал от боли; над собой он увидел отца и дядю, и боль была совершенно невыносимой, но тут *papi* схватил его за руку, а дядя за капюшон, и вместе они подтянули его против течения поближе к оттопыренной ноге. Он не испытал облегчения, даже когда подбежал койот и шесть могучих рук подняли его над водой и затащили верхнюю часть туловища на берег. Тело Рикардина сложилось в неловкой позе, но теперь у него была точка опоры, мужчины его спасли. Он не утонет. Земля под его промокшим телом окрасилась в темный цвет; под пальцами он чувствовал твердую поверхность, но нижняя часть тела по-прежнему оставалась в воде.

Рикардин не испытал облегчения.

– Я сломал ногу, – говоря это, он не плакал. – Точно сломал. У меня сломана нога.

Даже хорошо, что остальные мигранты не побежали следом: никому не хотелось слышать, а тем более видеть, как проходит жуткая операция по вызволению ноги из подводного капкана.

Оставался вопрос: кто останется с Рикардином? Слим и Чончо проделывали это путешествие много раз и потому знали, как все устроено; свою судьбу они приняли с достоинством. Не приставали с уговорами к Шакалу и другим мигрантам. Не просили помочь или остаться. От мысли, что сейчас их бросят в пустыне – совсем одних и, считай, в неподвижном состоянии, – никто не впадал в истерику, хотя подобная реакция была бы вполне уместной. Последнее слово осталось за Чончо.

– В конце концов, я – старший брат, – сказал он.

Слим молча кивнул.

– Останусь с крестником. Вы тогда идите, а когда он немного отдохнет, я отведу его на Рубиновую дорогу. Найдите там работу – за обе наших семьи.

Братья крепко обнялись и похлопали друг друга по спине, как это часто делают работяги. Слим прижал к себе мокрую голову сына.

– Прости, Папи, – сказал тот.

Мужчина лишь покачал головой.

– *Gracias a Dios*, главное, что ты остался жив. Остальное неважно.

Рикардин и Давид помолились вместе со своими отцами, а потом стали прощаться.

– Когда вас найдут, если сможешь, позвони Терезе, – сказал брату Слим. – А я наберу ей из Тусона, спрошу, как у вас дела.

Чончо кивнул.

– А еще вот, возьмите. – Слим поставил рядом с сыном канистру воды.

– Папи...

– Рики, не спорь.

Присев на корточки, Слим заглянул сыну в глаза, потрепал за плечо и снова поднялся – с надвинутой на лицо шляпой. Быстро отвел взгляд.

Чончо с сыном тоже обнялись; на шею Давида опустилась отцовская рука – здоровая, как боксерская перчатка. В каждом – под два метра

роста. Поцеловав сына в макушку, Чончо легонько подтолкнул его к дяде и сказал:

– Не ввязывайся там ни во что.

– Следите, чтобы солнце светило в спину, – напомнил Шакал. – До Рубиновой дороги отсюда где-то миля.

«Целая миля, – подумал Лука. – Со сломанной ногой».

Когда койот вернул мигрантов на маршрут и все они поднялись из каньона в горячий розовый рассвет, только Лука оглянулся и посмотрел в расщелину – туда, где на уступе по-прежнему сидели Рикардин и его дядя.

Остальные продолжали движение, и мальчик чувствовал коллективную волю, подгонявшую всех вперед, – словно части единого механизма, словно человеческий эскалатор. Заглушить мотор или притормозить они теперь не могли. Они шагали дальше, несмотря на очередную прореху в душе. Даже койот, казалось, растерял былой запал. И все равно все шли. Все продолжали движение.

Один за другим Луку обгоняли мигранты, а мальчик все стоял и смотрел в расщелину. Чончо прикрыл глаза козырьком коричневой бейсболки. Мокрое лицо Рикардина исказилось от боли. «Как же они будут подниматься, если он на ногах не стоит? – подумал Лука. – Как доберутся до дороги?» Прогнав эти мысли, мальчик решил помолиться. *Боже, пусть с ними все будет хорошо.*

– Лука, идем, – окликнула Мама.

Мальчик бросился за ней вдогонку.

Когда они наконец пришли к пещере, внутри оказалось тепло и сухо; по задней стене ползли лучи восходящего солнца: оранжевые, розовые, желтые. Услышав слово «*cueva*»^[127], Лука представил затонувшую пещеру с маленькой черной пастью, но в реальности все было иначе: казалось, будто сначала кто-то проделал в земле гигантское углубление ложкой для мороженого, в потом его разгладила и прочистила непогода. Сверху при входе было вбито несколько медных гвоздей. Шакал достал из рюкзака простыню землистого цвета – точно такого же, как и пейзаж вокруг. Он стал вешать ее на гвозди, и на мигрантов упала легкая тень.

В утреннем свете их лица казались совсем не такими, как вчера. Кого-то из них совершенно не удивил тот факт, что они согласились бросить в пустыне раненого человека, лишь бы спастись самим. Марисоль, например, уже давно решила, что ради воссоединения с дочерьми пойдет даже на самый отвратительный поступок. Лоренсо мог бы растоптать младенца – только бы добраться до севера. Но для других согласие оказалось неприятным сюрпризом. Все понимали, как им повезло, понимали, что на месте Рикардина мог бы оказаться любой, и потому ощущали себя проклятыми, обреченными. Бессовестными.

– Сначала мужчины, – объявил койот, разобравшись с занавеской.

Лоренсо фыркнул, но все остальные безропотно отправились на выход.

Ребека промокла насквозь, и от затылка – там, где воротник толстовки впитывал масляную влагу волос, – пахло сыростью. У нее замерзли пальцы ног, в ботинках хлюпало, но девочка ужасно боялась раздеваться.

– Только так ты согреешься, – сказала Соледад.

Потом она плюхнулась на зад и стащила с ног мокрые кеды. В подошвах у нее слегка покалывало.

– Ну вот, так намного лучше.

Все они разделись, не глядя друг на друга. Бето остался в одних трусах, потому что запасной одежды у него не было; тогда Лидия

достала ту самую футболку, которой мальчик прикрывался от солнца накануне, и протянула ему. Из-за дождя легким Бето стало хуже, и когда, задрав руки, он надевал дареную футболку, в груди у него свистело и хрипело. Порывшись в рюкзаке, Лидия нашла пластиковый пакет с запасной одеждой; та оказалась довольно сухой. Одежда Луки – тоже. Соледад поднялась на ноги, сняла свитер и растянула его, как занавеску, чтобы Ребека могла спокойно переодеться. Все они отдирали от мокрых тел прилипшую одежду. Напяливали сверху огромные футболки и меняли нижнее белье. Влажные джинсы они положили сушиться на камень при входе в пещеру.

Несмотря на глубокую задумчивость, охватившую мигрантов в отсутствие Чончо и Рикардина, они чувствовали невероятное облегчение, оказавшись в этом месте в это время. Пережив ужасный дождь, Лидия по-новому осознала, как хорошо быть сухой. Пока мужчины передевались в пещере, они с Лукой сидели под занавеской при входе и сушили на солнце босые ноги. В пустыне по-прежнему стояло раннее утро, но температура стремительно поднималась. Камень под ними был сухим и удобным, и солнечный свет приятно согревал подошвы. Лука хотел спросить Мами, что они будут делать, когда доберутся до севера, но боялся, что у нее не найдется ответа; к тому же было бы очень обидно сглазить успех, когда до конца путешествия оставалось совсем ничего. И все же один вопрос никак не давал ему покоя.

– А что будет с Ребекой и Соледад? – спросил он. – Думаешь, они и правда поедут в Мэриленд?

Лидия прищурилась от нараставшей яркости дневного света и, положив ногу Луки к себе на колени, стала рассматривать его мозоль. Удивительно, но вчерашний пластырь по-прежнему крепко держался на пятке, поэтому она не стала его трогать. Кольцо Себастьяна лежало на ее ключицах теплым грузом. Легкий ветерок коснулся ее коричневых коленей и пощекотал пальцы на ногах Луки, отчего тот заерзал.

– Такой у них был план, – осторожно напомнила Лидия.

– А они могли бы передумать? Если бы мы их попросили?

Над ними висело ярко-голубое небо, вычищенное вчерашним дождем, но из земли уже испарилась вся влага. Казалось, ливень им просто приснился. «Такой вот круговорот», – подумала Лидия.

Каждый день приносит с собой новый ужас, но под конец не остается ничего, кроме ощущения нереальности происходящего. Неверия в то, что они действительно пережили то, что пережили. Сознание – результат какого-то волшебства. Люди – волшебные создания.

– Все может быть, Лука, – ответила Мами и взглянула поверх пальцев ног на рыжеватый пейзаж.

Может, они и правда могли бы передумать. В конце концов, думала Лидия, мигрантам все время приходится приспосабливаться. Каждый день – да что там, каждый час – им приходится менять собственные решения. Лишь одна задача требует от них постоянного упрямства – выживание.

В синеве утреннего неба луна напоминала хрупкий кусочек яичной скорлупы.

– Можно им остаться с нами? – спросил Лука. – Жить с нами?

– Да, – с легкостью согласилась Лидия. – Если они не против.

Трудно было представить себе, что с Ребекой и Соледад им в какой-то момент придется распрощаться. Трудно было представить себе еще одну разлуку.

– А Бето?

– Ну ничего себе! – Лидия рассмеялась. – Там видно будет.

Лука не стал спрашивать, что Мами думала по поводу Чончо и Рикардина: добрались ли они до Рубиновой дороги? Нашел ли их кто-нибудь? Все ли с ними в порядке? Мальчик уже подобрал ответы на все эти вопросы – ответы, которые были нужны ему самому.

У них постепенно кончались запасы воды – что казалось невыносимым, особенно после недавнего ливня. Койот велел мигрантам пить по потребности, но максимально экономить воду. Они проспали все утро, а когда к полудню проснулись – обезвоженные, потные и голодные, – относительная прохлада пещеры уступила место напиравшему жару дня. Было принято решение спать дальше, несмотря на неудобство. Впереди их ждала последняя ночь путешествия, и всем поскорее хотелось вырваться из душной бесцветной пустоты на дорогу, которая наконец-то приведет их к жизни.

Скоро в пещере стало нечем дышать, потому что камуфляжная простыня, снизу придавленная для надежности камнями, не пропускала внутрь свежий воздух. Отдыхать в таких условиях было

трудно, но, когда взмокнувшая и злая Ребека открыла глаза, оказалось, что все остальные благополучно спят. Повсюду слышалось неровное дыхание. Громче всех был Бето, который хрипел на все лады при каждом вдохе и при этом не просыпался. Вместо подушки он подложил под голову руку и широко раскрыл рот, кое-как вытягивая из воздуха кислород. Напялив на босые ноги кеды, она переступила через него. Промокшая и снова высохшая обувь теперь кололась и неудобно сидела, но девочка не стала завязывать шнурки. Ей просто нужно было найти укромное местечко, чтобы сходить в туалет. Пока она прокладывала путь через тела спящих мигрантов, Лоренсо открыл глаза. Когда Ребека переступала через него, он заглянул ей под мешковатую белую футболку и был вознагражден видом нежной коричневой кожи и желтых хлопковых трусов. Пригнув голову, девочка отогнула занавеску и вышла наружу. Не издав ни единого звука, Лоренсо встал и босиком отправился следом.

В поисках подходящего места Ребека обогнула пещеру и, оставив позади замшелую мягкость камня, ступила на скудный узловатый подлесок. Повсюду росли карликовые деревья; укрывшись в тени одного из них, девочка присела и стянула хлопковые трусы. Прежде чем увидеть Лоренсо, она услышала его голос: парень ворчал, натываясь по дороге на острые колючки растений и мелкие камни. Ребека немедленно подскочила, и на внутренней стороне ее бедра остался тонкий след от мочи. Она натянула на бедра трусы и опустила футболку.

Лоренсо криво улыбнулся – в неуклюжей попытке ее очаровать.

– Надо было тоже обуться, – сказал он и шагнул к девочке, превозмогая боль. – Похоже, я не такой умный, как ты.

Ребека отступила на два шага назад. Подальше от него. Выставив руку, она нащупала ствол розового дерева, который только что увлажнила. Его крона едва доставала ей до макушки. Прядь ее волос зацепилась за ветку.

– Я просто хочу отлить, – сказал Лоренсо. – Как и ты.

На нем не было футболки, только боксеры на эластичной резинке. Парень стянул их и вывалил наружу возбужденный член. Ребеке не хотелось его видеть. Взглянув на тропинку позади Лоренсо, девочка поняла, что не сможет вернуться тем же путем, не поравнявшись при этом с его отвратительным пенисом. Когда Ребека отвернулась и

присела, на ее глазах уже выступили слезы; зацепившись за дерево, она вырвала из головы прядь волос. Лоренсо наступал быстро – куда быстрее, чем она могла бы предположить с учетом того, что шел он босиком; девочка едва успела сдвинуться с места, как он уже на нее напал: сначала грубо ухватил за запястье, а потом обдал влажным жаром изо рта – по щеке, уху, шее. Ребека сопротивлялась, пыталась размахивать свободной рукой, но Лоренсо схватил и ее тоже; когда оба запястья девочки оказались в тугих тисках его лап, парень навалился на нее всем весом. Придавил к шершавой поверхности скалы, упершись своим твердым отростком ей в живот. По щекам Ребеки бежали слезы, но она чувствовала абсолютное бессилие. Все равно девочка попыталась лягнуть Лоренсо коленом, но поняла, что ноги теперь тоже застыли под тяжестью его тела. Тогда она пустила в ход свое последнее оружие – голову. Ударила его раз, потом еще один, но парень только рассмеялся, сказал, что любит, когда женщины сопротивляются. Ребека боролась и плакала, вырывалась, кусалась, пихалась локтями, силилась заслонить свое тело руками, оттолкнуть Лоренсо в сторону, но при этом – не кричала; она удерживала крик внутри, потому что теперь они находились на территории Соединенных Штатов: если ей повезет, на шум прибегут Давид и Слим, а если нет – миграционная полиция. Когда ей в последний раз везло? У Ребеки занемела голова. Занемела шея. Она отвела глаза, чтобы не видеть кошмара, навалившегося на нее вместе с искаженным в потуге лицом Лоренсо. Она смотрела в безоблачное голубое небо, ожидая, когда случится самое страшное. Ей просто хотелось, чтобы все поскорее закончилось.

Но ничего не произошло. Совсем ничего. Она почувствовала, как рука Лоренсо спустилась вниз по изгибам ее обездвиженного тела и потянула за ткань трусов, когда раздался еще один голос:

– Сволочь, немедленно отойди от нее, пока я не вышиб на хрен твои мозги.

В одно мгновение насилие вдруг прекратилось. Все напряжение сошло на нет. Беспощадная тяжесть его тела приподнялась, и дрожащая Ребека сползла по скале вниз. Лоренсо отпрянул и стал засовывать в боксеры свое хозяйство.

– Все путем, – сказал он. – Мы просто хотели немного развлечься. *Relájate, hermano*^[128].

Ребека тряслась и дрожала; выбравшись из тени Лоренсо, она поспешила отойти в сторону – подальше от него. Дрожь колотила ей руки и ноги, едва не выбивая из суставов кости. Она чувствовала вибрацию во всем скелете. Не в силах унять волнение, девочка содрогалась при каждом шаге, боялась, что вот-вот упадет, но в конце концов все-таки добрела до Шакала, который стоял с наведенным на Лоренсо пистолетом. Увидев рядом с ним Соледад, Ребека потянулась к ней со слезами, но сестра вывернулась и шагнула вперед. Глаза ее в безжалостном свете пустыни сверкнули напряженной чернотой. Она смотрела на Лоренсо и его поникшие боксеры. На его высокую, мускулистую фигуру, на едва заметную ухмылку и босые ноги. Он стоял в профиль, опершись одной рукой о поверхность скалы, и на ноге у него темнела татуировка в форме серпа с тремя каплями крови. Под тканью трусов была видна эрекция. Словно приняв решение, Соле потянулась рукой к койоту.

Шакал никогда не читал академических трудов о посттравматическом поведении человека, но за годы работы в пустыне успел своими глазами повидать сотни его разновидностей. Благодаря своему опыту он вполне бы мог считаться экспертом по данному вопросу. И конечно, он понимал, что не стоило давать Соледад пистолет. Но с другой стороны, к Лоренсо койот не испытывал ничего, кроме презрения. Семнадцать лет он водил людей через пустыню и за это время прекрасно научился различать хорошее и плохое – даже при неоднозначных обстоятельствах. Шакал понимал, что изредка попадают люди, которые не стоят того, чтобы их спасали. Так что вполне возможно, что все это было не случайно; возможно, койот осознанно выдал поступок Соледад за что-то иное. Когда девочка протянула руку и положила ее на пистолет, Шакал опустил оружие. Сказал себе, что все это – лишь тактическое женское вмешательство, попытка деэскалации конфликта. Когда она обезоружила его, койот даже не пошевелился.

А потом все произошло стремительно. Соледад шагнула вперед и навела пистолет на потенциального насильника своей сестры. *Carajo!* На самом деле ничего подобного Шакал не ожидал. Шагнув следом, он попытался накрыть ладонью вздернутые руки девочки.

– Соледад.

Та навела пистолет на него – всего на секунду, но этого вполне хватило, чтобы мужчина замер на месте. Затем девочка снова взяла на прицел Лоренсо, с лица которого исчезла привычная ухмылка. Он поднял руки в воздух.

– Эй...

Может быть, он собирался сказать: «Прости».

Соледад спустила курок – на глазах у Ребеки, которая все это время наблюдала за сестрой с безразличным выражением лица. Она не дрогнула, не подпрыгнула, не ахнула. Даже не отвернулась. Она бы пристрелила Лоренсо еще раз, а потом еще раз и еще. Она представляла тела офицеров из Синалоа, изрешеченные пулями, представляла мозги Ивана на потолке; она бы стреляла в Лоренсо вечно. И даже не нужно было уходить из пустыни, потому что ничего другого ей в жизни больше не требовалось: только стоять здесь и стрелять – до конца дней. Девочка словно угодила во временной пузырь: пока она держала в руках пистолет, мимо проносились годы. А потом на нее медленно снизошло озарение: она могла бы выпустить пулю в себя и воссоединиться с *папи*. Вот только возьмут ли ее теперь к нему – в то хорошее место? Соледад окинула взглядом пистолет в своей руке; казалось, будто она наблюдает с огромного расстояния, как та дырка, из которой вылетают пули, медленно поворачивается к ней. Она уже почти заглянула внутрь, как вдруг ее руки накрыла другая пара рук – нежная и сильная – и все вместе они отвели пистолет в сторону. Чуть ослабив хватку, Шакал распутал ее ладони и вынул из них теплый кусок металла.

Когда Соледад наконец подняла глаза и посмотрела на сестру, в лице Ребеки она увидела идеальное отражение собственных чувств. Небытие. Бессмысленность земной простыни, что билась на горячем пустынном ветру. Ни радости, ни облегчения, ни сожаления, ни отрицания. Сестры взялись за руки и осторожно побрели назад в пещеру, прокладывая путь между камнями и колючими растениями; их глаза были широко распахнуты.

Шакал стоял над телом. Он чувствовал себя виноватым. То был не первый раз, когда он потерял в пустыне одного из своих клиентов. Черт возьми, то был даже не первый раз за сегодня. Но тут он мог предотвратить. Вся ответственность лежала на нем. Койот начертал над трупом крест и обратился к Богу: «*Perdóname, Señor*»^[129].

Уходить надо было быстро – на случай, если кто-то поблизости слышал выстрел. Когда Шакал вернулся в пещеру, мигранты уже

переодевались в свою сухую, жесткую одежду. Все выглядели подавленными, в особенности два мальчика. Бето встряхнул пустой ингалятор и втянул в грудь пустой воздух; было видно, как с каждым вдохом у него над ключицами проседает кожа. Нагнувшись, он оперся ладонью на колено. Закрыв глаза и попытался глубоко и медленно дышать. Марисоль погладила его по спине.

– Он сможет идти? – спросил Шакал. – Нам нужно уходить.

Марисоль наклонилась к Бето, прикрыв его рукавом своей блузки; точно так же его могла бы прикрыть занавеской медсестра, будь они в тот момент в клинике неотложной помощи в Тусоне. Мальчик ничего не ответил, но кивнул, не открывая глаз. Марисоль показала койоту большой палец.

– Он в порядке, – сказала она.

Легкие в груди у Бето трещали, будто хвост гремучей змеи.

Сестры машинально оделись и стали собирать свои пожитки. Их лица выглядели безучастными. Марисоль и Николас принялись помогать: они застегнули им рюкзаки, подготовили кеды. Снаружи стояли два молчаливых приятеля – порознь. Слим и Давид помрачнели и стали похожи на восковые фигуры. Зная наверняка, что один из мигрантов погиб, они теперь всерьез рассматривали мысль, которую прежде от себя гнали: что, если их брат и сын, дядя и отец, встретили такой же конец? Или нет. Куда более страшный конец.

Вероятно, из каньона им выбраться все-таки удалось: Рикардин мог опереться на сильную шею своего дяди. Или же они могли соорудить что-то вроде шины, чтобы удобнее было карабкаться с выступа на выступ к вершине ущелья. Может, им повезло, и Рикардин смог пройти милю, преодолевая боль, на своей раздавленной, искореженной ноге. Конечно, за это время они опустошили все водные запасы. Как долго им пришлось идти под жаром пустынного солнца, от которого не убежишь, не спрячешься? Возможно, под конец у них все-таки осталась пара глотков воды. Если они добрались до Рубиновой дороги, пока солнце иссушало их тела, сколько им пришлось просидеть без укрытия в ожидании, пока кто-то их найдет? Сколько может вытерпеть человек, прежде чем умрет от обезвоживания в Соноре? Что происходит, когда ты настолько хочешь пить, что твой организм больше не слушается даже самых основных команд? *Продолжай идти, размахивай руками, зови на помощь. Не закрывай глаза.*

Проснись. Проснись! заметишь ли ты, если твой напарник упадет рядом в грязь, не в силах сделать больше ни единого шага? Почувствуешь ли, как отказывают твои почки и печень, как иссыхает на костях кожа? Как в черепной коробке закипает мозг? Или, может, ты потеряешь сознание, прежде чем все это случится?

Господи, помилуй.

Койот велел всем поторапливаться. Сорвав с гвоздей простыню, он кое-как ее скомкал. Совершенно ясно, что сюда он больше не вернется.

Лидия не жалела Лоренсо. И не расстраивалась, что погиб он от руки Соледад, хотя и знала наверняка: в один прекрасный день этой бедной девочке, которую она успела полюбить, придется столкнуться с эмоциональными последствиями своего поступка. Волновало Лидию лишь собственное душевное благополучие; глядя на Луку, в меру опечаленного произошедшим, она боялась, что у нее самой внутри что-то надломилось, и теперь даже внезапная и жестокая смерть не способна произвести в ней должного потрясения. Страх этот напоминал синяк, который она придавливала пальцем, чтобы понять, болит или нет. Обе пятки сына были теперь заклеены пластырем, сверху – чистые носки и плотно зашнурованные ботинки; он держал за руку Ребеку. Между этими двумя существовала какая-то магия, которая накрывала их волной и образовывала защитное поле. Присутствие Луки оживляло Ребеку, стирало с ее лица безразличие и возвращало щекам немного цвета. Взамен она отдавала энергию, которая успокаивала мальчика и напоминала ему, кто он такой на самом деле.

– Я на секундочку, – сказала Лидия, пока Шакал запикивал в рюкзак камуфляжную простыню. – Мне нужно его увидеть.

– погоди, – ответил койот.

Он наклонился к тому месту, где спал Лоренсо. Там были его шорты, футболка и кроссовки. Пошарив в карманах, Шакал выудил черный тряпичный кошелек с изображением героев из «Майнкрафта». Раздался хруст липкой застежки, но никакого удостоверения внутри не было. Он надеялся оставить с Лоренсо паспорт или еще что-то, в качестве посмертного одолжения – единственного из всех, что Шакал мог себе позволить. Тем не менее была надежда, что кто-то опознает кошелек: он останется лежать рядом с костями даже после того, как – благодаря падальщикам и разложению – с них исчезнут кожа и плоть. В пустыне тела пропадают с невероятной скоростью. Полезно

оставлять при выбеленном скелете какую-то личную вещь. Койот протянул Лидии кошелек:

– Положи это рядом.

Когда Шакал вернулся к сборам, в одной из дорогих кроссовок Лоренсо Лидия заметила его мобильник. Подняла. За ней наблюдал Лука, но теперь он был с Ребекой и вел себя спокойно. Лидия кивнула сыну и вылезла из пещеры туда, где в грязи покоилось по-прежнему теплое тело Лоренсо. Казалось неправильным, что она видела его таким. Не только мертвым, но еще и без одежды. Босоногим и уязвимым. Он лежал с открытыми глазами, и Лидия подумала было их закрыть, но потом решила, что ничего ему не должна. Ей не хотелось к нему прикоснуться, поэтому она лишь легонько ткнула его голую подошву мыском. Та вздрогнула и снова застыла. Он и правда умер. Но Лидия ничего не чувствовала. Встала так, чтобы своей тенью прикрыть его лицо, и прочитала молитву «Аве Мария». Попыталась произнести Фатимскую молитву.

О милосердный Иисус, прости нам наши грехи, избавь от огня адского и приведи все наши души на небеса, а в особенности те, что больше других нуждаются в Твоем милосердии. Аминь.

Этого было мало.

Но молилась Лидия не за Лоренсо. Она так сильно сжала губы, что прикусила зубами собственную плоть. Она просила у Бога милости и молилась за себя. За все, что потеряла. За все свои ошибки. За то, что никогда не сможет извиниться перед Себастьяном. За то, что была не права насчет Хавьера. За то, что ошиблась. За то, что выжила, когда все остальные погибли. За то, что ничего не чувствовала. За своего сына и за его искаленную жизнь.

Вдруг где-то скрипнула ветка розового дерева, и ветер легонько взъерошил Лидии волосы. Она опустилась на корточки рядом с Лоренсо, и в ту же секунду в ней колыхнулось пронзительное воспоминание: в такой же позе она сидела на заднем дворе бабушки. Сначала вспомнили ее плечи, потом – все тело. Она почувствовала болезненную нежность, увидела перед глазами полумесяцы розовых ногтей Себастьяна. В ее жизни была любовь. Была любовь. Когда-то у нее была семья, а теперь никого не осталось. В голове у Лидии вспыхнул образ: тела любимых людей, распластавшиеся на земле в

нелепых позах. Белое платье Йенифер – с красным пятном. Ее прекрасные волосы. Ножки Адриана, а рядом – его футбольный мяч.

Мама.

Вот оно, горе. Бьющий ключом источник, чистый и бездонный – под тем самым синяком. Доказательство ее человечности. Но теперь его нужно было спрятать. Пока что Лидии нельзя было из него пить. Она представила себе глубокую дыру посреди пустыни, а на дне – всю свою боль. Представила себе, как засыпает ее землей и прижимает сверху грязными руками. Она спрятала тряпичный кошелек с героями «Майнкрафта» под тонкой вытянутой рукой. Наконец-то Лидия разглядела – под нагой грудью, под изгибом плеч, – что скрывала эта оболочка. Он был всего лишь мальчиком. Поднявшись, она вновь окинула взглядом останки. Вот он, тот самый момент.

Момент, в который Лидия пересекла границу. На входе в какую-то пещеру, где-то в горах Тумакакори, она скинула с себя ядовитую кожу, впитавшую все, что с ней случилось. Надорвав ее на зудящей макушке, она стала тянуть и извиваться, пока кожа не упала на землю. Она ее выдохнула. Выплюнула в грязь. Хавьер. Марта. Все. Вся ее жизнь до этого момента. Каждый человек, которого она любила и потеряла. Безмерное сожаление. Все это останется там.

В ногах у нее лежал Лоренсо.

Она отвернулась.

Сказала вслух: «Я тебя прощаю».

Уже собравшись уходить, Лидия вдруг вспомнила про мобильник. Наклонилась, чтобы оставить его где-нибудь на видном месте. Вытянула руку и увидела в своей ладони эту безобидную вещицу из черного пластика и сверкающего металла. Сомкнула пальцы и снова распрямилась. Нажала на нужную кнопку, благо у самой был похожий телефон, только попроще и постарее. В тот момент он лежал без сим-карты, завернутый в носок на дне ее рюкзака. Никто не мог ее отследить. Но как насчет Лоренсо? Неужели он никогда не задумывался, что мобильный сигнал, пойманный радиовышками, может передавать его точные координаты? Его телефон ожил, и на нем не было ни пароля, ни замка – сразу загорелся экран; Лидии пришлось прикрыть его рукой, чтобы не отсвечивал на солнце. Подойдя к розовому дереву, она спряталась в тени. Во входящих обнаружилось семь сообщений. Все непрочитанные. Палец Лидии застыл в

нерешительности. Задрав голову, она осмотрелась по сторонам, глянула через плечо. Богом забытое место. Вокруг – ни души. Чего она боялась? Дотронувшись до экрана, она вызвала список сообщений. В графе отправителя значился некий «Л.Л.». Мужчина. Прильнув к телефону, она мгновенно впитала всю информацию. Проглотила все семь сообщений, и сразу поняла.

Эл Эл.

Л.Л.

Ла-Лечуса.

У нее скрутило живот. Хавьер за ней следил. На протяжении девятнадцати дней. 1626 миль.

Всего несколько секунд назад Лидия отпраздновала собственное освобождение. Свободу от него и от постоянного страха, что он когда-нибудь за ней придет. Нет, им было не по пути. *Нет.*

– Нет! – повторила вслух она.

Ей хотелось разбить телефон о землю. Пнуть Лоренсо под мертвые ребра – за его предательство, коварство, подлую натуру. Ей хотелось размозжить его голову о камень, убить его снова, но боже мой. Все это не поможет. Не существовало такого действия, которое смогло бы погасить в ней эту внезапную вспышку жестокости. Не существовало волшебного ругательства, способного облегчить ей жажду насилия. Она превратилась в торнадо. В извержение вулкана. В ураган.

Она перечитала сообщения. Прокрутила экран до самого низа. До Гвадалахары. Все случилось одиннадцать дней назад. Лоренсо продал их с потрохами: объявил о своем разрыве с «Лос-Хардинерос», а в качестве подарка на прощание предложил кое-какую информацию. Отправил ему фотографию Лидии, сделанную в профиль тайком. Она сидела в обнимку с Лукой на крыше Зверя и смотрела, прищурившись на солнце, куда-то вдаль. В подписи к фото говорилось: «*Tus amigos están en Guadalajara, Patrón*»^[130].

Сообщение настигло Хавьера в Барселоне, в кабинете судмедэксперта; жена отчитала его за то, что он отвлекается на телефонные разговоры именно в тот момент, когда они должны опознавать тело Марты и заполнять бумаги, необходимые, чтобы потом отвезти его домой. Никогда прежде он не испытывал к жене такого отвращения и даже не стал тратить силы на ответ. Лишь

взглянул на нее с легким презрением и вновь переключил внимание на экран.

Он написал: «Пока я несвободен, ты тоже несвободен. Доставь ее ко мне».

– Ну уж нет! – воскликнула Лидия, сидя в тени розового дерева. – Нет.

У мобильника был почти полный заряд, но всего одно деление сигнала. Она подняла его над головой и покрутилась на месте. Поднялась из-под дерева, переступила через труп Лоренсо и залезла на выступ в скале. Да, вот здесь. Два деления, три. Прежде чем она смогла себя остановить, Лидия нашла в списке контактов телефон «Л.Л.» и нажала кнопку видеозвонка. Послышались гудки. Затем рингтон. «Пусть никто не спит» в исполнении Паваротти. Какая нелепость. Показуха. Плебейство. Хавьер решил, что он аристократ, потому что пишет дерьмовые стишки и слушает оперу. Убийца. Подонок. Буржуа. И Лидия – у него в кармане. Это было ясно. Она стояла на входе в какую-то пещеру посреди пустыни Соноры. На земле валялся труп наемного убийцы, которого послали за ней. У нее появилось преимущество, и она не собиралась брать Хавьера с собой в новую жизнь. Хватит с нее преследований, хватит страха. Они с Лукой заслужили свободу. Все кончится здесь и сейчас.

Прежде чем она его увидела, Лидия услышала голос.

– *Dime*^[131], – сказал он, предвкушая новость о ее смерти.

– Что тебе рассказать? Что я умерла? Что мой сын умер?

– *Dios mío*, Лидия.

Он назвал ее по имени. *Лидия*. Именно так оно всегда и звучало в его устах. *Лидия*.

– Прости, что приходится тебя расстраивать, но мы живы. *Estamos vivos*.

– Лидия, – повторил Хавьер.

У нее спутались мысли. Ненависть ее была нечеловеческой. Такого всепоглощающего чувства она никогда прежде не испытывала. Оно было сильнее любви к Себастьяну, переполнявшей ее в тот момент, когда они поцеловались у алтаря в Катедраль де Нуэстра Сеньора де Соледад. Оно было глубже того непередаваемого, безымянного трепета, который она ощутила, когда вытолкнула из себя маленького Луку. Черней той дыры, что оставил после себя Папи, когда ушел из

этого мира не попрощавшись. Эта ненависть – как оживший суккуб, была достаточно большая, достаточно быстрая и злобная, чтобы вылезти из ее сердца, взлететь, раскинуть крылья на многие-многие мили, накрыть собой весь город Акапулько, накрыть комнату, в которой он стоит, и его самого, залезть к нему внутрь через глотку и задушить к чертовой матери. Она так сильно ненавидела Хавьера, что могла бы его прикончить, находясь за полторы тысячи миль, – достаточно было лишь пожелать. Но он назвал ее по имени. *Лидия*.

Лицо его осунулось. Он был похож на скелет.

– Я никогда не желал тебе смерти, – сказал Хавьер. – Лидия, ты ведь и сама это знаешь. Если бы я желал тебе смерти, ты бы уже была мертва.

Она заморгала. Отняла камеру от лица. Прикрыла рот и вгляделась в пустынный пейзаж. И вдруг поняла, что он говорит чистую правду. Все это время, все планы, стратегии, самодовольство – все это было лишь иллюзией.

– Я бы никогда не причинил тебе боль, Лидия.

Она ахнула от возмущения:

– Боль! Ты бы никогда не причинил мне боль? О, вы причинили мне боль, сеньор. Вы меня измучили. Уничтожили мою жизнь, уничтожили все, что у меня было.

– Нет, Лидия. Я никогда не хотел...

– *¡Cállate la boca!*^[132] – Она перешла на крик. – Думаешь, мне не все равно, чего ты там *хотел*? Или как ты сам оправдываешь собственные зверства? Я позвонила, чтобы сказать, что все кончено. Понял? Все кончено.

Хавьер легонько вздохнул. Она увидела это на экране телефона. Такая у него была манера, некогда горячо любимая. Казалось, Лидия угодила в комнату смеха, где реальность искажали зеркала.

– Но, Лидия, это никогда не кончится, – сказал он с грустью. – Мы с тобой все потеряли.

Ну нет.

– Это бред, Хавьер. Ты потерял одного человека. Одного!

Замолчав ненадолго, он поднял на нее влажные глаза. Потом ответил:

– Единственного человека.

В груди у Лидии бешено стучало сердце, но она понизила голос.

– Самого важного человека, – признала она, но потом добавила: – И все равно ты не имел права! Никакого права!

Хавьер сидел в уютном солнечном свете, в ее родном Акапулько. Под рукой у него дымилась чашечка эспрессо. Лидия стояла посреди пустыни – нищая, бездомная, овдовевшая, осиротевшая. Он поставил телефон куда-то перед собой, и его изображение перестало трястись. Потом снял очки и протер стекла. Его рот искривился в ломаную линию.

– Не знаю. Я не знаю, – выдохнул он и быстро заморгал.

– Я выживу. Потому что у меня по-прежнему есть Лука. У меня есть Лука.

Его рот разверзся.

– Мы должны с этим покончить, – настаивала она.

Хавьер снова надел очки и надвинул их на переносицу.

– Я убила твоего *sicario*.

– Что?

– Да. Он мертв. Сам посмотри.

Лидия подобралась к краю выступа и навела камеру на Лоренсо. Может, когда-нибудь она почувствует вину – за то, что использовала его бездыханное тело в своих интересах, за то, что порадовалась его смерти, пусть даже не по-настоящему. Может, спросит себя, почему последние семь сообщений от Хавьера так и остались без ответа, неп прочитанными. Может, даже пожалеет о растроченном впустую шансе на искупление, который у Лоренсо мог быть, а мог и не быть. Но все это – когда-нибудь потом. Лидия снова заглянула в экран.

– Так что, может, уже хватит? – спросила она. – Или мы так и будем убивать людей?

Хавьер испустил звук, одновременно похожий на плач и смешок. Он хотел заявить о своей невинности – по причине горя. И Лидия понимала, что горе – это то же безумие. Она все понимала.

Она стояла посреди пустыни, как маяк.

Отвращение у нее во рту напоминало по вкусу желчь.

– Прощай, Хавьер.

Лидия даже не стала давать отбой. Просто кинула мобильник в грязь, и камера мигнула, глядя в опустевшие небеса.

Рядом с пещерой, в горячем свете пустынного дня, за три часа до того, как солнце покатилося к закату, позволяя спокойно продолжить

путь, мигранты начали спуск со склона холма в долину. Лука вместе с Ребекой ждал ее на входе. Лидия взяла его за руку.

Теперь оставалось немного. Шакал все время повторял, что теперь уже недалеко. Считай, только с горы спуститься. Примерно две мили. Даже меньше.

– Давайте, у вас получится, – говорил он. – Мы почти пришли.

Но дело было не в расстоянии и даже не в местности. Дело было в жаре. Существовала веская причина, по которой мигранты обычно передвигались ночью – в часы, когда пустыня затухала. Делали они это не потому, что надеялись укрыться в темноте. В конце концов, у пограничников на севере имелись вертолеты, датчики движения, поисковые прожекторы – словом, все необходимое для ночной слежки оборудование. У пограничников имелись инфракрасные очки, черт бы их подрал. Нет, всему виной – смертоносное солнце. Ограничивать питье теперь не получалось, потому что без воды их тела просто не могли продолжать путь. Они опустошили все свои запасы, и все равно им не хватало. Заливали воду внутрь, и она тут же просачивалась обратно через кожу. Оседала на одежде, шеях, волосах. Бето постоянно останавливался, сгибался пополам, пытался отдышаться. Это отнимало дополнительные силы, дополнительные ресурсы. У него кружилась голова, начался кашель. Шакал ругался себе под нос. Всего каких-то две мили. Они проделали такой путь, они почти пришли. *Carajo*, ну давайте, а. Мигранты еле плелись. Кошмар.

Это был худший переход в карьере койота за многие-многие годы. Он знал, что не стоило брать ребенка. Двое детей. Четверо женщин. Шакал знал, что будут проблемы. С другой стороны, думал он, эти шестеро по-прежнему живы. Они намного сильнее, чем он полагал, даже тот астматик. Черт подери, он никогда бы не взял с собой ребенка с астмой, если бы только знал о ней заранее. Вот же изворотливый *pendejito*^[133]. Койоту хотелось сломать ему шею. Но сначала он должен был привести всех в тень, к воде.

– Давайте! Поднажмите! – крикнул он.

Нужно было торопиться. И Бето пытался изо всех сил, но не мог. Не мог поднажать. Он кашлял и захлебывался, мотал головой, подпирал колени ладонями, и солнце давило ему на затылок. Его черные волосы

впитывали, заглатывали солнечные лучи, голову напекло, шея горела, и все это время Бето пытался шутить. Пытался придумать шутку без слов, чтобы не тратить драгоценное дыхание. Ему было больно. И очень-очень страшно. В груди – чудовищная тяжесть, просто гигантская. Будто слон наступил или гиппопотам, будто наехал громадный «Мак» с двойными шинами – один из тех, что утапывали мусор в *домпе*. Он продавливал мальчику легкие. Заталкивал в них гору мусора. Дышать было нечем. *Я не могу дышать*. О чем уж тут шутить.

Марисоль гладила Бето по спине и тихонько шептала на ухо, потому что уже видела похожую картину раньше. Дочь Дейзи мучилась от астмы, когда была маленькой. Не так сильно, но все равно кое-что Марисоль об этом знала. В младенчестве у Дейзи часто случался круп, и, когда она немного подросла, Марисоль с мужем Рохелио решили проверить ее на аллергию. Собаки, кошки, пыльца. Им приходилось быть очень осторожными, потому что при всяком приступе Дейзи мучилась по несколько дней. Они возили ее в пункт скорой помощи, на ингаляции сальбутамола. Однажды приступ случился в гостях у другой девочки, и это было жутко, потому что Марисоль в это время пила на кухне чай со второй мамой, и, когда Дейзи к ней подошла, было уже поздно. Ее жизни уже грозила опасность. Дрожащими руками Марисоль перерыла всю сумочку и ничего не нашла. Ингалятор остался дома на раковине. В тот же миг они побежали в машину, и она даже не пристегнулась. На выезде задела машину, припаркованную в дальнем конце стоянки, и даже не оставила записку. Дома она включила в душе горячую воду, чтобы прогреть ванную, и дала Дейзи трижды вдохнуть из ингалятора. Потом в четвертый раз. Дочь сидела на опущенной крышке унитаза, а Марисоль стояла рядом, окруженная паром, и сжимала в руках телефон, чтобы, если потребуется, тут же набрать 911. Она была вся на нервах и очень перепугалась, но спустя несколько минут хрипы в маленькой груди Дейзи сошли на нет. Она перестала свистеть. Вздохнула свободно.

Но Бето становилось все хуже. Больше не было мокрого, рычащего кашля, которым он мучился всю неделю. Не было хрипов. Он лаял, сухо и надрывисто.

Марисоль повысила голос, приглушив звуки его страданий.

– Постарайся успокоиться. Дыши медленно, – сказала она, но у самой в груди сердце колотилось, как у птицы.

Вокруг не было никакой тени. Шакал наворачивал круги, прочесывая местность в поисках хоть какого-то укрытия, где можно было бы спрятаться от солнца. Если уж придется передохнуть, то делать это нужно в тени. С каждой минутой, проведенной на солнце, уровень влаги в их организмах опускался все ниже. Но поблизости ничего не было, а пацан больше не мог идти.

– Попытайся выпрямить спину, – посоветовала ему Марисоль.

Бето попытался и расправил плечи. Но на этот раз, когда он кашлянул на выдохе, вдоха не последовало. Его глаза в ужасе округлились, руки потянулись к глотке, и кожа на шее запала внутрь. Раздался сиплый хрип, а потом мальчик снова зашелся в кашле. Но вдохнуть так и не смог. Его губы посинели. Ногти тоже посинели. Все происходило так быстро. Он размахивал руками у лица.

Марисоль выхватила у него из рук пустой баллончик из-под лекарства, хорошенько встряхнула и поднесла к его губам, но сколько ни жала на трубку, так ничего и не выдавила: внутри не было ни капли, как и в пустынной земле вокруг. Ничего. Бето плюхнулся на зад, и выглядело это почти комично, поскольку он всегда вел себя как настоящий паяц и все время пытался всех рассмешить; в другой раз у него могло бы получиться, потому что он свалился на попу и вытянул ножки, будто младенец в подгузнике, однако теперь никто не смеялся. Бето корчился в муках, и вскоре сухой кашель в его груди прекратился. Мигранты окружили его со всех сторон – напуганные, неподвижные, но что они могли поделать? Ничего, хотя в десяти километрах к северу в крошечном городке Рио-Рико, штат Аризона, в ярко-оранжевом здании на Фронтейдж-Роуд располагалась аптека. В той аптеке за прилавком был ящик с четырьмя новенькими ингаляторами сальбутамола. А еще – кое-какие аналоги без рецепта и стероидные препараты для устранения острых приступов. Когда Бето потерял сознание, Николас начал делать ему закрытый массаж сердца. Он не знал, правильно ли поступает, но ничего другого придумать не мог; к нему присоединилась Марисоль: откинув голову мальчика, она зажала ему нос и стала вдыхать в рот воздух. Изо всех сил, но маленькая грудь Бето так и не поднялась.

Все мигранты опустились на колени. Пока Марисоль и Николас пытались оживить мальчика, остальные молились. Прошло много времени – куда больше, чем требуется в подобных условиях, чтобы получить какой-то результат. Никто не хотел признавать реальность сменявших друг друга минут. Никто не хотел констатировать конец – даже Шакал. Все ощущали неподдельную угрозу бессмертию собственной души, стань они тем самым человеком, который объявит первым: Бето больше нет. Соледад и Ребека плакали. Лидия плакала, Лука плакал. Но слез при этом не было. В их телах не осталось воды, чтобы плакать слезами. Наконец Шакал опустил руку на плечо Николаса.

– *Basta*, – сказал он.

Молодой человек остановился, а потом остановил Марисоль, которая собиралась в очередной раз вдохнуть в Бето воздух. Он протянул руки над его телом и положил их ей на плечи. Оба они склонились над бездыханным мальчиком. Образовали собой живой навес.

– Нет, – прошептала Марисоль.

Она накрыла Бето ладонями, дотронулась до его лба, почувствовала тишину в области сердца. Она взяла его за руки, все еще мягкие, и сложила их у него на груди.

Какой же он был маленький.

Другие смерти. Другие потери. Все они были невыносимыми. Но в то же время... закономерными. Была в них какая-то честность: люди знали о существовании рисков. Знали, что порой всякий риск заканчивается несправедливым наказанием.

Но это. Господи Иисусе.

Марисоль обрушилась на Бето, думая о каждом вдохе, который тот больше никогда не сделает. Она глотала воздух и сжимала его в кулаках. «*Papá Dios*», – повторяла она сквозь слезы, пока Шакал наконец не оттащил ее прочь.

Один за другим он уводил мигрантов в сторону. Своим телом он преградил им путь к Бето. Дотрагиваясь до их рук и плеч, койот по очереди освобождал каждого. Слим и Давид стояли рядом с угрюмыми лицами, приобняв друг друга одной рукой.

– Мы его понесем, – объявил Слим.

Шакал взглянул на него. Прикинул, какие у них были шансы с учетом положения солнца, недостатка воды и всеобщей усталости. Потом покачал головой.

– Нет, – ответил койот и достал из рюкзака камуфляжную простыню. – Помогите мне его завернуть.

Затем он вынул мобильник, включил его и отметил точку на карте.

– Я за ним вернусь, – сказал он.

Все мигранты устремили на него взгляд; никто не двигался.

– Я обещаю. Но сейчас нам нужно идти.

На этот раз Лука не оглядывался.

В отдалении, на одной из безымянных дорог, по которым так часто ездят бело-зеленые внедорожники пограничной полиции США, стояли лагерем два дома на колесах. Водители приехали два дня назад, растянули на двух подпорках брезентовый навес и вынесли холодильники, полные пива и закусок. В центре лагеря они разожгли костер, поставили рядом раскладные стулья и повесили на один из них старомодное радио с раскладной антенной; оттуда играла кантри-музыка. Всякий раз, когда мимо проезжали пограничники, отдыхающие непременно кивали и махали им рукой в знак приветствия. Они позаботились о том, чтобы в легкой и непринужденной манере сообщить полиции о своем присутствии. Один раз полицейские остановились и побеседовали с мужчинами минут десять. Затем получили у них разрешение осмотреть дома на колесах. А почему бы и нет? Тем нечего было скрывать.

Когда Шакал и десять оставшихся мигрантов появились в лагере на два с половиной часа раньше положенного, мужчины были не готовы. КПП пограничной полиции на трассе 19 по-прежнему работал. Им нужно было ждать еще как минимум три часа. Что, если за это время кто-то заедет их проверить? Где посреди пустыни можно спрятать одиннадцать человек? В домах сидеть слишком жарко. Включить кондиционеры тоже не получится – у них недостаточно бензина.

Шакал пожал плечами.

– У нас не было другого выхода, – только и сказал он.

Лагерь оказался удобным и опрятным; к тому же там были не так слышны постоянные порывы пустынного ветра. Они выключили радио и стали ждать в тишине, надеясь, что сумеют расслышать звуки приближающегося внедорожника. Пока что – ничего. Мигранты все

пили и пили воду, вкусную воду, святую воду. Они расселись в тени и взяли из холодильников бутылки со спортивными напитками *Gatorade*. Утолив жажду, организм Марисоль снова начал производить слезы, и женщина все время плакала – обильно, не моргая. Она не просила этих слез, но они все равно были. Текли по ее лицу сами по себе, двумя потоками. Сверкали лужицами у нее в ладонях. Лука и Лидия сидели с закрытыми глазами, поджав губы.

Никто не разговаривал.

В 17:15 по местному времени мужчины начали собираться и заводить мигрантов внутрь. Первыми пошли Марисоль и сестры. Лидия хотела попроситься с Шакалом. Выразить свою благодарность, сказать что-то, что могло бы успокоить его больную совесть. Но таких слов не было. Она легонько дотронулась до его плеча. Шакал буравил взглядом землю под шинами машин. Он кивнул, не сводя глаз с зарослей дикой травы и блестящих камешков в грязи. Лидия забралась в дом на колесах. Лука шел следом, но остановился, поставив ногу на нижнюю ступеньку. Он тоже решил попроситься с Шакалом.

– Ему обязательно нужен небесно-голубой крест, – объяснил он.

Койот кивнул. В глазах у него мерцали слезы. Такие, каких прежде никогда не было.

– Небесно-голубой крест, – повторил он.

Мальчик тоже кивнул.

– Я обо всем позабочусь, *mijo*, – заверил Шакал.

А потом Лука вдруг наклонился и прошептал ему что-то на ухо. Койот вытянул руки и заключил мальчика в объятья, и тот тоже обвил руки вокруг шеи мужчины. Постояв немного, оба они быстро отвернулись, после чего Лука наконец поднялся в машину. Из окна Лидия наблюдала, как Шакал взял с раскладного стула свой рюкзак, навьючился канистрами с водой и нырнул обратно в пустыню.

– Что ты ему сказал? – спросила она сына, когда тот сел рядом на лавочку.

Лука пожал плечами и ответил:

– Я сказал, что он – хороший человек, потому что привел нас сюда.

Мужчины стали объяснять, как все устроено: оказалось, под лавками и кроватями было полое пространство. Мигрантам нужно было залезть внутрь и накрыться. Соледад слышала истории про койотов, которые на данном этапе путешествия заставляли своих

подопечных раздеваться догола – чтобы те не создавали проблем. Смысл в том, чтобы обеспечить своеобразную страховку: забрав у людей одежду, койоты могли быть уверены, что никто не попытается сбежать, пока они не достигнут безопасного места. Соледад также слышала, что иногда на мигрантов надевают подгузники – чтобы те могли часами сидеть неподвижно в полной темноте. Потерев руками бедра, она порадовалась своей защите – плотному слою джинсовой ткани. Во втором доме на колесах, изучив габариты Слима и Давида, водитель спросил:

– Влезете?

Слим кивнул.

– Если надо, влезем.

– Дорога займет сорок пять минут, да? – спросил Давид.

– Приблизительно, – ответил водитель.

Наконец-то Давид смог использовать фразочку из арсенала янки, которую заготовил давным-давно:

– *Piece of cake*^[134], – сказал он.

В груди у Луки заколотилось сердце. Мигранты услышали, как зарычал двигатель, почувствовали урчащую вибрацию автомобильного механизма. Вывернув руль, водитель опустил заднюю шторку.

– Следующая остановка – Тусон! – крикнул он.

Ехали они медленно. Мучительно медленно. Машина постоянно падала в ямы и подскакивала на острых камнях, и дорога была такой узкой, что всякий раз, когда навстречу ехал другой автомобиль, им приходилось съезжать на обочину и ждать. Через некоторое время они выбрались на дорогу пошире, а потом водитель негромко сказал: «Пограничная служба. Не шевелитесь». Он помахал полицейским, и те узнали в нем одного из отдыхающих, последние пару дней стоявших к югу от Лобо-Танк. Пограничников звали Рамирес и Кастро, и они подумывали остановить водителя и обыскать машину на наличие нелегалов. Но за рулем сидел белый мужчина в ковбойской шляпе, да еще с усами, которые явно росли на его лице задолго до того, как вошли в моду. К тому же у них заканчивалась смена. Кому в счастливые часы нужна бумажная волокита? Поэтому полицейские отдали честь и проехали мимо на своем «шевроле-тахо», едва не задев бампером дом на колесах. Внутри все мигранты сидели затаив дыхание и слушали: сначала под окном прохрустели шины

внедорожника, а потом защелкал поворотник, и водитель снова выехал на середину дороги. Наконец они разогнались.

– Все в порядке! – послышалось из кабины.

Сидя в крошечной темнице под лавкой, Лука припал поближе к Мами. Даже несмотря на то, что места хватало, он прижимался все плотнее, словно от близости зависела его жизнь. Потому что теперь, когда они почти добрались до цели, когда до новой жизни оставались считанные минуты, мальчик вдруг понял, что не хочет ее начинать. Какое-то первобытное чутье подсказывало ему, что стоит им оказаться в безопасности, как все те чудища, которых он все это время держал на расстоянии, ползут с новой силой, а за ними появятся и новые. Полчища. Мальчик слышал, как они скребут по обшивке автомобиля. Но время еще не пришло.

Лука навалился на Мами всем весом. Она обвила его руками, подхватив за попу и спрятав в объятьях. Накрыла его живым щитом собственного тела. Нащупав в темноте его маленькую ручку, она раскрыла его ладонь. Просунула мизинец в золотой венеч обручального кольца Папи. Дорога под ними нырнула вниз и зарыбила. Они пересекли решетку, какие бывают при въезде на пастбища. Лука прижался к маминой груди. Положив руку ему на лоб, она закрыла глаза. Неуклюжий дом на колесах еще раз подскочил, и под шинами неожиданно расстелилась ровная асфальтовая дорога.

Как и ожидалось, КПП пограничной полиции оказался закрыт. Они проехали мимо него без остановок и в сгущавшихся сумерках устремились на север. Ребека и Соледад сидели рядом, уперевшись друг в друга лбами, переплетя пальцы рук и дыша в унисон. Они не двигались и в то же время находились в постоянном движении. У каждой теперь были свои секреты. И тем не менее, несмотря на все, что им пришлось пережить, их в тот момент переполняло нечто большее, чем просто надежда.

Запертая в своей темнице, Лидия не могла ничего разглядеть, но чувствовала кожей. Она знала, что снаружи в пустыне начиналось то самое идеальное время суток. Представляла себе парад красок. Мерцающий серый асфальт и до боли красную землю. Роскошную вспышку цвета над головой. Закрыв глаза, Лидия увидела все оттенки вечернего небосклона: лиловый, желтый, оранжевый, розовый,

голубой – все они горели ослепительным светом. Пернатый венец. А под ним – бесконечная даль.

Эпилог

53 дня и 2545 миль между ними и кровавой резней

У них не было маленького саманного домика посреди пустыни, который воображала Лидия. Но был школьный автобус, куда Лука, обутый в новые кроссовки, садился каждое утро с чистым рюкзаком. Красную бейсболку Папи он больше не носил – слишком ее берег. Теперь она приобрела статус музейного экспоната и покоилась на голубом комодe, рядом с другими сокровищами: четками бабушки и ластиком в форме дракона, который мальчику подарила Ребека. Волосы Луки были аккуратно подстрижены и вымыты мятным шампунем – с запахом Папи. Автобус приезжал за ним в конец квартала, обсаженного деревьями, Лука поднимался в кабину вместе с двумя ребятами из Гондураса, девочкой из Эквадора, мальчиком из Сомали и тремя американцами. Каждое утро, провожая взглядом автобус, Лидия просовывала палец в обручальное кольцо Себастьяна и повторяла про себя: «Сегодня – не последний день, когда я вижу нашего ребенка».

Работала она приходящей уборщицей. Ее мать, конечно, посчитала бы это величайшей иронией судьбы. Лидия, которая никогда не могла навести порядок в собственном доме! Платили мало, но нужно было с чего-то начинать. Дом они делили с сестрами, их двоюродным братом и его девушкой. Еще с ними жила тетя девушки, и каждый вносил посильный вклад в хозяйство. В магазин ходили по очереди, готовили – тоже.

Помогало то, что Лидия прекрасно владела английским, но на севере говорили на многих языках. Она еще не научилась расшифровывать некоторые коды, не могла уловить тончайшую разницу между словами, которые значили почти одно и то же, но не совсем: *мигрант*, *иммигрант*, *нелегал*. Лидия усвоила, что люди здесь обмениваются сигналами и эти сигналы могут обозначать предостережение или гостеприимство. Постепенно она училась. Как бы то ни было, она всегда могла найти убежище в книжных магазинах. Один располагался в центре города, и, когда она зашла туда впервые, у нее перехватило дыхание. Чтобы не повалиться с ног, пришлось опереться на полку. В

воздухе пахло свежим кофе, бумагой и чернилами. Ничего общего с ее маленьким магазинчиком в Акапулько. В основном там была представлена религиозная литература, а вместо календарей и игрушек – четки, фигурки Будды и ермолки. Но все же корешки книг, как и прежде, служили опорой. Надежной опорой. Была в магазине и секция международной поэзии. Хафиз. Хини. Неруда. Пролистав двадцать стихотворений о любви, Лидия открыла «Песню отчаянья». Лихорадочно припала к тексту, ссутулившись среди безмолвия книжных стеллажей. Пока ее глаза жадно цеплялись за строчки, пальцы уже готовили к развороту очередную страницу. Книга была бесценна, словно вода в пустыне. Стоила двенадцать долларов, но Лидия все равно ее купила. И спрятала за пояс штанов, чтобы чувствовать переплет кожей.

По утрам она просыпалась рядом с Лукой и старалась не завидовать, когда тот начинал рассказывать, как во сне к нему снова приходил Папи. Вместо этого она обнимала его крепче в надежде впитать ощущение об этой встрече.

– Что он тебе сказал? – спросила как-то раз Лидия.

– Он никогда ничего не говорит, – ответил Лука. – Мы просто сидим рядом. Или гуляем.

От тоски у нее в горле застрял комок.

– Я рада, *mijo*.

От дома до библиотеки было около мили, и каждую субботу они ходили туда пешком. На третий раз библиотекарь предложила им завести абонемент, но Лидия отказалась. Тогда женщина по-испански объяснила, что процедура совершенно ни к чему не обязывает и что любой посетитель, вне зависимости от иммиграционного статуса, имеет право на читательский билет. Поначалу Лидия сомневалась, но потом подумала: если нельзя доверять библиотекарю, то кому вообще тогда доверять? Мать с сыном получили по карточке – чудодейственной, укрепляющей дух, судьбоносной. Порой к ним с Лукой присоединялась Ребека, но Соледад – никогда.

Сестры тоже пошли в школу, и им приходилось нелегко. Но не потому, что они почти не говорили по-английски, не потому, что в своей деревне почти ничему не обучались. Девочки были умными и все схватывали на лету. Но обеим пришлось пережить слишком глубокие потрясения, слишком взрослые страдания. Они превратились

в молодых женщин, но теперь должны были втиснуться в узкие рамки юности. Ожидалось, что они будут вертеться в школьном коридоре и кокетничать с парнями. Что примут обличья обыкновенных девочек, которыми никогда не были. Сестры не понимали, чего от подростков ждут на севере.

Как-то раз Лидия возвращалась домой на автобусе и заметила перед собой молодого парня, который поднялся и дернул остановочный шнур. Потянувшись вверх рукой, он обнажил запястье, до этого скрытое под длинным рукавом. На нем мелькнула татуировка в форме буквы «Х»: серп и лопата. Прозвенел звонок, и водитель ударил по тормозам. От страха Лидия вжалась в спинку кресла. Когда автобус зашипел и с рывком покатился дальше, она взглянула в окно и увидела, как парень накинул на голову капюшон толстовки. Чаще всего мысли о том, насколько скудной стала ее жизнь, давались Лидии с трудом; в тот вечер она была рада своей незаметности. А потом, конечно, задумалась о Хавьере. Обычно она гнала его прочь из мыслей и запирала за ним дверь, но порой он просачивался в замочную скважину. Лидия гадала, жалеет ли он о содеянном. Считает ли, что поступил справедливо. Чувствует ли вообще что-нибудь, или же со смертью Марты закрылась последняя лазейка, пропускавшая на свет человеческое. Лидия оказалась намного сильнее его: боль утраты ощущалась в каждой клеточке тела, но она продолжала терпеть. Ее душа не измельчала, но стала сильнее. Любовь к Луке окрепла. Лидию переполняла жизнь.

Однажды Лидия отправилась в школу, чтобы обсудить с директрисой способности Луки к географии. До этого директриса звонила ей домой.

– Скоро состоится ежегодная олимпиада, – сказала она. – Думаю, вам стоит его записать.

Лидия пришла, чтобы подписать документы. Села в удобное кресло напротив женщины, примерно ее ровесницы. Где-то вдалеке прозвенел звонок, и за окном неожиданно появилась целая туча ребятни. Они визжали, носились, качались на качелях; и на фоне этого прекрасного счастливого гама слова директрисы прозвучали как-то особенно странно.

– Я не знала, что у вашего сына нет регистрации.

Она крутилась на стуле, не в силах подобрать правильные слова. Было видно, что ей неловко.

– Мне очень жаль. Он не сможет претендовать на приз.

Глупость, конечно, полная, и Лидия это понимала: ну зачем убиваться из-за какой-то там олимпиады по географии? После всех пережитых страданий подобные мелочи вообще не должны ее задевать. Она снова выглянула в окно на визжавших во дворе детей. Спустя мгновение директриса отвлекла ее от размышлений и заговорила тихим голосом, переступив черту, которую ей не полагалось переступать. И которую она переступала уже много раз.

– Мои родители были нелегальными иммигрантами из Филиппин, – призналась женщина. – Когда мы приехали сюда, я была младше Луки.

Лидия не нашлась с ответом. Что это было? Проявление солидарности? Попытка приободрить? В тот момент она чувствовала лишь смертельную усталость. А еще зуд. У нее потрескались ладони.

– Если вам нужна помощь, я могу посоветовать хорошего адвоката по делам миграции.

На заднем дворе своего крошечного дома они поставили восемнадцать раскрашенных камней. У Бето был небесно-голубой. У Адриана – с изображением футбольного мяча. К папиному камню Лука приходил каждый день после школы. Рассказывал о своей новой жизни в Мэриленде и о том, как здорово делить комнату с Мами. О том, что любит Ребеку больше, чем Соледад, и порой волнуется из-за этого, хотя и не слишком сильно, потому что Соледад и так любит весь мир. Ребеке его любовь была куда нужнее. Мальчик рассказывал Папи о новой учительнице и приятеле Эрике, с которым они играли на переменах во всякие игры. Кикбол. Квадрат. Лука часто плакал. Но также и смеялся, разговаривал, читал. Жил. Поначалу Соледад и Ребека редко приходили к камню отца, но со временем стали бывать там чаще. На прошлой неделе Лидия полола на дворе сорняки и обнаружила возле камня Элмера игральную карту – червонного короля. Время от времени, когда она мыла посуду и выглядывала через кухонное окно, она видела в траве Ребеку или Соледад. Девочки сидели в одиночестве и порой шевелили губами, точно в молитве.

Они по-прежнему спали с включенным светом – точнее, только Лука. Лидия спала мало. В основном сидела в постели рядом с сыном, который теперь занимал место, когда-то отведенное Себастьяну. Она гладила мальчика по волосам и надеялась, что ему снова приснится Папи. Надеялась, что однажды Себастьян проскользнет из сновидений

сына в ее собственные, словно его присутствие было физическим и состояло из частиц и атомов, которые могли перемещаться от уха к уху, из сознания в сознание. *Una frontera santificada*^[135]. Поздней ночью Лидия читала в постели при включенной лампе, и та отбрасывала мягкий свет на ее покрытые колени, на теплое одеяло, на тихо сопевшего во сне Луку. В новом доме она дважды перечитала «Любовь во время чумы» – сначала на испанском, потом на английском. Никому не отнять у нее этой книги. Она принадлежала только ей одной.

От автора

В 2017 году на границе между США и Мексикой каждые двадцать один час погибал один мигрант. Эта статистика не учитывает тех, кто ежегодно просто исчезает с лица земли. Когда в 2017-м я заканчивала эту книгу, по всему миру каждые девяносто минут погибал один мигрант – в Средиземноморском регионе, в Центральной Америке, в странах Африканского Рога. Каждые полтора часа. То есть каждый день к тому моменту, когда я заходила к детям пожелать им спокойной ночи, появлялось шестнадцать новых трупов.

В 2013 году, когда я начинала собирать материалы для книги, эти подсчеты было трудно произвести: никто не вел статистику. До сих пор в Международной организации по миграции предупреждают, что эти цифры «вероятно, лишь малая часть реального числа смертей», потому что о многих исчезнувших мигрантах просто ничего не известно. Возможно, настоящая цифра примерно такая: двести человек на каждый раз, когда я загружаю стиральную машину. Сейчас по всей Мексике порядка сорока тысяч человек числятся пропавшими без вести, и полицейские регулярно обнаруживают массовые захоронения с десятками, а то и сотнями тел.

В 2017 году Мексика была самой опасной в мире страной для журналистов. Уровень убийств был самым высоким за всю историю страны, и абсолютное их большинство до сих пор остается нераскрытым, вне зависимости от того, кем была жертва: мигрантом, священником, репортером, ребенком, мэром или активистом. Картелям дозволено все. Жертвам насилия помощи ждать неоткуда.

Я гражданка Соединенных Штатов. Как и многие жители этой страны, я родилась в семье, где смешались многие культуры и национальности. В 2005 году я вышла замуж за нелегального иммигранта. До того мы встречались на протяжении пяти лет; период ухаживаний так затянулся, в частности, потому, что мой будущий муж хотел получить грин-карту, прежде чем делать предложение. Никогда в жизни я не встречала настолько умного, трудолюбивого и принципиального человека. Выпускник колледжа, он создал собственный успешный бизнес и теперь платит налоги и тратит целое

состояние на медицинскую страховку. И тем не менее, промучившись несколько лет, мы поняли, что не существует никакого законного способа получить грин-карту до вступления в брак. Все годы, что продолжались наши отношения, мы жили в страхе, что в любой момент его могут депортировать. Однажды на трассе 70 неподалеку от Балтимора, нас остановила полиция – из-за сломанной задней фары. Минуты ожидания, пока полицейский проверял документы, были самыми мучительными в моей жизни. Мы сидели в темноте, взявшись за руки. Я была уверена, что потеряю его навсегда.

Поэтому можно сказать, что эта книга – результат личной заинтересованности в предмете.

Однако на самом деле все намного сложнее.

При выборе этой темы более важную роль, пожалуй, сыграли два других обстоятельства. Первое: когда мне было шестнадцать, четверо незнакомцев жестоко изнасиловали и сбросили с моста в Сент-Луисе, Миссури, двух девушек – моих двоюродных сестер. Моего брата, который находился в тот момент с ними, избили и тоже сбросили с моста. Об этом страшном преступлении я писала в своей первой книге^[136]. Те события и работа над книгой определили мое становление как личности – с тех пор и по сей день мне намного интереснее истории жертв, а не преступников. Мне интересны персонажи, на долю которых выпадают невообразимые трудности, но которые тем не менее находят силы, чтобы пережить даже самую жестокую травму. Персонажи вроде Лидии и Соледад. Меня мало трогают истории злобных мачо, гангстеров и полицейских. Точнее, на мой взгляд, таких историй в литературе и без меня достаточно. Книги, описывающие мир картелей и наркоторговцев, безусловно важны и увлекательны – я и сама их читала, собирая материалы для моей книги. Они помогают читателю понять, как сложилась нынешняя криминальная ситуация к югу от США. Но рассказы о преступном насилии могут подпитывать самые вредоносные стереотипы о Мексике. В моем воображении зародился роман, посвященный глубоко личным историям и людям «по ту сторону» расхожих представлений. Обыкновенным людям вроде меня самой. Как бы я поступила, если бы окружающий мир начал рушиться? Как далеко бы зашла, узнав, что моим собственным детям грозит смертельная

опасность? Мне очень хотелось написать о женщинах, которые зачастую остаются в тени.

Что привело меня к самому важному обстоятельству, повлиявшем на мое решение написать эту книгу. Мне понадобилось четыре года, чтобы провести необходимые исследования и написать роман, то есть работу я начала в 2013 году – задолго до того, как миграционные караваны и строительство стены стали в США главным национальным трендом. Уже тогда я очень расстраивалась из-за того, в каком направлении развивается публичное обсуждение иммиграции в нашей стране. Казалось, разговор все время сводится к политике, и никого не волнует ни этическая, ни гуманитарная сторона вопроса. Даже пять лет назад – а с тех пор ситуация стала значительно хуже – я возмущалась всякий раз, когда в публичном обсуждении упоминались латиноамериканские мигранты. В худшем случае мы относимся к ним как к вторгающейся в нашу жизнь ораве иждивенцев и преступников, в лучшем – как к незащитной, обездоленной, безликой массе, которая молит о помощи у нашего порога. Мы редко думаем о них как о точно таких же живых людях. Людях, способных принимать самостоятельные решения. Людях, которые могут построить более прекрасное будущее не только для себя, но и для нас тоже – как и многие предыдущие поколения презираемых мигрантов.

Когда в сороковых годах прошлого века моя бабушка приехала в Штаты из Пуэрто-Рико, она была красивой модницей из богатой столичной семьи и молодой женой видного морского офицера. Она ожидала, что именно так ее и воспримут. Но оказалось, что местные придерживаются крайне примитивных взглядов на то, что значит быть пуэрториканкой, что значит быть женщиной из Латинской Америки. Все в ней вызывало у соседей лишь недоумение: цвет кожи, прическа, акцент, мнения. Она вела себя совсем не так, как полагалось типичной *boricua*^[137].

Большую часть взрослой жизни бабушка провела в США и постоянно ощущала, что ей не рады. Ее возмущали извечные стереотипы, столь распространенные среди *гринго*. Преодолеть это чувство ей так и не удалось, и отголоски былого негодования по-прежнему раздаются в нашей семье. Хороший пример – я сама. Всегда злюсь на равнодушные, стараюсь бороться с преобладающими в обществе заблуждениями о национальности и культуре. Я остро

осознаю, что люди, которые приезжают к нам с юга, – не безликая серая масса, но самостоятельные личности и что у каждого из них есть свое прошлое, своя история и своя причина быть здесь. Мое беспокойство пронизывает мой организм, мою ДНК.

Рассказывая эту сугубо личную историю – от начала и до конца придуманную, – я хотела почтить память сотен и даже тысяч настоящих людей, чьи истории мы, скорее всего, никогда не услышим. Я надеялась создать пространство, в котором мои читатели начнут различать отдельных личностей. Чтобы в следующий раз, когда в новостях нам покажут мигрантов, мы не забывали: в первую очередь все они – люди.

Таковы были мои мотивы. Тем не менее, уже решив написать эту книгу, я очень боялась, что из-за своего привилегированного положения не смогу увидеть какие-то вещи в истинном свете, что допущу какие-то ошибки, – и вполне возможно, так и вышло. Я боялась, что, не будучи ни мигранткой и ни мексиканкой, не имею права писать роман, действие которого происходит в Мексике среди мигрантов. Мне хотелось, чтобы его написал кто-то более смуглый. Но потом я сказала себе: «Если у тебя есть возможность навести мосты, почему не сделать этого?» Так все и началось.

Когда я только принялась за сбор материала, еще не до конца убедив себя в том, что стоит приниматься за эту историю, я брала интервью у одного ученого – потрясающей женщины, которая работает на кафедре исследований культуры чикано при Университете Сан-Диего. Зовут ее Норма Иглесиас-Прието. Во время интервью я упомянула о своих сомнениях. Сказала, что меня тянет написать такую книгу, но я боюсь, что не подхожу для этого. Она ответила: «Дженин, нам нужно, чтобы как можно больше голосов рассказали эту историю». Именно это напутствие поддерживало меня на протяжении следующих четырех лет.

Я старалась быть аккуратной и скупуплезной. Много путешествовала по обе стороны границы и старалась узнать все, что только могла, о Мексике и мексиканских мигрантах, а также о людях, которые живут на приграничных территориях. Все цифры, приведенные в этой книге, – реальные, и хотя я изменила кое-какие названия, большинство мест – тоже реальные. А вот персонажи, будучи неким собирательным образом всех тех, кого мне довелось

встретить в дороге, – вымышленные. Не существует картеля под названием «Лос-Хардинерос», и у этой вымышленной организации нет реального прототипа, хотя она и отражает специфику и устройство всех картелей, о которых я узнала. Ла-Лечуса – персонаж вымышленный.

Собирая материал, я научилась одной вещи: не использовать слова «американец» и «американский». В Западной полушарии существует раздражение по поводу того, что Соединенные Штаты приватизировали это слово, хотя на самом деле Американский континент – общий дом множества культур и народов, которые считают себя американцами и не вкладывают в это определение никаких подтекстов. Разговаривая с мексиканцами, я редко слышала, чтобы они называли жителей США словом «американцы». Вместо этого они используют слово, которого нет в английском языке: *estadounidense*, то есть «соединенноштатцы». По мере того как продвигались мои исследования, даже идея «американской мечты» стала казаться мне каким-то собственничеством. В Тихуане на пограничной стене мне попалось замечательное граффити, которое затем превратилось в своеобразный двигатель этого творческого предприятия. Я сфотографировала его и использовала как заставку на компьютере. Всякий раз, когда работа стопорилась и мне хотелось ее бросить, я сворачивала все окна и перечитывала эту надпись: «*También de este lado hay sueños*».

По эту сторону тоже есть мечты.

Благодарности

Я благодарна очень многим людям, без помощи которых эта история никогда не превратилась бы в книгу.

Спасибо Кэролин Терджин, Мэри Бет Кин и Мэри Макмин – за то, что читали самые первые черновики и говорили честно, что получилось не очень. Спасибо Педро Риосу, Брайанту Тенорио, Рейналдо Фриасу и Альме Руис – за то, что читали более поздние черновики и помогали двигаться в правильном направлении. Спасибо Бобу Бельмонту, Дженифер А. Сантьяго и Алехандро Дуарте – за то, что читали финальные черновики и делились своим бесценным опытом.

Спасибо всем, кто разрешил мне наблюдать за своей потрясающей работой и терпеливо обучал тонкостям иммиграционного процесса и жизни в Мексике (без вас я никогда сама бы не разобралась!), а именно: Педро Риосу (снова и еще тысячу раз) из Американского комитета Друзей на службе общества, Лауре Хантер из Службы водоснабжения, Элизабет Камарена из юридической службы *Casa Cornelia*, Роберту Вивару из Ассоциации депортированных ветеранов США, Норме Иглесиас-Прието из Университета Сан-Диего и Колледжа северной границы, сестре Аделии Контини из *Casa de la Madre Assunta*, Эсмеральде Сиу Маркез из Коалиции по защите прав мигрантов, Джоанне Макри из Центра по защите прав малоимущих в Нью-Йорке, Энрике Маронесу из НКО *Border Angels*, Сесару Урибе с ранчо «Милагро», падре Оскару Торресу из Салезеанского центра им. Падре Чава, Мисаэлю Моралесу Кесаде с ранчо «Сан-Хуан Боско», отцу Пэту Мерфи, Эндрю Блейкли, Кейт Кисслинг Блейкли и всем работникам «Каса дель Мигранте» в Тихуане, падре Дермоту Роджерсу и всем-всем друзьям, доставшимся мне от Бога. Спасибо тебе, Гилберто Мартинес, что показал мне Тихуану и поделился своим мнением по поводу местной культуры. Спасибо Алексу Рентерия из пограничной службы США за то, что ответил на все мои вопросы. Спасибо всем невероятно храбрым мужчинам и женщинам, которых я встречала на разных этапах путешествия и которые рассказывали мне о своем опыте.

Я благодарна целому ряду писателей, которых стоит прочитать каждому, кто интересуется Мексикой и явлением принудительной миграции. Вот их имена: Луис Альберто Урреа, Оскар Мартинес, Соня Назарио, Дженнифер Клемент, Аида Сильва Эрнандес, Рафаэль Аларкон, Валерия Луизелли и Рейна Гранде.

Я безумно благодарна своему литературному агенту Дагу Стюарту – за дружбу, энтузиазм и безупречный вкус. Я в долгу перед Эйми Эйнхорн – за то, что она полюбила этот роман и заставляла меня продолжать работу, даже когда мне казалось, что я уже сделала все возможное. Спасибо тебе, Мэри Энн Харрингтон, за преданность и веру в эту книгу. Спасибо моей команде по международным правам – Сильвии Молнар и Даниэль Буковски. Спасибо Каспиану Деннису из агентства *Abner Stein*. Спасибо всем моим друзьям во Флэтайрон-билдинг – за вашу страсть и потрясающие идеи – и в особенности Нэнси Трайпак, Марлене Биттнер, Конору Минтцеру и Бобу Миллеру. Спасибо за международную поддержку сотрудникам издательств *Tinder Press* и *Hachette Australia*. А также всем, кто не принадлежит к издательскому миру, кто не работал над этой книгой, но верил в нее и поддерживал меня, хотя мог бы пройти мимо: Меган Линч, Соня Чеузе, Либби Бертон, Кэрол Барон, Эмили Гриффин, Ася Мучник. Спасибо Ричу Грину из компании *Gotham Group* и Бредли Томасу из *Imperative Entertainment*.

Спасибо моей первой семье: маме, Тому и Кэти – за любовь и поддержку. Спасибо Джо – за то, что не заставлял меня искать работу в банке, за то, что волновался и вдохновлял. Ифе и Клода, не существует слов, чтобы выразить, насколько я вами горжусь. Мне так приятно видеть, в каких замечательных людей вы превращаетесь, сколько в вас сострадания и твердости. Милые девочки, бог с ними, с горами, однажды вы свернете целые планеты. *Mi querido hermano, Padre Reynaldo, por la resucitacion de mi fe rota durante el peor momento de mi vida*^[138].

И спасибо папе. Он умер за неделю до избрания сорок пятого президента нашей страны и его уход оставил целый кратер горя, который и стал этой книгой.

The book cover features a light gray background with a grid of blue, stylized floral and bird-like motifs. A vertical and a horizontal line of black barbed wire cross in the center, framing the text. The title is split across two lines, with the second line being significantly larger.

АМЕРИКАНСКАЯ

ГРЯЗЬ

После первых страниц
не дочитать до конца
просто невозможно

СТИВЕН КИНГ

ДЖЕНИН

КАММИНС

Примечания

1

Пер. П. Грушко.
[Вернуться](#)

2

Зд.: Скорей, сынок (*исп.*).
[Вернуться](#)

3

Жареное мясо (*исп.*).
[Вернуться](#)

4

Футбольный мяч (*исп.*).
[Вернуться](#)

5

Придурок (*исп.*).
[Вернуться](#)

6

Бабушка (*исп.*).
[Вернуться](#)

7

Наемные убийцы (*исп.*).

[Вернуться](#)

8

Servicio Médico Forense, судебно-медицинская служба (исп.).

[Вернуться](#)

9

Курица (*исп.*).

[Вернуться](#)

10

Из-за меня погибла вся моя семья (*исп.*).

[Вернуться](#)

11

Зд.: Идиотка! (*исп.*)

[Вернуться](#)

12

Сыночек (*исп.*).

[Вернуться](#)

13

Вы читаете по-английски? (*англ.*)

[Вернуться](#)

14

Господи, ну и ну! (*англ.*)

[Вернуться](#)

15

Мои небеса, моя луна и все мои звезды (*исп.*).

[Вернуться](#)

16

Боже мой (*исп.*).

[Вернуться](#)

17

Зд.: хрень собачья (*исп.*).

[Вернуться](#)

18

Пер. Л. Синянской.

[Вернуться](#)

19

Мои глубочайшие соблезнования (*исп.*).

[Вернуться](#)

20

Давай живее (*исп.*).

[Вернуться](#)

21

Чувак (*англ.*).

[Вернуться](#)

22

Коротышка (*англ.*).

[Вернуться](#)

23

Пятидесятническая церковь «Алтарь Победы» (*исп.*).

[Вернуться](#)

24

Пустыня души (*исп.*).

[Вернуться](#)

25

Центр города (*исп.*).

[Вернуться](#)

26

Соединенные Штаты (*исп.*).

[Вернуться](#)

27

День мертвых *(исп.)*.

[Вернуться](#)

28

Проклятье *(исп.)*.

[Вернуться](#)

29

Глубоко внутри меня *(исп.)*.

[Вернуться](#)

30

Моя королева *(исп.)*.

[Вернуться](#)

31

Закрѳто *(исп.)*.

[Вернуться](#)

32

Слава богу *(исп.)*.

[Вернуться](#)

33

На каком языке ты говоришь, сынок? *(исп.)*

[Вернуться](#)

34

Мне нравится! *(исп.)*

[Вернуться](#)

35

Иисус, встань у руля *(англ.)*.

[Вернуться](#)

36

Откуда ты? *(исп.)*

[Вернуться](#)

37

Тоже из США? *(исп.)*

[Вернуться](#)

38

Как вас зовут, госпожа? *(исп.)*

[Вернуться](#)

39

Будь осторожен, и благослови тебя Господь *(исп.)*.

[Вернуться](#)

40

У всех все в порядке? (англ.)

[Вернуться](#)

41

Зд.: шпионка (исп.).

[Вернуться](#)

42

Черт меня подери! (исп.)

[Вернуться](#)

43

Слава богу (исп.).

[Вернуться](#)

44

Закрѳто (исп.).

[Вернуться](#)

45

Здравствуйте, сеньора. Как поживаете? (исп.)

[Вернуться](#)

46

Доброе утро, сестра, и благослови вас Господь на вашем пути (исп.).

[Вернуться](#)

47

Олимпийцев! *(исп.)*

[Вернуться](#)

48

Служба миграции *(исп.)*.

[Вернуться](#)

49

Храни вас Бог! *(исп.)*

[Вернуться](#)

50

Добро пожаловать, сестра! *(исп.)*

[Вернуться](#)

51

Твою мать! *(исп.)*

[Вернуться](#)

52

Жители США *(исп.)*.

[Вернуться](#)

53

Господи *(исп.)*.

[Вернуться](#)

54

Хрень какая-то (*исп.*).

[Вернуться](#)

55

Посмотри, какой красавчик! (*исп.*)

[Вернуться](#)

56

Эй! Куда идете, друзья? (*исп.*)

[Вернуться](#)

57

Как тебя зовут, малыш? (*исп.*)

[Вернуться](#)

58

Такой же красивый, как ты (*исп.*).

[Вернуться](#)

59

Тетя (*исп.*).

[Вернуться](#)

60

Женщина, ты рехнулась? (*исп.*)

[Вернуться](#)

61

Энергетический напиток.

[Вернуться](#)

62

Малыш, да ты силач (*исп.*).

[Вернуться](#)

63

Клоун (*исп.*).

[Вернуться](#)

64

Напиток из поджаренной кукурузы, перца и какао.

[Вернуться](#)

65

Шлюха (*исп.*).

[Вернуться](#)

66

Да, это буду я! (*исп.*)

[Вернуться](#)

67

Брат, брат, брат! (*исп.*)

[Вернуться](#)

68

Правда (*исп.*).

[Вернуться](#)

69

Добро пожаловать в Гвадалахару (*исп.*).

[Вернуться](#)

70

Друзья, сегодня ваш счастливый день (*исп.*).

[Вернуться](#)

71

Это было безумие (*исп.*).

[Вернуться](#)

72

Ни за что (*исп.*).

[Вернуться](#)

73

Гвадалахара! Гвадалахара! Ты – сердце этой земли и пахнешь, как чистая свежая роза... *(исп.)*

[Вернуться](#)

74

Гвадалахара! Гвадалахара! У тебя такая чистая, влажная земля *(исп.)*.

[Вернуться](#)

75

Успокойся *(исп.)*.

[Вернуться](#)

76

Разумеется *(исп.)*.

[Вернуться](#)

77

Не за что *(исп.)*.

[Вернуться](#)

78

Удачи *(исп.)*.

[Вернуться](#)

79

Сукин сын *(исп.)*.

[Вернуться](#)

80

Съешь мои трусы (*исп.*).

[Вернуться](#)

81

Еще раз (*исп.*).

[Вернуться](#)

82

Зд.: Черт побери! (*исп.*)

[Вернуться](#)

83

Агенты (*исп.*).

[Вернуться](#)

84

Кто тут главный? (*исп.*)

[Вернуться](#)

85

Дерьмо (*исп.*).

[Вернуться](#)

86

Что за мерзость! (*исп.*)

[Вернуться](#)

87

Да какая разница (*исп.*).

[Вернуться](#)

88

Северомексиканская музыка.

[Вернуться](#)

89

Матерь Божья (*исп.*).

[Вернуться](#)

90

Наркотики (*исп.*).

[Вернуться](#)

91

Братья, у нас есть еда! (*исп.*)

[Вернуться](#)

92

Добро пожаловать в Сонору (*исп.*).

[Вернуться](#)

93

Прощай с Богом, Синалоа (*исп.*).

[Вернуться](#)

94

Полиция! Полиция! Бегите прочь! Приближается полиция! (*исп.*)

[Вернуться](#)

95

Наверняка (*исп.*).

[Вернуться](#)

96

Ой, земляк, какой ужас! (*исп.*)

[Вернуться](#)

97

Счастливого пути! Я поеду в другую сторону! (*исп.*)

[Вернуться](#)

98

Здоровенные яйца (*исп.*).

[Вернуться](#)

99

На другой стороне (*исп.*).

[Вернуться](#)

100

Зд.: Мне должно повезти (*исп.*).

[Вернуться](#)

101

Правда? (*исп.*)

[Вернуться](#)

102

Сядь (*исп.*).

[Вернуться](#)

103

Ну и ну! (*исп.*)

[Вернуться](#)

104

Конечно (*исп.*).

[Вернуться](#)

105

Слова и страницы (*исп.*).

[Вернуться](#)

106

Этого недостаточно (*исп.*).

[Вернуться](#)

107

Не волнуйся (*исп.*).

[Вернуться](#)

108

С запахом сыра (*исп.*).

[Вернуться](#)

109

Ау! Простите, сеньора! Извините! (*исп.*)

[Вернуться](#)

110

Очень приятно (*исп.*).

[Вернуться](#)

111

Зд.: американка (*исп.*).

[Вернуться](#)

112

Сюда идут «Лос-Хардинерос» (*исп.*).

[Вернуться](#)

113

Дура (*исп.*).

[Вернуться](#)

114

Фрукты, хлеб, молоко, яйца? (*исп.*)

[Вернуться](#)

115

Сто песо (*исп.*).

[Вернуться](#)

116

Подарок. На счастье (*исп.*).

[Вернуться](#)

117

Так что успокойся (*исп.*).

[Вернуться](#)

118

Смотри, маленький босс! (*исп.*)

[Вернуться](#)

119

Скоро увидимся! (*исп.*)

[Вернуться](#)

120

Так иди туда (*исп.*).

[Вернуться](#)

121

Ты очень сильный (*исп.*).

[Вернуться](#)

122

Поторапливайтесь! (*исп.*)

[Вернуться](#)

123

Это важно (*исп.*).

[Вернуться](#)

124

Ну разумеется (*исп.*).

[Вернуться](#)

125

Скорее (*исп.*).

[Вернуться](#)

126

Со мной Иисус (*исп.*).

[Вернуться](#)

127

Пещера (*исп.*).

[Вернуться](#)

128

Расслабься, чувак (*исп.*).

[Вернуться](#)

129

Господи, прости (*исп.*).

[Вернуться](#)

130

Хозяин, твои друзья в Гвадалахаре (*исп.*).

[Вернуться](#)

131

Слушаю (*исп.*).

[Вернуться](#)

132

Закрой свой рот! (*исп.*)

[Вернуться](#)

133

Засранец (*исп.*).

[Вернуться](#)

134

Легче легкого (*англ.*).

[Вернуться](#)

135

Освященная граница (*исп.*).

[Вернуться](#)

136

A Rip in Heaven (2004).

[Вернуться](#)

137

Пуэрториканка (*исп.*).

[Вернуться](#)

138

Спасибо моему дорогому брату, падре Рейналдо, за то, что вернул мне веру в самый трудный момент моей жизни (*исп.*).

[Вернуться](#)